Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

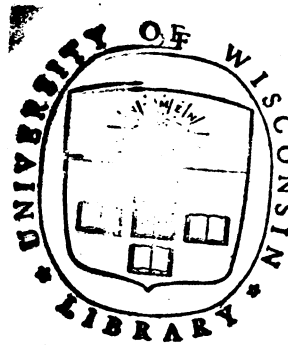
Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Н. А. Рубакин.

Rubakin, Nikolai Aleksandrovich

ПРАКТИКА САМООБРАЗОВАНИЯ

(СРЕДИ КНИГ И ЧИТАТЕЛЕЙ).

Опыт системы самообразовательного чтения применительно к личным особенностям читателей.

Издание 2-е.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва—1919.

Digitized by Google

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

ВТОРАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
Москва, Трехпрудный пер., 9.

Digitized by Google

Z
1003
R94
1919

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Книга, которую мы ныне выпускаем в свет непосредственно за нашими только что появившимися „Письмами к читателям о самообразовании", носит подзаголовок „Среди книг и читателей". Под этим самым названием в первой половине 1912 года мы вели на страницах газеты „Русское Слово" особый отдел, преследовавший те же самые цели, какие преследует и эта книга. Некоторые главы ее были напечатаны в несколько сокращенном виде в журн. „Жизнь для Всех" и „Вестнике Знания". Эти журналы выбраны были нами для наших работ по самообразованию отнюдь не случайно. Именно около этих журналов сосредоточивались читатели того типа, духовные интересы которых особенно близки и дороги нам,—читатели из широких общественных кругов, стремящиеся внести в свою личную и в окружающую их жизнь возможно больше „света, воздуха и тепла",—та „интеллигенция из народа" и трудовая „полуинтеллигенция", развитие которой как в количественном, так и в качественном отношении идет за последние годы все более и более быстрыми шагами. Именно этим читателям мы и посвящаем эту книгу,—нашим далеким и вместе с тем близким друзьям-читателям, которых и нужды, и потребности, и стремления мы не можем не принимать особенно близко к сердцу, потому что слишком уж близко знаем их. Мы их видели, мы жили и работали вместе с ними, и они сами делятся с нами в своих письмах как своими горестями, так и радостями и задушевными стремлениями, надеждами и мечтами. Московские „Программы домашнего чтения" и Спб. „Программы чтения для самообразования" этим людям еще не вполне доступны (в составлении этих последних мы и лично принимали участие в качестве одного из инициаторов и сотрудников). И не только по трудности, количеству и размерам книг, там рекомендуемых, но и по

Digitized by Google

всей постановке дела предназначаемых для читателей более подготовленных. Но есть читатели менее подготовленные, и их очень много. Работая над самообразованием, такие читатели ищут не только знаний и не только уменья мыслить,—это своим чередом. Их стремления, так сказать, охватывают всего человека, все стороны человеческой личности, данной личности, в такой-то обстановке ее. Культурой, хотя бы самой высокой, но лишь одной интеллектуальной стороны своей души, такие люди не довольствуются. В большинстве случаев натуры непосредственные и целостные, они и к жизни относятся, как к чему-то нераздельному, целостному, неделимому на части. По глубокому убеждению пишущего эти строки, именно такие читатели особенно и нуждаются в возможно деятельном содействии и помощи их стремлениям. Именно среди таких людей и нужно искать тех бодрых, сильных и смелых, которые так нужны каждой мало-мальски культурной стране. Это не развихляи, не нытики, не „размагниченные“ „покаянщики“,—это люди жизни, которые желают всей душой не только жить, но и творить жизнь. И слава им, слава непокладающим рук и неугашающим ни своего, ни чужого духа даже в самой тяжелой и затхлой обстановке. „Свет и во тьме светится, и тьма не объяла его“. Задача, которую ставит автор, та же самая, которую он поставил себе еще на студенческой скамье: всеми своими силами всячески помогать распространению в возможно широких читательских кругах, во-первых, научных знаний, во-вторых, уменья мыслить, в-третьих, бодрого и деятельного настроения, столь необходимого для творческой работы во всякой области жизни. Только нераздельное соединение в одной и той же человеческой личности этих трех сил делает из него личность творческую. Самообразование, как мы понимаем и толкуем это слово, должно охватывать все эти стороны не иначе, как нераздельно. Самообразование—это, во-первых, накопление сил, во-вторых, проявление их в жизни, в делании, в борьбе за жизнь и за лучшую жизнь, личную и общую, деятельное стремление делать ее всюду и всегда возможно полнее, возможно глубже, возвышенней, напряженней и красивей. „Всякий может, всякий должен“,—эти слова пусть будут девизом такой работы.

В наших „Письмах к читателям“ мы говорили о самообразовании, об основных принципах и о постановке самообразовательной работы. Здесь мы будем говорить о практической стороне

Digitized by Google

ее. В нашем докладе, читанном на съезде по женскому образованию в С.-Петербурге в январе 1913 г. [1]), мы старались привести доказательства и теоретические и практические той основной идеи, что в основу самообразовательной работы должен быть положен принцип индивидуализации, что, только опираясь на этот принцип и осуществляя его на практике, можно достигнуть значительного сбережения и сил, и времени, а значит, и средств,— это-то все особенно и важно для тех читателей, которые принуждены, волею судьбы, одновременно и учиться, и добывать себе средства жизни. В том же докладе мы даем отчет о нашей переписке с читателями, о ее постановке и о ее развитии, ныне уже почти превысившем силы одного работника. Этот принцип индивидуализации положен нами и в основу „Практики самообразования", ныне выпускаемой в свет и являющейся непосредственным продолжением „Писем к читателям". Там шла речь о том, *что* делать, стремясь к самообразованию. Здесь мы будем говорить о том, *как* делать,—о способе осуществления самого принципа.

„Практика самообразования" представляет из себя одно из звеньев той цепи литературных работ, которые, по замыслу автора, должны представлять единое целое. В основу ее положено, во-первых, изучение читающей публики, *читателей* различных общественных групп и различных психических типов, во-вторых, изучение *книг*, книжных богатств, имеющихся в распоряжении русского читателя. Эту нашу книгу мы и просим рассматривать, как звено в этой цепи работ. В них мы сделали скромную попытку подойти к изучению читательства, подобно тому, как подходит натуралист к изучению своих проблем, а именно: постарались собрать возможно больше фактов, возможно больше непосредственных наблюдений над читательством, затем попробовали разобраться в их пестроте, наблюдаемой в области читательства, в области отношений читателя к книге и, наконец, вообще в книжном деле, затем, опираясь на такой материал и на его обобщения, сделали попытку проверить сделанные нами выводы на практике, для того, чтобы убедиться в практической возможности приложения самого принципа, положенного в основу нашего труда. Принцип этот таков: индивидуализация самообразователь-

[1]) „Сбережение времени, сил и средств в деле самообразования". Изд. А. Пиотровского. Спб. 1914 г.

Digitized by Google

ной работы, т.-е. согласование с личными особенностями учащегося. Детальному изучению русских книжных богатств посвящен наш большой труд „Среди книг“ (т. I. 640 стр., т. II. 943 стр. и т. III), где читатель найдет описания 20.000 книг, с их распределением по течениям научно-философской и литературно-общественной мысли, по векам, по странам, по кругам читателей, по степеням трудности понимания, наконец, по вопросам.

Изучению читательства, как его психологии, так и его статистики, мы посвятили другие наши работы („Этюды по психологии читательства“ и „Этюды о русской читающей публике“), а выводы, к которым привели нас эти исследования, старались постоянно применять, во-первых, к распределению и к распространению книг по кругам читателей (это распределение сделано нами также и в „Среди книг“), во-вторых, к работе над составлением научно-популярных („народных“) книжек, предназначенных наименее подготовленным читателям, наконец, в-третьих, к делу непосредственной помощи читателю, как теоретической, так и практической. Опираясь на наше изучение книг и читательства, мы приходим к выводу, что читатель, которого мы имеем в виду, нуждается в целом ряде чисто практических, иной раз очень элементарных указаний, которых ему обыкновенно никто не дает, и в особых приемах самообразовательной работы, которые иным читателям подсказала уже и подсказывает только сама жизнь. Та же жизнь, посредством нашей переписки с читателями, дала и нам лично немало указаний на практику такой работы. Как ее вести? Какие книги и как выбирать, стремясь к намеченной цели? Как отличить в общей массе хороших книг книгу, подходящую для данного читателя, живущего в данной жизненной обстановке? Что требовать от выбранной книги, как от пособия? Как усваивать ее содержание? Все это вопросы узко-практические, но они требуют определенного ответа. Так или иначе, их нужно поставить и найти ответ на них. В виду этого, книга, ныне выпускаемая в свет, разделяется на следующие два отдела: теоретический (введение и I часть) и библиографический (II часть). В первом мы вкратце излагаем основные принципы такой постановки самообразовательной работы, которая, по нашему мнению, опирающемуся, главным образом, опять-таки на двадцатипятилетнюю практику, и может привести читателя к его цели с наименьшей затратой времени

Digitized by Google

и сил. Введение представляет из себя не что иное, как резюме и повторение того, что нами подробно развито в „Письмам читателям". Это резюме было напечатано в несколько более кратком виде в №№ 44, 86 и 110 „Русск. Сл." за 1912 г. Во введении же мы говорим о самом ходе самообразовательной работы, о ее практике, о ее производительности и о возможном усилении этой производительности.

В I части речь идет о чтении беллетристическом и научном. Последнему посвящается и II часть. Особенное внимание мы обращаем при этом на то громадное значение, которое имеет и может иметь для данного читателя знакомство с произведениями литературы художественной, представляющей из себя могущественное орудие как эстетического, так и вообще духовного и общественного развития личности человеческой в ее самых интимных и глубоких переживаниях. Беллетристика учит понимать и чувствовать красоту, она же особенно способна развивать в начинающем читателе чуткость и отзывчивость ко всем проявлениям и своей и чужой души и в личной, и в семейной, и в общественной жизни. Беллетристика, кроме того,—самый распространенный вид литературы, и ею пользуется и может пользоваться самый широкий круг читателей. Еще больше может углубить ее значение параллельное чтение сочинений наиболее выдающихся критиков, например, при помощи такого прекрасного указателя, как составленный И. В. Владиславлевым („Русские писатели XIX—XX в.", изд. 3-е).

В I части „Практики самообразования" читатель найдет опыт использования беллетристических произведений, как материала, иллюстрирующего и разного рода человеческие переживания и дающего художественные примеры этих последних. Отнюдь не задаваясь целью исчерпать то, что могут дать тому или иному читателю такие-то художественные произведения, мы лишь приглашаем читателя непременно задуматься над теми явлениями, которые в указываемом произведении между прочим тоже затрагиваются. Этим мы заранее снимаем с себя упрек одностороннего отношения к художественному произведению, которое, разумеется, указанием на одну или на две затрагиваемых в нем темы не исчерпывается. В первой же части книги мы делаем попытку познакомить читателя с характерными чертами главнейших течений общественной мысли. Эти течения мы излагаем без всяких комментариев.

Digitized by Google

Задача нашей книги — открыть дверь, ведущую к науке, заинтересовать глубиною окружающей всех нас жизни, пробудить в читателе живой и горячий интерес к окружающему, доказать ему возможно наглядно, что он может принять участие в творчестве жизни. Заранее отодвигая от себя обвинение в тенденциозности и партийности, ко всякому искреннему мнению мы относимся прежде всего терпимо, прежде всего рекомендуя самому читателю отыскивать, путем возможно самостоятельного обсуждения разных мнений, свое собственное.

Вторая часть нашей книги посвящена чтению научному. В нее вошло, кроме теоретического предисловия, около 600 рецензий главным образом научно-популярных книг. Здесь мы даем прежде всего объективные описания книг по всем отраслям знания, вводя в каждый отдел, во-1-х, книги для читателей трех главнейших степеней подготовки (начальной, низшей, средней), во-2-х, для читателей наиболее распространенных психических типов (конкретного и отвлеченного, синтетического и аналитического, индуктивного и дедуктивного, эмоционального (с настроением) и спекулятивного). Книги, помещенные нами в этом отделе нашего труда, выбраны с таким расчетом, чтобы читатель, которого мы имеем в виду, получил возможность познакомиться с их помощью прежде всего с фактами и выработать уменье разбираться в них и возможно самостоятельно оценивать их. Огромное большинство книг, нами указываемых,— книги фактического (конкретного) типа. С таких книг и должен начинать, по нашему мнению, свою самообразовательную работу начинающий читатель.

Вряд ли нужно доказывать, что всякий образованный человек должен приобресть уменье читать всякие книги, — книги всех типов, и индуктивные, и дедуктивные, и синтетические, и аналитические, и конкретные, и отвлеченные. Но вот вопрос, как выработать в себе такое уменье? С чего начинать работу? Как приступать к изучению разных отраслей знания и явлений жизни? В нашей книге идет речь главным образом о том, с чего начинать. Лиха беда начало,—это всякий знает по своему опыту.

Подбирая книги по типам, мы не можем не признаться, что русская литература научно-популярными книгами отнюдь не богата. Приходилось иной раз вводить в наш каталог книги, и не вполне соответствующие „последнему слову науки“. Но мы

Digitized by Google

и не ставим своей задачей гнаться за этими словами: если замечательная книга Тиндаля о теплоте кой в чем и устарела, то во многих других отношениях она вовсе не стара, а дает она читателю до сих пор гораздо больше, чем многие другие книги, посвященные тому же вопросу. Познакомившись с целым рядом основных явлений (фактов) даже по старой книге (которую, кстати сказать, и легче достать, особенно в провинции), читатель впоследствии может и „обновить“ свои идеи об изученных явлениях. Дополнительные „обновляющие“ книги такого рода уже имеются, но они Тиндаля все же заменить не могут. Выбирая книги для нашего списка, мы постоянно обращали большое внимание и на действенность их, а об этой последней судили по переписке нашей с читателями.

В заключение нашего описательного каталога мы прилагаем особую таблицу для выбора подходящих книг, т.-е. книг, если не вполне, то наиболее соответствующих индивидуальности данного читателя. В этой таблице типы книг сопоставляются с типами читателей: в вертикальной графе указываются области знания, которым посвящены книги, а в горизонтальной—характеризуется, так сказать, психологический облик книг. В такую нашу классификацию мы вводим лишь очень немногие признаки, характеризующие как читателя, так и книгу, и только такие признаки, в определении которых, насколько показывает практика, более или менее труднее ошибиться. В основу такой классификации мы также положили прежде всего ответы читателей на наши вопросы, поставленные в целях выяснения личных особенностей самих читателей. Эти вопросы приведены нами в приложении к этой книге. Более детальные характеристики указываемых книг даны при помощи особых знаков в самой таблице.

Геннекен справедливо заметил, что изучение книги с психологической и социологической точек зрения может итти очень далеко и охватывать не только научные, но и беллетристические произведения. В нашем труде идет речь только о произведениях научных. Облегчить общение читателей данного круга именно с научными книгами—такова наша задача. Если этот наш труд и наша таблица помогут этому хоть немного, если она облегчит работнику книжного дела вести его незаметную, но глубоко плодотворную работу распространения знания, понимания и настроения путем книг,—мы будем считать себя вполне удовлетворенными.

Digitized by Google

Считаю своей приятной обязанностью от всей души поблагодарить всех тех, кто оказывал мне свое содействие во время большой и кропотливой работы по составлению и печатанию этой книги: И. В. Егорова, Ю. Александровича, просмотревших отдел беллетристики, и Л. Бесселя, просмотревшего отдел музыки, моего друга и постоянного сотрудника и соратника— Б. И. Лойко, немало потрудившегося со мною над составлением таблицы и рецензированием книг, Н. А. Ульянова, помогавшего в классифицировании книг по их типам, М. А. Атласа, на котором все время лежала крайне хлопотливая работа по переписке и по заведыванию библиотекой, и И. В. Гульбинского, заведывавшего печатанием книги в Москве. Не могу не высказать самой горячей признательности и моим друзьям читателям, письма которых не только внушили мне мысль о составлении этой книги, но и дали обширный и незаменимый материал для нее.

Непосредственным продолжением этой книги являются два последних тома той же серии, уже подготовленные к печати: „Наука и науки. Система знаний“ и „К творческой работе в обыденной жизни“. Первая из этих двух книг содержит в себе характеристики 110 главнейших наук и программы-конспекты, а также списки руководств по каждой из них, ставя своей целью помощь читателям в деле углубления и пополнения их знаний и их систематизации путем самообразования. Вторая и последняя часть той же серии ставит своей целью показать каждому читателю как возможность, так и способы применения знаний к жизни, проявления их путем делания, в целях развертывания и углубления жизни, в деле реформирования и обновления ее. Эти две книги, к сожалению, замедлились выходом в свет.

В заключение пожелаем всем нашим читателям, работающим над развертыванием своей и общей жизни, прежде всего побольше бодрости и побольше смелости и, наконец, побольше веры и в самих себя, и в ту правду, которая делает сильным даже и самого слабого из слабых.

Н. Рубакин.

1914 г.

Digitized by Google

ВВЕДЕНИЕ.

Основные принципы и общий план самообразовательной работы.

ГЛАВА I.

Как приспособить самообразовательную работу к личным особенностям учащегося.

Перед нами лежит большая пачка писем, — более 7,000 писем, полученных пишущим эти строки за 1912 — 1913 гг. из самых разнообразных уголков Российской земли. Есть письма, пришедшие из Благовещенска, из Тифлиса, с Онеги, с Волги, с Днепра, из Севастополя, с окраин и больше всего из центральных губерний; письма не только из городов, но больше всего из деревень, с фабрик, есть даже письма из казарм. Много таких, которые написаны размашисто, иные—крупным, неуверенным почерком, каждая буква которого наглядно свидетельствует, до какой степени трудно было автору такого письма писать его и какое громадное значение он придавал своему писанию. А тут же рядом—изящное женское письмо (артистки из Москвы), четко, красиво написанное и еще красивее и очень тонко изложенное. Пишут люди самых разнообразных профессий, состояний и общественных положений и стоящие на различных ступенях образования: телеграфисты, конторщики, учителя и учительницы, доктор-октябрист, сиделец винной лавки в одной из юго-западных губерний, еврейский мальчик из галантерейного магазина, портнихи, лесные сторожа, прислуга, крестьяне и еще крестьяне; пишет мастеровщина, чиновничество, писаря, приказчики, конторщики, межевые и санитарные чины, офицеры, псаломщики, священники, и т. д. И все более или менее на одну тему, и почти

Digitized by Google

все с большей или меньшей дрожью в голосе и тоном, полным исканий и стремлений и страстного желания выйти из того положения, в котором они стоят по воле „злой судьбы“ или „старушки истории“, и полные мучительной жажды развернуть, углубить, расширить свою жизнь, сделать ее полнее, глубже, возвышеннее, напряженнее, а значит и красивее. Пишут люди, жаждущие жизни, пишут люди, отчаявшиеся в ней и стоящие накануне самоубийства. Вся эта „ищущая публика“ крепко держится за одно и стремится к одному,—к самовооружению действительно научными знаниями, возможно глубокими, разносторонними и систематическими, к умению беспристрастно разбираться и в фактах и в мнениях,—разбираться по существу, непартийно и без всякого втирания очков как себе, так и другим. Все эти тысячи писем получены нами от читателей по поводу наших статей и книг о самообразовании, которые мы печатали в 1911—1913 г.г., и, читая и перечитывая эти письма, просто диву даешься, видя, какая гигантская и напряженная работа мысли и сознания кипит в настоящее время в глубинах народной души и до какой степени глубоко пустила уже в ней свои широко-ветвящиеся корни мысль, для нас, „интеллигентов“, давно сделавшаяся избитой истиной: один из самых лучших и самых верных способов „сделаться человеком“ заключается в том, чтобы раздвинуть свой кругозор, перестать быть узким, иначе говоря, темным, перестать быть намеренно или ненамеренно слепым, поддержать, укрепить, освежить свою житейскую практику живительной влагой, содержащейся в умной, ученой, честной книге, написанной таким писателем, который понимает в жизни побольше и получше, чем он, читатель. Огромное большинство полученных нами писем заключает в себе не что иное, как запросы о том, что читать и за какую книгу прежде всего взяться, и, читая и перечитывая письма, получаемые в таком количестве, что на них один человек лишь с большим трудом может ответить, невольно чувствуешь, что задушевные переживания тех, кто их писал, неизбежно становятся и вашими, а их горе, недуги, напасти, страдания—вашими собственными страданиями. Вникая же в автобиографические подробности, о которых вам рассказывают авторы писем с такой трогательной доверчивостью, вы естественно переживаете то, что переживают теперь и миллионы русских людей, и вас охватывает, до самых глубин души, мысль,—нет, не мысль, а намерение, деятельный порыв, решение: „Да нужно же, нужно

Digitized by Google

помочь хоть сколько-нибудь, хоть чем-нибудь этим мятущимся, славным и глубоко искренним людям!" И это слово—крик и стон всего вашего существа. И пред лицом настоятельных требований жизни вы чувствуете полнейшую невозможность сидеть, сложа руки, и удаляться в „келью под елью",—вы чувствуете в себе прилив сил, вы радуетесь, получая письма, вы любите тех, которые писали их. Есть на Руси и типы нытиков, типы „размагниченных", киселей, способных лишь к унынию и опусканию рук. Но огромное большинство тех, кто пишет нам письма (за очень немногими исключениями), вовсе не нытики и не раскисляи. Это—люди работоспособные, ищущие, полные решения не сидеть сложа руки, не драпирующиеся в гамлетовские плащи (позеров и фразеров немного). Это—люди в большинстве случаев бодрые, сильные, крепкие, и все их несчастье не в том, что у них нет внутренних сил работать над самопросветлением и духовным самовооружением, а в том, что у них нет умения использовать все свои достоинства и недостатки и при данных условиях их жизни добиться того, что иные счастливцы, живущие в лучшей обстановке, чем они, могут получать с относительно небольшим трудом. Таков основной вывод, к которому невольно приходишь, переживая все эти письма и их стоны и жалобы. Это не нытики стонут. Это крепкие люди молят о помощи. Это сама жизнь миллионами голосов вопиет о ней. Очевидно, настал такой момент, когда многие спящие уже пробудились и пришли к решению, что какою бы засасывающей и тяжелой ни была обстановка их жизни, все равно о свете и о тепле и о расширении, углублении и возвышении своей собственной жизни не думать нельзя, не стремиться к ней деятельно—то же, что преступление. „Упорная и энергичная работа широких масс над самообразованием,—писали мы в другом месте,—характернейшая черта нашего времени", а помогать ей тем или иным способом может и должен каждый мало-мальски образованный человек. Вокруг нас идет напряженная работа мысли, и быстро развивается и растет общественное и народное сознание. То же доказывает и небывалый до сих пор успех всевозможных просветительных учреждений,—народных университетов, курсов, лекций, воскресных школ,—которые почти повсюду полны слушателей. Правда, экономическое оскудение мешает быстрому и большому сбыту многих книг, но зато оно же и ускоряет круговорот тех, которые уже попали в среду читающей публики и там ходят по ру-

Digitized by Google

кам. Нужно ли доказывать, какое светлое и бодрящее явление тут перед нами в нашей, повидимому, такой тусклой и унылой жизни? Вглядываясь и вдумываясь в это явление, мы лично, во всяком случае, не могли не прийти к выводу, что есть все основания смотреть в будущее не только бодро, но и смело.

Все вышеизложенное уже в достаточной степени объясняет, почему мы в настоящее время, пользуясь всеми силами и временем, какие только имеются в нашем распоряжении, решили уделить возможно больше внимания теоретической и практической разработке вопроса о самообразовании вообще и о возможно широком использовании книжного круговращения в частности и, стремясь поставить дело на практическую почву, стали вести нашу работу в тех периодических изданиях, которые наиболее распространены в читательских кругах, в изданиях, нам наиболее близких и дорогих. Многие десятки тысяч читателей, если не миллионы их, находятся в таком самом положении, как и те, которые писали нам свои письма с запросами о самопросвещении. Сама жизнь принудила целый ряд периодических изданий уделять хоть немного места вопросам самообразования, и мы энергично зовем, особенно провинциальные органы, к тому же делу и рекомендуем им заводить и у себя особые „отделы самообразования". Появление такого отдела даже в большой ежедневной газете, не говоря уже о журналах, имеет смысл во многих отношениях и представляет из себя могучее средство единения редакции с читающей публикой, и к тому же с ее наиболее отзывчивым кругом. Цель такого отдела должна состоять в практической помощи тем читателям, которые интересуются не только злобой дня, не только теми вопросами, какие выдвигаются текущей жизнью и потому подвергаются обсуждению на страницах периодической печати. Печать эта не имеет никакой возможности уделять много места на своих страницах вопросам чисто-научным. В лучшем случае она говорит лишь о текущих же успехах науки. Но, чтобы понимать таковые, читатель должен же иметь в своей голове некоторый запас знаний более или менее элементарных и вообще кое-какую научную, систематическую, образовательную подготовку. Газета или журнал может лишь предполагать и ожидать, что таковая уже имеется в голове читателя. Но вряд ли нужно доказывать, до какой степени шатки эти предположения и ожидания, раз дело идет об очень широких кругах читателей,—о тех самых, которые именно и пи-

Digitized by Google

шут письма с просьбами о содействии их стремлениям и о рекомендации книг. Нужно же подумать и об этих кругах и найти какую-либо достаточно практическую и удобную для читателей форму, в которой можно бы осуществить и это содействие, направленное на этот раз не к оповещению о „злобах дня", а к активной помощи в деле выработки миросозерцания, к исканию „вечной истины", находящей свое выражение в науке, научных знаниях,—к их систематическому накоплению. Вопрос же об этом содействии, естественно, вызывает собою целый ряд других частных вопросов, интересных во многих отношениях и, по нашему глубокому убеждению, вполне разрешимых практически и для редакций периодических изданий, и для библиотек и других просветительных учреждений, и для педагогических „комитетов", „комиссий", кружков и т. д., и для частных лиц подобно пишущему эти строки. О принципиальной стороне такой деятельности мы говорили в другом месте [1]). Здесь мы прежде всего лишь вкратце изложим то, что было там сказано нами, а главное наше внимание сосредоточим на практической стороне самообразовательной работы. Как организовать помощь этой последней? По нашему мнению, она может быть организована таким способом. Жизнь, как мы видели, миллионами голосов вопиет о содействии распространению научных знаний и вообще умственному развитию. Но она же и мешает этому распространению. Ведь чтобы накоплять научные знания и вообще светлое, разумное понимание жизни и деятельное, гуманное и бодрое настроение, нужно иметь и время, и средства, и силы. Хорошо там кабинетным ученым и вообще обеспеченным специалистам сочинять обширные, строго научные программы всех наук и искусств и вписывать в них сотни огромных, дорогих и редких книг. Ну, а если человек имеет возможность отдавать своей просветительной работе лишь какой-нибудь час-другой времени? А если ему и на еду-то не хватает денег, не только на покупку книг? А если он не имел никогда и возможности привыкнуть к чтению, тем более „серьезному", и от каждой научной книги отскакивает с полным отчаянием, не понимая ее? Ну, а если и добыть-то неоткуда не только рекомендуемых, но и вообще хороших, и даже вообще каких-либо книг? Есть тут от чего прийти в отчаяние. И таких людей, которые уже пришли в отчаяние, немало. Их сотни ты-

[1]) «Среди книг». 1911 г. «Письма к читателям». 1913 г.

Digitized by Google

сяч, если не больше. Но дело обстоит еще того хуже, и к тому же от таких причин, на которые составители разных программ и рекомендательных каталогов до сих пор почти не обращали внимания, но которые-то, в огромном большинстве случаев, и сводят для тысяч людей всю их самообразовательную работу почти к нулю. И правда, ведь можно иметь и способности к образованию, и время свободное, и кое-какие средства на покупку книг, и даже покупать книги,—и все-таки ровно ничего не добиться при всех своих стремлениях к свету. Иные читатели жалуются в своих письмах на то, сколько средств и сил они потратили на приобретение книг, пользуясь указаниями разных программ, каталогов, рецензий. Накупили целые библиотеки. И немало читали, ломая голову и глотая книгу за книгой,—и ничего, кроме переутомления и головной боли, не добились, солидного запаса знаний все-таки не приобрели, как и настоящего образования и развития; и все их труды оказались ни к чему или почти ни к чему и привели за собой только знакомство с кое-какими учеными словами и отрывочными фактами и идеями, которые так и не пустили корней в душу. И опять отчаяние, и на этот раз уже от внутренних, а не от внешних причин.

В чем же суть дела? В том, что его необходимо начинать совсем с другого конца,—не с составления программ и списков хороших книг, а с изучения души человеческой и ее типов, которые, как известно, бывают самые разнообразные. Даже самые ученые и прекрасно составленные программы чтения говорят лишь о книгах хороших, ценных в научном, философском, этическом или т. п. отношениях. Но которые из этих хороших книг для какого читателя окажутся подходящими? Вот вопрос, наиболее важный для этого последнего, и с ответа-то на этот вопрос и надо, по нашему мнению, начинать деятельную помощь ему. Хорошие книги известны более или менее наперечет, и о их качествах высказались очень компетентные люди. Но нужно решить вопрос и о том, чтобы среди книг хороших отыскивать для себя книги подходящие. Другими словами, говоря о действительной, практической помощи всем стремящимся к самообразованию в их работе, нужно выдвинуть на первый план и поставить во главу угла рекомендование не только хороших книг, но именно подходящих,—подходящих для такого-то читателя, имеющего такие-то особенности, живущего в такой-то обстановке. Когда критики, рецензенты, педагоги

Digitized by Google

и не-педагоги пишут свои отзывы о книгах, они совершенно забывают эту сторону дела. Они видят книгу, почти исключительно только ее, а какому читателю она подходит или не подходит,—об этом они молчат или говорят лишь несколькими, мало значительными общими словами. И интереснее всего то, что при этом они забывают, что они и сами-то—не более, как те же читатели, а их приговоры—не более, как те же мнения читательские, имя же им легион, а их суд—тот же читательский суд, и в нем они лишь своими словами констатируют найдена ли ими такая-то раскритикованная ими книга подходящей для них или не подходящей. Какая же книга на какого читателя как действует при каких условиях? Вот основной вопрос, на который нужно искать практический ответ. И на такой вопрос дать ответ, действительно, можно. Но дает-то его не простая критика книг и не личная рекомендация их, а детальное психологическое и социологическое изучение не только книг, но и читателей, читающей толпы, во всем ее пестром многообразии. Непременно совместное и параллельное изучение и книг, и читателей. Судить о какой-либо книге—это значит указывать ее научные достоинства и недостатки, а также и направление писательской мысли и особенности изложения, с одной стороны; с другой же—это значит определять на основании изучения самых качеств книги, каким же именно читательским типам она не может не оказаться наиболее подходящей. А для разрешения этого последнего вопроса необходимо приняться за изучение читательских типов, подобно тому, как изучаются люди разных характеров и темпераментов; необходимо принимать при этом в расчет все особенности читателя, например, склад его ума, качества его памяти, восприятия, внимания, воображения, его чувствительность (эмоциональность), возбуждаемость, активность, энергию, волю, степень его образовательной подготовки, условия его жизни, обстановки, наконец, тот самый исторический момент, когда человек живет, и национальный, расовый характер среды, в которой он живет. Принимают же во внимание педагоги и теперь при выборе книг особенности пола и возраста. Но надо итти еще дальше и глубже. Те же педагоги пришли уже в настоящее время к простой и вместе с тем жизненной идее, что все воспитание должно сообразоваться с личными особенностями, т.-е. индивидуальностью воспитываемого.

Digitized by Google

Но к той же идее пришла и медицина, толкующая теперь об индивидуализации лечения, а также уголовное право, уже выдвинувшее на первый план идею индивидуализации наказания и исправления. Также и психологи усиленно изучают теперь индивидуальные особенности человеческой психики, ее типы, характеры, темпераменты. Особая отрасль психологии, т. наз. психология индивидуальная, делает в настоящее время успехи не по дням, а по часам, изучая при помощи научных методов личные особенности людей и типы их. Можно лишь удивляться, что на ту же точку зрения индивидуализации не становятся и критики, рецензенты, составители разных программ для чтения и все те, кто помогает самообразованию своего обездоленного ближнего. Мы лично думаем, что на эту-то точку зрения мы и должны встать, выдвигая на первый план активное содействие такому жизненному, широко разлитому и общественному течению, как стремление целых народных масс к самообразованию.

Итак, индивидуализация помощи в деле самообразования,—таков первый и основной принцип правильной его постановки.

Попытку такой именно постановки мы и делаем как в этой, так и в других наших книгах и журнальных статьях, которые в своей совокупности представляют единое целое и взаимно пополняют одна другую. Нужно перенести центр тяжести вопроса о самообразовании и всей самообразовательной работы, т.-е. его практики, в эту именно область, область индивидуализации самообразования, т.-е. поставить дело на почву приспособления его к личным особенностям читателей, нужно сделать так, чтобы читатели не толкались и не путались в дебрях общих мест и в заголовках хороших книг. Вся суть самообразования не столько в книге, сколько в личности,—иначе говоря, она не в книге, а в жизни. Таков основной принцип, который мы и кладем в основу нашей работы. Эта наша книга, по мысли автора, и должна проводить его в житейскую практику. Но рядом с этим принципом мы ставим и другой принцип, уже не писательский, а читательский: нам никто не поможет, если мы сами себе не поможем. Указания пусть будут указаниями, а решают дело и дают тот или иной результат все-таки наша самодеятельность и труд. Облегчить и упорядочить самообразовательную работу, разумеется, можно. Но работать, работать и еще работать все-таки должно. Дело помощи самообразовательной

Digitized by Google

работе так велико и разнообразно, что его можно поставить и развернуть тысячами разных способов. Сейчас мы скажем лишь о том, как мы лично стремимся поставить его. Скажем здесь об этом только в самых общих чертах, так как более подробно развиваем те же идеи в „Письмах к читателям о самообразовании". Эта книга служит их продолжением и дополнением.

При начале нашей работы в 1889 году [1]) перед нами стояли два главных затруднения, которые и предстояло выяснить на практике. Во-первых, мы не знали, с каким кругом читателей мы будем иметь дело, предпринимая такую работу; во-вторых, при той новой постановке ее, о которой мы писали тогда, мы сами должны были многому поучиться и многое выяснить практически, принимая в расчет бесконечный ряд мелочей, совершенно не поддающихся теоретическому учету.

Как уже упомянуто выше, наша переписка с читателями ведется около 25 лет, и среди наших корреспондентов есть лица, с которыми за все это время переписка не прекращается. Но прежде, чем поставить эту переписку возможно широко и сделать ее наиболее плодотворной, понадобилось исполнить следующие две работы: во-1-х, тщательно изучить русские книжные богатства,—самые книги, и не только со стороны их содержания, но и со стороны их изложения, формы, слога и т. п., во-2-х, познакомиться с читающей публикою, с *типами* читателей, с психическими, профессиональными, классовыми, сословными и социальными особенностями их. На эти две работы и ушло много лет, и отчет о них дан нами в других наших трудах [2]). Далее, пользуясь данными этой двоякого рода работы, мы при самом же начале ее решили приступить к популяризации знаний, положив в ее основу изучение тех общественных слоев читателей, просвещению которых нам еще с молодых лет хотелось посвятить все свои силы [3]). Но и изучение общественных групп читателей нас не удовлетворило. Нам хотелось еще ближе по-

---

[1]) См. «Опыт программы исследования литературы для народа». Спб. 1889 г. То же в журн. «Рус. Богатство» 1889 г., №№ 5—6. О результате этой работы см. наши «Этюды о рус. читающей публике». Изд. О. Поповой. Спб. 1895 г. 1 р. 50 к.

[2]) «Среди книг». Изд. 2-е. Описание и отчет о 20.000 названий лучших русских книг. Т. I. 1911 г. Т. II. 1913 г. Т. III. 1915 г. «Этюды о рус. читающей публике».

[3]) См. наши работы над народной литературой и популяризацией знаний.

Digitized by Google

дойти к читателю, т.-е. принять в расчет не только его общие, так сказать, родовые и видовые свойства, но и свойства личные. На эту почву мы и стали в 1911 году, начав помещать в „Нов. журнале для всех“ наши „Письма к читателям о самообразовании“. На этой почве мы ведем нашу работу и в настоящее время, стремясь соединить в ней общее с индивидуальным, чтобы объединять и сближать читателя с книгой.

1) Мы намерены не столько теоретически, сколько практически помогать каждому отдельному нашему читателю в его стремлении к образованию. Не только путем писания книг и статей по вопросам самообразования, но и путем непосредственных личных сношений и переписки.

2) Идеалом образования мы считаем такую научную подготовку, как теоретическую, так и практическую, которая помогала бы всякому человеку, кто бы он ни был и где бы он ни жил, и к какой бы профессии ни принадлежал, сделать его личную и общественную жизнь возможно полнее, глубже, возвышеннее, напряженнее, красивее, а главное—плодотворнее не только для его личности, но и для общества, т.-е. такую подготовку, которая дала бы ему возможность и уменье вносить в жизнь нечто новое и светлое и нечто свое и творческое.

3) Практическую, реальную возможность действительно добиться всего этого может дать всякому человеку, особенно людям, живущим в тисках материальной нужды, лишь такая постановка всего дела самообразования, о какой сейчас было сказано, а именно—его возможно полное и целесообразное приспособление к личным особенностям данного читателя. Только таким способом человек, работающий над самообразованием, не будет терять бесплодно своих сил, времени, труда и средств. Только такое приспособление устранит из его работы массу совершенно излишнего трения. Мы глубоко убеждены, что всякий человек, кто бы он ни был и где бы он ни жил, может сделаться действительно образованным человеком исключительно своими усилиями, лишь при некоторой поддержке и указаниях со стороны.

Нашу работу мы ведем так. Кладем в ее основу детальное энциклопедическое изучение книг и психологическое и социологическое изучение читателя. Иначе говоря, мы изучаем книги не по какой-либо одной отрасли знаний, а по совокупности этих отраслей, представляющих, как известно, единое целое—систему;

Digitized by Google

читатель же нас интересует и как личность,—прежде всего, личность, живая единица, равноценная всем другим личностям,— и как общественное явление, продукт и творец такой-то общественной среды. А отсюда и наша задача: она состоит в том, чтобы познакомить читателя со всеми главнейшими отраслями жизни и с возможно большим числом книг, могущих служить делу его самообразования, и с психологической и общественной стороной читательства, и с приемами: во-1-х, накопления знаний, во-2-х, проведения их в жизнь,—в целях творчества жизни. А отсюда перед нами такие задачи:

А) В целях ознакомления читателей с общеобразовательной литературой в следующих главах этой книги мы набросаем, во-первых, общий план занятий и, во-вторых, дадим общую схему знаний, которые составляют необходимую составную часть общего образования. Далее, во 2-й части этой же книги мы познакомим читателя с небольшим комплектом научных и научно-популярных книг по главнейшим отраслям знания, намеченным в нашей общей схеме. Кроме того, одновременно с этой книгой нами велась работа над 2-м издан. нашего большого труда „Среди книг", в котором читатели найдут материал для дальнейшего расширения и углубления своих знаний о книгах, а именно: историко-сравнительный обзор русской оригинальной и переводной литературы, беллетристической, публицистической и научной, появившейся с XI по XX столетие (краткие характеристики книг, распределение их не только по отраслям знания, но и по странам, и по эпохам, и, наконец, по направлениям научно-философской и литературно-общественной мысли, а также по степеням трудности изложения и по кругам читателей. Описание этого нашего труда см. ниже). Приступая к самообразовательной работе, читатель должен помнить, что для него необходимо не только знание наук, но и знание книг, библиографические знания. Ими мы и стремимся вооружать его. Но этого еще мало.

Б) В целях более близкого знакомства с читателями, что особенно необходимо для правильной постановки рекомендации книг, наиболее подходящих для них лично, мы выдвигаем на первый план такой принцип: принцип непосредственного общения писателя и читателей,—принцип, впрочем, уже давно получивший применение в жизни. Исходя из этого принципа, мы предложили нашим читателям обращаться

Digitized by Google

со своими запросами непосредственно к нам, не стесняясь ни формой обращения, ни его размерами.

Мы делаем все возможное, чтобы прийти к ним на помощь нашими книжными знаниями в их самообразовательной работе. Вряд ли нужно доказывать, что эта последняя во всех отношениях зависит от той обстановки, в которой приходится данному читателю жить и работать. Всякий из нас—результат той жизни, которая нами прожита, и тех условий, в которые она нас теперь поставила. Самообразовательная работа неотделима от личности, от всех прочих сторон ее. И чем больше в нашем распоряжении будет данных о жизни и личности читателя, о его запросах и стремлениях, о целях и потребностях, об особенностях его ума и других сторон души,—тем больше шансов, что наши указания окажутся для него полезными, практичными и целесообразными. И мы глубоко убеждены, на основании опыта, сделанного нами в 1911—13 г.г., что именно такая постановка дела наиболее целесообразна в смысле возможно плодотворной помощи в деле самообразования и что лишь таким способом является возможность действительно помочь экономизировать в этой самообразовательной работе и время, и силы, и средства; а лишь экономизирование всего этого дает возможность человеку, занятому весь свой век работой, прокармливающей его самого и семью, получать собственными средствами то, чему помешала жизнь: человеку, получившему образование начальное,—продолжить его; человеку, получившему образование специальное, — дополнить и расширить его; и, наконец, всякому человеку, кто бы он ни был и какими бы силами ни обладал, и в каком бы глухом углу ни жил,— сделаться человеком действительно образованным, развитым и полезным прежде всего трудящемуся народу.

ГЛАВА II.

Один из опытов приспособления самообразовательной работы к личным особенностям учащегося.

Эта книга основана на переписке писателя с читателями. Эти последние, сами того не предполагая, оказались деятельными и в высшей степени важными и полезными сотрудниками в деле

Digitized by Google

составления этой книги. Поэтому здесь не мешает сказать несколько слов о том, как велась эта переписка и что она дала (и могла бы дать еще больше, если бы читатели поглубже вдумались в ее постановку и задачи). Мы считаем необходимым дать такой отчет с той целью, чтобы, во-первых, познакомить самих читателей, так сказать, с закулисными трудностями работы, во-вторых, в надежде получить от них самих целый ряд указаний и разъяснений, которые и нам помогли бы поставить дело на должную высоту.

Итак, познакомим читателя с той постановкою, какую мы кладем в основу нашей помощи всем тем, кто к нам за нею обращается.

Из предыдущей главы читатель видит, что главнейшею особенностью этой постановки работы является *индивидуализация чтения*, то-есть приспособление библиографических и иных указаний к личным особенностям данного читателя. Но для того, чтобы приспособлять свои указания и вообще помогать этому последнему, прежде всего необходимо знать хотя бы некоторые особенности его, как читателя. Поэтому мы и обратились к тем нашим читателям, которые желают воспользоваться нашей помощью, прежде всего с просьбою сообщать необходимейшие о себе сведения; в целях возможно близкого и тесного общения с ними по вопросам, которые нами намечены. Мы не считали себя в праве ограничить круг этих вопросов какими-либо рамками; ведь жизнь так богата всякими неожиданностями, а дело самообразования так трудно и настолько полно всякого рода препятствиями, предусмотреть которые невозможно. На все вопросы читателей, к нам обращаемые, мы стали отвечать не только на страницах тех периодических изданий, в которых мы сотрудничаем, но и письмами, по мере всех наших сил и знаний, принимая во внимание, прежде всего, личные особенности и обстановку жизни каждого читателя. Для того же, чтобы наши ответы возможно полнее соответствовали запросам читателей, мы просили этих последних не скупиться на сообщение сведений как о своих потребностях, стремлениях и целях, так и вообще о себе. Для правильной постановки дела рекомендации подходящих книг желательно (хотя и необязательно) иметь следующие сведения об авторе письма: 1) Об его возрасте и поле. 2) Об обстановке, в которой он обычно живет и к которой привык (она может быть городской, сельской, фабричной, торговой

Digitized by Google

и т. д.). 3) О роде занятий. 4) О степени образования (в размерах курса какой школы). 5) О складе ума и развития. Судить же о складе ума и развития мы получаем возможность, имея ответы читателя на нижеследующие вопросы: 1) Какие из прочитанных им книг (желательно знать их названия) произвели на данного читателя наиболее сильное впечатление и оказали наибольшее влияние и почему? (книги научные и беллетристические). 2) Легко ли ему дается математика и любит ли он ее? 3) Какие другие знания его наиболее интересуют и легче всего даются? 4) Какова у него память? Что он запоминает легче: факты, года, цифры, формулы, имена или ход рассуждений? 5) Какие книги предпочитает: с рассуждениями или с описаниями и изложением событий и вообще фактов,—книгу беспристрастно или горячо, с чувством написанную? 6) Любит ли он стихи, каких авторов и какие? 7) Любит ли он природу (созерцать ее или изучать)? 8) Что он ищет в книге и чего требует от нее прежде всего,—того ли, чтобы она просветляла ум (т.-е. давала бы только знания), или же он требует от книги, чтобы она учила, как жить („правильной", т.-е. нравственной жизнью), или как работать (т.-е. давала бы практические указания, навыки)? 9) Пробовал ли он когда-нибудь свои силы в писательстве и вообще в творчестве (и в каких областях жизни и мысли)? 10) Вообще впечатлительный ли он человек? 11) Насколько он человек усидчивый и энергичный и вообще чувствует ли в себе достаточно силы преодолевать препятствия на своем жизненном пути? 12) Есть ли у него возможность получать и вообще добывать книги (откуда и как)? На все эти вопросы ответы желательны, но не обязательны. И чем они подробнее, тем для нас легче указывать данному читателю подходящие книги и составлять для него программку его занятий.

Тысячи ответов, полученных на эти вопросы, и легли в основу наших указаний. Количество и качество полученных писем убедило нас в том, что наша постановка дела оказалась, по существу, несмотря на нашу собственную неопытность в некоторых отношениях, все-таки довольно практичною. Пользуясь указаниями самих читателей, мы и составляли для всех, кто к нам обращался, особенные программы чтения, приспособленные именно к его личности и рассчитанные, смотря по человеку, на работу от 3 до 12 месяцев. При этом мы ставили условием, чтобы читатель, занимающийся по нашей программе, непременно сообщал нам о ходе своих занятий и о затруднениях, встречающихся у него на пути.

Digitized by Google

В 1912—1913 г.г. корреспонденция наша приняла особенно широкие размеры. Бывали дни в 1912 г., когда мы получали до 86-ти писем, не было дня, когда их приходило менее 5-ти. Такого наплыва писем, и притом из самых разнообразных слоев общества, по правде сказать, мы сами не ожидали. С количеством писем мы в конце-концов справились и так или иначе наладили дело и стали вести его без особенной задержки наших ответов.

Впрочем, эта сторона дела оказалась относительно легкой, потому что запросы, к нам обращенные, и вопросы, нам поставленные многими лицами из разных мест, нередко оказывались тожественными, а это давало возможность отвечать сразу нескольким лицам на страницах газет или журналов. Гораздо более трудностей представила качественная сторона переписки, во-первых, по самому характеру тех вопросов, с которыми к нам обращались читатели, во-вторых, по неясной и неточной формулировке их, в-третьих, по недостатку сообщаемых нам сведений о личности писавшего. Было несколько случаев, что читатели обращались к нам с вопросом, как вести судебные дела, каких систем пишущие машины следует предпочитать и т. п. Отвечать на такие запросы не входит в нашу задачу, и мы оставляли их без ответа.

Но бывали нередко и такие случаи, когда читатели обращаются к нам с вопросами и чисто личного свойства, с письмами, затрогивающими самые глубокие и интимные стороны их души. На такие письма, которые с внешней стороны как-будто бы и не имеют много общего с вопросом самообразования, мы старались отвечать с особенною внимательностью. Мы считаем это даже нашим нравственным долгом, так как каждое такое письмо—крик наболевшей, исстрадавшейся, одинокой души, стремящейся к светлой и осмысленной жизни и придавленной тисками пошлой обыденщины. Именно в таких письмах нам и ставят неоднократно вопросы о смысле и цели жизни, о том, стоит ли жить и т. п. Такие же письма писали нам и люди, отчаявшиеся в жизни и решившиеся уже покончить все расчеты с нею, и мы, собирая все силы нашей души, в ответ на такое письмо кричали: остановитесь, пока не поздно. Жизнь может и должна быть сделана более светлой, полной и радостной,—попытаемся поработать с этой целью еще один разок, вместе. И работали... Из таких случаев, которых было тоже немало, читатели могут увидеть, в какой теснейшей связи находятся т а к и е интимные

Digitized by Google

и основные вопросы с задачами нашей работы, и из самой постановки ее читатели знают, что мы стремимся понять личность читательскую в связи со всеми ее переживаниями и в связи с той обстановкой, в которой она живет, так как лишь в таком случае указания, нами даваемые, могут быть действительно плодотворны. И мы не уставали повторять, что пусть читатели не стесняются писать нам и длинные письма, и пусть они будут уверены, что у нас они всегда найдут отзвук как своим страданиям, так и своим стремлениям; и это не только не помешает нашей работе, а напротив, лишь поможет ей [1]). Всех читателей, к нам обращавшихся, можно разделить на два главных типа. К первому относятся такие, которые обращаются с определенными, ясно формулированными вопросами, относящимися не к общей системе образования, а к той или иной отрасли знания или частному вопросу ее. Нас спрашивают, например, что читать по ботанике, какие книги прочесть ради ознакомления с воспитанием детей дошкольного возраста, в каких литературных произведениях говорится о смысле жизни и т. п.? Отвечать на такие вопросы не представляет особенно больших затруднений. Читатели второго типа предъявляют нам запросы общего характера: как сделаться образованным человеком, в чем заключается система образования и т. п.? Многие в самых общих выражениях просят вообще о помощи в деле их самообразования, не ставя нам определенных вопросов о той или иной отрасли знания. Такого рода читатели, не зная, куда и как итти и как им приняться за работу, нуждаются в ее общем плане. Таким читателям отвечать гораздо труднее, тем более, что в письменных ответах нет никакой возможности дать того, что мы намерены сделать лишь при помощи ряда книг и статей в течение многих лет.

Таким читателям, для того чтобы они не теряли ни времени, ни настроения, мы давали предварительные списки подходящих книг, всегда очень немногих, чтобы не запугивать читателя их перечислением, в основу же составления этих списков положили принцип, изложенный нами в III главе этой книги, а также в „Письмах к читателям“ и в „Среди книг“. Та-

[1]) Нами получено несколько сот исповедей и дневников, из них некоторые, по желанию авторов их, не подлежат опубликованию и использованию в печати, другие, тоже с согласия писавших, будут когда-нибудь опубликованы в извлечениях.

Digitized by Google

кой прием составления предварительных списков, впредь до получения более полных данных о читателе, оказывается полезным еще в том отношении, что дает нам возможность лучше познакомиться с индивидуальностью читателя, к нам обратившегося, так как, имея его подробный, обстоятельный отзыв хоть об одной нами рекомендованной научной книге, мы уже получаем возможность судить, удачно или неудачно было наше указание применительно к его личности. Но дело в том, что читатели очень редко перечисляют научные книги, оказавшиеся им понятными и произведшие на них впечатление более или менее сильное. И все же знать название именно этих (научных) книг, прочитанных данной личностью, нам особенно важно. Много неясности возбуждают и ответы на наш вопрос об отношении читателей к математике, под которой большинство из них понимает самую элементарную арифметику, оставляя в стороне геометрию и алгебру,—увы!—изучаемые очень немногими. Ответы на наш вопрос о математике нам особенно важны потому, что именно по ним является для нас некоторая возможность судить о складе читательского ума, о его индуктивности или дедуктивности, конкретности или отвлеченности. Особенно важен также ответ на вопрос, предпочитают ли читатели книги с рассуждениями или с фактами или те и другие вместе, любят ли они книги с „настроением“ или „бесстрастные“. Книг на свете имеется немало. Нет такого человека, который не нашел бы по любому интересующему его вопросу подходящую для него книгу. Чтобы оценить человека как читателя, нужно знать лишь несколько черточек его индивидуальности. Впрочем, чем больше их знать, тем лучше...

Выбор подходящих научных книг, на основании данных, сообщаемых нам самими читателями, мы стали производить следующим образом. Во-1-х, в нашем распоряжении имеется богатая коллекция всякого рода библиографических указателей научно ценных книг,—указателей, составленных разными специалистами (более 100). Но такие указатели говорят лишь о научных достоинствах книги, о том, хороша или плоховата книга в научном отношении. Но научность, это—лишь одна из многих сторон книги. Рекомендовать кому-либо подходящую книгу по каталогам, по журнальным и газетным рецензиям, как и по памяти, мы не решаемся. Руководствоваться только каталогами и рецензиями, это значит губить все дело. Поэтому мы стали вести

Digitized by Google

нашу работу не по указателям, а непосредственно по книгам, пользуясь при этом обширною библиотекою до 28.000 томов слишком, имеющеюся в нашем полном распоряжении и составленною по нашему плану из избранных книг (главным образом русских). О составе этой библиотеки дает приблизительное понятие наш большой труд „Среди книг". Из этих книг мы выбирали подходящие для данного читателя, принимая в расчет все его особенности, которыми он, судя по письму, отличается. В тех случаях, когда наших собственных знаний по данному докладу не хватало, мы обращались, кроме того, за указаниями к специалистам.

Такова постановка, которую позволила придать этому делу наша работа над „Среди книг" и в которой мы и делаем уже много лет наш опыт изучения, с одной стороны—читателя, с другой—книг и, наконец, самого процесса читательства.

Разумеется, при этой постановке мы и сами учимся,—так сказать, берем уроки у наших читателей, уроки служения их просвещению, расширению и углублению их жизни, их самовооружению. Вряд ли можно сомневаться, что и с нашей стороны, при неуменьи многих читателей писать о себе и ставить вопросы, всегда возможны ошибки. Но опытность—дело наживное. Разумеется, и сами читатели должны помогать нам, чтобы этих ошибок у нас было возможно меньше.

Выбирать книги для своего и чужого чтения—не только наука, но и искусство, развитию же его нет предела. Какие бы ошибки мы ни делали, идя иногда как бы ощупью, мы можем с полной уверенностью сказать, что нерв жизни нами нащупан правильно, что постановка дела, нами усвоенная, идет к цели по верной дороге, и все силы, какие у нас только еще остаются для служения великому, бесконечно дорогому делу народного просвещения, затрачиваются и будут затрачиваться до конца дней не даром.

Но одною перепиской с читателями еще не сделаешь их образованными. Как уже было замечено, они должны с тою же целью работать и работать сами. Но как работать? Переписка с читателями дает не мало указаний для практического опыта и на этот вопрос. В нижеследующих главах мы и попробуем вкратце резюмировать то, чему научила нас переписка в этом отношении.

Digitized by Google

ГЛАВА III.

Основные задачи и цель самообразовательной работы.

«Будем делать, чтобы сделать, а не для того, чтобы делать».

Эти простые, сильные и, в сущности, боевые слова, излившиеся из глубины деятельной, кипучей и сильной души, сказала когда-то А. М. Калмыкова, одна из выдающихся деятельниц в области внешкольного образования, всю свою жизнь положившая на борьбу с народным незнанием, непониманием и опусканием рук. Она сказала эти слова пишущему эти строки, которого связывает с нею не только многолетняя дружба, но и совместная работа в одной и той же области,—в С.-Петербургском Комитете Грамотности. Эти слова, сказанные ему еще при начале его литературной деятельности, навсегда запали в душу, и мы никогда не устаем и не устанем повторять их. Их помнить,—нет, не только помнить, а прочувствовать,—должны все те, кто серьезно стремится своими средствами сделаться действительно образованным человеком. Пусть же и лежит это правило в основе самообразовательной работы. Будем и мы,—и вразброд, и общими силами,—„делать, чтобы сделать, а не для того, чтобы делать", т.-е. будем иметь в виду, прежде всего, р е з у л ь т а т работы, а не только п р о ц е с с ее. Правда, человек, искренно стремящийся к свету, получает великое наслаждение и от самого делания, т.-е. от переживания самого процесса работы,—даже оно как-то возвышает душу, приводя к сознанию, что „есть же вот и в моей душе что-то такое, чего и проклятая обыденщина все-таки не заглушает". Но одного сознания, одного этого делания еще мало. Необходимо добиваться, а главное—добиться кой-чего и побольше: необходимо действительно стать образованным человеком в лучшем смысле этого слова, иначе говоря,—расширить свою жизнь, углубить, украсить, сделать возвышеннее, напряженнее, а главное—плодотворнее.

Образованный человек! Нет, думается нам, такой страны на всем земном шаре, где бы это, в сущности, святое слово, означающее человека действительно знающего, понимающего, гуманно настроенного, отзывчивого и деятельного в той или иной области жизни и мысли, было бы так затаскано, заплевано, затоптано,

Digitized by Google

как у нас в России Увы! Об образовании иные и до сих пор судят только по диплому, по „разговору с иностранными словами“ и даже по костюму. Но оставим в стороне таких „образованных“. Будем говорить только о тех, кого следует понимать под этим словом в его лучшем, самом высоком смысле. Положим в основу этого понимания то, что для нас должно быть дороже всего,—вообще человека, человеческую личность, а в ней—ее проявление вовне, ее деятельность, ее творческую работу в жизни. Для всякого человека жить, это значит—действовать, а действовать, это значит—вносить нечто в жизнь, производить в ней какие-нибудь перемены, создавать формы новые, изменять, разрушать старые, чужие и чуждые; жить, это значит кое-что давать жизни, другим людям, среде, истории; жить, это значит—преодолевать препятствия, встречающиеся в жизни на пути ее расширения и углубления и уничтожающие ее полноту, возвышенность, красоту, радость и во мне, и в других людях, в их массе,—народе, обществе. Иначе говоря, жить, это значит—бороться, и не только за жизнь, а и за полноту и улучшение жизни Поэтому для нас „человек“, это значит—борющийся человек, такой, кто чувствует, что живет именно тогда, когда борется, кто житейской борьбы не боится, кто даже радуется ей, потому что где она, там и напряженность жизни, и там-то человек и чувствует ее трепетание; пусть эта его борьба ведется им хотя бы и в болоте, но зато она ведется с болотом, а на это последнее, во всяком случае, не похожа его душа. Но ведь чтобы жить, расширять свою жизнь и бороться, нужна сила, необходимо накопление разных сил,—силы знания, силы мысли, воли, любви к людям, нужно уменье осваиваться в любой обстановке, не теряться ни в каком затруднительном положении, не отступать ни перед каким препятствием. Поэтому будем считать настоящим образованием такое, которое помогает именно этому и прежде всего этому. Оно-то и есть такое, которое нужно каждому живому, „житейскому“ человеку. Но такое образование вовсе не то, какое дает, например, официальная школа. Такое настоящее образование иной раз даже и несовместимо с дипломами и идет в разрез с ними, а потому о многих дипломах можно сказать,—и это всякий знает,—что им грош цена.

В тысячу раз выше надо поставить людей, умеющих плодотворно действовать хотя бы без дипломов, чем людей бездейственных, но с дипломами.

Digitized by Google

Но и одного уменья действовать еще мало. Нужно знать, *что* творить, *для чего* и *для кого* творить, нужно понимать и цель и смысл и своей и чужой деятельности. Высший смысл и красоту жизни придает понимание, переживание чужих страданий и деятельность во имя их устранения. Другими словами: служение тем „труждающимся и обремененным", для которых и жил Христос. Но служить им,—это уже предполагает уменье действовать в жизни и ориентироваться в ней, уменье выражать интересы, нужды и потребности жизни этих трудящихся и обремененных. А вот это уменье понимать их и служить им, думается нам, и есть главная черта, самая суть всякого человека, „не для себя и не про себя" образованного, независимо от его пола, возраста, звания, состояния, рода занятий и так далее. Образованным человеком мы будем считать такого, который в любое время, на любом месте может явиться активным выразителем потребностей своей местности, т.-е. трудящегося большинства. В каждом, даже самом глухом уголке должны создаваться и создаваться люди, в лице которых воплощались бы насущнейшие нужды страны. А отсюда такие задачи, стоящие перед каждым человеком, который путем самодеятельности стремится стать образованным:

1) присматриваться к окружающей жизни и вдумываться в нее;
2) ее изучать, знать и понимать;
3) уметь в ней действовать;
4) для этого же иметь подготовку:
   а) общую, т.-е. широкий кругозор,
   б) специальную, т.-е. профессиональную.

Впрочем, это разные стороны одного и того же дела, и получать подготовку во всех этих направлениях—это все одна и та же самообразовательная работа. Все эти ее отрасли сливаются в одной точке, и эта точка—„Я" каждого из нас, его жизнь и ее расширение.

Наметив общую цель образования, будем говорить теперь, как ее достигать и достигнуть.

I. Первое и главное правило: надо начинать самообразовательную работу не с книги, а с жизни.

Жизнь всегда учит гораздо большему, чем лучшая из лучших книг. Книга—только орудие и пособие, она не авторитет. Не жизнь нужно проверять книгами, т.-е. теориями, а как раз

Digitized by Google

обратно. Начинать нужно с вдумчивости в жизнь и, разумеется, с того, что такого-то человека, живущего в таком-то месте земли, в такой-то обстановке его личной, обыденной жизни, сильнее всего мучит, волнует, интересует. Когда уже загорелся в душе, под влиянием жизни, этот *огонек исканий*, тогда, как об этом мы будем подробнее говорить ниже, в одной из следующих глав, за ответом на эти искания можно итти и к книгам, которые в этом случае, наверно, окажутся интересными. Но и в этом случае нужно итти к книгам не для того, чтобы их советы принимать на веру, а лишь для того, чтобы почерпнуть из них материал для собственных размышлений.

II. Второе правило: *всякое явление жизни надо обсуждать непременно и постоянно не с одной какой-либо стороны, а со многих,—с возможно большего числа сторон, им же несть числа.*

Теория тем и отличается от практики, что она, в сущности, более односторонняя, чем практика, которая, приводя человека в непосредственное столкновение с жизнью, уже подразумевает необходимость считаться со всеми сторонами ее. Все эти стороны существуют в жизни нераздельно,—разделяет же их лишь человеческий ум для удобства изучения и притом совершенно искусственно. Поэтому практика и техника—лучший способ проверки всяких знаний. Не действуя, не приходя в непосредственное столкновение с жизнью, вряд ли можно оценить как следует какую-нибудь теорию. Применение—это и значит проверка. Без такой проверки—нет истины. Без применения все и истины и теории—одни слова и слова.

Но поставьте перед собою вопрос: а что же значит „разностороннее понимание“? Вот тут-то и доходишь до одного из очень важных отличий (быть может, самого важного) человека действительно образованного от человека „натасканного“ в тех или иных предметах, от специалиста-неуча, однобокого, одноглазого, умеющего мерить чуть ли не всю вселенную на один свой аршин, разумеется, не для всех случаев пригодный. Смешон тот химик, который с химической точки зрения судит о всех прочих сторонах жизни, в том числе, например, о нравственной, но смешон и тот купец, который все и всех меряет рублем. Смешон и юрист, который только и знает, что закон, кем-то, но как-то написанный. И закон, и рубль, и химия,—мерки для своего дела очень полезные, и для жизни все они нужны, но нельзя же такими част-

Digitized by Google

ными мерками измерять все стороны жизни. Жизнь бесконечно разностороння и сложна, и, чтобы понимать ее, нужно быть самому прежде всего разносторонним человеком и уже потом химиком, юристом или купцом. Отсюда вывод: вдумываясь в жизнь, надо прежде всего позаботиться о том, чтобы не впасть в односторонность, а для этого необходимо заблаговременно получить хоть некоторое понятие, да какие же такие стороны существуют у жизни. Хоть главнейшие, самые крупные необходимо узнать, хоть в самых общих чертах, для первого шага. Вот в этом узнавании и могут помочь каждому из нас хорошие книги, поскольку они содержат в себе опыт других людей.

Вышесказанным первый шаг в самообразовательной работе и определяется ясно. И правда,—сразу же намечаются три главные ее стороны. Каждый из нас представляет из себя, во-первых, явление природы в физическом смысле, во-вторых, явление общественной жизни, в-третьих, нравственную, мыслящую, верующую личность, единственную в своем роде. В каждом из нас существует и природа, и член общества, и личное „я", и все это слито, спаяно нераздельно. Вот перед нами уже три наших собственных стороны, и для каждого из нас крайне важно хорошенько знать их и понимать каждую порознь, но главное—все вместе, их взаимную связь, обоюдное влияние. Но ведь эти три стороны имеем не только мы, но также и все другие люди, все, что существует вокруг нас. Интересно, что есть элемент нашей личности даже в таких точных науках, как астрономия, изучающая с величайшей точностью движение небесных светил и принужденная вводить в свои тончайшие наблюдения „поправку на личность наблюдателя". Таким образом, вышеуказанная тройная система, это—уже систематический кругозор, который охватывает и нас самих и все окружающее. Для начального знакомства со всем существующим в этих наиболее общих чертах, как об этом будет сказано ниже, можно указать любому читателю всего лишь несколько книг, в лучшем случае даже только три книги, которые и познакомят его, опять-таки в общих и основных чертах, и со всей этой тройной системой. Даже такое общее знакомство не может не раздвинуть кругозора систематически во все стороны, и у кого еще нет такого кругозора, этим не очень-то легко вести и дальнейшую работу. Для ее начала необходимо получить хотя бы самое общее представление о самом факте существования целых областей внутреннего и внешнего мира,

Digitized by Google

дотоле неизвестных, нужно, чтобы в душе возник и был налицо целый ряд вопросов, возбуждающих дальнейший интерес к расширению и углублению знаний и выработке миросозерцания широкого, светлого и стремящегося воплощаться в жизнь; нужно научиться искать и искать ответа на возникающие вопросы и в каждом найденном ответе видеть не что иное, как лишь введение в дальнейшее изучение и указание дальнейших путей к дальнейшему образованию. Вовсе не нужно прочесть много книг, чтобы разогнать тьму в уме начинающего читателя. Даже три, даже одна хорошо выбранная, действительно подходящая книга может оказать сильное влияние на него, особенно при российском бескнижье, происходящем вследствие малой распространенности книг вообще и теперешнего острого кризиса в особенности.

Но идем дальше. Каждая из трех самых главных выше намеченных областей, в свою очередь, содержит в себе много других, не столь широких, а эти последние также соединены, слиты в жизни и в нашем собственном лице, и во всем окружающем; Так, например, на каждом из нас можно открыть следы целого ряда разнообразных влияний,—влияния и литературы, и ходячей нравственности, и религии, и окружающей нас злободневности, общественных течений и настроений, и истории, несущей нас в своем потоке, не только отечественной, но и всемирной, и нашего правового и экономического положения, и всего строя социальной жизни; все эти влияния и есть мы,—такие, каковы мы есть. Мы—конечный результат всего этого. Но и это еще не все. Вместе с тем мы—очень сложный комок явлений, происходящих в нашей душе и теле, в мельчайших клеточках, его составляющих, в атомах, т.-е. веществе, составляющем эти клеточки. Все это как будто явления совершенно разнородные, которые только и подобает разложить по отдельным наукам, несовместимым друг с другом и разнородным, и зарегистрировать в разных учебниках, изучаемых отдельно один от другого. Но это не так,—все это обман, метод изучения, привычка, потому что на самом-то деле все эти явления—единый комок, все это—мы сами и окружающая жизнь, только изучаемые с разных сторон благодаря своей сложности. Да, все это мы, наша жизнь, наша среда,—нечто, по существу, единое и нераздельное.

И вот перед нами раскрывается дальнейший кругозор,—дальнейший шаг к пониманию жизни и к возможно лучшей ориенти-

Digitized by Google

ровке и деятельности в ней,—вторая более подробная, система знаний, но уже не столь элементарная, как первая. Такая система уже представляет более подробную и широкую программу работы. Эта программа стоит уже гораздо ближе к типу общеобразовательной средней школы, впрочем, с некоторыми дополнениями в смысле большей систематичности и закругленности. Кроме того, она не считается с теми специфическими влияниями, которые, как известно, нередко заползают в школу. Такая программа—не что иное, как схема вселенной, и включает все главнейшие стороны ее. Но и эта вторая программа вполне доступна человеку, который может уделять для самообразовательной работы по 2—3 часа в день, в течение 2—4 лет, смотря по своим способностям.

Впрочем, и способности тут не играют особенной роли. В „Письмах к читателям" (глава VI—VII) мы подробно говорили о том, как „преодолевать свою неспособность". Во всяком случае, легче преодолеть ее, чем свою инертность. Но, думается нам, средний русский человек, который, как выражается один наш читатель, „не хуже и не лучше всех прочих", без особого труда может систематически выполнить и вторую, более широкую программу.

Эту вторую программу общего образования можно представить, например, разделенной на такие отделы [1]):

1) язык и его история (грамматика, уменье излагать свои мысли);

2) литература и ее история; другие изящные искусства и их история;

3) нравственность и ее история (вопросы о смысле и цели жизни, о добре и зле и т. п.);

4) литературно-общественные и общественные течения и направления, среди которых мы живем и воспитываемся, и их история;

5) человечество, как единое целое, и его история;

6) религиозно-церковный строй и его история;

7) семейный строй и его история;

8) строй воспитания, народного образования и просвещения вообще и его история;

---

[1]) Подробно о каждом из этих отделов см. во „Введении" к I т. „Среди книг". Там же даны подробные обзоры литературы о каждом из этих отделов, объяснение их сущности и значения.

Digitized by Google

9) строй государственный (политический) и правовой (юридический) и его история;

10) строй социальный, экономический и его история;

11) общество, его сущность и происхождение, естественные законы его развития;

12) племена и расы и их распределение на земном шаре, человек и человечество (человеческий род), как явление природы; его отношение к окружающей географической среде;

13) психика, явления духовной жизни, их сущность и происхождение;

14) человеческое тело, его устройство и жизнь;

15) царство животных, его состав и жизнь;

16) царство растений, его состав и жизнь;

17) царство организмов вообще, как единое целое, и его происхождение и история; сущность жизни и ее происхождение;

18) земной шар, как обстановка органической жизни, и перемены, с ним и на нем происходящие и происходившие;

19) мертвое (неорганическое) вещество, из которого составлена вселенная, его формы и превращения, перемены, с ним происходящие и происходившие;

20) силы природы (разные виды энергии, как, например, свет, теплота, электричество и т. д.), их превращения и история;

21) вселенная (космос), как единое целое; его история (эволюция).

В этих 21-й рубрике, как видно из их перечисления, укладываются наши знания о всех главнейших сторонах и областях жизни (космической, общественной, личной, истории идеалов и действительности). Но этого еще мало. Необходимо познакомиться с самыми основами точного и достоверного знания, с методами, т.-е. способами его добывания и утверждения. Поэтому к предыдущим отделам надо прибавить еще три, а именно:

22) математику и ее историю;

23) логику (учение о методах мышления и исследования) и гносеологию—науку о познании;

24) философию (т.-е. общее миросозерцание) и ее историю, т.-е. сводку всех предыдущих отделов воедино.

Выработать свое собственное миросозерцание,—это и значит подвести итоги своим мнениям во всех этих 24 отраслях знания, выработанным в течение всей образовательной работы.

Digitized by Google

Но подвести итоги своим мнениям можно только одним способом, а именно, вырабатывая их посредством ознакомления,— сравнительно-исторического ознакомления с чужими мнениями, т.-е. знакомясь с историей мнений, теорий, миросозерцаний с древнейших до наших времен в связи с историей самой жизни. Поэтому в каждом из вышеперечисленных отделов история мнений и теорий должна занимать одно из видных мест.

Таким образом, вышеизложенная небольшая программа из 24 отделов есть вместе с тем и программа для выработки общего миросозерцания, и программа занятий, направленных к данной цели. В другом месте мы делаем подробные обзоры каждого из вышенамеченных отделов, вкратце выясняем его сущность, знакомим с историей его происхождения и развитием, с историей мнений и их выработки в каждом отделе и указываем литературу по главнейшим вопросам, относящимся к каждому из этих отделов [1]). Разумеется, число отделов может быть еще более увеличено, но оно может быть и сокращено, например, №№ 15 и 16 могут быть слиты с № 17, № 21 — с № 24. Во всяком случае, вышеизложенная схема-программа дает читателю, стремящемуся к самообразованию, определенную опору в работе, дает то, что необходимо для понимания и своей, и окружающей жизни, как единого сложного, многостороннего целого. Из этой же программы читатель может видеть, что предстоит ему преодолеть, может сравнить эту схему с теми знаниями, какие у него уже имеются, и пополнять по этой схеме то, что ему еще недостает. По каждому из вышеперечисленных отделов можно подобрать книги, даже по одной только книге, подходящей для данного читателя и дающей ему, во-первых, знание фактов, во-вторых, знание теорий, в-третьих, знание методов, в связи с их историей (и факты, и теория, и методы лучше всего понимать и оценивать с точки зрения их развития, т.-е. появления, изменения и отживания); только при этом условии приобретенные знания не будут верхоглядством. Об этом еще будет итти речь ниже. Кроме того, каждая область знания предполагает и прикладные знания, практику, технику, с которыми, имея в виду практическую деятельность и наступательное отношение к жизни, тоже нельзя не познакомиться. Наличность современных русских книжных богатств уже позволяет

[1]) См. „Среди книг", изд. 2-ое, 1911—1913 г.

Digitized by Google

в значительной мере удовлетворять, посредством выбора подходящих книг, читателей самых разнообразных типов, обладающих различными складами ума, предъявляющих к книге и знанию разнообразнейшие запросы. Любому читателю во многих случаях можно подбирать книжки даже тех размеров и в таком изложении, какое наиболее соответствует его подготовке и обстановке жизни. Существует теперь довольно много небольших популярных руководств по всем вышеперечисленным отраслям знания, от 100 до 150 стран. каждое, тем не менее удовлетворяющих вышепоставленным требованиям. Во 2-й части этого пособия мы и даем описания нескольких сот книг, относящихся, во-1-х, ко всем вышеперечисленным отделам, во-2-х, подходящих к читателям разных типов, разных складов ума и различных ступеней подготовки. Читатель, стремящийся к общему образованию, должен при такой постановке дела систематически преодолеть, проглотить библиотечку из 25-ти, а в лучшем случае из 30—40 книг, распределяя чтение и изучение их на тот промежуток времени,— хотя бы на несколько лет,—какого от него потребуют его способности, силы, средства и обстоятельства его жизни. Были сделаны даже и попытки издания такого рода энциклопедических библиотечек; из них лучшая—„Народная энциклопедия", изд. Харьк. Общества Грамотности (описание ее см. во II ч. этой книги) [1]). Стоимость книг, как и размеры их, могут быть тоже согласованы с особенностями данного читателя. По нашим расчетам, библиотечка из 25 — 40 книг может обойтись очень недорого; некоторые книги потребуются не сразу, а, может быть, и вовсе не потребуются, если читатель сможет добывать книги откуда-нибудь на прочтение, а, читая их, станет делать подробные выписки и разумно составляемые конспекты. Как читать, как изучать, как вкладывать в себя возможно больше основательных знаний, как увеличивать их с возможно меньшей затратой сил и времени,—об этом мы еще будем говорить в одной из следующих глав. Теперь же, наметив самые общие черты краткой, но все же законченной системы знаний, будем смотреть на нее, как на общий план, которого еще не имеется у читате-

---

[1]) Громоздкое и довольно бестолковое издание Ф. Комаровского „Семейный университет" не заслуживает большого внимания. Гораздо лучше изд. „Антик" „Народный университет", но оно не включает в себе естествознания и др. областей науки.

Digitized by Google

лей, хотя и стремящихся к самообразованию, но не знающих, с чего начать, и не умеющих еще формулировать в своих письмах к нам никаких определенных запросов, кроме общего желания „сделаться развитым и образованным человеком". Этим читателям мы скажем: не бойтесь, друзья-читатели! Работа над самообразованием не так трудна, как это кажется. Да она и приятна. Кто бы вы ни были, она не представляет и для вас, какую бы вы подготовку ни имели и какие бы условия жизни вас ни окружали, никаких действительно непреодолимых трудностей. Еще 500 лет тому назад сказано: с распространением знаний и идей не в силах справиться ни огонь, ни меч, ни голод, ни подлость. Не бойтесь приниматься за работу: не так страшен чорт, как его малюют. И при этом положите в основу своей работы два мудрых правила. Первое гласит: дерзай! второе: при! К этим двум правилам прибавьте еще одно третье: верь в успех и плодотворность своей работы! Гейне удивительно хорошо сказал:

Тот, кто верой обладает
В невозможнейшие вещи,—
Невозможнейшие вещи
Совершать и сам способен.

Хочется к этим правилам прибавить еще одно: никогда не останавливайтесь в ваших стремлениях к истине и справедливости и не бойтесь быть честным человеком, не бойтесь честно мыслить и быть смело честным, не бойтесь называть и правду и ложь, несправедливость и справедливость их собственными именами, если чувствуете, что в основе вашей мысли лежит правда вашей совести. Никогда не прекращайте вашей самообразовательной работы и не забывайте, что, сколько бы вы ни учились, сколько бы вы ни знали, знанию и образованию нет ни границ, ни пределов. Как бы ни были обширны у вас знания, их нужно делать еще обширнее. Как бы они ни были глубоки,—они могут стать еще глубже. Но лиха беда—начало. Для вас очень важно прежде всего с первых же шагов поставить дело практично, и это вполне исполнимо для всякого. При самом же начале вашей работы требуйте от себя, чтобы всякое знание, вами приобретаемое, непременно было: 1) точным, 2) достоверным, 3) отчетливым, 4) связным, т.-е. связанным и в нашем сознании единством окружающей жизни; 5) действенным, т.-е. вносящим и в вашу, и в окружающую

Digitized by Google

жизнь нечто светлое, плодотворное, красивое и радостное. Также не будем никогда забывать, что самообразование есть не что иное, как орудие расширения жизни, ее углубления и возвышения во всех смыслах, жизни не только своей, но и других людей, массовой, народной, общественной. Повторяем: лиха беда—начало, а вот при этом-то начале мы лично и желали бы особенно быть полезными вам. Наша задача—помогать читателям именно начинающим, для которых, насколько нам известно, до сего времени еще не существует никаких „программ домашнего чтения", и заполнить до сих пор не заполненный пробел в ожидании того, когда нам на помощь в этом отношении придут новые силы. Нашу работу мы ставим так, чтобы обслуживать, так сказать, нижние этажи читательской подготовки. Что же касается до дальнейших шагов самообразовательной работы, то в этом деле мы можем лишь указать читателям на имеющиеся московские „Программы домашнего чтения" и петербургские „Программы чтения для самообразования" [1]). И те и другие программы являются недурными пособиями для продолжения и углубления самообразовательной работы и вводят более или менее подготовленных читателей в верхние этажи знания. К сожалению, эти программы пролетают над головами малоподготовленных. Наше дело—помогать этим последним читателям выбираться из нижних этажей знания в верхние,—подготовлять к этим „программам". Этим и определяется наше отношение к ним.

Было бы крайне желательно, чтобы и для нижних этажей было сделано больше, чем делается теперь, и пишущий эти строки, как один из инициаторов петербургских „Программ чтения для самообразования" и участник в их составлении, постоянно указывал на необходимость организовать помощь в самообразовательной работе прежде всего и главным образом наименее подготовленным читателям. (См. предисловие к нашим „Письмам к читателям о самообразовании".)

Сводя все вышесказанное к одному, читатель, работающий над самообразованием, имеет право сказать: вперед и вверх дорога для всех открыта, и, идя по этой дороге, никто не останется без помощи и поддержки, без советов и указаний, на какой бы ступени умственного развития он ни стоял. Пусть каждый идет, куда ему самому нужно, и взбирается на ту высоту

---

[1]) Они описаны во 2-й части этой книги.

Digitized by Google

знания, понимания, настроения и активного отношения к жизни и ее расширению по всем направлениям, к ее радости и красоте, какую он сам сделает для себя доступной путем борьбы и самодеятельности. Дело теперь за самим читателем. Мы от всей души желаем ему побольше у м е н ь я и х о т е н ь я: уменья бороться за расширение жизни и сильного, страстного, горячего хотенья-уменья горячо и страстно желать. Ведь сильное желание—та же воля...

ГЛАВА IV.

Общая постановка самообразовательной работы. Ее основные правила.

Но основная задача, которая стоит перед тем, кто желает серьезно поработать над самообразованием, заключается не только в том, чтобы вообще достичь намеченной цели, но и в том чтобы достичь ее с наименьшей затратой времени, сил и средств. Эта вторая половина задачи имеет столь же громадное значение, как и первая, уже по тому одному, что самообразованием-то приходится заменять образование не счастливчикам, а пасынкам современного общественного строя, перед которыми, в силу материальных или каких-либо иных условий жизни, двери высших, а то и средних и даже низших, учебных заведений не успели еще раскрыться. С самого же первого шага необходимо поставить свою работу так, чтобы всегда иметь в виду сбережение времени, сил и средств.

Не в том только задача, чтобы потихоньку да понемножку впитывать в себя некоторое необходимое для жизни образование, а в том, чтобы это же самое образование приобресть возможно быстрее,—приобресть, не поступаясь ни относительно качества его, ни количества. Это значит, что мы должны поискать такую постановку дела, которая была бы э к о н о м и ч н а. Хоть мудрая из мудрых пословиц и говорит, что „тише едешь, дальше будешь“,—но не менее мудрая пословица поясняет: „улита едет,—когда-то будет“. Впрочем, и условия русской жизни, и прежде всего трудящегося класса, заставляют подумать и об американских пословицах: „время—деньги“, „тише едешь,—чорт знает, когда приедешь“.

Digitized by Google

Мы зовем наших читателей к энергичной работе над самообразованием. Мы приглашаем их прежде всего бороться с „полусонным полуделанием“ во имя их собственной, светлой, радостной, разумной и полной жизни,—жизни, которая должна быть и осмысленной, и плодотворной, красивой и напряженной. Мы зовем наших читателей приступать к самообразовательной работе смело, бодро и решительно, не боясь препятствий, не останавливаясь перед ними позорно и трусливо, не пугаясь размеров предстоящей работы. Мы приглашаем читателей прежде всего быть не рабами обстоятельств, не холопами болотной спячки и рутины, а борцами, умеющими сильно желать и энергично стремиться.

Этого-то и не нужно забывать, работая над самообразованием, и мы говорим нашим читателям: не бойтесь желать многого. Дерзайте итти к большому. Идите, не унывая и не опуская рук, а, идя, прежде всего не забывайте, что вам никто не поможет, если вы сами себе не поможете. Даже самые лучшие планы самообразовательной работы, кем-либо другим составленные, всегда будут не чем иным, как материалом, только материалом для ваших собственных суждений и решений.

С этою оговоркой мы и приступаем к изложению общего плана самообразовательной работы.

Вряд ли нужно доказывать, что подходящего для всех плана не только нет, но и быть не может. Вырабатывать его должен сам работник, каждый для себя, и принимая в расчет все особенности как своей личности, так и той обстановки, в которой ему приходится существовать. И, вырабатывая этот план, нечего смущаться, что вот, мол, я делаю не так, как другие. Ведь тут дело не в этом, а в том, чтобы сделать свою самообразовательную работу сколь возможно производительнее. Гораздо больше должно приводить в смущение такое явление: „Вот я делаю, как указано добрыми и умными людьми, а у меня все-таки ничего не выходит“. Повторяем, во время работы прежде всего необходимо обращать внимание на результат труда, на его производительность. Нужно признать негодным всякий план работы, по виду хотя бы самый разумный из разумных, если только он требует от человека непосильной затраты сил, а взамен этого дает ему все-таки очень мало. Другими словами, самый план работы необходимо приспособлять к личности, а не личность к плану. Правда, есть на свете и такие люди, кото-

Digitized by Google

рым более или менее безразлично, какому плану следовать. И если работник чувствует себя человеком именно этого типа, т.-е. способным следовать всякому плану, то такому человеку можно сказать только: чего же лучше? И тем не менее человек даже такого типа, иной раз даже бессознательно, все-таки не обойдется без приспособления чужого плана к своей личности, если не в тот момент, когда он только что начинает работу, то во всяком случае во время хода ее. Из всего предыдущего следует: только тот план самообразовательной работы можно считать для себя подходящим, который самим работником придуман или приспособлен к его личности. И этому приспособлению не должно быть поставлено никакой границы. Оно должно войти в систему. И не только у взрослых людей, но даже и у подростков. Имея же дело со взрослыми людьми, мы считаем полезным даже настаивать на этом пункте. Нередко читатели, к нам обращающиеся за помощью, требуют от нас какого-то готового плана или программы, словно думая: „вот, мол, мы добросовестно исполним ее, а все остальное приложится". Таким читателям мы говорим быть может, вы ее и исполните добросовестно, но не наша будет вина, если из этого все-таки не выйдет для вас большого прока. Разумеется, мы с нашей стороны сделаем все возможное для того, чтобы согласовать наши указания с особенностями вашей личности и вашей жизненной обстановки, насколько это будет лишь возможным сделать по тем сведениям, какие вы нам сообщаете о себе. Но вместе с тем мы говорим вам: вырабатывайте общий план работы и сами, а к планам, заимствуемым со стороны, в том числе и к нашему, относитесь критически, так как никто вас и ваших знаний, и ваших личных особенностей, и условий вашей жизни лучше вас самих не знает, да и знать не может. Итак, во всяком случае, приступая к работе над самообразованием, необходимо обратить особенное внимание на приспособление общего плана или общей программы самообразовательной работы к самому себе. Нужно поставить себе задачей выработать и этот план и программу в возможно полном соответствии со своей личностью и со своей обстановкой. Только это соответствие и поможет сэкономизировать время, силы и средства. Правда, выработать это соответствие на практике не всякому легко. Но так или иначе необходимо пробовать и делать над собой опыт за опытом и при этом нисколько не смущаться, что дело не налаживается сразу. Вот в целях этого-то налаживанья

Digitized by Google

особенно и полезны советы со стороны, иначе говоря, совещательный голос со стороны. Читатель взял, напр., такую-то книгу. Если, по его собственному сознанию, она не дает ему ясного, точного, определенного знания в таком самом виде, какой наиболее легко усваивается именно им, тогда ему необходимо поискать другую книгу по тому же самому вопросу, но более отвечающую личным его особенностям. Если вы сами не можете найти для себя такой книги,—обратитесь за помощью к другим, считая пробным камнем для оценки каждой книги с вашей точки зрения—легкоеть ее усвоения, ее понятность и ясность (об этом будет еще речь ниже). Это и есть один из видов приспособления работы к личным особенностям читателя. Но такого же приспособления нужно добиваться по отношению и ко всему плану работы, и наша помощь, как мы ее понимаем, вот в этом-то пункте и может быть наиболее полезной, разумеется, при том условии, что читатели, которые к нам обращаются, не поленятся познакомить нас с собою, ответив на поставленные нами вопросы. Это общее замечание относится ко всей постановке работы, и мы обращаем на него особенное внимание. Такую постановку мы и называем индивидуализацией самообразования, в отличие от практикуемой обыкновенно рекомендации хороших книг.

Вот некоторые правила, которым, думается нам, полезно следовать читателю. Представим себе читателя, который, по вине его злой судьбы, не только не получил никакого образования, но даже и не имел возможности привыкнуть к чтению маломальски серьезных книг. От читателей этого типа нами получены многие сотни писем, и все они ставят нам вопрос: „Вот мы жадно и горячо стремимся к самообразованию, но мы даже не знаем, что оно такое. Мы также не знаем, по какой дороге и куда нам итти и как приступить к достижению неясно поставленных целей". Один из таких читателей пишет нам: „Я только хочу, но не знаю, чего хочу. Я хочу сделать много-много, а в своих стремлениях и исканиях толкаюсь в роде как лбом о стену". Первый вопрос, который предстоит решить такому читателю, заключается в следующем: „С чего начинать самообразовательную работу, с чего приступить к ней?" Опираясь на принцип об экономизации читательской силы, ответ на такой вопрос, думается нам, должно дать такой: начинайте ваше самообразование с того, что вам интересно. С того, что усваивается,

Digitized by Google

запоминается, так сказать, входит в душу, возбуждает в уме ряд вопросов, настойчиво заставляет искать ответов на них,—словом, читайте только то, что вас интересует. Поэтому прежде всего необходимо постараться определить то, что интересует. Правда, некоторые читатели пишут нам: „Я сам не знаю, что мне интересно, что не интересно". Таким читателям нельзя не дать такого ответа: вы глубоко заблуждаетесь, дорогие читатели. Ничем не интересуются только мертвецы, у каждого же живого человека всегда есть целый ряд интересов, во-1-х, мимолетных, во-2-х, более или менее постоянных, в-3-х, коренных, связанных с самым бытием человека и от него неотделимых. Многие читатели потому думают, что они ничем не интересуются, что они ничем особенно не интересуются. И тем не менее вся жизнь даже и таких читателей представляет из себя постоянную смену одного интереса другим. Значит, у них они есть, они имеются, эти самые интересы, и читатели только не сознают этого. Для того, чтобы начать самообразовательную работу, читатели такого типа должны некоторые свои насущные интересы все-таки сознать. Таким читателям можно сказать: хорошенько над собой подумайте и поищите и постарайтесь отыскать в своей душе то, что интересно вам, точнее говоря, то, что интересует вас более, чем что-либо другое. До тех пор, пока вы не найдете этого, самообразовательная работа не увлечет и не захватит вас и отнимет у вас массу лишних сил и времени... Далее, есть и такие читатели, которые не интересуются ничем посторонним, т.-е. тем, что находится вне круга их обыденной жизни. Это происходит или потому, что они ею вполне удовлетворены (верный признак несомненной тупости), или потому, что не знают о существовании чего-либо и для них интересного за пределами их горизонта. Оставляя пока в стороне читателей удовлетворенных, нельзя не сказать про читателей второго типа, что заинтересовать их чем-либо, в сущности, дело очень нетрудное. Для этого нужно лишь какой-либо вопрос жизни поставить перед ними в виде ярких, точных и определенных образов, т.-е. фактов, которых даже и они не смогут отрицать, но которые смогут привлечь на себя их внимание хотя уже тем, что не подходят под их обычное объяснение. Такие факты заставляют искать других, не обыденных, не шаблонных и не привычных объяснений (какие именно факты могут сыграть эту роль,—это смотря по человеку). Одних читателей могут заинтересовать явления природы, других—вопросы

Digitized by Google

жизни, третьих—вопросы той обстановки, в которой лично они живут, ее темные и светлые стороны. А больше всего на свете таких людей, которых заинтересовывает то, что непосредственно их касается, непосредственно затрогивает их самих или их жизнь. Далее, есть ли на свете человек, который не пожелал бы расширения или разрастания, раздвигания своей жизни, в смысле ее полноты, глубины, возвышенности, и кто не захотел бы сделать свою жизнь возможно напряженной, осмысленной и красивой, будь он даже самого узкого душевного склада? Ведь какие-нибудь нервы, какие-нибудь струны и в его душе наверно имеются. И струнки чувствительные, способные к дрожанию. Это еще Достоевский выяснил с достаточной очевидностью. В данном случае вопрос у нас идет не о том, что пробуждать, а о том, как пробуждать, как найти эти, уже имеющиеся струнки души. Мы глубоко верим, что во всяком человеке при известном, более или менее умелом внешнем воздействии всегда можно пробудить какой-нибудь интерес к чему-либо, а, пробудив его и опираясь на него как на первую ступень, которая завтра же будет оставлена и забыта по своей ненужности, итти все дальше и дальше. В том, что это так, убеждает нас и наша практика. И это тем более справедливо для тех людей, которые сами просят о помощи в деле самообразования. Если просят,— значит что-то дрожит уже в их душах. Повторяем, нет и не может быть таких людей, которые бы ничем не интересовались. Можно напомнить о существовании целого ряда вопросов, которые имеют не только теоретический, но и чисто практический интерес для огромного большинства людей. Кому неинтересны, напр., такие вопросы: что такое счастье и доступно ли оно мне? Что такое жизнь и что она мне может дать? От каких причин зависят те беды и напасти, которые сыплются на меня (на кого они не сыплются?), на моих друзей, на общественный класс, к которому я принадлежу, на мою страну и т. д.? Что такое жизнь и смерть, истина и ложь, добро и зло, смысл и бессмыслие жизни? Как появились звезды и др. светила на небе, растения, животные и человек на земле, и как можно узнать об этом с возможной точностью и достоверностью? Перед каждым из нас стоит целый ряд вопросов, одна постановка которых уже пробуждает в душе огонек искания. А пробуждение этого-то огонька и имеет громаднейшее значение для правильной постановки всей самообразовательной работы с самого же ее начала. Начинать ее

Digitized by Google

нужно с того, что интересно,—будет ли это интерес мимолетный, постоянный или коренной. Мы утверждаем, что такая постановка всегда и вполне возможна.

Второе правило самообразовательной работы заключается в том, чтобы, начав работу с интересного, повести ее таким образом, чтобы углублять и углублять ее, расширять и расширять, переходя от вопроса к вопросу, от одной области знания к другой, от науки к науке, в той последовательности и связи, которая подсказывается необходимостью понять жизнь, реальную, действительную, окружающую жизнь прежде всего. Каждый вопрос, интересующий читателя в данное время, непременно сложный и многосторонний вопрос. Стоит в него вдуматься лишь немножко, и сейчас же становится ясно, что для понимания и изучения этого вопроса приходится его расчленять на целый ряд других, более или менее мелких и соподчиненных вопросов. Так, напр., вопрос о счастье уже предполагает два других вопроса: во-1-х, о внутренних, во-2-х, о внешних условиях счастья. Вопрос о внутренних условиях, ведь это же—громадный вопрос о человеческой душе и о сложных явлениях, в ней постоянно происходящих. Вопрос же о внешних условиях, это—вопрос об окружающей среде, о всем строе окружающей жизни,—и семейной, и религиозно-церковной, и политической, и экономической, духовной и материальной. Не вдумавшись и не рассмотрев все эти условия внутренней и внешней жизни, невозможно решить вопрос о счастье, каким бы простым он иной раз ни казался. История мысли человеческой показывает это с удивительной яркостью. Но и на этом начавший мыслить человек еще не может остановиться. И правда, что такое человеческая душа? Это только одна из сторон человека. Нет никакой возможности понять одну его сторону, независимо от других сторон, напр., сторону духовную независимо от телесной, которая оказывает такое огромное влияние на первую. Тут мы приходим к необходимости вдуматься в человека вообще, в человеческую природу. К тому же самому мы приходим и вдумываясь в строй окружающей жизни, потому что окружающее нас общество, как и человечество, состоит из людей же. Но ведь человек и человечество, это—частичка природы, и в глубине каждого из нас работают клеточки нашего тела, а в глубине клеточек работают атомы, т.-е. тот самый материал, из которого составлена вся вселенная и различные виды

Digitized by Google

движения которого в науке называются „мировой энергией“. Мы нарочно даем здесь в самых общих чертах примерный анализ одного из интереснейших и важнейших вопросов для того, чтобы на этом примере показать, до какой степени все вокруг нас связано одно с другим, так что, начиная с любого вопроса, интересного для данного человека в данное время, но углубляясь и углубляясь в него и вследствие этого переходя все к новым и новым вопросам (так как все они цепляются один за другой), волей-неволей приходится делать общий и систематический обзор вселенной: другими словами, приходится изучать вселенную, одну ее область за другою, один вопрос за другим. И это до тех пор, пока не совершишь путешествия по всем областям, по крайней мере—самым главным.

Таким образом, мы приходим к выводу: вдумывайтесь в то, что вам интересно, ставьте вопросы, расчленяйте их на разные другие, второстепенные вопросы, проделывайте и с этими последними то же самое, так, чтобы каждый расчлененный вопрос стоял перед вами, властно требуя ответа,—и таким способом вы получите систематическое образование, с какого бы вопроса вы ни начали. Суть образования заключается не столько в том, с чего начинать, сколько в том, чтобы систематически путешествовать по вселенной. Если есть в вашей душе действительно серьезный интерес хоть к какому-нибудь вопросу, для вас в данное время жгучему и важному,—задумайтесь над ним посерьезнее хоть на одно мгновение, и вы уже почувствуете, что вам недостает образования вообще, и целый ряд знаний не может не показаться вам притягательным и манящим куда-то в светлую даль. Сама работа, самый ход ее заставит вас наметить более или менее определенную последовательность в ней. Вы сами поймете, напр., что нельзя браться за изучение высшей математики без знакомства с низшей, за изучение медицины без знакомства с устройством человеческого тела. Возьмите любую книжку по высшей математике или медицине,—и вы сейчас же отскочите от них, почувствовав недостаток своих знаний. По самой непонятности своей эти книги покажутся вам неинтересными. Но нужно отличать неинтересную книгу от неинтересной науки. Если вас интересует медицина, вам можно указать и по ней такую книгу, в которой одновременно даются сведения и об устройстве человеческого тела, и по биологии и химии, и по всем другим естественным наукам. В настоящее время

Digitized by Google

даже и граница между высшей и низшей математикой стушевывается в науке, и начальная геометрия начинает излагаться по методу аналитической. Последовательность занятий, во всяком случае,—понятие очень относительное, и если некоторые читатели, по своему складу ума, настойчиво требуют последовательности во всех деталях общего плана занятий, читатели другого склада, ничего не теряя ни в качественной, ни в количественной стороне знаний, довольствуются самыми общими указаниями на этот счет.

Далее, разрешению вопроса о последовательности занятий помогает следующий прием: замена изучения отдельных наук изучением отдельных вопросов окружающей жизни. Существуют многие тысячи прекрасных книг, которые трактуют не о науках, а о вопросах и областях жизни и при этом освещают данный вопрос или область данными целого ряда самых разнообразных наук. Таким образом, фактически и на практике является вполне возможным для всякого начинающего читателя, быть может, за самыми редкими исключениями, следовать в самообразовательной работе вышенамеченному принципу: начинать с того, что интересно, и следовать по той дороге, которая становится интересной во время хода занятий, идя от одной области жизни к другой, от вопроса к вопросу, и так до тех пор, покамест не будет сделано систематического путешествия по вселенной. Разумеется, если такое путешествие не будет сделано, т.-е. останется неоконченным, то не будет окончено и образование. Но ведь то же бывает и в любой школе, и к курсам очень многих школ приходится относиться еще более отрицательно, потому что они, если можно так выразиться, намеренно односторонни. Мы имеем тут в виду не специальные школы, преследующие технические цели, а школы, претендующие на название общеобразовательных. Не будем же преувеличивать значения того, что называется системой образования. Этим словом часто злоупотребляют. Так, напр., называют „систематическим“ чуть ли не всякое школьное образование. И при этом закрывают глаза на то, что люди, успешно окончившие курс школы, решительно ничего не знают о целом ряде важнейших областей жизни. Из курсов и программ иных школ многие науки и вопросы даже намеренно убираются предусмотрительным начальством, составителями программ, действующими по известному правилу Екатерины II: „Черни не должно давать образования“.

Digitized by Google

Какая же тут систематичность в выборе предметов? То же самое можно сказать и об усвоении их. Сравните между ссбой разные учебники и руководства по разным наукам, и вы увидите, что один и тот же фактический и теоретический материал предлагается читателю в разных учебниках то в той, то в другой последовательности. Значит, выходит так: систематичность, это— не что иное, как закругленность, обзор, в который входит все существенное, а сделаете ли вы этот обзор в той или другой последовательности, с того или другого конца, это не так уже важно. Во всяком случае, надо различать последовательность чтения от законченности его. понимая под законченностью знакомство со всеми главнейшими областями жизни и мысли. Итак, мы приходим к такому выводу, формулированному выше: всякий работающий над самообразованием должен начинать это последнее с того конца, который ему интересен, и в том порядке, который тоже ему интересен, но непременно с таким расчетом, чтобы обзор целого все-таки был сделан. Вот это-то целое, т.-е. вселенная, и есть общая схема или система образования. Значит, систематическим образованием надо называть такое, которое включает в себе все главнейшие области жизни и мысли.

Пусть читатель на пугается, что мы сводим самообразование к изучению всей вселенной и как бы рекомендуем ему нечто необъятное и, во всяком случае, очень громоздкое и почти недостижимое. Вся суть в том, что, говоря о самообразовании или образовании, нельзя не рекомендовать именно этого всякому человеку, стремящемуся сделаться образованным. И правда, что такое образованный человек? Это человек, имеющий свое собственное миросозерцание, свои мнения о всех сторонах и областях окружающей его жизни. Чтобы жить, и жить возможно плодотворною, полною, глубокою, возвышенною, напряженною и красивою жизнью, нужно быть разносторонне подготовленным к ней. Поэтому без общего миросозерцания никому обойтись невозможно. Далее, нельзя не стремиться к тому, чтобы выработать его возможно основательнее и совершеннее. Без этого тоже никто не должен обходиться, да и не обходится, потому что сама жизнь требует от каждого из нас общего миросозерцания, а, значит, и общего образования, лежащего в основе первого. Никто из нас не может, по самой сути дела, рассуждать так, или узнать все, или ничего. Нет, вместо этого нужно рассуждать

Digitized by Google

несколько иначе: каждый добивайся возможно большого, но не забывай и о возможном и достижимом,—достижимом для такого-то человека, живущего в таких-то условиях, обладающего такими-то способностями. Мы здесь говорим о достижимом минимуме образования, предоставляя максимум его—решению каждого. Ведь существуют же типы школ низшей, средней и высшей, и одни и те же предметы преподаются во всех них в различных размерах. Самообразование тоже приходится вести в различных размерах, смотря по личности самоучащегося, его силам, способностям и времени, каким он располагает. В наших трудах мы не раз говорили о том, в каких же размерах доступно изучение вселенной. Здесь же, во избежание возражений, мы лишь напоминаем, что, говоря об изучении вселенной, мы ни на минуту не забываем об общедоступности того, к чему мы зовем. Точно так же мы не смешиваем и образования общего, цель которого—выработка общего миросозерцания, с образованием специальным, цель которого—чисто практическая. Об этом также еще будет речь впереди.

Переходим теперь к следующему пункту общего плана занятий. Для самого начала его необходимо запастись некоторой хотя бы временной схемой. Нужна такая схема, которая бы охватила жизнь, природу и человеческую мысль в их главнейших проявлениях и все главнейшие их области. Такую схему мы и дали на стр. 25—26 [1]), и, как она ни кратка, ее вполне достаточно, чтобы, в случае ее осуществления, сделаться несомненно образованным и развитым человеком. Усвоить какую-либо общую схему такого рода,—ту ли, которая выработана нами, или какую иную,—по нашему мнению, очень важно для начинающего, потому что она, во-1-х, говорит читателю о том, с какими областями жизни и мысли он должен познакомиться, во-2-х, помогает расчленять любое явление жизни на целый ряд основных сторон, в-3-х, намечая отдельные стороны, схема требует, чтобы при этом не забывалось и целое. Но эта схема—то же, что леса при постройке дома. Она при самом ходе занятий помогает приводить знания в систему. Многие читатели думают, что систематичность, это—прежде всего систематичность в самом ходе

[1]) См. о ней более подробно в «Письмах к читателям о самообразовании», стр. 80, и в «Среди книг», т. I, изд. 2-е, «Введение».

Digitized by Google

занятий, и проклинают себя за то, что они работали над самообразованием не систематично; между тем самая суть систематичности заключается не столько в том, в каком порядке усваивать знания, сколько в том, как приводить в порядок знания, уже приобретенные. Систематичность прежде всего должна быть в голове. Схема же должна говорить о том, что в каждом окружающем явлении есть такие-то стороны. В природе и жизни все слито со всем и все влияет на все. Человек, у которого знания приведены в систему, имеет возможность в каждом явлении жизни систематически различать целый ряд сторон, иными словами, — систематически расчленять каждое явление для того, чтобы лучше познать его, глубже и детальнее вникнуть в него. Имея краткую схему при самом начале работы, читатель этим самым уже ставится в такие условия этой работы, что, изучая какую-нибудь одну сторону жизни или область ее, он уже не может забывать о существовании целого ряда других сторон, т.-е. уже начинает бороться с односторонностью,—усилие, крайне важное в самообразовательной работе, которая, как мы увидим дальше, должна иметь не только аналитический, но и синтетический характер. Одно из могущественных орудий культурного ума—систематическое, глубокое вникание в окружающую жизнь.

Но тут является вопрос: большинство людей, начинающих самообразовательную работу, совершенно не знает даже о существовании целого ряда сторон, вопросов, явлений, областей жизни и науки и т. п. Для того, чтобы вникать в окружающую действительность и видеть ее разные стороны, нужно же знать хотя бы о существовании-то этих сторон. Это обстоятельство ставит многих читателей в крайнее затруднение и словно отрезывает их от самообразовательной работы. Поэтому следующий этап этой работы приводит к необходимости подумать и о некотором приеме, при помощи которого можно было бы устранить вышенамеченное затруднение. Перед нами встает, во-1-х, вопрос о предварительном знакомстве в области человеческого знания, и именно знания научного. Более подробному выяснению общей схемы мы посвящаем особую большую работу, где читатель найдет характеристики всех главнейших отраслей знания, наук и конспекты их. Чтобы путешествовать по вселенной, такой путеводитель, думается нам, безусловно необходим. Рядом с этим, во-2-х, встает также вопрос о первой научной книге, ко-

Digitized by Google

торую следует прочитать. Нужно дать начинающему читателю своего рода географическую карту той страны, по которой ему придется путешествовать во время его работы над самообразованием. Эта карта должна помочь ему, так сказать, окинуть вселенную общим взором,—развернуть общую картину космической, органической, социальной и духовной жизни, наметить комплекс целого ряда областей этой жизни, целого ряда вопросов в каждой области, целого ряда фактов, ставящих эти вопросы и заставляющих задумываться о себе. Роль такой путеводной карты могут играть книги, посвященные, напр., вопросу об эволюции,—о происхождении небесных светил, земли, растений, животных, человека, человеческого общества, государственного и экономического строя, религии, нравственности, культуры, искусств и т. д. Из наших личных сношений с читателями мы не могли не прийти к тому выводу, что для огромного большинства их такая общая картина мировой жизни является в высшей степени необходимой, а вместе с тем она и интересна и увлекательна, если только нарисована в красках, т.-е. образах, легко воспринимаемых читателем данного типа. Из изучения русских книжных богатств можно сделать вывод, что даже в настоящее время существуют на русском языке книги, которые доступны читателям не только со средней, но даже с самой элементарной подготовкой, и которые удовлетворяют вышенамеченным требованиям [1]). Пишущий эти строки, исходя из изучения потребностей читателей с первоначальной подготовкой, также сделал несколько опытов по составлению книг синтетического характера, стремящихся удовлетворить, в возможно краткой, простой, фактической и образной форме, потребность в книгах, расширяющих общий кругозор и подводящих итоги современному научному миросозерцанию в виде общей картины [2]). Впрочем, вопрос о первой научной книге

---

[1]) Таковы, напр.: Дрейфус «Мировая и социальная эволюция» (II), Бюхнер «Сила и материя» (II), Геккель «Мировые загадки» (III), Карус Штерне «Эволюция мира», 3 тома (II), Гюйар «Картина мира» (III), Спенсер «Прогресс» (III) и т. д. Римские цифры означают относительную трудность изложения. Для читателей с элементарной подготовкой (I) можно указать «Научно-популярную библиотеку» В. Лункевича и подготовленную нами к печати «Историю земли».

[2]) «Из тьмы времен в светлое будущее». 1909 г. «Дедушка Время», Изд. 2-е, Спб. 1908 г.

Digitized by Google

настолько важен практически, что ниже мы посвящаем ему особую главу [1]).

Из предыдущего же следует уже, что выбор одной или нескольких книг с целью предварительного расширения кругозора—дело вполне возможное. И с этого и приходится начинать самообразование многим читателям, а не набрасываться на изучение той или иной науки, что вряд ли удовлетворит их и во всяком случае будет менее полезно, чем тот прием, который мы предлагаем. Наблюдения над читающей публикой показывают, что такая постановка дела вполне соответствует тому требованию, какое было нами формулировано в начале этой главы. Грандиозная картина мироздания захватывает читателя своим величием и раскрывает перед ним такие горизонты, каких он, быть может и не подозревал, вместе с тем возбуждая неудержимое стремление поподробнее познакомиться с ними.

Здесь мы переходим к следующему этапу самообразовательной работы. Этот этап заключается в том, чтобы после предварительного знакомства с общим приступать и к изучению отдельных отраслей знания или, точнее говоря, отдельных областей жизни, освещая каждую область с разных сторон. Это можно сделать по той же схеме, о которой было упомянуто выше и о которой мы будем говорить и в следующих главах.

Разумеется, эта схема может быть заменена и другой, если и та будет полна в такой же степени, как предлагаемая нами.

Далее читателю предстоит наметить те области этой схемы, знакомство с которыми кажется ему наиболее важным и интересным, со знакомства с которыми, как мы сказали уже, этому читателю и следует начинать свою работу. Последующими этапами его работы, по мере углубления его мысли и появления все новых и новых запросов ее, явится для него знакомство со всеми другими областями. Опыт показывает, что взрослому человеку в целях сохранения сил и труда выгоднее вести самообразовательную работу не по наукам, а по вопросам, освещая каждый вопрос с точки зрения различных наук (философских, общественных и естественных). При этом при знакомстве с каждым отдельным вопросом выгодно следовать по тому же пути, какой указан был и для знакомства с общей картиной вселенной: сначала знакомиться с общей картиной его, а затем с деталями. Впрочем,

[1]) См. ниже главу: «О первых трех книгах».

Digitized by Google

некоторые читатели с конкретным складом ума эту общую картину вопроса, с которым они желают знакомиться, схватывают легче всего не из общих его обзоров, а из монографий, раскрывающих тот же вопрос в его основных чертах на каком-нибудь отдельном примере. Читателям же практического типа, выдвигающим на первый план применение приобретаемых знаний к жизни, выгоднее брать для первого знакомства с предметом книги прикладного типа и от знакомства с ними восходить к теоретическим и философским сторонам вопроса. Словом сказать, личные особенности читателя должны быть всегда принимаемы в расчет не только при начале работы, но и в ходе ее.

Этим мы и заключим наши указания об общем плане занятий. Далее будем говорить о самых приемах работы.

ГЛАВА V.

Практика самообразовательной работы вообще и самообразовательного чтения в частности. Что искать в книге?

В предыдущей главе мы старались наметить общий план самообразовательной работы. Мы говорили о том, как и с чего начинать ее. Теперь нам нужно говорить о самом ходе работы, другими словами—о том, как вести ее. Разумеется, главным орудием при самообразовательной работе является книга, а самая работа, в значительной степени, хотя отнюдь не вполне, сводится к чтению. Поэтому к предыдущим вопросам примыкают такие: как читать? Чего требовать от читаемой книги? Чего искать в ней, стремясь достигнуть намеченной цели с наибольшим результатом и с наименьшей затратой времени, сил и средств?

Прежде всего поставим такой вопрос: какова именно должна быть цель таких занятий? Как уже сказано выше, цель их—получить образование: выбирая книги для самообразовательного чтения, принимаясь за их усвоение, читатель стремится сделать из себя человека действительно образованного. Но что такое образованный человек? Как мы уже указали, вовсе не тот, у кого есть диплом, а вообще человек, во-1-х, сведущий, много знающий, во-2-х, умеющий мыслить, вдумываться в окружающую жизнь, понимать ее внутреннюю и внешнюю сторону, ориентироваться

Digitized by Google

(осваиваться) в любых обстоятельствах, в 3-х, человек, умеющий чувствовать жизнь, переживать то, что он видит, но переживать не только умом, а всей душой, умеющий воспроизводить в своей душе переживания других людей, не закрывая глаз на чужие страдания и потому отзываясь на них; в-4-х, образованный человек—такой человек, который не только сидит да что-то там изучает, сидит да думы свои думает. Все это тоже хорошо и нужно, но ведь нужно, кроме того, и проявлять себя, свои думы в жизни, проявлять то самое, что уже понял и до чего додумался, — осуществлять свои думы, стремиться к их воплощению в жизнь. Четыре качества,—знание, понимание, отзывчивость, деятельность,—вот что обычно характеризует образованного человека и отличает его от других, необразованных и полуобразованных. Отсутствие какого-либо, даже одного из этих качеств уже делает человека полуобразованным. А исходя из этого, мы делаем вывод:

Хорошие и подходящие книги, как следует выбранные и как следует прочитанные и усвоенные, должны и могут помочь развитию в человеческой душе всех этих четырех качеств. Нужно только научиться, как пользоваться книгами в этих четырех целях. Значит, говоря о ходе самообразовательной работы, нужно поставить такие четыре вопроса:

1) Как вычерпывать из читаемой книги возможно больше наиболее ценных знаний?

2) Как, читая книгу, развивать в себе уменье мыслить уменье вдумываться и в свою, и в чужую душу, и в окружающую жизнь, и во все?

3) Как вырабатывать в своей душе отзывчивость, чуткость, любовь к людям, т.-е. такое чувство, которым красна жизнь твоя и чужая, а, значит, и общественная?

4) Как проявить себя, свою душу, свои знания, понимание, настроение, отзывчивость — в работе, в деле, вообще в жизни (личной и общественной), в борьбе с ее темными сторонами и в созидании новых форм ее?

Вот на эти четыре основные вопроса и надо поискать ответа. Этих же ответов надо искать и в книгах,—если не в одной, так в другой, не в другой, так в третьей. В какой-нибудь книге уже наверное имеется или самый ответ на этот вопрос, или материал для решения его. Итак, будем искать.

I. Первое дело: знание. Что такое знание? Это прежде всего— истина. Истина это значит знание и понимание того, что

Digitized by Google

есть,—того, что действительно есть. В основе всякого знания, всякой истины лежат факты. На них, в конечном итоге, и опираются истины, даже самые отвлеченные из отвлеченных, то-есть общие из общих. Но до таких истин не дойдешь и их не уразумеешь как следует, если не будешь знать самой основы, на которую опираются эти истины, их фундамент и еще какой фундамент,—самый жизненный,—жизнь. Ведь что такое факты? Это и есть жизнь (прошлая, настоящая или будущая). Жизнь состоит только из фактов. Узнать жизнь это значит узнать, из каких именно фактов она состоит и как эти факты появляются при каких именно условиях, то-есть почему они возникают, при каких условиях они изменяются, исчезают, сменяются другими фактами, как шло их появление в прошлом, как оно пойдет, потому что не может не пойти, и в будущем. Поэтому знание фактов должно быть поставлено на первом месте. Поэтому же необходимо прежде всего позаботиться о том, как именно узнать их Нередко бывает так: в голове начинающего читателя факты, вычитанные из книги, держатся как-то особо, словно они не сама жизнь, а нечто в стороне от нее стоящее, с ней не соприкасающееся. Почему это происходит? Потому, что читатель не ясно представляет себе эти самые факты: они в его голове окутаны в роде как туманом. В такой туманности представлений подчас виноваты и многие книги. Во многих книгах факты лишь упоминаются, а не описываются. В других книгах факты хотя бы даже и описываются, но не ярко, не образно, а то и сбивчиво. Все это мешает усвоить их. Самый лучший способ усвоить факт, это увидеть его своими собственными глазами, восчувствовать, пережить, и не только умом, но и всей душой. Тогда действительно он не может не усвоиться. Потому и говорит пословица: „жизнь учит". Это значит: „пережитые, увиденные факты учат". К такому их переживанию и надо стремиться. Есть и такие книги, которые сильно помогают именно такому знакомству с фактами. Есть книги, которые дают описания фактов яркие, образные, и факты, т.-е. жизнь, выступают из них словно живые. Этому помогают и картинки. Еще более помогают знакомству с фактами книги для практических занятий. Например, хорошая книжка о небе, разумеется, знакомит с фактами, какие замечены в этой области. Но читать такую книгу—совсем не то, что самому присмотреться к небу. И присмотреться не так, как смотрят на него, напр., зеваки, а вдумчиво, все замечая и подмечая, и осо-

Digitized by Google

бенно при помощи каких-нибудь приборов, хотя бы и очень просто устроенных и всем доступных. Есть особые книжки, которые говорят о практических приемах для лучшего и разумного знакомства с устройством неба. То же самое можно сказать о любой области знания, о любом ряде фактов, извлеченных из жизни. Самый лучший способ их узнать—присмотреться к ним, испробовать, изучить для этого хоть кой-какие способы столкновения с ними, словом, шевелить не только мозгами, но и руками. То же можно сказать и о жизни общественной. Например, есть на свете много книг, в которых рассказывается о жизни крестьян, рабочих и в России и за границей. Есть и описания того, как идет эта их жизнь. Есть даже очень яркие описания. Великие писатели-художники изображали эту жизнь и с внешней и с внутренней стороны, словно на картине, даже лучше. Великие ученые изучали ее, старались вникнуть в нее, осветить ее и понять. Многие книжки, и научные и художественные, помогают всматриваться и вдумываться в эту жизнь, подмечать и собирать факты этой жизни и участвовать в ней, в ее ходе, посредством создания хотя бы и маленьких, но все новых ценных фактов, переживать ее не только платонически и на бумаге, а всем своим существом—головой и руками. Словом, то, что здесь сказано о первостепенном значении фактов, значении знакомства с ними возможно близкого, возможно яркого, одинаково приложимо ко всем областям знания,—начиная с устройства неба и кончая устройством общественной жизни. Вот к такому знакомству с фактами и необходимо стремиться, читая книги. Необходимо искать именно такого знакомства с фактами если не в одной, так в другой книжке. Разумеется, хорошо и важно иной раз узнать о таком-то факте, хотя бы и кратко: был или есть, мол, и такой-то факт. Даже и такое знание очень ценно, если этот факт действительно был. Но все же только такого знания еще мало. Это только зародыш знания фактов, т.-е. жизни. Это только крупинка его. Необходимо сделать так, чтобы на эту крупинку в роде как бы осело многое множество других, знание на знание, все о том же факте, подробность на подробности о нем. Пусть наседает их больше и больше, но так, чтобы в конце концов этот самый факт встал в читательской голове „совсем как живой“, по возможности как живой. Почему же именно это нужно? Потому что, работая над самообразованием, нужно стремиться к познанию жизни, а не книги. Книга, это—только одно из средств или орудий такой

Digitized by Google

работы, а вовсе не цель ее. Кто изучает и знает книгу, а забывает об изучении жизни, тот может остаться самым невежественным человеком и по прочтении сотен книг.

Но знать факты, и даже во всей их яркости и жизненности, все-таки и этого еще мало. Нужно стремиться к их точному и достоверному знанию. А чтобы к этому стремиться, необходимо ясно-ясно понять, сознать, что обыкновенно человеческая голова полным-полнехонька всякими знаниями очень неточными, неполными и очень недостоверными. Люди знают обыкновенно „кое-что" да „кой о чем", о том, что „происходит или происходило что-то да где-то, так-то или в роде как будто так". Такому знанию, разумеется, грош цена. Это даже не знания, а слухи о знаниях. С этим нужно бороться,—бороться с неопределенностью собственных знаний и, прежде всего, не очень-то доверять общим и расплывчатым словам и неясным описаниям. Неопределенно и расплывчато знать, это—то же, что ничего не знать. Настоящее знание требует точности: знаю, так знаю,—не знаю, так не знаю; если же знаю, то могу сказать: такой-то факт—действительно такой, т.-е. с такими-то своими свойствами и качествами. Но даже и такое знание факта, как будто и точное, все-таки не вполне точно: настоящую точность дают только подсчет и счет, т.-е. математика, мера, число. Недаром еще тысячу лет тому назад Пифагор говорил, что „число есть мера всех вещей". И теперь наука говорит, что только такое знание можно считать настоящим научным знанием, которое основывается на мере и числе. Положим, не худо и вообще уметь сравнивать факты и знать их сравнительные величины или их сравнительную повторяемость и распространенность, т.-е.—„которых больше, которых меньше". Но еще лучше, еще важнее знать о них, во сколько именно раз или на сколько они больше или меньше друг друга или на сколько и во сколько раз они чаще встречаются. Не худо знать для борьбы с такой-то болезнью, что от нее умирает больше, чем от других. Но еще важнее знать — сколько именно (т.-е. круглым счетом по стольку-то человек). Не худо знать, что у крестьян меньше земли, чем у дворян, но еще важнее знать, на сколько именно. В настоящее время мера и число, то-есть знание точное, захватило в свою власть почти все науки. Кто не знает, напр., что в паровозе вычислено всякое колесо, всякий винтик, его размеры, крепость и т. д., в электрической лампочке — сила света, сила тока, напряжения,

Digitized by Google

сопротивления, нагревания и т. д. Прежде, чем делать очки, вычисляют, на сколько они должны быть выпуклы или вогнуты. Измерена и исчислена вся земля и величина планет и их пути в небесных пространствах. И именно эта-то точность и позволяет развивать деятельность и с пользой вмешиваться в жизнь, не тратя понапрасну сил. Настоящее знание, это—не только яркое, жизненное знание, оно, кроме того, и точное знание.

Такое же важное значение имеет и вопрос о достоверности знания. Какие только нелепости не считались или не считаются достоверными, начиная с рыб, разговаривающих по-человечьи, и кончая богом с седовласой бородой—Зевсом и т. п. Всевозможные нелепости выдавались и до сих пор выдаются за факты и считаются таковыми. И очень много сил, ума, таланта, энергии приходится тратить самым умным и ученым людям на разоблачение чужого вранья или чужих заблуждений, на отделение достоверного от недостоверного, как и точного от неточного. Недостоверные „факты"—такой сор, который отметать очень трудно. Люди привыкают ведь и к сору. Иным без него и скучно и тошнехонько. Они держатся за него „и мозгами и зубами". А иные из всяких недостоверностей, выдаваемых за факты, извлекают себе и выгоду, подобно колдунам, предвещателям, жрецам. Для иных—даже большой интерес не только врать, но и охранять вранье от опровержений и разоблачений. С такими охранителями приходится друзьям истины не только спорить, но и бороться. И с интересами их, и с наемными защитниками этих интересов. Есть целые отрасли знания (напр., история), которые в очень значительной степени состоят из непроверенных, недосказанных, недостоверных росказней, сказок, предположений, выдаваемых за факты, и еще таких искажений действительно бывших фактов, которые и опровергать не смей под страхом наказания. Еще того хуже обстояло, а отчасти и теперь обстоит дело и с историей священной. Например, во многих старинных странах, начиная с древней Греции, людей казнили, побивали камнями за то, что они считали недостоверными басни о двуногих, развратных, глупых и жестоких богах. Недостоверность того, что иной раз выдается за факт, это—такой враг в деле самообразования и стремления к истине, какой будет пострашнее, чем даже неясность и туманность настоящих фактов. Нередко бывает так, что иной писатель так ярко изображает то, чего не было и чего и быть не могло, словно он сам все это ви-

Digitized by Google

дел. А на самом деле все это вовсе не факты, а выдумка, фантазия, т.-е. ложь. И это делают вовсе не сочинители сказок и романов, а иногда и люди, которые пишут книги якобы научные,—действительно люди ученые. Еще Кантемир сказал, что „лучше врет тот, кому далось больше разумети“. У таких писателей и в их книгах очень трудно отличить достоверные факты от недостоверных. Но еще хуже то, что нередко люди сочиняют или искажают факты без всякого намерения. Всякий знает, что пьяному человеку иногда являются чертики, душевно-больным—привидения, нервные люди то и дело видят или подмечают то, чего вовсе нет и быть не может, и не отличают того, „что кажется“, от того, „что действительно есть“. Впечатлительные люди, поддающиеся настроению и порывам души, тоже плохо умеют видеть и излагать фактическую истину. Но то же самое может случиться и с нормальным из нормальных людей, напр., под каким-нибудь мимолетным настроением. То же бывает и тогда, когда в душе человека сильно пристрастие к собственным интересам, напр., материальным, экономическим, классовым, сословным и т. д. А много ли таких, кто забывает о своих интересах? Они то и дело искажают человеческое понимание и заставляют видеть то, чего вовсе нет и быть не могло. То же можно сказать и о привычках, обычаях, нравах и всем хламе, который влезает в душу человеческую еще в детстве, чуть не с колыбели, и против его собственного разума и воли. Как во всем этом разобраться? Как отличить факт от того, что „кажется“? Сплошь и рядом для этого требуется производить целые научные исследования, разыскания. Это и есть дело настоящей науки,—восстановлять настоящие, действительные факты и только из таких фактов делать опору своей мысли. А чтобы добиваться таких знаний путем самообразования, нужно вот что: уменье критиковать, проверять, иначе говоря,—уменье думать, размышлять, вникая и сопоставляя. Для того, чтобы была наука, необходимо, чтобы была и критика, настоящая, научная, правильная, основательная, беспристрастная, нелицеприятная критика, которая ради истины не жалеет никого и ничего. Такая критика и считается у настоящих ученых людей крайне важным пособием для познания истины, т.-е. жизни, такою, какова она есть. Без такой критики многие и многие выдумки, ложь и нелепости до сих пор считались бы „фактами“ во всех областях знания и жизни. Теперь и не пересчитаешь, сколько их изгнано

Digitized by Google

с великим позором навсегда. Стремиться к настоящему знанию это значит учиться критике, это значит вырабатывать в себе уменье отличать ложь от истины.

II. Здесь возникает перед читателем второй вопрос, который был поставлен выше. Да, стремясь к самообразованию посредством чтения, прежде всего необходимо вложить в себя запас фактов, отчетливо представленных, точных, достоверных. Но этого еще мало. Каждая книга дает не только факты, но и идеи, и настроения. Книга знакомит с стремлениями других людей, с их идеалами. Каждое обобщение, каждое объяснение фактов, мнение о их причинах и следствиях, каждое общее понятие, все это—уже „идеи"... Далее, каждый факт или группа фактов навевает, вызывает какую-нибудь идею, целый ряд, целый рой их, различающихся и по своей широте, и по глубине, и общности и т. д. Человеческая мысль, удаляющаяся все дальше и дальше от фактов и поднимающаяся над ними, вместе с тем делается и более отвлеченной, как бы уходит от самой жизни: мостик, ведущий к ней от фактов, от жизни, делается все длиннее и темнее и, наконец, становится едва заметным, и отыскать его иной раз чрезвычайно трудно. И относительно многих-многих человеческих идей, имеющихся в великом изобилии в голове каждого из нас, трудно и решить, да на какие же именно факты они опираются или могут опираться. Из каких фактов и как эти идеи выведены? Проверены ли эти выводы, как и сами факты? Ни отдельный человек, ни все человечество иной раз не в силах и решить этого. И потому множество идей, имеющихся в наших головах, в сущности как бы висят в воздухе. Таким способом стушевывается, затемняется граница между тем, что есть, и нашим измышлением. Далее, каждое новое впечатление, ощущение и т. д., приходящее извне, встречает в голове уже целый склад идей, понятий, представлений (в том числе и таких, о каких только что шла речь), которые пришли туда еще раньше; а все, что к ним вновь приходит, как бы сливается, и мы сами не в силах отделить новое, только что пришедшее от старого, там уже бывшего. Мы знаем лишь смесь (равнодействующую) того и другого. Необходима постоянная и очень напряженная работа мысли, вникание в каждое слово, каждую идею, теорию, мнение для того, чтобы сопоставлять их с фактами, то-есть с жизнью, проверять обобщения и держать свое мышление в узде, так как без проверки и без собственной узды для нас оказывается совер-

Digitized by Google

шенно невозможным отделять заблуждения от истины. Один ученый совершенно правильно сказал: „Поменьше доверия к общим словам и общим понятиям, не забывайте о почве, т.-е. о фактах“. Проверять какую-либо идею, это значит проверять свои мысли фактами. Действительно правильная мысль выдерживает какую угодно проверку; если же она этой проверки не выдержит,— нужно ли тогда говорить, что у такой идеи не больно-то солидный вес? История идей—в высшей степени интересная и поучительная история [1]). Знакомство с нею дает читателю целый ряд глубоко интересных и ярких примеров того, как трудно было проверять иные идеи, мнения, теории, миросозерцания, напр., о „начале всех начал“, о происхождении вселенной, об управлении миром, о древности земли, о критериуме (т.-е. пробном камне) истины, о чуде, об авторитете, о „загробном бытии“ и т. д. И все-таки целый ряд такого рода идей и бесконечное множество других, не столь важных, в конце концов были-таки разобраны и проверены, и зерно истины было извлечено из-под толстой коры заблуждений. Мыслить—это значит проверять. Для этого-то и нужны точные и достоверные факты, чтобы, опираясь на них, создавать точные и достоверные идеи, мнения, теории, отражающие вселенную не как кривое, а как хорошее зеркало. Мыслить— это значит критиковать и, не боясь истины, сопоставлять мнение с мнением. Только путем сопоставления и критики можно отличить истину от заблуждения. Когда-то думали, что солнце и луна кружат вокруг нашей земли. Это мнение не выдержало проверки. Теперь все знают, что кружит вокруг солнца земля, к тому же постоянно вертясь на своей собственной оси. Прежде думали, что никакое государство не может стоять без монарха, а в настоящее время огромное большинство государств живут и прекрасно проживают без них. Прежде думали, что торговля может держаться только купцами, а теперь кооперативные учреждения (торговые и промышленные) все больше и больше вытесняют купцов и, к тому же, с большой выгодой для народа. Прежде думали, что истину от заблуждения можно отличить лишь при помощи священного писания и вообще авторитета: что говорит такой-то авторитет, то и есть

---

[1]) См., напр., Дрэпер. „История умствен. развития Европы“; его же— „История борьбы католицизма и науки“; Ланге. „История материализма“ и др.

Digitized by Google

истина. А теперь всякого рода авторитеты не оправдали себя, и человеческий ум больше всего надеется на свои силы и на свою опору, т.-е. факты, жизнь. Общим правилом стало: надо мыслить, вникать, понимать, проверять; надо выработать в себе уменье делать это. А уменье мыслить, это — своего рода искусство, и каждая читаемая книга заставляет учиться ему и практиковаться в нем. Передумывать те думы, которые изложены в книге,—сводить их к фактам, к жизни, проверять их,—это и есть второе дело, которое должно делаться при самообразовательной работе. Нет такой книги, которая не помогала бы такой гимнастике мозга, полезной самой по себе. Хорошие же, т.-е. умные книги помогают и учат ей в особенности. Фагэ очень остроумно и правильно сказал, что искусство чтения есть не что иное, как уменье думать с чужою помощью. Есть книги, удивительно помогающие вырабатывать умение мыслить; есть такие, которые учат этому искусству и как бы приглашают читателя вникать, вникать и еще вникать и доводить свое мышление до самой высшей и последней степени ясности. Ясность мышления должна простираться от самых низов, т.-е. фактов жизни, до самых верхов, до „начала всех начал". Как отличить то, что познано, от того, что еще не познано, и то, что познаваемо, от того, что непознаваемо? Об этом-то и необходимо подумать. Люди обыкновенно не умеют различать одно от другого. Кажется, уже ясно, что о непознаваемом и непознанном ничего нельзя сказать, что же оно такое, коли оно действительно непознаваемое и действительно еще непознанное. Но нет,—тут-то люди и стараются называть это неизвестное и неведомое разными таинственными именами. Индусы называют его „Брам", христиане—первой причиной, Промыслом и т. д. Получаются в результате одни только неясности и фантазии, потому что эти все названия непонятны сами по себе. То же происходит и относительно вечных вопросов о душе, о загробной жизни, о происхождении зла в мире, о конечной цели мировой жизни и т. д. „Не обнимешь необъятного, не познаешь непознаваемого",—эти две простые истины на практике, в сущности, оказываются нередко совсем забываемыми. Мышление должно раскрыть их во всей их ясности. „Искусство мышления,—говорит известный американский мыслитель Джемс,—можно охарактеризовать двумя чертами: во-1-х, проницательностью, во-2-х, запасом знаний. Проницательность—это значит способность и умение рассматривать конкретные данные под различными углами зрения", непременно под

Digitized by Google

различными, как и было сказано в предыдущей главе. Ясность мысли предполагает уже ясность знания, и одно без другого невозможно. Далее, мышление необходимо потому, что приводит в порядок полученные и получаемые знания фактов. Образованность состоит вовсе не в том, чтобы эти факты копить да копить, складывать их в голове, как придется. При таком накоплении любая голова может превратиться в сарай или чулан, и в лучшем случае,—в беспорядочно составленную библиотеку, совсем не приведенную в порядок. Факты должны постоянно перерабатываться мыслью и вместе с тем порождать мысль и, подчиняя ее при этом своей непреложности и неопровержимости, в свою очередь сортироваться и расставляться ею в таком порядке, чтобы на их усвоение и на их припоминание и познавание человек затрачивал сколь возможно меньше сил. Такая сортировка требует тоже мышления. Систематичность знаний также предполагает ее. Экономизация сил имеет громадное значение и в этой области. Мышление, это—связывание, соединение в определенном порядке. Таковы три главные стороны мышления (критика всякой идеи, всякого мнения, проверка их, сортирование, т.-е. классификация, систематичность).

Таким образом, нельзя не прийти к выводу: книга, во-1-х, это—источник знаний, фактов, во-2-х, источник идей, мнений, теорий. Далее, эти последние могут быть, во-1-х, чужими, приходящими в читательскую голову из книги, во-2-х, своими собственными, которые являются в читательской голове во время чтения. И те и другие подлежат критике, проверке, классификации. Такая работа и называется поисками истины.

Этим мы и могли бы покончить со вторым вопросом, который был нами поставлен в начале этой главы. Но есть еще одна сторона его, выдвигаемая самими читателями, на которой нельзя не остановиться. Дело в том, что читатели сплошь и рядом сводят самообразовательную работу к усвоению чужих идей, чужих мнений, чужих теорий. Между тем, самая суть этой работы вовсе не в усвоении чужого, а в процессе мышления, продумывания. То, что приходит в голову со стороны, вовсе не свое, а чужое. Для того, чтобы оно стало действительно своим, необходимо, чтобы оно слилось, действительно плотно и крепко слилось со всем тем, что уже имеется в такой-то человеческой душе.

Но что же это значит „слиться“, „усвоиться“? Это значит прежде всего—не противоречить никаким другим идеям, мне-

Digitized by Google

ниям, а также чувствам, стремлениям и деятельности этого человека. И не только не противоречить, а, напротив, опираться на него, на все прочие его идеи, чувства, желания, работу. Человеческий ум не должен быть в роде как пятнистым: в иных углах—черным, в иных—белым, в одних—красным, в других—синим и т. д. С противоречиями своего собственного ума необходимо постоянно бороться при обдумываньи каждой своей или чужой мысли. Нужно стараться при этом обдумываньи, чтобы по возможности, все мысли, мнения, теории сталкивались одна с другой в роде как лбами, и если они окажутся несогласными и непримиримыми между собой, т.-е. если исключают друг друга, тогда человек должен сказать той или другой: „уйди". Знакомство с чужими мнениями должно лишь помогать выработке своих. Нет и не может и не должно быть ничьей чужой мысли, которую необходимо усвоить только потому, что она исходит из такого-то источника, напр., из какой-нибудь старинной книги, почитаемой миллионами людей, или из уст какого-нибудь мудреца, учителя, ученого или какого-нибудь повелителя, владыки и т. п. Старинные книги все-таки писались в старину, когда люди еще не знали многого. Мало ли что там сказано: „стой, солнце, остановись, луна!" Люди, даже самые ученые и умные,—все-таки люди, и потому тоже могут ошибаться; а что касается до разных повелителей,—то одно дело—их кулак, и совсем другое дело—истина. Кулаком не докажешь, что дважды два—пять, а не четыре. Значит, если на кого и можно положиться, то лишь на самого себя, и потому считать приходится только те чужие мнения истинными и только те доказательства—доказательствами, которые пропущены чрез свою собственную мысль. Вот в этом-то передумывании и крепнет человек. Это-то собственное передумывание чужих дум и есть сила,—главная, могущественная сила, с которой ничего не может поделать никто со стороны. Поэтому на каждую читаемую книгу необходимо смотреть не как на источник мыслей, а как на возбудительницу их. Разумеется, при такой работе нередко случается, что и чужие мысли становятся своими. Важно то, чтобы стали-то они ими изнутри, а не извне, чтобы они всосались, а не присосались к душе. Что присасывается, то легко и соскабливается. А что всосалось, в роде как вода в растение,—ее и не выжмешь, и не выгонишь, не погубив всего растения. Это и есть то, что называется убеждением или убежден-

Digitized by Google

ностью, то самое, ради чего древние христиане шли на пытки, средневековые ученые—на костры, народные герои—на эшафоты и на виселицы. Мыслить—это значит убеждать самого себя до последней степени ясности и до последней глубины души, т.-е. и ума, и чувства, и воли. Когда это сделано, тогда человек действительно может сказать о себе самом: „Да, то, что я думаю,— это именно я думаю, и это именно мое". Поэтому Шопенгауер, знаменитый немецкий философ, был вполне прав, когда писал: „Различие между действием на ум самостоятельного мышления (самомышления) и чтения невероятно велико. Чтение навязывает уму такие мысли, которые ему могут быть чужды. Напротив, при самомышлении ум следует своему собственному побуждению". „Ученые, это—те, которые начитались книг; но мыслители, гении, просветители мира и двигатели человечества, это—те, которые читали непосредственно в книге вселенной".

Отсюда следует, что отнюдь нельзя сводить самообразовательное чтение к знакомству с теориями хотя бы самоновейшими и общепризнанными. Разумеется, очень трудно критиковать их: для этого нужно быть самому знатоком данной отрасли знания. Но ведь одни теории можно (и должно) сопоставлять с другими, третьими, четвертыми; такое сопоставление—та же критика, разбор, вникание, выработка своего мнения. История теорий, история мнений—один из лучших способов разбираться в них. А так как мнения и теории встречаются в каждой отрасли знания, то история каждой науки является необходимой принадлежностью в деле самообразования. Другими словами, нельзя читать книги с изложением только самой науки. Крайне важно, необходимо читать и книги по истории каждой науки, по истории мнений, по истории доказательств этих мнений, их споров, их борьбы, столкновений, их появления и разрушения и т. д. Знакомство с этим сильно облегчает выработку своего собственного мнения, а к этому-то и должна вести самообразовательная работа. Впрочем, говоря об истории мнений и их борьбе, необходимо отличать эту борьбу от так называемой полемики. Полемика, это—просто-напросто спор. И не только спор, но еще, обыкновенно, горячий спор,—такой, когда спорщики не только доказывают друг другу, а еще и треплят, кусают, язвят, чернят друг друга, забывая в своей горячности и за своими уязвленными самолюбиями и истину, и справедливость, и то дело, которому они служат или хотели бы служить. Мы усиленно рекомендуем чита-

Digitized by Google

телям начинающим не читать полемических книг, которые не только не просветляют понимания, а, напротив, затемняют его, путают, сбивают, приучают кликушествовать, враждебно и без уважения относиться к противникам и к чужим мнениям, которые нередко совсем даже и незнакомы данному читателю. Здесь мы переходим к третьему из вышенамеченных вопросов и скажем несколько слов о той роли, которую должно играть в деле самообразования чувство вообще, и в частности—отзывчивость.

III. Читая какую-либо книгу, читатель не только над нею думает. В его душе, какую бы книгу он ни читал, постоянно носятся волны чувств,—самых различных, разнородных чувств. И книга в их возбуждении также играет важную роль,—не только жизнь возбуждает их. Самообразование заключается не только в воспитании и развитии своего ума, но и в воспитании и развитии чувств. Можно и должно не только глубоко и тонко мыслить, но и глубоко и тонко чувствовать. Даже читая математическую книгу, человек переживает целый ряд эмоций, напр., иной читатель наслаждается, радуется, увлекается цифрами и формулами (радость—одно из самых светлых чувств), другой над тою же книгой дьявольски зевает, кряхтит, сердится, трет лоб и т. д. Нет такой книги, которая ни в ком не возбуждала бы никакого чувства. Известно, что нередко люди чувствуют ненависть и злобу, читая даже сборники законов или отчеты и уставы. Думается нам, счастливы те люди, которые умеют воспринимать книжное содержание всей душой, всем нутром,—целостно, неделимо (интегрально). Но есть и такие типы людей, которых обыкновенно называют „толстокожими“ или „дубинами“. Правда, это не совсем приятное в людях свойство иногда оказывается прирожденным; но нередко оно бывает и воспитанным, и, во всяком случае, есть возможность и воспитывать его и бороться с ним. Каким же способом с ним бороться (вопрос о его воспитании не входит в нашу задачу)? Один из лучших способов для этого—развить воображение. Всякий мало-мальски понимающий и мыслящий человек имеет возможность взять себя в руки настолько, чтобы мысленно поставить себя на какое угодно место, в положение какого угодно другого человека. Книги по беллетристике, истории и разным другим, им подобным отраслям литературы превосходно помогают таким „мысленным влезаниям в чужие шкуры“,—для наглядного оправдания всем известного этического

Digitized by Google

правила, выдвигаемого вероучителями и мудрецами всех времен и народов—и индусом Буддой, и китайцем Конфуцием, и персиянином Зороастром, и арабом Магометом, и евреями Моисеем и Иисусом. Быть отзывчивым,—это значит и в крупных и в мелких случаях следовать правилу этих всех мудрецов: „не делать другим того, чего ты не желаешь, чтобы тебе делали". Правило это—настолько же старое, насколько и бесспорное, но оно-то и лежит в основе того, что называется справедливостью. Все явления земной жизни, где только замешан человек и человечество, не могут не возбуждать в человеке вопроса о том, да как же отражаются эти самые явления на живых людях. Что они им дают и могут дать? Дают ли они одно и то же благо всем, или же только некоторым, а если не так, то почему не так, и что является причиной этой несправедливости? Нет такой книги, особенно из числа тех, в которых идет речь о человеке и судьбах человечества, которые не возбуждали бы в душе читателя именно этого этического вопроса. Моральная мерка так же необходима, как и мерка истины. Но есть мерка еще более важная, да и более светлая, хотя и более требовательная, так сказать,—мерка любви к ближнему, симпатии человека к человеку, и миллионы людей, и к тому же несомненно лучших людей человечества, знают и применяют эту мерку и теперь. И благо им! Правда, есть и другие люди, которые неспособны питать чувство любви ко всем людям и которые, по-волчьи, считают своими ближними только волков. Но это отнюдь не уменьшает значения такой мерки по существу, и книга, самообразовательное чтение, и здесь может явиться прекрасным и могучим орудием для выработки и развития высших чувство в человеке,—этических, эстетических и т. д. Читая книгу, нужно стараться переживать то, о чем говорится там: переживать и красоты неба, и чувство величия и бесконечности, раскрываемые книгами по астрономии, геологии и т. п.; переживать и чувствовать мощь и силу человеческого гения, читая книги по физике, химии и т. д., вводящие читателя в невидимый мир атомов с его вечным движением, переживать полноту всюду разлитой жизни и целый мир всевозможных чувств, навеваемых царством растений и животных; переживать и радость и горе, и вообще трепетание жизни, видя ее и на низших, и на самых высших ступенях лестницы живых существ; в особенности же переживать наиболее близкие и понятные всем людям переживания человечества, пе-

Digitized by Google

реживания, порождаемые всеми условиями, в каких приходится жить. И разве не о целом рое их говорят книги по географии, истории, книги об экономическом, правовом, религиозном, семейном и всяком другом строе общественной жизни, даже книги по статистике, повидимому, столь сухой и бесстрастной? За каждым фактом, каждым обобщением, каждой цифрой, рисующей общественные отношения, так или иначе чувствуется человек, человеческая личность, толпа личностей, живущих, стремящихся, страдающих, им же несть числа. Люди большого сердца—Белинский, Глеб Успенский, Лев Толстой и многие др.—читали, чувствуя и ощущая даже самые, повидимому, сухие книги. Успенский в одной из своих статей писал, что ведь и цифры в статистических сборниках, в сущности, живые; для Льва Толстого страдающий, темный, мечущийся и ищущий правды человек был всюду и всегда высшим законом и основным критерием, и Лев Толстой проповедывал, что человек и любовь к нему—мера вещей,—будь то церковь, государство, право, закон и т. п. Есть люди, которые, читая научные книги, сознательно не желают предъявлять к ним этического критерия и спрашивать у этих книг, да каким же богам они служат,—злу, добру, страданию наслаждению, свободе, гнету, и созданы ли они на горе, на радость,—кому и для кого. Самообразовательная работа должна включить в себя и такую задачу: она должна научить человека переживать жизнь всеми сторонами души, не только умом,—быть чутким и отзывчивым к окружающей жизни, ставя к ней запрос: насколько же ты, жизнь, светла и радостна, и для кого насколько, и почему? Почему именно только для немногих людей светла и радостна? Кроме любви и справедливости, другой мерки для такой оценки пока что нет. Но ведь именно любовью и справедливостью и красна жизнь всякого человека, и твоя собственная, и чужая.

Здесь мы подходим к четвертому и последнему вопросу,—от отзывчивости переходим к проявлению ее во вне—в действиях, в поступках, в творческой работе жизни.

IV) Творчество жизни—что же это такое? Это и значит проявление живой, мыслящей, чувствующей души во вне. Душа нежная, чуткая и отзывчивая, глубокая, но скрытая в себе самой и ничем не проявляющая себя по отношению к другим, хотя и живая душа там, в неизвестной глубине, но человек с такой душой, если только он этих своих свойств ничем не проявляет,—

Digitized by Google

то же, что мыслящий истукан, ходячий склад всего доброго, только запертый тридевятью замками и запечатанный девятью печатями, за которыми неизвестно что спрятано. Браться за самообразовательную работу только для того, чтобы набивать да набивать, хотя бы и великими сокровищами, такого рода запертый для всех склад,—чем же такая работа лучше простого лежанья сокровищ, спрятанных в недрах земли? Ради припрятывания сокровищ не стоит не только заниматься самообразованием, но и жить. Жить—это значит чувствовать, что живешь; это значит чувствовать, что твоя жизнь проявляется, и не только не застывает, а расширяется, развивается, растет во все стороны, в глубину, в высь, в смысле напряженности, красоты. Думать, что самообразовательная работа не ведет или не должна вести к такому развертыванию жизни, это значит отрицать все значение, весь смысл этой работы. К чему же тогда она, если не к тому, чтобы человек проявил самого себя, и проявил именно в той своей высоте, на какую он, по своим личным силам и способностям, смог или сможет взойти? Проявлять свои низшие инстинкты (без которых не обходится и не проявляющий себя человек), ими заглушая то высшее, что есть или может быть в душе, это, с точки зрения основной цели самообразования, просто смешно и нелепо. Если уж итти,—то вперед и вверх. Если уж расти,—так в высоту, а не под землю; если уж проявлять свою силу вокруг себя, так уж такую силу, которая несет и свет, и тепло, и радость, и любовь, и все лучшее, что создано за тысячи лет человечеством и что бесконечно радостно и приятно сознавать и внутри себя. Ведь проявление высшего дает и радость высшую и чувства жизни возносит на наибольшую высоту. И забывать эту сторону жизни, работая над самообразованием, не значит ли это себя самого лишать наиболее важного? В книге, в хорошей книге нужно искать именно этого. Книга должна учить не только тому, что „можно бы и должно“ проявлять в обыденщине,—она должна показать, разъяснить и то, как проявлять это, какими способами, приемами и т. д. Роль книги, хорошей, честной книги, если можно так выразиться, книги, любящей человека,—в этом отношении может быть громадна. Книга, действительно, может научить проявлению души. Не одна книга, так другая,—не другая, так третья,—ищите такую—и обрящете. Ведь где-нибудь, в какой-нибудь из них, а уж наверно скрыто то, что именно вам нужно. Порукой этому—тысячелетний опыт челове-

Digitized by Google

чества. Уж где-нибудь да воплотился же он,—нашлась и для него какая-нибудь копилка, сокровищница. Надо ее лишь отыскать, а затем и брать из нее, что нужно. Нет такой книги, из которой нечего было бы взять (в положительном или отрицательном смысле, т.-е. в смысле побуждения или воздержания) именно для того, чтобы проявить, т.-е. перевести в жизнь, в факты жизни. Перевести же что-либо в жизнь,—это значит пустить в дело свой мозг и мышцы, что-то сделать, устроить, создать. Эту двигательную, побуждающую к поступкам силу можно подметить без особого труда во всех категориях книг. Разве не влияют на поведение человека книги беллетристические, этические, публицистические, даже помимо его желания? Разве история, политика, право, публицистика, вплоть до газет, ежедневно отражающих поток современной истории, уносящий всех нас, не обусловливают тоже и нашего поведения? Разве все это не влияет на наши поступки, речи, дела и т. д.? Разве не сама жизнь требует от нас миллионами явных и тайных голосов: „делай, делай, твори, действуй, говори, доказывай, кричи, придумывай, созидай, борись, дерзай, хотя бы и страдая,—но только делай,—ведь это и есть жизнь“. Ведь это делание и есть цель самообразования, т.-е. накопления сил. Но в этом делании есть еще одна очень важная сторона. Делание необходимо и для приобретения знаний, и для мышления, и для ощущения жизни, и для возможности существования,—словом, для всего: оно и есть самая суть самообразования. И правда, возьмем, напр., первый шаг самообразовательной работы—изучение фактов. Нелепо то самообразование, которое сводится лишь к вычитыванию фактов; плох тот работник, который только „посиживает, да почитывает“. Настоящее самообразование предполагает прежде всего всматривание в жизнь, а не посиживание. Факты нужно искать в жизни, наблюдать, всматриваться в них, изучать всеми доступными способами. Словом, необходимо выдвинуть на первый план практические занятия, как мы о том и упоминали. Все это—азбучные истины, но тем не менее такие, которые еще не вошли в жизнь, если люди, работающие над самообразованием, сводят это последнее лишь к чтению, а не к деланию. Нельзя изучить математики, не решая задач, не из учебника заимствованных, а из жизни взятых и ей помогающих; нельзя изучить политической экономии, не всматриваясь в окружающие нас и наши собственные экономи-

Digitized by Google

ческие отношения; нельзя изучить истории, не познакомившись с тем, какими же способами она и до тебя касается, а ты до нее. Даже понимая под историей науку, восстановляющую прошлую жизнь, все-таки нет никакой возможности понять ее, не познакомившись с тем, какая работа положена в основу этого восстановления прошлого,—работа не только головная, а делание очень многостороннее. Из каких источников ученый историк добывает материал для своих работ? Как он трудится, разрабатывая этот материал? Как он роется с этой целью и в архивах, и в книгах, и, если нужно, раскапывает древнейшие могилы, изучает старинные развалины, а для восстановления старинных хартий и рукописей пользуется услугами и фотографии, и химии, и др. наук? Все это делание, работа, созидающая если не самое жизнь непосредственно, то понимание жизни. Далее, для того, чтобы изучить историю новейшую, современную, нужно прежде всего почувствовать и себя несомненным участником ее, хотя маленьким из маленьких, а все-таки участником: если не деятелем истории, то материалом, „пушечным мясом“ ее, но во всяком случае живым существом, которое, как таковое, тоже должно иметь, если не по человеческой, то по божеской справедливости, и свой голос в жизни. Ведь „пушечное мясо“, как ни как, а мясо живое и чувствующее. Ни один человек не согласится с тем сановным философом, который у Щедрина доказывал, что „караси любят, когда их жарят в сметане“... Читать газеты, следить за ходом общественной и мировой жизни, это—то же, что спрашивать у старушки-истории: да куда же ты несешь меня? Что ты мне даешь и сулишь? Вместе с тем это значит еще спрашивать у нее: что именно я,—я, какой там ни на есть, должен делать для того, чтобы проявить свою душу и в этой области,—как я должен мыслить, говорить, действовать, заражать своими мыслями других людей, объединяясь с одними, разъединяясь с другими, помогая одним, борясь, жертвуя, если нужно? Чтобы получать знание о жизни, нужно кипеть в жизни, и не только следя за ее ходом, но и участвуя в нем. Даже знакомство с беллетристикой нельзя сводить только к ее почитыванию. Жизнь каждого из нас—своего рода беллетристика, то интересная, то неинтересная нам самим.

Но делание предполагается не только ее переживанием, но даже ее писанием. Правда, в его основе лежит также переживание, но кроме него еще нечто, а именно—огромная работа,

Digitized by Google

которую проделывает писатель-художник, создавая свои произведения, или выдающийся историк литературы, изучающий их, или критик, вникающий в эти произведения. Следуя их примеру, для лучшего понимания жизни и беллетристики самому необходимо поработать в этих трех смыслах.

Делание необходимо для изучения всякой отрасли знания (без малейших исключений) еще вот почему. Всякая отрасль науки не может обходиться без какого-либо м е т о д а. Метод— это значит способ или способы, во-1-х, собирания материала, во-2-х, обработки его, в-3-х, способ делать выводы на основании обработанного материала, в-4-х, способ проверять эти выводы и т. д. Изучить какую-либо науку, значит вместе с нею изучить и метод ее. В каждой области знания есть книги, трактующие об ее методе. Эти книги не только полезно, но и необходимо изучать. Необходимо потому, что нельзя доверять фактам, если не знаешь, каким способом они констатированы (установлены), нельзя доверять выводам, если не знаешь, как они сделаны и делаются; всякая истина только тогда стоит на ногах, когда она проверена. Образованный человек должен всегда иметь в виду эту сторону дела и учиться ей. А учиться ей, это значит—самому попрактиковаться. Хоть н е м н о ж к о, а непременно. Отсюда ясно, что всякое накопление знаний в деле самообразования должно сопровождаться работой, деланием и не должно состоять только в почитывании[1]). Мы еще и еще приглашаем читателя вести самообразовательную работу так: изучать не только науки, но и методы наук.

Таким образом, сводя все вышеизложенное к одному, мы приходим к таким ответам на четыре вопроса, поставленные в начале этой главы:

1. Как вести свою самообразовательную работу? — Положив в ее основу не столько книгу, сколько жизнь, знакомство с жизнью и ее изучение.

2. Как вычерпывать из книги возможно больше наиболее ценных знаний?—Требуя от книги прежде всего фактов, ясных, точных, достоверных, конкретных фактов и усваивая факты прежде всего и изучая их не только теоретически, но и практически, в самом ходе жизни, и вместе с тем узнавая и пробуя методы (способы) их добывания и разработки.

---

[1]) В приложении к этой нашей книжке мы даем список книг о методах и о практических знаниях.

Digitized by Google

3. Как, читая книгу, развивать в себе уменье мыслить?— Вникая в общий ход мысли автора, следя за нею и за ее правильностью, сопоставляя свои и авторские мысли с фактами жизни, ставя себе и книге вопросы, отыскивая и отыскивая на них ответы и в читаемой и в разных других книгах.

4. Как вырабатывать в своей душе отзывчивость?—Участвуя в жизни, переживая чужие страдания, ставя себя мысленно на место других, страдающих людей, предъявляя к жизни, как и к науке и к ее применениям, требования не только истины, но и справедливости, наблюдая, как они отзываются на живой человеческой личности, у которой тело, мозг, нервы...

5. Как проявлять себя в жизни?—Прежде всего не только накоплением, но и воплощением и распространением знаний. Всякое полученное знание может, должно быть передаваемо кому-нибудь из других людей; всякая прочтенная книга может и должна быть указана и рекомендована другому читателю; всякая правильная мысль, опирающаяся на факты, тоже может быть передана другим; в особенности же нуждается в распространении знание фактов, фактов и еще фактов, которые огромному большинству людей говорят больше всяких слов. Работа над распространением знания, понимания и настроения доступна всем без исключения людям. В этом ее сила и громадное общественное значение.

Но проявление себя, своей души в жизни не может и не должно ограничиваться только такой работой. Творить жизнь и проявлять себя можно и должно многими и разными способами. И прежде всего—деятельной помощью всему светлому, что украшает жизнь, что помогает ее росту и делает ее более полной, глубокой, возвышенной, напряженной, красивой и в себе, и в других, и в обществе, и в человечестве, начиная с того уголка, где вы живете. Помогать отдельным людям, мятущимся, униженным и обиженным судьбою и всем строем жизни, участвовать в научных, образовательных, общественных учреждениях, кооперативах, библиотеках, школах, просветительных кружках и вообще разных предприятиях, ставящих своей целью подъем разных сторон жизни на более высокий уровень, вносить всюду и везде и свое знание, и понимание, и настроение, и активность, и любовь к людям, к истине, справедливости,—это и должно быть основной целью самообразовательной работы, и, принимаясь за книгу, как за одно из наиболее доступных орудий, ведущих к такой цели,

Digitized by Google

с первого же начала необходимо предъявлять к ней такие требования:

1. Дает ли данная книга (и насколько дает) отчетливое знакомство с фактами и методами?

2. Заставляет ли она (и насколько) работать мысль, учит ли этой работе?

3. Голословны или обоснованы содержащиеся в ней мнения и теории, и какое место они занимают в ней?

4. Помогает ли она читателю чувствовать, сознавать себя членом великого (хотя и далеко еще не совершенного) братства, называемого обществом, народом, человечеством? Учит ли она истине и справедливости и любви к людям, или оправдывает гнет, насилие, человеконенавистничество?

5. Будит ли она в человеке бодрость и силы, веру в людей и в себя, зовет ли к творческой и светлой работе, к жизни?

Есть книги, которые могут дать и дают многим людям все это. Надо таких книг искать. Надо брать и, если можно так выразиться, высасывать из книги все это. Надо читать каждую книгу, стремясь взять от нее систематически то, что нужно для человека, чтобы стать образованным: факты, методы, мнения и теории, уменье разбираться в них и критиковать, вносить в жизнь, осуществлять.

Ищите, дорогой друг-читатель, и обрящете. Как обрели это те многие, великие и малые люди, перед которыми преклоняются тысячи и миллионы других людей, им признательных за тот свет, разум и красоту, какие они внесли и вносят в обыденность общей жизни человечества.

ГЛАВА VI.

Как читать хорошие книги возможно производительнее?

Вот вопрос, который стоит перед каждым из нас по той простой причине, что все мы—читатели, в большей или меньшей степени читатели, т.-е. посредствующие, соединительные звенья, через которые бегут и знания, и идеи, и настроения, стремления и мечты идейного авангарда человечества, словно электричество по проволоке, в толщу его. Мы—читатели и проводники всего этого, но мы же и его показатели. Насколько верно проводим

Digitized by Google

мы в эту толщу то, что получаем сами из книг? Сколько мы берем из них? Что берем? Все это вопросы глубокой важности,— вопросы общественные, и даже самым скромным и тихим читателям, никогда не думавшим о том, что и они имеют общественное значение, как таковые, право же, не мешает подумать об этом и взглянуть на себя с этой общественной стороны и постараться сделать из себя „людей более значительного удельного веса читательского". Таким образом, над вопросом, „что и как брать из книги" и „сколько брать", должен подумать и подумать каждый читатель. Это вопрос его общественного служения, его исторического значения. Это вопрос, который теперь разрабатывается и психологами, изучающими психологическую сторону читательства, и историками литературы, додумавшимися, наконец, до того, что великие-то писатели, это—ведь не кто иной, как те, которые считаются таковыми.—И правда, есть и были писатели громадного ума и таланта (напр., Шекспир), которые в течение сотен лет считались чем-то в роде сказочников-писак и их „улучшали" на псевдоклассический лад и Вольтер, и Коцебу, и Херасков, и т. д. Напомним еще судьбу таких авторов, как Мабли, Мелье (Meslier), Штирнер, Г. Спенсер и тысячи других: целые поколения читателей их или не замечали, или относились к ним отрицательно и „не делали их славы", т.-е. не придавали им того значения, какое придали последующие поколения.

В этой главе мы намерены говорить вот о чем: о практической стороне читательства. Перед нами такой вопрос: какими способами читатель может увеличить свой удельный читательский вес, т.-е., как может он научиться, во-1-х, брать из книги возможно больше, во-2-х, брать то, что в ней есть, возможно точнее, т.-е. по мере всех своих сил приближая свое понимание вопроса, о котором идет речь в читаемой им книге, к авторскому пониманию его; наконец, переваривать, т.-е. оценивать то, что взято? Чтобы ответить на все эти вопросы, надо присмотреться к самому процессу читательства и, на основании его изучения с психологической и социологической точек зрения, попробовать урегулировать его в общественно-полезном смысле [1]).

[1]) Изучению процесса читательства и вообще психологии книжного влияния посвящена нами особая работа „Этюды по психологии читательства" (гот. к печ.). Еще см. ст. нашу „Психология книжного влияния" в ж. „Новая Жизнь", декабрь 1910 г.

Digitized by Google

Посмотрим прежде всего, что может дать читателю книга в лучшем случае. Как уже было сказано в одной из предыдущих глав, книга может дать, во-1-х, знание фактов жизни; во-2-х, идеи; в-3-х — настроения; в-4-х — познакомить со стремлениями, тенденциями; в-5-х, указать пути, способы, методы действия. Огромное большинство когда-либо написанных книг, если не все они, при некоторых условиях и в некоторой обстановке читательской жизни могут дать и обыкновенно дают читателю в большей или меньшей степени все эти пять элементов. Другими словами,—всякая книга действует или может действовать и на интеллектуальную, и на эмоциональную, и на волевую сторону читателя, и на деятельность его. Разумеется, все эти виды книжного влияния бывают различны у разных книг и для разных читателей и в разной обстановке, но все они—несомненный факт. Далее, нельзя не отметить еще двух очень важных сторон читательства: одно дело—содержание книги, то, что она действительно дает по замыслу, намерению автора ее, и совсем другое дело—то, что читатель берет из нее. Основной факт читательства заключается в том, что читатель берет из книги не то, что ему дают, не так, как ему дают, не столько, сколько дают, и делает под влиянием книги часто вовсе не то, что книга указывает и рекомендует ему.

В чем же, в таком случае, главное значение книжного влияния? Не столько в том, что читатель выносит из книги, сколько в том, что он сам переживает во время ее чтения,—в том, что он передумывает, читая ее, в том, какие чувства, настроения, стремления, мечты и т. д. зарождаются при этом в читательской душе, и—стремления к каким именно действиям. Но все это происходит не столько под влиянием книги, сколько совместно с нею, одновременно. Говорят нередко: „книга наводит на мысль“. Это правильнее, чем говорить: „книга внушает мысль“. Во всяком случае,—внушение внушением, а наведение—наведением. Следует иметь в виду, говоря о значении чтения, оба эти процесса, а не один из них. Для огромного большинства читателей имеет наибольшее значение первый,—т.-е. способность читаемой книги наводить на мысли, чем давать их. Правда, иная книга производит настоящий взрыв в душе. Но ее роль, даже и в таком случае, это—роль искры, прилетевшей в пороховой погреб. А что именно делает эта искра,—это зависит от того, что еще до этого времени было в том

Digitized by Google

погребе, куда эта искра прилетела. В ином погребе—сухой порох, и от искры он так или иначе взорвется. В другом погребе—порох подмокший. Он не взорвется, а только зашипит и сгорит медленно.

Отсюда следует: читая книгу, не нужно забывать прежде всего, что главная-то суть дела, самая суть полезности данной книги—не в ней, а в вас самих, дорогой читатель. Не смущайтесь особенно тем, что вы берете из данной книги не все, что она содержит, и не то, что она *другим людям* дает. Смущайтесь только тогда, когда вы, читая книгу, не проделываете своим умом и всей своей душой при этом крайне важной и нужной и чрезвычайно полезной для вас душевной работы: и дум своих не продумываете, и чувств своих не переживаете, и никуда-то, никуда не стремитесь, и ни о каких действиях не мечтаете. Словом, приходить в смущение вам надо только тогда, когда вы, читая книгу, вовсе не читатель, т.-е. не мыслящая, чувствующая, отзывчивая, деятельная личность человека, а нечто толстокожее, безжизненное, своего рода двуногая рыба, слизняк и т. п. Тут идет речь не о том, чтобы вот сейчас поддаваться действию книги в том именно направлении, которое она нам указывает, а в том, чтобы самому себе все указать, — своими средствами, своим умом. Дело в том, чтобы *самому влиять на самого себя*. Всякая книга это—не что иное, как чужая (иной раз многоголовая) дума с совещательным голосом, который для читателя вовсе не обязателен, разумеется. Каждый человек, разумеется, должен и не может не быть неограниченным самодержцем по отношению... к самому себе. Не нужно только забывать при этом, что самодержавию только и должно быть место на земном шаре лишь в собственной человеческой душе, и лишь над собственной душой и телом, но уже никак не над чужими телами и душами. Все чужие души—такие же самодержцы над самими собой, как и вы над собой,—все они равноценны и потому равноправны. И все друг друга ограничивать и обуздывать должны не налезанием друг на друга, а просто-напросто самым фактом своего существования. Если есть в книге что-либо действительно налезающее, так только одно, а именно—*факты*, то-есть нечто такое, чего *нельзя* не принять и чего *нельзя* не признать. Но ведь если о признании или непризнании фактов не спорят, то все-таки спорят—и еще как!—о толковании, объяснении фактов. Но что такое факты? Как мы уже отметили

Digitized by Google

выше,—это и есть жизнь. Узнавать о существовании таких-то фактов, всяких фактов,—и бывших, и настоящих, и будущих,—разумеется, необходимо для всякого живого существа: как не знать ту среду, в которой ему так или иначе, а жить приходится? Ведь это просто невыгодно для него. Но и факты—дело не стоячее, а подвижное: не все они таковы, чтобы их никак нельзя было своротить, если не единоличными, то общими силами, наконец, и силами природы,—видоизменить, приспособить, заменить другими и т. д. Есть что-то бесконечно радостное и увлекательное, когда выносишь из книги (будь она по естественным или общественным наукам или по этике) знания не только фактов, но и уменье, как бороться с ними, приспособлять жизнь к человеческим целям. Сознание и ощущение силы человеческой—одно из самых приятных и бодрящих переживаний. Здесь познание жизни сливается с творчеством ее; то, что есть, сливается с тем, что должно быть. Значит, даже говоря о том, что для человека, стремящегося к знанию и пониманию, прежде всего необходимо знание именно фактов, все-таки не приходится забывать, что и здесь главная суть дела заключается не только в их познании, но и в обдумывании и проявлении (действии).

Переходим теперь к правилам чтения. Многие читатели, обращающиеся к нам за советом по вопросам о самообразовании, искренно убеждены, что такие правила возможно формулировать. Другие искренно верят, что возможно исполнять формулированные правила. Третьи даже и пробуют их исполнять, и когда на практике, повидимому, даже самые разумные правила оказываются почти невыполнимыми или дают гораздо меньше, чем от них ожидалось, читатель „по правилам“ начинает обвинять самого себя: „Это я виноват, что у меня ничего не выходит из применения таких-то правил, а не сами правила“. Ошибаетесь, дорогой читатель. И правила могут быть очень хороши, и читатель тоже хорош, даже „семи пядей во лбу“. Суть не в этом, а в соответствии правил с читательским типом. Лучшие правила—те, которые сам читатель вырабатывает сам для себя. И не теоретически вырабатывает, а на практике. И такие именно правила нужно считать лучшими, которые им самим выработаны и которые в его же практике и оправдали сами себя. Если же уж правила чтения вырабатывать со стороны, т.-е. не для себя, а для других, то необходимо выработать несколько

Digitized by Google

типов их, для каждого читательского типа особые. Даже приспособление общих правил для данного читателя нередко вовсе не удается. И правда, как приспособлять то, что вовсе не подходит, по существу, к складу читательского ума? Это одинаково справедливо относительно и выбора книг, и процесса чтения, и делания выписок, конспектов и т. д. Не возлагайте же, читатель, больших надежд на чужие советы. Делайте так, как удобнее всего для вас самих. Правда, до многого самому не додуматься, и отчего же не познакомиться, с этой целью, напр., с тем, как читают книги разные другие люди, и великие, и малые? Быть может, это знакомство и даст вам что-нибудь, напр., поможет найти или выбрать подходящий именно для вас способ чтения. Но и в данном случае не следует, даже на хорошие примеры, возлагать большие надежды, а следует помнить, что и никакие неудачи ровно ничего не доказывают. Таким образом, вопрос о том, как читать, сводится к такому вопросу: как могу я, такой-то читатель, придумать для самого себя наиболее подходящие способы чтения?

На такой вопрос дает самый лучший ответ—опыт, свой собственный опыт. Пробуйте всякие приемы,—и тогда, быть может, найдете свой.

Дело не в способах, как читать, а в горячей любви к чтению и образованию.

Но нет ли способов искать эти самые способы, подходящие для данного читателя? Разумеется, они имеются. И первый из них, самый главный, заключается вот в чем. Возьмите себе за правило: сколько возможно больше и сколько возможно ближе знакомиться с книгами. Во-1-х, узнавать о существовании книг, во-2-х, о качествах их, в-3-х, о вопросах, трактуемых в них. Ищите книгу, ищите и в библиотеках, и у знакомых, рассматривайте, хотя бы и не читая, пробуйте, старайтесь получить возможно полное представление о возможно большем числе книг. Нужно же знать, какие книги существуют-то на свете. Ведь по объявлениям да по заголовкам и даже по рецензиям этого не узнаешь. Многому учит самый вид книги, ее объем, содержание, характер изложения и т. д. Накопить возможно больше таких знаний в высшей степени важно и полезно, прежде чем браться за чтение книги, а тем более, прежде чем выписывать, покупать ее. Гораздо легче, не видя самой книги, узнать хороша ли, т.-е. ценна ли она в науч-

Digitized by Google

ном отношении, чем представить книгу по заголовку. Ведь список вообще хороших книг достать и узнать всегда можно. Труднее узнать, которые из этих хороших книг—книги подходящие. Списки хороших книг содержатся и в „программах чтения", и рекомендательных каталогах и т. п. Но кто вам укажет лучше вас самих книгу для вас подходящую, а главное—вам интересную? Рыться в книгах (каких угодно), это—лучший способ находить интересные книги, интересные вопросы, интересные области знания и т. д. А ведь именно с интересного, как мы видели, и должно начинаться самообразование. Но, скажете вы, найденная мной книга интересной-то показаться может,—и вместе с тем она же может и вовсе не быть хорошей, т.-е. ценной с точки зрения истины и справедливости. Совершенно правильно. Но не об искании только интересных книг тут и идет речь, а об искании интересных вопросов и областей знания. Сначала найдите для себя таковые,—затем вам уже нетрудно будет найти и хорошие книги по этим вопросам. Затем останется только составить список этих хороших книг и постараться повидать их собственными глазами, чтобы выбрать из них подходящую. Если же в русском бескнижье не удастся сделать этого, тогда остается запросить об этих книгах какую-либо комиссию или, если угодно, обратиться к пишущему эти строки, ответив при этом на некоторые его вопросы, ответы на которые ему необходимо иметь, чтобы указать данному читателю книги для него подходящие. Если поставить вопрос о рекомендации книг на правильную научную почву (психологическую и социологическую) и опереться при этом на возможно широкое изучение наличности книг на русском языке, то является полная возможность указывать всякому читателю подходящую ему книгу и помогать ему в выборе не только хороших, но именно подходящих книг. Но, повторяю, для этого необходимо знать читателя, необходимо, чтобы читатель возможно полнее и обстоятельнее сам ответил на определенный ряд вопросов, ответы на которые могли бы характеризовать его, как читателя.

Но положим теперь, что интересная для него область знаний уже намечена читателем. Спрашивается, как же выбрать книгу для первоначального знакомства с заинтересовавшей областью? Это опять-таки смотря по человеку. Постарайтесь прежде всего определить, что вы за человек и чего именно недостает вам

Digitized by Google

наиболее. Если вам легко даются факты и вы чувствуете потребность прежде всего узнать именно их,—берите прежде всего книги фактического характера, т.-е. такие, которые дают знание фактов. Во избежание недоразумений, мы будем говорить только о начинающем читателе, т.-е. читателе неопытном, еще не научившемся читать и понимать какую угодно книгу с одинаковой легкостью,—о читателе, для которого крайне важно вооружить себя знанием, пониманием и настроением возможно быстрее и с наименьшей затратой времени, сил и средств. Опытный читатель может читать всякие книги. Здесь же уменье читать всякую книгу мы рассматриваем еще как недостигнутую цель и говорим о выработке этого умения, о наиболее удобных дорогах, ведущих к нему.

Но и книги так называемого фактического характера, т.-е. такие, которые дают знание фактов, все-таки бывают различны. Иные книги лишь упоминают о существовании фактов (напр., „в 1492 году была взята Гренада христианами", „кислород соединяется с водородом" и т. п.). Есть много читателей, которым такое изложение фактов очень мало или ничего еще не говорит. Берите тогда такие книги, в которых факты описываются наглядно, ярко, подробно и образно. Но ведь и описание описанию рознь. Есть описания обстоятельные и сухие, есть и яркие, наглядные и живые. Иной читатель буквально ничего не усваивает из книги, содержащей лишь сухие перечисления или такие же описания фактов. Такой читатель должен взять в таком случае книгу, содержащую образные, яркие описания. Целый ряд научных фактов изображается в иных книгах беллетристически, художественно (напр., в исторических романах, путешествиях, в биографиях, записках и дневниках и т. п.). Иному читателю гораздо лучше начинать свое самообразование именно с таких книг. Они подействуют на него сильнее и благотворнее, чем учебники, хотя и обстоятельные, но сухие. Далее, для знакомства с фактами же, берите книги, трактующие о методах их открытия (констатирования), изучения, классификации, толкующие о практических занятиях по данной области, о применении знаний к жизни. Если читатель—человек практический, ему лучше всего и начинать чтение с области прикладных знаний. Читатель такого типа, не видя жизненного значения данных знаний, лишь проскучает над книгой, не удовольствуется ею, если эта выбранная им книга будет стоять далеко от непосредственного применения ее содержания в жизни.

Digitized by Google

Далее, если читатель уже знаком с фактами, но еще не разобрался в них, если ему нужно только привести их в систему, а точно так же и в том случае, если ум у данного читателя таков, что предпочитает не самый факт, не образ его, а систему,—лучше всего ему выбирать, для первоначального знакомства с данной областью, прежде всего учебник, систематическое руководство и внедрить именно с его помощью себе в голову какую-нибудь схему, которая и стала бы помогать в дальнейших его занятиях, распределяя все вновь приходящие знания, так сказат, по ящичкам и клеточкам, по категориям, родам, видам и разновидностям. Но есть и такие читатели, которые совершенно не выносят такого приема,—он ужасает их. А то бывает и так, что иные читатели вообще неспособны к систематическому чтению. Но не следует горевать и таким читателям: к той же цели, т.-е. к свету знания и понимания, они могут прийти (и приходят) и другой дорогой. Не одна единственная дорога ведет в Рим. Можно добиться систематических знаний и не вкладывая никакой схемы с первого же начала,— она сама собой может сложиться в голове в самом ходе работы. Пора перестать думать, что нормы и правила педагогики для всех и на все времена хороши.

Далее при выборе для себя подходящих книг не следует забывать, что начинающий читатель,—если можно так выразиться,—интегральный читатель. Он не умеет, он еще не привык (или еще недостаточно привык) к тому психическому или логическому процессу или приему мышления, который называется отвлечением, абстрагированием, уменьем мыслить какую-нибудь одну сторону любого предмета или вопроса независимо и отдельно от других его же сторон, в сущности от него неотделимых. Начинающий читатель—не односторонний читатель, для которого природа состоит из целого ряда научных данных, существующих более или менее зависимо одно от другого. Начинающий читатель мыслит ее так, как видит, т.-е. как единое целое, правда, ему еще неизвестное и непонятное, но все-таки целое. Поэтому в большинстве случаев его не удовлетворяют такие книги, которые подходят к природе и к жизни односторонне, трактуют ее с точки зрения (и по методу) какой-либо одной науки, иные—с физической, другие—с химической, третьи—с исторической, этической и т. д., и т. д., умалчивая при этом о всех прочих сторонах. Начинающего читателя интересует

Digitized by Google

обыкновенно сама жизнь, целая область жизни, вопросы, ею выдвинутые, и к этим последним он и желает подойти для того, чтобы разобраться в их сложности, не замалчивая и не упуская из виду разных и многих сторон. Поэтому для начинающего читателя во всех отношениях выгоднее начинать самообразование не с изучения наук (науки дадутся ему труднее) и не с учебников, а с изучения вопросов и с таких именно книг, которые каждый вопрос стремятся осветить с разных точек зрения и данными целого ряда различных наук. Таких книг тоже имеется на свете достаточно,—книг, дающих не только анализ, но и синтез. (Типичными образцами таких книг могут, напр., служить соч. П. Кропоткина „Взаимопомощь среди животных и у человека", „Поля, фабрики и мастерские"). Особенно важен такой прием в деле популяризации знаний в народной среде. Нужно учиться, читая книги, не только анализировать, но и синтезировать данные, получаемые из разных книг. Это один из важнейших приемов, помогающий производительности чтения: начинать с книги синтетического характера и учиться анализу явлений в целях более глубокого синтетического представления жизни.

Представим теперь себе такого читателя, который легче всего усваивает идеи, рассуждения, теории, а не факты, которые никому и не даются легко. Разумеется, такой читатель естественно должен браться прежде всего за чтение книг теоретического характера. Есть книги и такого свойства, и их тоже немало. Огромная масса книг представляет из себя не что иное, как рассуждения, изложение идей, их анализ, их критику и т. д. Конечно, все это—книги, за чтение которых несколько опасно браться начинающему читателю, еще не знакомому с фактами. Правда, понять и усвоить идею или теорию куда легче, чем усвоить фактическую сторону знания. Но знания, идеи, не опирающиеся на факты, впсят в воздухе. Как ни как, а знакомство с этими последними необходимо всем, подобно тому, как и знакомство с идеями, теориями необходимо и для того читателя, которому легче начинать свою работу с изучения фактов. Читатель этого последнего типа ничего не выиграет, но многое потеряет, принявшись с первого же абцуга за книги теоретические, за „рассуждения". Напротив, читатель, которому легче усваивать рассуждения, с их-то помощью и может облегчить себе усвоение фактов: он ими подкрепляет свои рассуждения. Он запоми-

Digitized by Google

нает их именно потому, что такие-то факты соответствуют таким-то идеям. Для читателя такого типа книги с рассуждениями не опасны. Но совсем не то они для читателя „фактического типа". Наблюдение над читающей публикой показывает, что, хватаясь за такие книги, ему нетрудно выработать из себя кликушу и верхогляда. Но есть книги, содержащие в равной степени и идеи и факты и обстоятельно выясняющие взаимные отношения тех и других. Это—книги особенно ценные, и они по большей части доступны людям и фактического и теоретического склада ума, если только этому не мешает неумелое изложение, язык книги.

Далее, говоря о теоретических книгах, нельзя не сказать двух слов о так называемом „направлении" их. Каждая книга, как известно, имеет свое направление; иначе говоря, каждый автор имеет свою точку зрения на описываемые им явления и излагаемые им идеи, к какой бы области жизни и мысли они ни относились, и нет такой области мысли, научно-философской или литературной и общественной, в которой не наблюдалось бы множества направлений, несогласных между собой не только кое в чем, но и в главном, и взаимно исключающих друг друга. О направлениях еще будет у нас речь ниже; здесь мы хотим лишь отметить, что закрывать глаза на направление выбираемых книг отнюдь не приходится даже и начинающему читателю. Разумеется, для такого читателя самое лучшее — получить каким-либо способом хоть некоторую возможность окинуть, хотя бы самым общим взглядом, все существующие направления мысли, или, по крайней мере, главнейшие из них. Но ведь чтобы узнать какое-либо направление и научиться отличать его от других, необходимо прежде всего вдуматься в его содержание. А чтобы вдуматься в это, необходимо уже быть довольно-таки умелым читателем, хорошо разбирающимся в чужих взглядах и в разногласиях разных авторов. Получается своего рода круг, из которого не очень-то легко выйти. Правда, хотя справедливость и истина—основные критерии всякой книги в смысле оценки ее направления, как мы имели случай доказывать в другом месте [1]), но ведь объективность и беспристрастность—идеал не только трудно достижимый, но даже и вовсе недостижимый в целом ряде областей

[1]) „Среди книг", изд. 2-е, т. I. Введение. „Письма к читателям о самообразовании".

Digitized by Google

знания, особенно в тех случаях, когда затрагиваются человеческие интересы, эмоции и стремления [1]). И истину и справедливость разные люди понимают по разному [2]). Но для начала дела, думается нам, достаточно понять хотя бы исходные точки зрения разных направлений, вникнуть хотя бы в то, что собственно считается представителями данного направления за истину и справедливость. Одно дело—класть в основу истины и справедливости понятие „авторитета“, и совсем другое дело, не считаясь с ним, искать для них более солидных оснований. Одно дело утверждать и доказывать, что „истинно то, что в св. Писании“ или „что сказал такой-то мыслитель“, и совсем другое дело считать истиной то, что доказано или может быть доказано разумом, опирающимся на точные и достоверные факты, и что проверено, не считаясь ни с какими авторитетами. Одно дело считать справедливостью то, что установлено Богом или государством, и совсем другое дело обосновывать ее на признании равноценности человеческих личностей. Знакомство с основными точками зрения, по крайней мере, четырех главнейших направлений в области литературной, общественной и научно-философской мысли (консервативно-реакционным, либеральным, социалистическим и анархическим), думается нам, желательно для каждого начинающего, и именно знакомство со всеми четырьмя, и не с чужих слов, и не из полемических произведений, а по произведениям главнейших их представителей, русских и иностранных. Знакомство же с этими четырьмя точками зрения, насколько позволяет судить об этом практика, гораздо целесообразнее начинать с последней и кончать первой, и это не только потому, что на последней точке зрения стоят, как известно, первоначальное христианство и его основатели, но и потому, что точка зрения христианская является вместе с тем и наиболее удачной меркой для оценки всякого рода отношений

---

[1]) См.: Михайловский. „Записки профана“. Спенсер. „Об изучении социологии“. Нордау. „Ложь предсоциалистической культуры“. (Сокр. пер. „Conventionnelle Lügen“). Бэкон. „Сочинения“.

[2]) Чтобы помочь разбираться в их различном понимании, пишущий эти строки сделал попытку привести, так сказать, в известность и изложить параллельно, словами самих авторов, характеристики разных направлений во всех главнейших областях знания, придерживаясь главным образом хронологического порядка. См. „Среди книг“. Т. I. Беллетристика. Искусство. Публицистика. История литературы. Этика. Т. II. Общественные науки. Т. III. ч. I. Национальный вопрос.

Digitized by Google

человека к человеку. Вряд ли нужно доказывать, что лучшей меркой является именно учение о любви к ближнему, как к самому себе, со всеми основными выводами из этого учения [1]).

Но знакомство с направлениями мысли еще не значит критика их. Нечего и думать, что умение разбираться в различных течениях может прийти к начинающему читателю с первых же шагов его самообразовательной работы. Мнения и системы мнений не так-то просты и элементарны, и, обсуждая чужие мнения, необходимо представлять перед собой защитника их,— такого защитника, который, во-1-х, вовсе не дурак, а, во-2-х, человек честно мыслящий и убежденный. Во всяком случае, очень плохой способ знакомиться с какими-либо идеями, теориями и направлениями, третируя почему-либо несимпатичные из них en canaille (как канальские), т.-е. относясь к ним заранее с презрением. Такое третирование чужих мнений, в конечном итоге, мешает и исканию истины и добрым отношениям к людям.

Переходим теперь к следующему вопросу,— о книгах, „с настроением“ и „без настроения“ написанных. Принимать в расчет это свойство книги, как это доказывает изучение особенно сильного влияния „впервые прочитанной книги“, чрезвычайно важно. Что значит, прежде всего, книга, написанная „с настроением“? Это значит—книга, написанная горячо, убежденно-страстно, такая книга, в которой изобразились не только ум и знания ее автора, но и вся его душа, весь он. Начинающий читатель—не такой читатель, который умеет, так сказать, отсеивать сторону ума от стороны чувства или воли. Начинающий читатель привык и себя и других мыслить интегрально и в этом отношении, т.-е. как единицу цельную и нераздельную. Вовсе не привык он к тому, чтобы делить самого себя на „ум, чувство, волю“. Естественно, что такой читатель не удовлетворяется книгой, затрогивающей лишь частичку его „я“. Правда, существуют книги, написанные с настроением. Но, увы! таких книг все-таки не очень-то много. Авторы, особенно книг научных, в большинстве случаев не умеют писать с настроением, да, может быть, и не желают вкладывать его в свои труды и даже борются с этим, видя в этом недостаток или особое прегрешение против научной объективности. Но то, что уместно в книгах

[1]) Подробнее о направлениях см. ниже.

Digitized by Google

научных, вовсе не так уместно в книгах, предназначаемых для начинающих читателей. Книга, написанная с настроением, хоть отчасти заменяет (особенно в глуши) начинающему читателю живого человека, которого в ином медвежьем углу еще труднее встретить, чем живую, горячо написанную книгу. Такие книги должны быть сознательно создаваемы по всем отраслям знания, и, к тому же, создаваемы так, чтобы настроение, в них влагаемое, захватывало одновременно разные стороны жизни. Блеском настроения нечего бояться и относиться к ним с педантическим непониманием и незнанием читателя. Но особенно должны дорожить книгами с настроением читатели таких стран, где жизнь быстро размагничивающейся интеллигенции далеко не богата настроением бодрым, смелым и жизненным и не гармонирует и в этом отношении с настроением масс. Не следует забывать, что огромное большинство читателей, особенно начинающих, т.-е. из широких народных масс, представляют из себя скрытые потенциальные запасы именно такого настроения, и книга, живо написанная, проникнутая бодрым и светлым отношением к жизни, не может не явиться для них искоркой, оживляющей скрытые силы души. Мы могли бы привести сотни примеров, извлеченных из нашей переписки с читателями и иллюстрирующих такую благотворную роль книг с настроением. Эти книги являются орудиями проведения знаний при помощи настроения, которое, захватив эти последние, так сказать, вносит их в душу, воздействуя на основные стороны психики самого читателя. Книги с настроением могут то усиливать, то уменьшать его в читателе, то изменять его в большей или меньшей степени. Впрочем, говоря о книгах, написанных с настроением и рекомендуя их особенному вниманию начинающих читателей, мы отнюдь не имеем здесь в виду книг, богатых лишь одним настроением и более или менее забывающих другие две стороны хорошей книги, о которых шла речь (знание, доводы). Мы говорим лишь, что знание и доказательства, изложенные без настроения, способны мертвить иного читателя. Из всего предыдущего видно, какого типа книги наиболее выгодно выбирать начинающему читателю для начала его самообразовательной работы.

Но пойдем дальше. Представим себе теперь, что книга уже выбрана, как следует, и читатель усаживается за нее. Спрашивается, как читать книгу, чтобы вынести из нее возможно боль-

Digitized by Google

ше? Первый вопрос, который возникает при этом, относится к памяти. Обыкновенно считается, что количество вынесенного из книги, это—вопрос хорошего или плохого запоминания. Но запоминания чего? Фактов, идей, настроений, стремлений, содержащихся в читаемой книге? Или всего вместе? Практика показывает, что так огульно решать вопрос не приходится. Иной читатель хорошо запоминает факты, но плохо запоминает ход рассуждений: для них ничего не значит запоминать математические формулы, года, цифры, но не по силам—запоминать стихи, афоризмы и т. п. Мало на свете таких читателей, которые способны одинаково хорошо запоминать все, что угодно. Всякого рода шарлатаны заочно (и, разумеется, не бесплатно) дают уроки памяти, которые обыкновенно ни к чему не ведут [1]). Лучше всего рассчитывать не на шарлатанов, а на себя самого, и для того, чтобы запомнить возможно больше, прибегать к приемам, действительно оправдывающим и много тысяч раз уже оправдавшим себя. Что запоминается плохо? То, что не интересно. То, что не очень-то привлекает внимание. То, что требует усилия, напряжения. Ведите вашу самообразовательную работу по направлению своего интереса, делайте ее интересной всегда,--и количество того, что будет выноситься вами из книги, несомненно возрастет. Но положим даже, что вы ведете вашу работу именно так, и что все-таки вам кажется, что после чтения у вас остается маловато. Но что значит „маловато“? То, что вам кажется недостаточным. Но ведь то, что к а ж е т с я, вовсе не то, что е с т ь. То, что вы читаете, обыкновенно распределяется в вашей голове так: кое-что сохраняется в сознании, а кое-что и уходит на склад в область п о д с о з н а т е л ь н о г о. Первое вы можете иногда вспоминать по вашему желанию, второе вспоминается помимо воли, при случае, и такие воспоминания служат доказательством, что читанное-то на самом деле вовсе не испарилось из читательской головы: оно где-то лежит и свое место в миросозерцании занимает, и пользу чтения для общего развития доказывает. Но положим, вам жела-

[1]) По вопросу о памяти заслуживают внимания книжки проф. Челпанова „Память и мнемоника“, Рибо „Болезни памяти“ (то же под загл.: „Память в нормальн. и болезнен. состоянии“). Упомянем еще книгу Аткинсона. „Культура памяти“, в которой тоже есть кое-что интересное и полезное. Впрочем, к этой последней книжке необходимо относиться с осторожностью, так как автор ее—менталист, т.-е. примешивает к науке нечто совершенно ей чуждое.

Digitized by Google

тельно, чтобы возможно больше оставалось именно в области сознания и чтобы припоминалось по желанию. Есть кой-какие средства и для этого, и вот некоторые из них: во-1-х, перечитыванье, повторное чтение. Правда, оно и не всем и не всегда помогает, а иным даже и мешает (при таком чтении все кажется „известным уже“ и иногда теряет ясность, а в конце-концов возбуждает разочарование). Но иногда повторное чтение—очень действительное средство и для лучшего запоминания. Следует еще иметь в виду, что повторное чтение может выражаться не только вторичным чтением одной и той же книги, но и чтением разных книг по тому же предмету или вопросу. Особенно помогает многим читателям такой прием: для повторного чтения второй категории, напр., прочитав общий очерк какой-либо науки (положим, „Историю реформации“, „Учебник физики“), читатель берет монографию по тому же вопросу, напр., монографию об Ульрихе-фон-Гуттене, вскрывающую, на отдельном примере, самую суть и основу всей реформационной эпохи, или книгу Тиндаля „Теплота“, которая рассматривает теплоту как особый род движения и на отдельных примерах знакомит читателя с учением об энергии, основным учением современной физики. По каждому предмету можно указать монографии, концентрирующие на своих страницах целые области знания, к которым они относятся. Читая такие монографии, читатель повторяет вместе с тем весь предмет. Но еще лучшее средство—пересказ, рассказывание о прочитанном, и не только себе самому, а другим. Этим достигается двоякая цель: рассказывая, читатель проверяет самого себя: при рассказывании ясно чувствуются и самим рассказчиком те места, которые ему самому еще темны и требуют выяснения, передумывания. Далее при таком способе крепче укладывается в голове то, что взято из книги. Кроме того, когда читатель рассказывает какому-либо подходящему слушателю о прочитанном,—здесь усвоение идет рядом с действованием, изучение—рядом с распространением знаний; работа для себя сопровождается работой для других и приобретает таким способом и моральную ценность. Помогает усвоению и реферирование, составление конспектов, делание выписок и т. д. О рефератах нами уже было сказано в другом месте [1]). Что касается до конспектов и выписок, то, говоря о них, прежде всего не следует забывать, что

[1]) „Письма к читателям о самообразовании“.

Digitized by Google

общих правил для их ведения тоже нет и быть не может. Это также вопрос читательской индивидуальности. Если вы, читатель, легче запоминаете факты, чем идеи,—вы, делая выписки, естественно обратите свое главное внимание на конспекты, излагающие ход идей. Если же вы, наоборот, легче схватываете и усваиваете ход рассуждений, вы естественно будете выписывать факты и замените конспектирование выписками. Если вы, читатель, человек настроений, — вероятнее всего вас заинтересуют меткие афоризмы, встреченные вами в разных книгах. Но больше всего, разумеется, помогает запоминанию практика, действование. Это последнее может выразиться не только в пересказывании прочитанного себе и другим, но и в виде практических занятий по данному предмету,—в виде литературных работ, в виде давания уроков и т. д., и т. д.,—сфера действий безгранична, и сам читатель может расширять и расширять ее путем своей изобретательности. Ведь действование и изобретательность—это и есть жизнь, участие в жизни, творчество жизни. Сюда-то и должно быть обращено, как говорится, „главное внимание души".

Пойдем теперь еще дальше. Как уже было сказано, из читаемых книжек выносится не только знание фактов и идей; чтение создает умение мыслить или помогает ему. Как же читать книгу, как думать над нею и ее содержанием для того, чтобы и эту сторону чтения использовать в наибольшей степени? Мышление над книгой—это то же, что практические упражнения по логике. Любой учебник логики (особенно же столь удивительно просто, ясно и интересно изложенный, как „Элементарный учебник логики" Джевонса, пер. М. Антоновича, Спб., 81) дает на этот предмет множество ценных указаний любому читателю. Мыслить над читаемой книгой, это значит вдумываться в значение, во-1-х, слов, терминов, в их содержание, т.-е. их основные, характерные признаки, во-2-х, разбираться в их значении, избегая двусмысленности или неясности их; далее, в-3-х, мыслить над книгой—это значит вдумываться в ее суждения, в ее определения, в методы изложения, в доказательства, практикуемые читаемым автором, в его умозаключения, стремясь понять и проверить общий ход рассуждений его и найти в нем, если придется, ошибки—фактические, логические и всякие другие, отделяя факты от объяснения фактов, выводы из фактов от предположений, правильные обобщения от неправильных и т. д., и т. д. Впрочем, для того, чтобы думать над читаемой книгой и чтобы возможно

Digitized by Google

больше использовать ее, разумеется, вовсе не требуется предварительного знакомства с наукой логики и начинать свою самообразовательную работу именно с нее (книги по логике — не очень-то популярные книги). „Все правила логики,—справедливо говорит проф. А. Введенский,—окажутся уже исполненными сами собой, если только читатель станет исполнять два условия: во-1-х, не будет допускать никаких противоречий в своих мыслях; во-2-х, не будет соглашаться ни с какой мыслью до тех пор, пока ни найдет оснований, достаточных для того, чтобы принудить его согласиться с нею. И правда, когда мы стараемся правильно мыслить, то, как показывает самонаблюдение, все наши заботы и старания сосредоточиваются только на исполнении этих двух условий (в науке логике эти два условия называются „законом противоречия“ и „законом достаточного основания“). Правила логики могут исполняться, а потому и мышление может оказываться правильным даже и в том случае, если мы не изучали логику. Иное дело, когда мы станем разыскивать, не сделало ли мышление (писательское или читательское) каких ошибок. При таких поисках, если мы не изучали логики, иногда мы совсем не замечаем ошибок, иногда же чувствуем какую-то ошибку, но не можем уловить, т.-е. объяснить, в чем именно состоит она. Знание логики не искореняет в нас наклонности к ошибкам, но делает нас более чуткими к ним и этим путем содействует правильности мышления. Все руководство логики сводится к вышеизложенным двум правилам: 1) не допускать в своих мыслях никаких противоречий с самим собой; 2) не соглашаться ни с какой мыслью до тех пор, пока не найдешь основания, достаточного, чтобы под угрозой появления противоречия в твоих мыслях принудить тебя согласиться с нею [1]).

Здесь, быть может, не будет излишним сказать еще о двух приемах, полезных для самопроверки. Как узнать, усвоено ли вами содержание читаемой книги или не усвоено еще? Попробовать применить на деле (изложить себе самому или другим, осуществить технически). В огромном большинстве случаев бывает так: если читатель действительно понял содержание читаемого, он в силах и изложить его (но из этого еще не следует обратного: иной читатель может излагать и не понимая, особенно если он нечестно относится к ясности своего собствен-

[1]) Логика, стр. 183—4.

Digitized by Google

ного мышления и умеет и может повторять („à la попка“) чужие слова и идеи. Другой способ самопроверки сводится по существу к предыдущему же: понять какую-либо общую идею—это уже предполагает уменье конкретизировать ее, т.-е. сводить с заоблачных, отвлеченных высот в жизнь, облекая ее в одежду самых обыденных фактов,—уменье найти мостик между этой идеей и обыденщиной, отыскивать ее отблески (положительные или отрицательные) в окружающей среде (общественной или в природе). Не следует забывать и здесь, как всегда, что пробный камень всякой выраженной словами истины,—все-таки жизнь, вселенная. Отделять факт от фикции, то, что есть, от того, что кажется, так же необходимо, как и отделять познанное от еще не познанного, доказанное от недоказанного, теорию от гипотезы, и всякое сравнение, подобие, аналогию, символ не считать и не называть ни фактами, ни объяснениями их никоим образом. А в этом грешны, очень грешны не только начинающие читатели, но и многие убеленные сединами писатели.

Чтение, читательство, дорогой читатель,—вовсе не наука. Это искусство и, как таковое, не поддается никаким правилам, если не считать единственного, которое можно выразить так: „Будь чутким, будь бодрым и работящим, будь честно-смелым в своем мышлении, т.-е. стой на своих собственных ногах, а не на подпорках в виде всякого рода авторитетов, как бы благоразумны и благолепны они ни казались“.

ГЛАВА VII.

Главные ступени самообразовательной работы и выработки личности. От теории к практике. От книги к жизни.

На предыдущих страницах этого нашего труда мы сосредоточили общие практические указания по вопросу о том, что и как читать. Теперь мы должны познакомить читателя с той системой, которой, по нашему мнению, полезно следовать, серьезно занимаясь самообразованием. Эта система должна быть, во-первых, выполнима, практична, удобна; во-вторых, должна охватывать самообразовательную работу с первых ступеней ее до окончательной выработки миросозерцания и проведения его в жизнь. В-третьих, система должна опираться на ряд определенных п р а к-

Digitized by Google

тических приемов, представляющих собою последовательные ступени лестницы, при чем для каждой ступени должна быть указываема соответствующая группа книг. Таким образом, знакомя читателя с системой, мы должны знакомить его и с теми книгами (беллетристическими и научными), при помощи которых он имеет возможность вырабатывать путем самообразовательного чтения свою личность вообще, в лучшем, возвышенном смысле этого слова, и свое научно-философское и общественное миросозерцание—в частности.

Повторим вкратце то, что было сказано нами в предыдущих главах, и систематизируем сказанное для того, чтобы читатель имел возможность яснее представить себе весь последовательный ряд ступеней, ведущих от книг к жизни, от теории к практике, от накопления знаний к их применению, от мышления к творчеству новых форм жизни, по пути ее расширения, от выработки миросозерцания к борьбе за него.

Как уже было сказано выше, одним из главнейших принципов, положенных нами в основу всех наших работ на помощь самообразованию, является принцип сближения книги с жизнью. Мы никогда не переставали и никогда не перестанем твердить и повторять, что самообразовательная работа только тогда получает свое настоящее значение, когда читатель не только „почитывает", но когда он мыслит и действует, и умеет не только отстоять свое мнение, но и провести его в жизнь, осуществить, приняв возможно широкое участие в творчестве жизни и ее форм. Жить настоящей, разумной, полной, возвышенной, углубленной, напряженной, красивой жизнью—это значит творить, непременно творить; оценка жизни и ее смысла—это значит оценка творчества,—того, что человек сделал, а не того, что он еще только намеревался делать. Исходя из этих соображений о главной цели и о жизненном и житейском значении самообразовательной работы, мы в этой нашей книге стараемся, во-первых, дать некоторые теоретические и практические указания общего свойства, во-вторых, указываем соответствующий библиографический материал, т.-е. те книги, при помощи которых любой человек, кто бы он ни был и где бы он ни жил, имел бы возможность, по нашему мнению, вооружить себя знаниями, пониманием и бодрым, рабочим настроением, столь необходимыми для осмысливания и для смелого и радостного расширения своей собственной и общественной жизни.

Digitized by Google

Спрашивается теперь, мыслимо ли осуществить все выше намеченное на практике? Опираясь на изучение русских книжных богатств, нами предпринятое еще со времен юности и лишь теперь доведенное до конца, мы смело отвечаем на вышепоставленный вопрос утвердительно. Хороших книг [1]) на русском языке, при всех цензурных стеснениях и авторских и издательских „неуменьях“, много, очень много. Во всяком случае, много таких книг, с помощью которых всякий желающий может и теперь достигнуть своей цели. Дорога открыта для всех,—важнейшее орудие для приобретения знаний, уже накопленных человечеством, т.-е. книга, уже существует; а мысль человеческая, мысль, жаждущая истины и справедливости, всегда и везде свободна, если только она сама искренно желает быть таковой. Еще в XIII столетии сказано, что „свободной мысли никто и ничто не в силах положить никакого предела“. Если не путем надстрочного, то путем междустрочного чтения, если не путем усвоения уже добытых истин и фактически уже обоснованных идей, то посредством своей собственной работы, мысль умеющего думать человека идет, куда ей самой нужно, идет властно и настойчиво, под напором жизни. Идет — и приходит. Ни чужим указкам, ни стеснениям, идущим со стороны, особенного значения придавать во всяком случае не приходится, лишь бы были налицо факты и знание их. „Точные и достоверные факты узнавай откуда только можешь; что же касается до мнений о них, мнения имей только свои собственные“,—таково одно из правил самообразования. Все главнейшие факты из всех главнейших областей жизни всякий желающий узнать наверное может,—они налицо. Мы никогда не устанем повторять это. Всякий желающий может узнать их во всяком случае, если сумеет получить, хоть на время, научную книгу. Утверждаем, опираясь на факты из нашей переписки,—как ни плохо распространяются книги на Руси, как ни мало проникают они в иные глухие места, как ни трудно достать их, все же доставать их можно. Их достают, всегда достают люди, дух которых охвачен горячим и сильным стремлением к свету и правде и которые раз навсегда сказали себе: „Мы—тоже люди и мы должны отстаивать свои права на жизнь, на светлую и разумную жизнь“. Такие люди хоть и бьются, но доби-

[1]) Что понимаем мы под словом „хорошая книга“—см. в наших „Письмах к читателям о самообразовании“, глава VIII.

Digitized by Google

ваются, хоть и страдают, но своего достигают, гоняясь за нужной им книгою. Книги есть, книги иной раз лежат, поджидая читателей. Книги можно и должно искать и у частных лиц, у знакомых и незнакомых, и в библиотеках, близких и далеких. Книги можно покупать и в складчину, со скидкой, иные даже очень дешево. Стремясь к самообразованию, нужно изучить и все пути добывания книг. Для того, чтобы приобретать систематические знания и чтобы развивать в себе умение честно и правильно мыслить и бодро смотреть на мир, не боясь борьбы, любой читатель может на множество разных ладов использовать современную наличную русскую литературу — и беллетристическую и научную. Подробный обзор этой литературы по всем отделам научно-философской и литературно-общественной мысли доказывает [1]), что для широкой и разносторонней работы над самообразованием имеется на русском языке достаточно книг. Имеется и распределение этих книг по главнейшим отраслям знания и мысли, по главнейшим вопросам, по странам и эпохам, по направлениям, по степеням трудности понимания и, наконец, по трем главнейшим кругам читателей (читатель из среды сельской и фабрично-заводской, читатель из среды городской интеллигенции, „третий элемент“, и читатель-специалист [2]). А имея в своих руках такого рода классификацию книг или, точнее говоря, книжного содержания [3]), средне-образованный человек может и сам разбираться и в вопросах, и в направлениях и выбирать для себя книги, думается нам, и без всякой помощи со стороны. Но может ли разбираться в массе литературного материала читатель начинающий? Разумеется, нет. Такому читателю, будь он даже со средним образованием (увы, у нас немало „начинающих“ и среди „окончивших курс“), большие списки даже отличных книг вряд ли помогут. Иного они, пожалуй, даже испугают своими размерами и количеством материала. Для того, чтобы помогать начинающему читателю, необходим совершенно иной метод, и вот об этом-то методе самообразовательной работы мы и должны сказать теперь несколько слов, наметить ее план, указать последовательно ступени ее.

---

[1]) См. „Среди книг“, где мы даем отчет о наиболее ценных русских книгах.

[2]) См. „Среди книг“.

[3]) Классифицируя книги, мы обращали внимание, главным образом, на их содержание, а отнюдь не на заглавия.

Digitized by Google

Самообразовательная работа, ставящая своею целью не только выработку миросозерцания, но и выработку личности, предполагает самодеятельность как в области мысли, так и в области чувства, воли, стремлений и других самых интимных переживаний. Одним из орудий такой работы является чтение, как беллетристическое, так и научное, возможно систематическое, целесообразное, опирающееся на принцип сбережения сил и времени, а значит—и средств. В основе же этого сбережения сил только и может лежать принцип индивидуализации чтения и всей самообразовательной работы, т.-е. приспособления ее к личным особенностям читателя. Особенное значение этот принцип имеет в деле приобретения научных знаний и умения мыслить,—работа, которая доставляет читателю больше всего затруднений. Здесь мы будем говорить прежде всего о методе, т.-е. приемах самообразовательных занятий научных,—систематических и планомерных. В следующей главе будет итти речь о работе в области интимных переживаний, при помощи систематического и планомерного чтения беллетристики.

Вот самая сущность, по нашему мнению, наиболее целесообразного приобретения научных знаний, насколько нам уяснила ее наша библиотечная практика и переписка с читателями.

§ 1. Первый прием или приступ к самостоятельному приобретению научных знаний, как мы видели в I главе, должен быть таков: начинать нужно с самоопределения или с сознательной формулировки некоторых характерных черточек своей собственной личности,—а именно с выяснения тех ее черточек, которые имеют особенно важное значение для самообразовательной работы и оказывают особенное влияние на самый процесс чтения и на усвоение книжного содержания. Таких черточек немного,— всего лишь несколько,— и любой педагог, любой библиотекарь уже знает по опыту, каковы эти черточки. Список их мы даем в приложении к этой книге, в виде небольшого ряда вопросов, ответы на которые вполне характеризуют данного человека, как читателя. Для того, чтобы охарактеризовать его, как такового, вовсе не нужно „познать самого себя“ до самой глубины в сократовском смысле, как об этом иные думают. Необходимо сознательно отнестись лишь к некоторым своим особенностям, и именно для того, чтобы использовать их. Экспериментальная психология, вырабатывающая, а отчасти уже выработавшая целый ряд приемов для исследования человеческой

Digitized by Google

личности, оказывает в высшей степени важную помощь и в данном отношении. Существуют даже особые атласы по экспериментальной психологии, с помощью которых можно определять более или менее объективно разные характерные особенности своей психики [1]). Правда, иной человек сам лично не может сознательно отнестись к себе и формулировать особенности своей психики, характерные для него, как читателя. Но пусть не унывает и такой читатель: для таких, как он, может оказаться полезной помощь со стороны. Таким можно сказать: стремитесь лишь искренно и глубоко к свету и правде жизни, и наверное найдутся люди, которые помогут вам. Во всяком случае, практика наша показала, что достаточно подробные и обстоятельные ответы читателей на поставленный нами ряд вопросов позволяют более или менее безошибочно рекомендовать им действительно подходящие для них книги и составлять, на основании сообщаемых данных, небольшие программки, приспособленные к личности данного читателя и рассчитанные на 3—12 месяцев работы. Разумеется, чем ближе подойдешь к читателю, чем больше и лучше будешь знать его, тем безошибочнее можно делать ему указания. Повторяем еще раз: если в нашей переписке с читателями и возможны были ошибки, то вина за них падает в большинстве случаев на самого читателя, черезчур поленившегося познакомить нас с собою и приславшего нам черезчур краткие ответы на наши вопросы. Во всяком случае, по существу дела достаточно иметь о читателе даже очень немногие сведения, чтобы уже р е а л ь н о помогать ему, и помогать полнее, чем это возможно при помощи списков хотя бы самых лучших книг. Таким образом, по нашему мнению, именно с некоторого выяснения своей читательской индивидуальности и полезно начинать самообразовательную работу. Сюда относится и определение цели, к которой данный читатель стремится и о которой он должен подумать хоть немножко и хоть в самых общих чертах, принимаясь за свое самообразование. Чего собственно я хочу? К чему стремлюсь? Выработать ли общее миросозерцание, не считаясь ни с какими школьными программами? Или подготовиться к какому-нибудь экзамену? Или изучить какую-нибудь отдельную науку или какой-нибудь вопрос или область жизни? и т. д. В зависимости от цели находится многое и в рас-

[1]) Напр., атлас д-ра Рыбакова.

Digitized by Google

планировке самообразовательной работы. Но какою бы частной ни была цель, которую поставит себе тот или иной читатель, все равно, для осуществления всех частных целей общая выработка личности необходима, а потому мы главным образом и будем говорить именно о такой выработке, т.-е. прежде всего о расширении кругозора, без чего немыслимо никакое расширение жизни.

§ 2. Второй прием, это—прием расширения кругозора или „способ трех книг", о котором подробнее будет сказано ниже. Многие начинающие читатели совершенно не знают, с чего начать самообразование, как приступить к нему. Им интересно все в равной степени и ничто в особенности. Многие даже не знают о существовании целых областей жизни и мысли, к тому же крайне важных, даже, быть может, главнейших. Такие читатели должны прежде всего несколько раздвинуть свой кругозор, должны узнать о существовании этих областей жизни и мысли, важнейших вопросов в них. Таким читателям, основываясь на некотором изучении читательской индивидуальности (§ 1), необходимо прежде всего указать несколько книг (не меньше 2—4), расширяющих кругозор и дающих самые элементарные и краткие понятия о трех главнейших кругах жизни, а именно—жизни космической, социальной и интимной. Ниже мы покажем, что такими книгами могут быть, напр., книги, рисующие общую картину мировой эволюции, во-первых, во-вторых—книги по всеобщей истории и, наконец, в-третьих—книги по истории литературы или других проявлений духовной жизни человечества, напр., по этике, религии. Выбор этих книг должен (и может) быть сделан так, чтобы указанная книга возможно сильнее заинтересовала, увлекла данного читателя и показала бы ему, что во вселенной побольше света, чем сколько он видел до сего дня сквозь свое (подчас намеренно закопченное или завешанное) окошко.

§ 3. Третий прием, это прием, который можно назвать приемом отыскания базиса самообразовательной работы. Об этом мы уже говорили выше. Главный базис такой работы, это—интерес к ней. Узнав о существовании главнейших областей жизни и мысли и почувствовав интерес хотя бы к одной из них, читатель, стремящийся к самообразованию, не может не пожелать и дальнейшего знакомства с тем, что ему показалось наиболее интересным. Что же именно? Для начинающего читателя это не так важно, и, как мы уже доказывали, это в значи-

Digitized by Google

тельной степени все едино и с точки зрения систематичности изучения,—с чего бы ни начинать работу. Начинающий читатель должен прежде всего определить, что собственно интересует его больше всего, и, определив это, выбирать книгу именно по данному, относительно говоря, интересующему его вопросу, опираясь при этом опять-таки на свою читательскую индивидуальность. Это определение своего интереса мы и называем выбором базиса. Этот выбор базиса, т.-е. определение наибольшего интереса, имеет в общей самообразовательной работе громадное практическое значение. Именно с этого и начинается настоящая работа, которая вся и всегда должна состоять в постоянном углублении, расширении и, если можно так выразиться, возвышении (обобщении) знаний. Вся работа, весь ее ход, от начала до конца, должны быть делаемы интересными, все должно быть организовано так, чтобы возбуждать хронический интерес; другими словами, один заинтересовавший вопрос должен влечь к другому, третьему, десятому, к еще более интересным и глубоким вопросам и заинтересовывать ими, и каждый предыдущий интересный вопрос должен являться базисом последующих. В другом месте мы уже доказывали, что углубление знаний неизбежно приводит к систематической выработке общего миросозерцания, потому что схема знаний или (что до известной степени то же самое) классификация наук представляет из себя ряд вполне естественных звеньев, из которых каждое звено является базисом последующего, которое становится, в свою очередь, тем же для дальнейших звеньев. Схема знаний, как мы уже видели [1]), есть единое и неразрывное целое. Другими словами, читатель должен для начала выбрать для себя хоть какой-нибудь, но только, по возможности, определенный, отдел общей схемы самообразования. Эту схему мы вкратце привели выше. Более подробно мы говорим о ней в наших „Письмах к читателям“ и еще подробнее—во „Введении“ к I т. „Среди книг“.

§ 4. Четвертый прием—прием выбора книг. Здесь вопрос заключается в том, чтобы дать в руки читателя любого типа знание книг, и прежде всего наиболее подходящих книг для читателей его собственного типа. Спрашивается, какие же книги должен выбирать для себя по интересующему его вопросу

[1]) „Среди книг“, т. I „Введение“, „Письма к читателям“ (глава „Общий план работы“).

Digitized by Google

данный начинающий читатель? Трудно выбирать их, никогда не видевши многих книг и не имея навыка разбираться в них.

Чтобы поставить дело выбора книг в целях самообразования на правильную почву, необходимы особого рода библиографические указатели книг, несколько отличающиеся от тех, которые существуют в настоящее время. Рационально составленные указатели должны содержать: во-первых, описания книг, их содержания; во-вторых, характеристики их изложения, формы; в-третьих, указания на тип читателя, которому соответствует книга данного типа. Библиографические указания должны быть подобраны в таких рациональных указателях таким образом, чтобы по ним, зная тип читателя, можно было подыскать и книгу того же типа. Опыт показывает, что именно при соответствии типа книги с типом читателя этот последний сберегает в наибольшей степени и время, и силы, а значит—и средства.

Чтобы облегчить читателю и эту работу, во II части этого труда мы даем описания более 500 книг по главнейшим отраслям знания. Эти книги выбраны нами, а описания их составлены следующим образом. Прежде всего мы старались обставить хорошими книгами все вопросы намеченной нами общей программки самообразования,—обставить каждый ее отдел несколькими книгами действительно хорошими. Подбирая же их, мы обращали главное наше внимание на такие книги, из которых читатель мог бы получить прежде всего знание фактов. Повторяем еще раз, и не устанем никогда повторять, что в основу самообразовательной работы должно лечь знакомство с фактами, классификация фактов и выводы, лишь на фактах основанные. Нередко читатель, занимающийся самообразованием, гонится лишь за усвоением теорий, мнений, вообще говоря, общих идей. Мы же думаем, что идеи должны и сами рождаться в мыслящей голове и что усвоение чужих идей должно итти лишь постольку, поскольку чужие идеи делаются своими, т.-е. находят опору в идеях, уже усвоенных, и фактах, уже узнанных. Выработка идей идет сама собой с накоплением фактов. Поэтому крайне важно при самом же начале работы прежде всего обратить внимание на усвоение фактов, и это независимо от того, подойдете ли вы, по складу вашего ума, к их усвоению индуктивным или дедуктивным способом. Человек, мыслящий индуктивно, впитывает факты непосредственно и затем на них уже возводит здание своего понимания; напротив, человек, мыслящий дедуктивно, усваивает их, подходя

Digitized by Google

к ним от какой-либо общей теории, общей истины, а в них видя лишь иллюстрацию и доказательство ее. Люди, мыслящие индуктивно, встречаются, повидимому, чаще. То же можно сказать и о людях, мыслящих конкретно. Поэтому нам лишь в редких случаях приходится указывать читателям, к нам обращающимся, книги отвлеченного типа, т.-е. без фактов или почти без фактов. Далее, мы старались подбирать книги, имея в виду несколько типов читателей, каких именно,—об этом см. во II части этого труда, в предисловии к нашему „Списку книг“ и к таблице распределения книг по типам. Книжки народные, за самыми редкими исключениями, мы оставили в стороне, так как предназначаем этот наш труд для тех читателей, которые уже справились с народными книжками и стремятся к дальнейшему продолжению знаний. Далее все книги, введенные в наш указатель, описаны нами. Описывая их, мы старались быть строго объективными и ставили своей целью характеризовать самую книгу и познакомить читателя с тем, что она дает, а не с тем, какое впечатление произвела она лично на нас, благодаря таким-то нашим личным особенностям. Составляя наши описания книг, мы старались заинтересовать читателей самым содержанием и характером книг. Разумеется, на свете существует неизмеримо большее число прекрасных книг, чем сколько мы указали и описали в этом нашем труде. Но мы здесь и не гнались за описанием всех хороших книг. Наша задача при указании подходящих книг заключается в том, чтобы все главнейшие области жизни и мысли обставить хорошими книгами. Разумеется, можно с нами спорить о той или иной книге, равно как и о том, зачем мы рекомендуем такому-то читателю такие-то книги, а не указываем других, таких-то,—и тем более можно спорить об этом, что на вкус и на цвет, как известно, товарищей нет. Мы описывали те, а не другие книги, во-первых, потому, что именно они кажутся нам достойными внимания тех читателей, каких мы имеем в виду, судя по их письмам; во-вторых, именно эти книги фактически уже доказали свою пригодность читателям данного типа, насколько мы можем судить по переписке с ними; в-третьих, потому, что книги эти сами принадлежат к типу тех книг, которые соответствуют наиболее распространенным читательским типам. Мы сами могли бы указать и указали в „Среди книг“ целый ряд произведений, которые по некоторым своим внутренним качествам иной раз стоят даже и выше тех, которые нами указываются здесь. Но те книги

Digitized by Google

менее доступны, и мы их нередко должны были оставлять в стороне. Далее, иной читатель, быть может, поставит нам в вину и то, что некоторые точки зрения некоторых авторов нами указываемых книг в некоторых отношениях не вполне совпадают между собою, а это может поставить иного читателя в затруднительное положение. Но такое возражение не страшно. Мы не боимся вводить в наши программки-списки и такие книги, которые отчасти разноречат в вопросах детальных. Но, оставляя в стороне д е т а л и, разумеется, приходится внимательно присматриваться к основным взглядам авторов, и в этом отношении, насколько нам кажется, всегда является возможность сохранить определенное основное единство взгляда. Во всяком случае, не меньшее единство, чем какое наблюдается и в других программах чтения. Задача выбора материала тем более облегчается, если иметь в виду читателя мало подготовленного, которому всегда приходится обращать внимание при выборе книг прежде всего на книги фактического характера, как о том и было сказано выше. Читатель, способный усвоить основную точку зрения научного исследования и этической оценки явлений, в разнице детальных взглядов превосходно разбирается и сам, и детальных противоречий при выборе книг бояться не приходится. В заключение нашего описательного каталога мы даем список книг, из которых читатель мог бы познакомиться с современным научным миросозерцанием и с главнейшими течениями научно-философской мысли в этой области, в связи с ее историей. Этот отдел нашего труда является как бы завершением той теоретической подготовки, о какой идет речь в нашей книге. Впрочем, следует отметить, что книги, указанные в этом отделе, в большинстве случаев предполагают в читателе довольно хорошую научную подготовку.

Но и это еще не самое главное. Есть одна сторона в деле рекомендации книг, на которую необходимо обратить особенно серьезное внимание. Рекомендация книг отнюдь не должна сводиться к навязыванию. Как мы уже говорили много раз, мы никому ничего не желаем навязывать, а призываем самого читателя вырабатывать его собственное мнение и его собственное миросозерцание, не считаясь ни с чьими другими и не боясь никаких эпитетов, ярлыков и кличек, которым, как известно, грош цена. С этою именно целью мы и выдвигаем вперед знакомство с фактами, а не с мнениями. И пусть читатель не боится

Digitized by Google

и противоречий в чужих взглядах. Пусть он боится их в своих собственных. Далее, пусть читатель отнюдь не думает, что прочитав даже 2—3 книги по одному какому-либо вопросу из числа книг, кем-либо ему указанных, он „уже изучил“ этот вопрос. Вовсе он его не изучил,—даже прочтя все книги на свете, человек все-таки будет находиться лишь в преддверии знания, потому что знание вовсе не есть знание книги, а знание жизни. Чтение книг по какому-либо списку—это лишь первый шаг в области знания. Тот читатель, который, сделав этот шаг, будет видеть в себе уже образованного человека, этим самым лишь блестяще докажет именно свою необразованность и непонимание того, что такое—настоящая наука, настоящее научное знание. Наука у него все-таки еще впереди, и все, что о таком человеке, сделавшем первый шаг, можно сказать, есть то, что такой человек уже вышел из темноты и уже начал искать. Но за первым шагом надо же еще делать и дальнейшие шаги. Каковы же они? Они нам давно указаны подобно тому, как ученики низших школ уже знают о существовании школ средних, высших и профессиональных. Вторичные, дальнейшие шаги помогут делать петербургские „Программы чтения для самообразования“ и московские „Программы домашнего чтения“. Ниже мы даем (в отделе „Усвоение знаний“) подробный обзор этих программ, а также и других книг о самообразовании, служащих подмогой им,—во-первых, книг теоретических по вопросу самообразования, во-вторых, некоторых указателей для выбора книг.

§ 5. Пятый прием—прием развертывания программ и вопросов. Практика показывает, что на читателя, работающего над самообразованием, удручающее влияние производит неумение ориентироваться как в науках, так и в вопросах. Начинающий читатель обыкновенно не знает, о чем собственно идет речь в такой-то науке, каковы ее отделы, какие вопросы к данной науке относятся и ею выясняются, какова система этой науки, откуда исходит и куда идет эта последняя. Работать над самообразованием необходимо возможно сознательнее. Другими словами, в каждое мгновение работающий должен давать себе отчет в том, какую же часть целого он изучает в данное время и „что к чему“. Далее он всегда должен иметь хоть некоторое представление о том, какой именно путь он уже прошел, занимаясь данной наукой, а какой еще не пройден им. Изучаемая наука должна казаться читателю своего рода свет-

Digitized by Google

лым коридором с колоннами, и каждая такая колонна—в роде как веха пройденного пути. В самообразовательной работе все должно быть по возможности ясно и отчетливо, и то, что уже пройдено, должно заинтересовывать тем, что еще не пройдено и что осталось превозмочь. План самообразования должен раскрывать перед читателем перспективу, и не только широкую, но и увлекательную. Поговорите с специалистом, любящим свою науку. Какой бы сухой ни показалась вам иная отрасль знания, специалист, ею увлеченный, сможет вам указать, что и в этой сухой области имеются элементы, которые способны охватывать мыслящую душу и увлекать ее в глубину данной отрасли знания. В каждой науке имеется элемент, способный увлекать. Что же это за элемент? В иной науке особенно дает себя чувствовать сила и мощь человеческого ума, в другой—его смелость, в третьей—его порыв вверх или в ширь, или в глубину; иная отрасль знания захватывает своим отношением к человеческим страданиям, напр., история, повествующая о безмерных страданиях человечества, политическая экономия, вскрывающая самые глубокие основы социальной несправедливости и т. д., и т. д. Есть науки, которые прельщают своей логической стройностью (напр., математика), другие—грандиозностью и таинственностью того, что они изучают (астрономия), третьи—своим проникновением в глубь времен прошлых и будущих (геология), четвертые—своим освещением невидимого мира бесконечно-малых (физика и химия); есть науки, где привлекает тайна, с которой они стремятся сорвать ее покров (психология); в других захватывает их практическое значение. Можно сказать, что, в сущности, привлекательно всякое знание; и одной и той же наукой могут увлекаться разные люди, и каждый по-разному, смотря по своей натуре, своим личным особенностям. Но, чтобы увлекаться какой-либо наукой, необходимо иметь некоторое понятие о ней,—что она такое и чем она занимается, и что ею сделано до сего дня? Ответить на первый вопрос—это значит дать определение данной науки. Ответить на второй вопрос—это значит дать программу ее. Определить что-либо—это значит указать особенности, основные характерные качества, во-первых, родовые, во-вторых, видовые. Такие характеристики всех главнейших наук сделаны нами в особой подготовляемой к печати книге, которая называется „Введение в изучение главнейших наук“ („Главнейшие отрасли знания и общее миросозерцание. Наука и наука“).

Digitized by Google

Но и этого мало. Одни характеристики разных наук еще не могут удовлетворить начинающего читателя, так как они еще не уясняют ему достаточно отчетливо, о чем же собственно идет речь в такой-то науке. Необходимо развернуть перед читателем и программы этих наук, указав при этом, в виде хотя бы самого краткого конспекта, ряд тех вопросов, которые уже выяснила им или еще уясняет каждая наука. В упомянутом нашем труде мы даем и такие программки или конспекты по всем главнейшим наукам. Такой программкой может служить любой более или менее хорошо составленный учебник по данной науке, даже его оглавление, если оно разумно и систематически составлено. Одна из задач такого оглавления в том и заключается, чтобы дать в руки читателя возможность систематически обозревать данную отрасль знания, видеть целиком ее систему. Практика показывает, что для работы над самообразованием крайне важно иметь в руках такую систему-программку или конспект, развертывающий схему данной науки. Тем более важно иметь, в целях выработки общего миросозерцания, такие программки-системы по всем главнейшим отраслям знания. Совокупность таковых и есть не что иное, как система миросозерцания. Такие программы даем мы и в нашем „Введении в главнейшие отрасли знания", воспользовавшись для его составления лучшими, наиболее систематическими и обстоятельными руководствами по каждой отрасли знания, капитальными трудами выдающихся ученых, имена которых уже представляют прекрасную гарантию за научность программ. Список тех руководств, которыми мы пользовались при составлении такого рода программ, дается нами в начале каждой программы. Каждое из этих руководств представляет из себя одно из лучших, наиболее выдающихся пособий по данной отрасли знания. Таким образом, раскрывая перед читателем такую систему, является возможность указать ему и путь к дальнейшему углублению и расширению его знаний, а вместе с тем дать и список капитальных пособий, которые в дальнейших занятиях помогут ему эти знания систематизировать и углубить по программам еще более обширным. Программы, составленные на основании при них же указанных руководств, тем самым уже приурочиваются к этим последним и дают понятие об указанных при них руководствах, а, благодаря этому, если иной читатель заинтересуется каким-либо вопросом, входящим в данную программу, он уже знает, в каких

Digitized by Google

книгах искать ответа на заинтересовавший его вопрос. Таким образом достигается и та цель, о которой было упомянуто выше, — так сказать, цель развертывания перспектив [1])

Но и это еще не все. Конспект-программка не может не давать руководящей нити и в деле приведения в систему тех знаний, какие получаются из других книг. С программой в руках читатель может приобретать указанные в ней знания и по другим книгам. Ведь не в том суть дела, из каких именно книг приобретать знания,—важно действительно приобретать их. Мы особенно рекомендуем читателям, уже прошедшим первые ступени самообразовательной работы, приобретать знания по нескольким книгам, а не по одной,—прочитывая об одном и том же вопросе у нескольких авторов и сравнивая то, что они говорят об одном и том же. Поскольку у них находится нечто общее, постольку чтение нескольких книг об одном и том же явится для читателя как бы повторением пройденного; поскольку же в них найдется нечто разное, постольку это разное может послужить хорошим материалом для критического мышления. Впрочем, такой прием изучения для многих начинающих читателей оказывается довольно трудным. Мы очень рекомендуем всем, даже начинающим читателям, сравнивать читаемую ими книгу (напр., из числа указанных нами по такой-то отрасли знания) с программками, которые мы даем. Уже одно такое сравнение покажет им, что как бы ни была хороша читаемая книга, но и она всей области данной науки все-таки не охватывает, и пополнять свои знания необходимо по другим книгам. Далее нельзя не обратить внимания наших читателей и на неравномерность составленных нами программ, вошедших в вышеупомянутый наш труд. Некоторые из них (напр., программы по зоологии, ботанике) очень кратки, другие (напр., по истории) очень подробны. Эта неравномерность вполне естественна в тех науках, в которых большую роль занимает простая классификация и систематика. Перечислять роды, семейства и виды животных и растений в наших программках мы считали излишним. Кроме того, мы даем лишь очень сокращенные программки и по наукам специальным (напр., по гистологии, теории вероятностей и т. п.), а по некоторым наукам, в виду довольно далекого их отношения к задачам

[1]) Такие программки отчасти вошли в вышеуказанные „Программы домашнего чтения". Нетрудно, при желании, доставать и программы университетских курсов.

Digitized by Google

самообразования, и совсем не даем (напр., по римскому праву). Но совсем другое дело программки по тем наукам, которые изучают общественную жизнь в ее целом (история) или некоторые стороны ее (напр., история государственных учреждений). В виду значения этих наук в общей системе самообразования и для выработки миросозерцания мы не боялись увеличивать размеры этих программ. Вводить в них детали даже полезно, лишь бы они не загромождали общие представления об явлениях жизни данной области. Разумеется, составляя программки, мы отнюдь не считались при этом с требованиями каких-либо учебных заведений, средних, специальных или высших. Мы брали знания, как таковые. Правда, обширность иных программок может отпугнуть от них иного читателя. Но пусть читатель не боится их размеров. Всякая программка по любой науке может быть как сжимаема, так и расширяема, смотря по личности, силам и запросам читателя. Разумеется, весьма возможно, что не все читатели будут удовлетворены теми программками, какие введены в нашу книгу: иным читателям они могут показаться неполными, другим—перегруженными, третьих может не удовлетворить формулировка программ, система размещения в них материала; иные могут перетолковывать тот или иной пункт программы не так, как мы толкуем его. Иные могут попенять нам, что мы упустили что-нибудь, хотя бы даже „довольно существенное“, и т. п. Так всегда и бывает со всякими программами, кто бы их ни составлял. Позволяем себе думать, что самого-то существенного, основного мы все-таки нигде не упустили, и в этом отношении достаточной гарантией могут служить опять-таки имена ученых, руководством которых мы пользовались при составлении программ. Что касается до систематичности и формулировки разных пунктов,—не в этом главная суть дела. В некоторых случаях мы сознательно оставляли ту формулировку, какая была придана авторами руководств, имея в виду, что программы должны служить, по нашей мысли, и подробными описаниями капитальных руководств по каждой науке. Таким образом, в смысле знакомства с объемом главнейших отраслей знания и в смысле развертывания горизонта, и в смысле достижения возможно большей систематичности, характеристика главнейших наук и собрание программ-конспектов по всем этим наукам представляется дальнейшим углублением рекомендуемой нами системы самообразования. Рекомендуем и самим читателям заняться соста-

Digitized by Google

влением конспектов тех книг, которые рекомендованы нами во II ч. этого нашего труда, так, чтобы каждый такой составленный самим читателем конспект был своего рода программой прочитанной им книги. Особенно полезно составлять такие конспекты-программы по многим книгам. При составлении же таких конспектов, которые уже были упомянуты, необходимо придерживаться следующих основных правил, естественно вытекающих опять-таки из нашей основной идеи,—приспособления всей самообразовательной работы к личным особенностям данного читателя: всякий конспект должен содержать именно то, что труднее всего усваивается этим читателем. Таким образом, читатели, которые хуже запоминают факты, должны придавать конспектам характер выписок наиболее интересных фактов; читатели, хуже всего усваивающие или запоминающие ход идей автора, должны придавать конспекту вид логического резюме этих идей. Интересно затем сравнивать запас знаний, вынесенных из прочитанной книги, с общей программой той науки, к области которой эта книга относится.

Этим и исчерпывается общий ход теоретической самообразовательной работы. К ней следует еще прибавить посещение библиотек, курсов, музеев, экскурсий и т. п. Об участии в общественной жизни, которая, разумеется, представляет из себя тоже один из способов расширения кругозора, и к тому же особенно действенный, мы будем говорить ниже.

Но и использование этих программ, эти дальнейшие шаги по пути самообразования, все-таки не есть еще образование, подобно тому, как диплом среднего или высшего учебного заведения тоже еще не дает права его обладателю называться образованным человеком. Настоящий экзамен своей образованности человек держит в жизни, и, чтобы выдержать его, необходимо проявить себя хоть каким ни на есть творцом ее—хоть в какой-нибудь области жизни. В какой же именно области и кто из читателей и в какой именно степени проявит себя? Это опять-таки вопрос индивидуальности,—личного склада ума, характера, темперамента и всяких других особенностей данной личности. Здесь мы приходим к следующему приему самообразования.

§ 6. Шестой прием—прием хронического объединения теории и практики, книги и жизни. Это объединение необходимо должно начинаться с первых же шагов

Digitized by Google

самообразовательной работы. Мы резко восстаем против тех читателей, которые полагают, что „вот сначала я подготовляюсь теоретически, а затем проявлю себя и практически". Теория и практика никогда не должны быть разделяемы, равно как и книга и жизнь. Если эта последняя действительно данной книгой выражается, книга не может не помочь творчеству жизни. Если же книга сама по себе, а жизнь сама по себе, то в почитывании даже и самых лучших книг решительно нет никакого смысла. Ведь и воры и разбойники плачут иной раз над страданиями Христа, почитывая или слушая евангелие; а насильники, мироеды и грабители разных рангов умиляются, слушая или даже говоря проповеди и речи на „благообразные темы". Книга должна управлять нашими мышцами, да, мышцами, не только мыслями,—потому что в жизни деятельность не обходится без помощи мышц. Действуйте всем своим существом, до мышц включительно,—это и есть введение книги в жизнь. Необходимо найти такой прием самообразовательной работы, который упорядочил бы и эту сторону дела. Практика наводит нас в этом отношении на следующие приемы: каждый отдел самообразовательной программы, каждый шаг в самообразовательной работе должен быть обставлен практическими занятиями. С этой целью, рядом с описаниями книг характера теоретического, мы даем небольшой список книг характера практического, прикладного,—таких книг, которые указали бы не только то, что делать, но и то, как делать. Усвоение теории должно итти параллельно знакомству с практикой. Это одинаково приложимо к читателям как теоретического (созерцательного), так и практического (двигательного) типа. Правда, из читателя первого типа все-таки не выйдет в конце-концов практического деятеля. Но и рисованию учат во всех школах, не надеясь сделать из всех учеников хороших художников, а знакомство с приемами практического применения данных знаний все же имеет громадный смысл. Каждый стремящийся к самообразованию необходимо должен узнать эти приемы на своем опыте. Как же их узнать? Мы говорили об этом выше и в наших „Письмах к читателям" (глава X). В чем может выражаться практическое узнавание теории? Оно может выражаться разными способами, различными не только по форме, но и по существу, смотря по предмету.

Каждая отрасль знания предполагает практику двоякого

Digitized by Google

рода,—во 1-х, научную, во 2-х, общественную. Обе эти стороны имеют между собою то сходство, что каждая из них представляет из себя делание, не созерцание и мышление только, а делание, в состав которого входит, как необходимый элемент, сознание и воля действующего лица, усилие воли [1]). Воля, это—уже напор, стремление, желание проявить свое „я" во вне. Воля, это—ощущение этого напора, ощущение своей силушки, трепетания своих собственных кровеносных сосудов, не только сознание, но и ощущение, что „вот и я, каков там ни на есть, а все-таки и я могу сделать кое-что, могу, именно могу". И делание является уже результатом этого ощущения своей силы (которое, кстати сказать, не отделимо от веры в свою силу, и эта вера—вовсе не нечто прирожденное, а наживное). Но делание научное—не то, что делание общественное, хотя и у него есть общественная сторона. Научное делание заключается в деятельном отношении к добыванию точных и достоверных знаний, к их расширению; то, что называется „двигать науку", это—тоже научное делание. А чтобы двигать науку, нужно знать те способы, какими это делается и какими уже многое сделано, иначе говоря, нужно знать методы, практикуемые наукой. Знать их надо и для того, чтобы самому судить о доброкачественности материала данной науки и о правильности ее выводов. Тот читатель, который, читая какую-либо книгу, думает, что ее содержание в роде как с неба свалилось в готовом виде,—не знает и не понимает самого главного. Наука—это не есть добытое раз навсегда знание, наука есть постоянное узнавание, не только открытие, а открывание, вечное накопление все вновь и вновь констатируемых фактов, а также накопление идей и методов. Наука есть научное делание, совершаемое тем огромным целым, которое называется человечеством. Наука есть коллективное и общественное делание, и разбираться не только в его результатах, но и в его ходе приходится не только тем, кто пишет учебники да ученые книжки, а каждому из нас за свой страх и совесть. И, не зная научных методов, сделать это невозможно.

Но и этого еще мало. Самые-то методы можно узнать лишь тогда, когда мы сами на практике испытаем их, попробуем, обнимем собственной волей и—двинем. Итак, надо это испытать,

---

[1]) См. „Письма к читателям о самообразовании", гл. II.

Digitized by Google

попробовать. Одного лишь теоретического знакомства с методами изучаемой науки для самообразования абсолютно недостаточно,— никоим образом. Как же испытать и попробовать методы? Это всякому школьнику известно давным-давно. Такое пробование методов и называется практическими занятиями. Мы уже упоминали выше, что нет такой отрасли знания, в которой не было бы соответственных ей практических занятий. Нельзя изучить арифметики, не решая задач; нельзя изучить гражданского и уголовного права, не занимаясь решением задач по этим наукам. Студенты, изучающие историю, возятся со старинными хартиями и рукописями, из которых наука истории черпает свои факты; участвуют в раскопках старинных могил, учатся рыться в сотнях книг, чтобы иной раз написать для своей диссертации какую-нибудь одну страничку, а то и строчку. О значении практических занятий для изучения естественных наук и говорить не приходится. Нельзя знать ботаники, не занимаясь определением родов и видов растений; нельзя изучить физики и химии, не делая опытов и наблюдений. Не пройдя школы практических занятий, никакой студент не сделается действительно знающим человеком и не сможет двигать науку. А о том, чтобы принять участие и в этой работе,—это должно стать идеалом всякого стремящегося к самообразованию. Примеры, которые дает нам жизнь и непосредственные сношения с читателями, убеждают нас, что принять участие в ней может всякий человек, накопивший в себе хотя бы „самоуком“ некоторый запас точных знаний и познакомившийся с научными методами. Так, напр., мы знаем сотни людей, занесенных злою судьбою в самые далекие и глухие уголки Сибири и тем не менее неустанно работавших над собиранием разного рода этнографических материалов, характеризующих быт, нравы, верования, поверья, язык и старину ныне вымирающих племен и народов; другие люди заняты изучением быта и нравов народа русского, который, к стыду русской науки, тоже далеко не изучен. Есть люди, тоже самоучки, которые собирают, с удивительной любовью и знанием дела, песни, загадки, пословицы, сказания древности, отсылая результаты своих трудов в Академию Наук в Спб., в местные или столичные музеи, в Росс. Географическое Общество и т. д. Есть люди, которые извлекают из старинных архивов давно забытые, крайне интересные и важные документы. Есть люди, странствующие по горам и пустыням, лесам и равни-

Digitized by Google

нам, собирая зоологические, ботанические и всякие иные коллекции, устраивая из них местные маленькие музеи (иной раз и школьные). Нам приходилось встречать на своем веку даже крестьян, любителей астрономии, работавших с телескопом и делавших астрономические наблюдения и делившихся ими с местным астрономическим кружком [1]). Не следует думать, что наука уже знает все и что для того, чтобы ее двигать, непременно нужны кабинеты, лаборатории, дорогие приборы, огромные библиотеки и т. д. Эдиссон смастерил свой первый фонограф без всякой лаборатории. Многие технические и механические изобретения сделаны нигде не учившимися фабрично-заводскими рабочими. Самая суть этих изобретений не в обстановке изобретателя, а в его уме и воле. По крайней мере, в настоящее время, думается нам, изобретения и открытия, действительно важные и полезные, заглохнуть уже никак не могут. А изобретать, открывать, двигать науку,—это уже значит творить жизнь посредством научного делания.

Но и им еще нельзя удовольствоваться. За всяким накоплением знаний естественно и логически следует их распространение. Каждое знание, каждая добытая истина, каждая идея, каждое настроение само стремится распространиться. Каждый, кто обладает ими, неизбежно и стихийно делается распространителем их. Неизбежно и стихийно, говорим мы,—хочет он или не хочет этого. Миллионы людей, накопивших в себе знания, понимание и настроение, уже по этому самому являются распространителями их. Распространение же это, уже представляет из себя работу общественную, и, говоря о ней, мы из области делания научного вступаем в область делания общественного.

Распространение знаний стоит на границе обоих этих типов делания, и, в свою очередь, в нем наблюдается несколько типов. Есть люди, которые являются распространителями всякого рода духовных богатств бессознательно, стихийно. Другие люди делают то же самое полусознательно, исходя из соображений, напр., профессионального характера, из принципа „надо жить, надо работать, чтобы что-нибудь есть“, и т. д. Люди высшего типа делают то же дело вполне сознательно, определенно,

[1]) Таков, напр., ныне уже умерший К. И. Тезиков в с. Богородском, Нижегородской губ. О нем см. в наших „Этюдах о русск. читающей публике“. Изд. О. Поповой. Спб. 1895 г., и в брошюре „Крестьяне-самоучки“.

Digitized by Google

планомерно, зная, чего они добиваются, чего хотят и куда идут. Мы лично глубоко убеждены, что каждый человек, занимающийся самообразованием, должен с первого же приступа к своей работе поставить себе за правило, что его самообразовательная работа не должна быть работой только для себя. Знания необходимо копить для того, чтобы распространять. Распространение же их должно итти параллельно с накоплением. Поэтому, занимаясь накоплением знаний и изучением научных методов, необходимо вместе с тем заранее готовить себя к роли распространителя знаний. Каждый из нас наверное будет таковым, если еще не стал им уже. Сама жизнь властно требует этого. Родители, заботящиеся об образовании своих детей, волей-неволей перекладывают в них свои знания. Сведущий человек, окруженный менее сведущими, волей-неволей становится источником знания для этих последних. Такой работы распространения знаний не может избегнуть никто из нас. Значит, нам только то и остается делать, что позаботиться заранее о возможном упорядочении и этой работы. Другими словами, мы все должны готовиться к делу распространения знаний,—к этому крайне важному типу научного делания.

Но что же это значит,—готовить себя к такой роли? Ответ на этот вопрос дан уже давным-давно и наукой, и практикой, и жизнью, и всей русской историей. Есть особая наука о распространении знаний. Кто не знает ее имени? Называется она педагогикой. Что она такое, каковы ее цели и задачи,—об этом сказано в другой нашей работе [1]). Как наука, педагогика опирается на изучение человеческой психики. Как искусство, она вырабатывает и применяет наиболее целесообразные приемы распространения знаний. Особые отделы педагогики, называемые методикой и дидактикой, занимаются этим делом, и познакомиться с тем, что рекомендует в этом отношении новейшая научная педагогика, опираясь на экспериментальную психологию,—очень небесполезно каждому из нас. Далее вопрос о способах распространения знаний трактуется в целом ряде книг (в том числе—в работах пишущего эти строки). Каждый стремящийся к самообразованию должен помнить, что и он может научиться распространять знания среди таких же нуждающихся в них, каким был и он сам. Знаниями нужно вооружаться, чтобы воору-

[1]) „Введение в изучение главнейших отраслей знания".

Digitized by Google

жать ими и других. Вооружаться умением распространять знания нужно с этой же целью. И такая работа тем важнее, чем более глухое то место, где человек живет.

Но область делания не ограничивается и этим. Одно дело—знание жизни, и другое дело—творческая работа в ней. Одним из видов этой творческой работы является создание всякого рода учреждений, ставящих своей целью распространение знаний в возможно широких кругах, и работа в этих учреждениях, направленная не только к их поддержанию и приспособлению к нуждам окружающей жизни, но и к развитию их деятельности, к придумыванию, отыскиванию новых путей и способов, ведущих к цели, к какой эти учреждения стремятся. В этом отношении деланию каждого из нас предоставляется выбор очень обширный. Библиотеки, читальни, школы, аудитории народных чтений, клубы, книжная торговля, начиная с особых самостоятельных магазинов и кончая, напр., организацией продажи книг при местных мелочных лавках, рассылки книг, газет, журналов людям нуждающимся, составление каталогов лучших книг (напр., по каталогам местных библиотек) и распространение таких списков, устройство совместных чтений, вырезки из газет и их распространение и т. д., и т. д.,—уже из одного этого перечисления видно, что творческая деятельность в области просветительной чрезвычайно велика и разнообразна и всякий маломальски живой человек сам может и должен измысливать пути для нее. Есть ли такие люди на свете, которые никакими приемами такой деятельности не смогли бы воспользоваться при известной бодрости, натиске, уменьи, ловкости, практичности? Нужно вырабатывать в себе все это. Нужно копить не только теоретические, но и практические знания для этого. Нужно копить в себе силу, которая дала бы возможность и делать, и сделать. Нужно проявлять ее. Нужно чувствовать, что проявляешь ее, эту силушку, т.-е. свое „я“, нечто самое глубокое и светлое, что имеется в душе. А это проявление и есть одно из проявлений расширения своей собственной жизни. А чувствуя, что она действительно расширяется, углубляется, делается более полной, глубокой, разносторонней, возвышенной, напряженной, красивой,—вы сами, читатель, не можете не сказать, что такое расширение жизни от своего „я“ к обществу и человечеству,—это и есть самое светлое и дорогое в ней. Сама природа устроила нас такими, что мы радуемся, расширяя наше „я“. А

Digitized by Google

что слаще чувства радости? Она, как и любовь, и есть то, „чем люди живы“...

Но просветительная деятельность есть лишь не что иное, как один из видов деятельности. Кроме нее, перед каждым из нас и множество других, которые в своей совокупности и составляют то, что носит обыкновенно название культурной работы. Эта работа охватывает все области жизни,—науку, искусство, технику, промышленность, торговлю, всякого рода приложения труда. Все, что нуждается в улучшении, требует и культурных работников. Культурная работа должна или, говоря о России, скажем должна бы кипеть и в недрах общественных организаций. Устройство всякого рода культурных учреждений, сельских, заводских (напр., разных кооперативов—потребительных, ссудо-сберегательных, мелкого кредита, разного рода артелей, товариществ), затем детских садов, мастерских, больниц и лечебниц, всякого рода юридической помощи населению, всякого рода участие в земской, городской и вообще социальной жизни, во всех ее сложных и многообразных проявлениях,—все это требует и преданных делу, просвещенных работников и большого труда, внимания, ловкости, практичности и т. д., и все это помогает объединению общественных сил. И нужно ли доказывать, что работа в целях их объединения,—быть может, самая важная из всех работ, а отыскивание способов и проложение путей для объединения—одна из настоятельнейших потребностей века? Творчество жизни непременно предполагает и единение сил. Давно сказано: „один в поле—не воин“, „в единении сила“. Не даром и девизом пролетариата всех народов земного шара, без различия государств, племен и рас, уже давно стали слова Маркса и Энгельса: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ Но вряд ли нужно доказывать, что единение сил предполагает прежде всего единение интересов. Каждый из нас о них-то и должен подумать,—кому, каким и чьим интересам он служит, делая то или иное дело, и каким должен служить. Этот вопрос—важнейший вопрос личной жизни каждого из нас, и все мы нравственно обязаны над ним задумываться почаще и поглубже, да и... почестнее решать его. От решения этого вопроса зависит и смысл, и цель нашей же жизни. А кто же из нас хочет, чтобы его жизнь была бессмысленной и бесцельной?

Но решать вышепоставленный вопрос можно лишь одним способом,—подумать не только о том маленьком культурническом

Digitized by Google

деле, которое добросовестно делаешь своими, иной раз маленькими, силами, а и о том большом, путем служения которому это маленькое дело лишь и может быть осмыслено. Всякое маленькое дело, это—прежде всего то же, что кусок хлеба (говоря материально), пли позиция (говоря идеально). Что же касается до дела большого, то его задача формулирована еще Христом и отцами церкви. Христос ставил на первый план свое служение труждающимся и обремененным. Отцы церкви ставили и решали отрицательно вопрос: „Справедливо ли человеку господствовать над человеком" (An justum sit homini hominem dominari?). Лучшие люди всех времен не только мечтали, но и добивались прежде всего, чтобы человек не угнетал человека, человек не грабил и не обманывал человека, ни явным ни тайным способом, ни с ружьем, ни с дубьем в руках, ни с рабочим договором, арендным контрактом, векселем или рублем, как орудиями насилия, ни при помощи несправедливого распределения духовных, юридических, как и материальных благ. Как сделать так, чтобы этих насилий, обманов и грабежей не было на земле? За маленьким культурным делом во все времена стояло и ныне стоит дело большое,—создание нового уклада жизни на иных началах, более справедливых и светлых. И именно в сторону его создания или, по крайней мере, его создавания и должна быть направлена наша творческая работа и все силы каждого из нас. Как это сделать и делать? Разные люди разных общественных классов, разные партии отвечают на этот вопрос по разному. Нам с вами, читатель, остается поискать своего собственного ответа и способов, беря вместе с тем их и на свой страх и совесть. Как известно, о практических способах служения большому делу существует также большая литература. Поэтому рекомендуем читателю познакомиться с вопросом о приемах и способах, какими человечество, государство, правительство, разные общественные группы (сословия, классы и т. д.) делали и делают свое большое и основное дело. Об этом трактуют, напр., книги по истории общественных движений (политических, экономических, социальных, религиозных, литературных и т. д.). История и в этом отношении очень поучительна и представляет из себя науку не только отвлеченно-теоретическую, но даже очень практическую.

Из всего вышесказанного следует, что литература о делании представляет из себя нечто хотя и очень пестрое, но вместе с тем и очень связное, и в ней естественно намечается целый ряд

Digitized by Google

категорий, а все ее категории представляют из себя как бы ряд ступеней, выводящих человека из узкого круга его личной жизни и ее интересов на арену жизни общественной, все более и более широкой и мировой. Видите ли вы эти все ступени, читатель, и понимаете ли, что и вы,—вы, такой, какой вы есть, можете итти по ним, и неизбежно вперед и вверх? Дорога открыта. Чтобы итти по ней, вовсе не нужно быть героем. Правда, дорога, быть может, не лишена и неприятностей и толчков. Но их не бойтесь. Они каждого из нас кой-чему учат. И к тому же очень важному. За „маленьким делом" создавания паллиативов они, эти толчки, раскрывают свои скрытые, основные причины,—объясняют нам дело большое, коренное, растолковывают, кто враг и кто друг. Они, эти толчки, только расширяют кругозор и, как знать?.. создают героев. И никто из нас не знает, в сущности, не будет ли самым ходом русской жизни превращен в героя и он, когда обстоятельства этого потребуют. Совестливое и честное отношение к раз понятой истине и справедливости—тоже сила. А практика честной мысли неизбежно ведет и приводит к ее накоплению,—путем делания. И тоже по ступеням. Разумеется, выбор делания того или иного типа сводится, в конечном счете, опять-таки к вопросу об индивидуальности и о личных особенностях работника. Творчество жизни многообразно. Задача, стоящая перед каждым из нас,—сделать удачный выбор, т.-е. выбор, наиболее удовлетворяющий силам и способностям данной личности.

Но, не зная самого делания, обстоятельств, приемов, процессов, наконец, обстановки его, делать такой выбор очень трудно. Чтобы облегчить его, во II ч. труда мы даем список книг по разным вопросам делания как научнаго, так и общественного. В этот список входят: а) книги о методах различных наук, б) книги о практических занятиях по разным наукам, в) книги о распространении знаний (по методике и дидактике разных наук), г) книги, трактующие о разных видах деятельности в области личной, семейной, общественной, исторической и космической.

Этим мы и закончим наш обзор главнейших шести приемов самообразовательной работы, приемов, ведущих человека от накопления знаний к творчеству жизни, приемов, которые, разумеется, отнюдь не исключают, а, напротив даже, предполагают и другие, направленные к той же основной цели. Об этих последних мы не считаем необходимым здесь распространяться и отчасти говорили уже попутно о них на преды-

Digitized by Google

дущих страницах и в „Письмах к читателям“. Думается нам, что, усвоив эти шесть приемов возможно конкретнее и пользуясь нашими указаниями подходящих для него книг, описанных в этом нашем труде, читатель и сам справится с большинством трудностей, какие встречаются в самообразовательной работе. Еще и еще раз повторяем: не так она страшна, как кажется многим. Нечего бояться ни ее, ни ее обширности. Ведь и путем самообразования можно проходить курсы и низшей, и средней, и высшей школы. А кто какой пройдет—это смотря по способностям и обстоятельствам. Что касается способностей, то никогда не надо забывать золотого правила: не в том суть дела, чтобы иметь богатейшие способности. Какие они у меня—в этом ответственна природа, меня создавшая таким, а не иным. Суть дела в том, чтобы использовать имеющиеся способности возможно производительнее и сделать в возможно короткое время возможно больше в целях расширения, углубления, возвышения, напряженности и красоты своей и общественной жизни. А как именно я наличные мои способности и силы использую,—вот это действительно вопросы моей совести, и за это не кто иной, как я, нравственно ответствен. Опираясь на наши сношения с читателями, мы определенно можем сказать, что всякий может сделать неизмеримо больше, чем ему самому кажется. Надо лишь не покладать рук и—дерзать.

Побольше знания фактов, самого реального, образного, житейского знания; побольше творчества, поближе к жизни, поменьше опускания рук, побольше веры в себя, в справедливость и истину,—остальное „все образуется“.

Эту нашу работу мы не можем не закончить стихами нашего старинного друга и товарища И. И. Горбунова-Посадова:

«Друзья добра! Не опускайте взор
Перед людьми вражды и святотатства.
Пусть каждый злобы крик найдет у вас отпор
В широкой проповеди братства!“

Последовательно наметив общий план и ступени самообразовательной работы, переходим теперь к более детальному обзору их, начиная с области самых интимных переживаний.

Digitized by Google

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

ПРАКТИКА САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ.

ГЛАВА VIII.

В области интимных переживаний. Что и как читать по беллетристике.

I

Что читать?

В предыдущих главах мы говорили об общих принципах самообразовательной практики. Теперь мы будем говорить о деталях ее, и от вопроса об использовании, в целях самообразования, чтения вообще, переходим к вопросу об использовании беллетристического и научного чтения: прежде всего беллетристического, потому что оно, изображая человека и его жизнь целостно (интегрально), рисует его и с внешней, и с внутренней стороны, более доступно широким кругам читателей, затем—научного. Мы рассмотрим беллетристическое чтение, как могущественное орудие для воспитания высших человеческих чувств, настроений и стремлений, чуткости и отзывчивости в области и личных и общественных отношений. Далее мы будем говорить о чтении научном, дающем знания и понимание, которые являются могущественными орудиями для осуществления человеческих стремлений в жизни. В области чувств, настроений и стремлений скрываются, как известно, ответы на мучительнейшие вопросы. „добиваться чего? итти куда? стремиться к чему?“ В области знания и понимания скрываются

Digitized by Google

ответы на вопросы, дающие фактическую силу первым: добиваться как? итти как? Осуществлять свои стремления как? Чтение беллетристическое и научное взаимно дополняют друг друга. Одно дает силу другому. Одно предполагает другое. Значит, одно неотделимо от другого, и потому оба должны итти параллельно, отнюдь не в ущерб друг другу.

Итак, будем прежде всего говорить о беллетристическом чтении, сначала о том, что читать? затем—как читать, сначала о выборе книг, затем об их использовании в целях выработки в себе чувства красоты (эстетического), душевной (психической) чуткости и, наконец, нравственной и общественной отзывчивости.

Чтение романов, повестей, драматических произведений, стихотворений и т. д. должно входить в программу самообразовательной работы не только как ее необходимая, составная часть, но и как одна из самых существенных частей ее. Беллетристика (предполагаем, разумеется, хорошую беллетристику) рисует перед читателем живых людей, личность человеческую, мыслящую, чувствующую, страдающую, стремящуюся, борющуюся с окружающими условиями—политическими, социальными, духовными, в семейной, общественной, мировой жизни. Беллетристика рисует нам личность с ее переживаниями, ее борьбой и страданиями. Никакая другая отрасль литературы не в силах раскрыть перед читателем столь же ярко и образно этого реального, живого человека со всеми его переживаниями, как это делает именно беллетристика. Но ведь чтобы человек лучше всего понимал и уважал человека и стремился к единению с людьми, необходимо, чтобы и в нем были именно эти переживания,—переживания и чужого горя, и чужих радостей, и уменье ценить их самих по себе, а значит—ценить и людей, их носителей.

Но беллетристика дает читателю еще нечто не менее ценное: она, так сказать, сводит с отвлеченной высоты вниз к земле и знания, и философию, и вообще отвлеченную мысль. Научные книги полны отвлеченных теорий и идей. Но ведь эти идеи и теории лишь тогда приобретают ценность, когда они спускаются с неба на землю, входят в душу человеческую, завоевывают человека, производят в нем и с ним перемены, видоизменяют его поведение, его отношения к другим людям и к строю всей жизни. Идея или теория не есть только формула; это—ошибка, если мы станем понимать их, как нечто очень краткое и простое. Всякая теория очень сложна, и это сразу же видно, если только мы по-

Digitized by Google

пробуем понять и представить ее жизненно-реально. Настоящая, действительно понятая идея не приклеивается, а, так сказать, присасывается к душе, сливается с нею, входит во всего человека, делается действительно его плотью и кровью, его составной частью вплоть до самых интимных уголков. Только вникая в чужую и свою душу, только вдумываясь в личность человеческую, мы можем не только понять, но и, что главное, оценить жизненность идеи или теории. Именно это и помогает делать беллетристика. Рисуя интимного человека, она рисует и воплощения идей и теорий в жизни. И нет иного лучшего способа оценить и понять их. Прочтите, например, роман „Братья Карамазовы" Достоевского. Это—произведение столь же беллетристическое, сколько и философское. Прочтите еще роман „Один в поле не воин" Шпильгагена (лучшее изд.—Благосветлова; изд Ф. Павленкова сокращенное и потому испорчено). Это—произведение столько же художественное, сколько и политическое. „Жерминаль" („Углекопы") Зола—роман не только художественный, но и социальный, и т. д. Исторические романы „Война и мир" Л. Толстого, „Петр и Алексей" Д. Мережковского, „Дочь египетского царя" Эберса представляют из себя не только ценные художественные произведения, воспроизводящие былые времена, но и научные труды,—результаты серьезных научных изысканий. Словом сказать, беллетристика может дать и дает читателю как научные знания, так и философские и социальные идеи, не переставая вместе с тем быть беллетристикой и не теряя своей художественности (только мелкие таланты утрачивают эту последнюю, гонясь за воплощением теорий). Из предыдущего следует, что читатель, стремящийся к самообразованию, должен использовать и беллетристику во всех смыслах и читать ее так, чтобы почерпать из нее не только то, что обыкновенно из нее черпается („приятное чтение, не оскорбляющее вкуса"), а возможно больше. Самая яркость художественной формы позволяет ждать от беллетристического чтения кой-чего такого, чего многие читатели не могут ждать от чтения научного. Не мешает здесь сказать несколько слов, как это нужно делать.

Огромное большинство читателей, почитывающих беллетристику (и даже только беллетристику), обращают свое внимание почти исключительно на сюжеты, фабулы, на общее развертывание романических событий. Другие читатели главным образом восхищаются красотою формы, образностью, художествен-

Digitized by Google

постью изложения, которая в беллетристике играет, разумеется, очень важную роль. Правда, и сюжет, и форма изложения—дело очень важное в этой области литературы. Но все же в деле самообразовательного чтения обращать внимание только на это—еще мало. Читая о событиях, описываемых, напр., в романе или поэме, нельзя не поставить и такого вопроса, и нельзя не поискать *своего* ответа на него: почему же именно *такие-то* (описываемые здесь) люди при *таких-то* обстоятельствах именно действуют *так*, а не *иначе*, и почему они чувствуют, переживают именно это, а не иное что? Ответы на эти вопросы можно дать, лишь вникнув в души описываемых людей, разобравшись в их душевных и иных качествах, свойствах, в чертах их характера, темперамента, воспитания и т. д.,—словом, подумав и подумав над всеми описанными людьми.

Но и этого еще мало. Ведь люди-то, когда родятся на свет, сразу попадают в такую или иную обстановку,—иной прямо на землю или в грязное тряпье, а иной сразу на шелковую и бархатную подушку; иной в курную избу, а иной—прямо во дворец. Далее, иные родились в такой, а иные в другой век, и в разных странах, в среде разных народов, и, смотря по той обстановке, в какую они попадают, они впитывают и разные привычки и нравы, получают разное воспитание, усваивают разные верования, понятия и т. д. Значит, чтобы понять *человека* (напр., описываемого в романе), нельзя не принимать в расчет и той обстановки, в которой он живет. Та же беллетристика во многих произведениях великолепно вскрывает все значение обстановки в выработке человеческой личности. Поэтому читатель должен, читая художественное произведение, задуматься и над этим, оценивая не только выводимых людей, героев и героинь, но и *среду*, изображенную в этих произведениях,—будь это среда классовая или сословная (напр., рабочая, крестьянская, купеческая), национальная (русская, немецкая и т. д.), историческая (наши времена, былые времена).

Но и это еще не все. Думая о той или иной общественной среде, нельзя не задуматься и о строе общественной жизни, обо всех условиях и обстоятельствах ее, благодаря которым ведется издавна так, что одни люди при этом страдают, другие же благоденствуют. Нельзя не задуматься о справедливости или несправедливости данного строя подобно тому, как это сделал Л. Толстой в одном из своих замечательнейших произведений

Digitized by Google

(„Неужели так надо?“), познакомиться с которым должен каждый образованный человек. Нужно подумать и о самой сущности современного строя и оценить его, по меньшей мере, с двух точек зрения: во-1-х, с точки зрения отношения человека к человеку, — справедливости и несправедливости этих отношений, во-2-х, с точки зрения доброжелательности и любви, т.-е. самых основ человечности. Высокое художественное произведение заставляет читателя волей-неволей думать над жизнью, оценивая не только людей, но и самые способы оценки, размышляя об основных вопросах жизни, об ее цели, смысле, ее правде и неправде и т. д.

Но и это еще не все. Ведь за тем, что изображено, стоит тот, кто изображал,—за произведением стоит его автор, его творец. Правда, оценивать произведение можно и как таковое, не входя в личную жизнь автора. Но еще глубже можно понять и оценить произведение, если вникнуть в самую работу творчества, а это возможно сделать, лишь вникая в личность творца и круг идей его и в то, что их создало. Кто же автор и что он? Произведение—частичка его души, ее создание. А что есть в этой самой душе? Великая ли она, или мелкая? И насколько великая, и насколько мелкая? И какому богу или богам она служит? В каком направлении действует? В чью пользу данный автор пишет? Обольщаться нечего,—есть произведения, даже выдающиеся, служащие тем не менее богу тьмы, лжи и насилия,—узким интересам извращенной или корыстной личности, класса, сословия и т. д. Читатель не должен поэтому останавливать свою мысль на изучении и на оценке только самого произведения,—он должен перейти от него к изучению и оценке автора, иначе говоря,—познакомиться с его биографией, с его жизнью, с условиями этой жизни.

Но и это еще не все. Надо узнать и оценить и то направление, в котором действует или пишет автор. История литературы и история показывают, что на свете существовало и существует великое множество разных направлений, но главные в их числе были и, надо полагать, еще долго будут только два: одно из них имеет в виду труждающихся и обремененных, иначе говоря, трудящийся народ, трудящиеся классы, их интересы, их вечно тяжелую, беспросветную жизнь, их страдания, на которых главным образом и держится благополучие тех, кто не работает или почти не работает, строя свою жизнь на доходе от чужого

Digitized by Google

неоплаченного труда. Другое направление прямо противоположно этому. Оно защищает право сильного,—сильного то физически, то политически, то экономически, право одних людей, меньшинства, на эксплоатацию других, большинства, право подавлять это последнее, „обуздывать“ то кулаком, то дубьем, то рублем. Иной раз не так-то легко узнать направление данного автора. Много есть авторов, симпатии и антипатии которых не ясны, а иной раз и безразличны. Но не мало и вовсе не безразличных. Читатель должен выработать в себе уменье и чуткость различать, улавливать направление автора, узнавать его настоящее лицо. История литературы дает множество примеров тому, что писатели выступали выразителями разных общественных течений и направлений. Так, напр., Н. А. Некрасов, Гл. Успенский являлись печальниками горя народного, и прежде всего крестьянского, Болеслав Маркевич защищал интересы дворянства и доказывал, что освобождение крестьян—величайшая „бездна“ зла и т. д. Были и есть свои защитники и выразители и у духовенства, и у купечества, и у финансистов и т. д., и все их интересы и симпатии, сознательно или бессознательно, отразились и на их произведениях. Иногда бывает так, что писатель, описывая, напр., быт крестьян, делает это в интересах дворян-помещиков. Так, напр., целый ряд авторов екатерининской эпохи и в стихах и в прозе рисовал яркими штрихами благоденствие крепостных под властью помещиков, создавая иллюзии благосостояния и благоденствия „мирных поселян“ под опекой „барина-отца“. Напр., А. Сумароков писал имп. Екатерине II по поводу возмутившего его „Наказа“, что „крестьяне благоденствуют под мирным покровом своих господ“ и „любят своих благодетелей“. Для понимания художественного произведения необходимо вдуматься не только в личность автора, но и в самую суть того направления, тех интересов, классовых, сословных и т. д., которым он в свое время служил. Необходимо частные интересы оценить с точки зрения интересов всего общества, всего народа,—что они ему дали, что от него взяли? Не трудно понять, что ответы на такие вопросы может дать читателю уже не биография автора, и не история литературы, а история вообще, которая в своих течениях порождает и авторов, и интересы, ими выражаемые.

Но данный автор, что бы он ни написал, никогда не стоит особняком. Он—один из многих, принадлежащих тому же направлению, тому же веку, тому же народу. И форма, им усвоенная

Digitized by Google

для его произведений, и сюжеты, им выбираемые, и способы, манеры трактовать их,—все это тоже обыкновенно не стоит особняком, а является одним из фактов в ряду других литературных и общественных фактов. Чтобы оценить писателя и его произведение, необходимо взглянуть на него и с этой стороны, т.-е. со стороны истории литературы и истории литературных сюжетов, идеи, формы. Все они преемственны, все показывают определенный ход развития. Автор от автора, век от века, народ от народа заимствует их, дополняет, развивает, вводит в жизнь. Каждый автор, каждое произведение есть лишь звено, одно из звеньев длинной цепи литературного развития, которое и изучается историей литературы. Правильное, окончательное понимание и оценка литературного произведения со стороны как содержания, так и формы только и возможны исторически. Таким образом, к оценке автора и его направления в смысле содержания еще присоединяется его литературно-историческая оценка. Так беллетристика, история литературы и история как бы сливаются, взаимно дополняя и углубляя друг друга.

Из предыдущего в достаточной степени видно, что значит с толком читать беллетристику. Такое чтение открывает действительно большой простор мысли и ведет к пониманию жизни разными путями: во-1-х,—посредством изучения и обсуждения самых произведений, во-2-х, изучения людей, переживаний типов, в них изображенных, в-3-х, авторов их, в-4-х, изучения тех направлений как литературных, так и общественных, выразителями которых те явились, наконец, в-5-х, изучением того века, той исторической среды, которыми были созданы и автор и его произведения. Только познакомившись со всем этим, читатель действительно получит возможность составить свое мнение о данном произведении, о данном авторе.

Но и это еще не все. Что значит мое мнение о данных произведениях или авторе. Это значит мнение субъективное, мнение одного лица, т.-е. человека с таким-то складом ума, с такими-то особенностями души, характером, темпераментом и т. д. Другие читатели с другими особенностями, как известно, имеют другое мнение о том же самом произведении. Для оценки всех этих мнений интересно и важно их сравнивать и сопоставлять между собой, а с этой целью знакомиться с критическими статьями, написанными разными критиками и историками литературы об определенном произведении. Знакомство

Digitized by Google

с ними несомненно помогает читателю вдумываться еще глубже. Разумеется, и к самим критикам и вообще к высказываемым мнениям нельзя не приложить той же мерки, какая, как мы видели, должна быть прилагаема и к авторам. Критики разных литературных и общественных направлений оценивают одно и то же произведение по-разному. Интересно сопоставлять и сравнивать их взгляды между собой, разбираясь во всех „за" и „против", ими высказываемых, и понимая относительность и условность их всех; ведь мнение каждого рецензента и критика все-таки, в конечном итоге, не более, как м н е н и е, одно из мнений, им же несть числа,—правда, мнение более или менее сведущего и мыслящего человека, но во всяком случае тоже подлежащее критике и проверке. Таким образом, понимание беллетристических произведений еще более углубляется, и читатель, практикующийся в таком углубленном их чтении, действительно делает для себя большое дело, не только расширяя свой кругозор и учась относиться вдумчиво к явлениям жизни и составлять обо всем свое собственное мнение, но и испытывает при этом такое наслаждение собственным мышлением, какого не знает и не ведает шаблонный читатель шаблонной беллетристической дребедени.

Из всего предыдущего естественно вытекает такой план чтения книги по беллетристике:

1. Читать беллетристические произведения в связи с биографиями их авторов, критикой, историей литературы, историей общественного строя и научно-философской и литературно-общественной мысли.

2. Положить в основу выбора беллетристических произведений не только их непосредственно жизненное, но и историческое значение.

3. С этой целью прежде всего наметить себе наиболее выдающихся авторов как родной литературы, так и иностранной.

4. Далее, из числа произведений каждого такого автора наметить наиболее выдающиеся и характерные—и их-то и читать.

5. Чтение вести от авторов наиболее близких к далеким, т.-е. от русских к переводным, от новейших к старинным [1]).

[1]) Этот пункт, быть может, нуждается в дополнительном пояснении. Иным читателям кажется, что знакомство с произведениями прошедших времен необходимо для понимания новейших. Быть может, это отчасти и справедливо. Читатели некоторых типов предпочтут вести систематическое зна-

Digitized by Google

6. После этого читать биографию автора.

7. После прочтения всех намеченных произведений данного автора и его биографии читать по несколько критических статей о них.

8. Познакомившись с целым рядом выдающихся авторов, с их произведениями и биографиями, читать историю литературы того времени, представителями которого эти авторы являлись.

9. Для дальнейшей оценки самой истории литературы данного периода читать книги по истории общественной жизни этого периода и ее строя.

Таким образом, углубляя и углубляя свое чтение, читатель более или менее незаметно переходит от чтения беллетристических книг к чтению научных книг.

II

Пособия для систематического беллетристического чтения.

Чтобы составить списки главнейших авторов и главнейших произведений их, можно воспользоваться любой историей литературы, напр., из тех, которые нами указаны в этой книге. Кроме того, в настоящее время уже существуют пособия, позволяющие читателю знакомиться с беллетристическими произведениями по вышенамеченному плану. Скажем теперь несколько слов об этих пособиях.

Хорошим пособием общего характера, служащим для систематического знакомства с произведениями художественной литературы как русской, так и иностранной, с древнейших до новых времен, в связи с критикой и литературной историей, к тому же в минимальном размере, является 6-е, издание „Программ чтения для самообразования“ (Спб., 1911 г., 40 к., стр. 60—81 и 291—320). Особенного внимания заслуживают здесь указания критических статей и книг о каждом выдающемся русском и иностранном авторе. Указывается таких статей и книг немного, и все они с большими научными достоинствами, а глав-

---

комство с художественной литературой и ее историей именно в таком порядке. Но ведь знакомство с литературными памятниками прошлых времен и их понимание более затруднительно, а кроме того, они дальше от непосредственно окружающей нас жизни, которую прежде всего и нужно научиться понимать. Большинство людей в жизни этого-то и добивается.

Digitized by Google

ное,—довольно популярно написаны. Во всяком случае, составители „Программ“ обращали внимание и на степень популярности указываемых ими статей. Для систематического изучения литературы в связи с ее историей, критикой и историей критики эта книжка будет полезна несколько подготовленному читателю.

Из других пособий отметим:

А) Для новейшей русской литературы:

1. *Владиславлев, И.* Русские писатели XIX—XX ст. Опыт библиографического пособия по новейшей литературе. 3-е перераб. и доп. изд. „Наука“. М. 918 г. 8 р. 294 стр.

Содержание: I. Художественная литература. II. Критика и публицистика. III. История литературы. IV. Указатель по эпохам в связи с историческими и историко-литературными материалами.

Книжка предназначается для широких кругов читающей публики и содержит в себе „все наиболее ценное“ как по беллетристической, так и по историко-критической и историко-литературной русской литературе последнего столетия. Даются списки наиболее выдающихся авторов и наиболее выдающихся произведений их и, наконец, наиболее выдающихся критических и историко-литературных статей о них. В конце книги указан ряд исторических пособий, помогающих ознакомлению с политической, экономической и духовной стороной жизни той или иной эпохи. Наиболее важное в биографической и критической литературе отмечено жирным шрифтом, при чем особенное внимание обращалось на „те труды, которые стараются связать литературу с жизнью, со всеми происходящими в ней изменениями и общественными перегруппировками“. Указаны не только книги, но и журнальные статьи, что весьма облегчает, особенно провинциальному читателю, возможность добывать указанный материал для чтения. Книга эта—лучшее и наиболее рационально составленное пособие для систематического знакомства с русской литературой, и мы особенно рекомендуем ее нашим читателям.

2. *Малинин, Д.* Что читать по русской литературе XIX века? Опыт литературно-критического указателя к произведениям русской литературы XIX века. Изд. 2-е, В. Карчагина. М. 911 г. 50 к. 48 стр.

В отличие от предыдущего указателя эта книжка дает значительно меньше материала; материал же, ею даваемый, более устарел и подобран не так тщательно в идейном отношении. Задача составителя—„дать большой публике и взрослым учащимся, по возможности, систематический указатель“.

3. *Лебедев, А.* В помощь изучающим родную литературу. Примерный перечень произведений русских писателей XIX в. и критических пособий к ним для учащихся средних школ и самообразования. Ярославль. 911 г. 35 к. 68 стр.

Digitized by Google

4. *Владиславлев, И.* Что читать? Указатель систематического домашнего чтения. Изд. „Книга“. Ч. I. Изд. 4-е, переработ. и дополн. М. 919 г. Ч. II. С пред. Н. Рубакина. Изд. 4-е, М. 919 г.

Первый выпуск предназначается для детей. Второй—для юношества и для начинающих взрослых. Указываются произведения и критико-исторические и библиографические объяснения их, преимущественно литература дешевая и общедоступная. Произведения распределены по родам поэзии и по содержанию. Дается список специально бытовых произведений, рисующих быт городов и деревень. В книге много практических указаний, что и как читать по художественной литературе (русской и переводной) и критике. В конце второго выпуска приведена литература по вопросу о выразительном чтении, о литературных чтениях и беседах и пр.

5. *Рубакин, Н.* Среди книг. Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей. Справочное пособие для самообразования. Т. I. Языкознание. Литература. Искусство. Публицистика. Этика (в связи с их историей). Изд. 2-е, „Наука“. М. 911 г. 3 р. 640 стр.

Даны списки всех наиболее выдающихся авторов, имевших значение в истории литературы и существующих в русском переводе, начиная с древнейших до новейших времен. Авторы распределены: во-1-х, по странам, во-2-х, по векам и эпохам (а русские и по десятилетиям, когда они жили), в-3-х, по родам литературных произведений (проза, поэзия, драма), в-4-х, по тем кругам общества, жизнь которых они описывали (среда дворянская, крестьянская, мещанская, рабочая, солдатская и т. д.). Кроме того, в-5-х, русские беллетристы распределены по социальным и политическим направлениям, в-6-х,—по схеме развития русской общественности, для ознакомления с типами и настроениями русской интеллигенции с начала XIX в. до 80-х гг. включительно. Кроме того, в книге даются списки исторических романов (русских и переводных), распределенных по векам и эпохам, которые в них изображаются. Указывая авторов, книга дает указания и на критику и биографии их, а также указывает историко-литературные произведения, характеризующие их век. Особенно подробно разработан отдел русской публицистики, т.-е. политической и общественной мысли. В него вошли не только списки авторов, но и органов периодической печати (ежемесячных и еженедельных журналов). И те и другие распределены по их четырем главным направлениям: a) консервативно-реакционному, b) либеральному, c) социалистическому, d) анархическому. Представители русской общественной мысли распределены, кроме того, по десятилетиям (с краткой характеристикой как десятилетий, так и направлений), по специальностям, наконец, по жгучим вопросам текущей жизни, смотря по тому, высказывались ли они за, или против их утвердительных решений. Составитель ставит задачей помочь читателям ориентироваться в направлениях русской общественной мысли, не замалчивая никаких течений ее.

Digitized by Google

В) Для литературы иностранной, кроме вышеуказанных №№ 4 и 5, и отчасти (очень кратких) московских и петербургских „Программ чтения", можно указать лишь одно [1]) пособие для систематического знакомства с художественно-литературными произведениями разных стран и веков.

6. *Цветаев, Г.* Указатель по всеобщей литературе. Пособие при изучении иностранной литературы. Спб. 911 г. 1 р. 156 стр.

Указатель доведен лишь до первой трети XIX столетия включительно и новейшей иностранной литературы не касается, также и древне-греческой и римской. Составитель указывает произведения главнейших европейских литератур, начиная с средних веков, и критические и исторические толкования их с краткими характеристиками, примечаниями и т. д. Новейшая иностранная литература всех главнейших европейских и внеевропейских стран указана в № 5 (с предварительными примечаниями о ней в виде кратких конспектов истории литературы каждой отдельной страны).

Читатель, стремящийся к самообразованию, должен прежде всего познакомиться с произведениями родной русской литературы, начиная с ее наиболее выдающихся (классических) представителей, затем, всегда не переставая следить за ходом ее современного развития, знакомясь из текущей журналистики с новейшими русскими авторами. Отсылая читателя к вышеперечисленным указателям за подробными сведениями, здесь мы укажем лишь тех русских авторов, которые должны сделаться близкими и родными всем читателям, желающим причислить и себя к кругу образованных и интеллигентных русских людей. Говоря о систематическом чтении по беллетристике, нельзя не разделить всех беллетристов на три главных категории.

К первой относятся те из них, которые обязательно должны быть прочитаны каждым мало-мальски образованным человеком, в виду их первостепенного значения в истории не только русской литературы, но и русской общественной мысли.

Ко второй категории мы относим тех беллетристов, знакомство с которыми, в виду их литературно-общественного значения, желательно и должно быть рекомендовано, хотя и не столь настойчиво.

К третьей категории мы относим современных писателей очень различных степеней дарования, но тем не менее выра-

[1]) Готовится к печати указатель: *И. Владиславлев.* Иностранные писатели. Опыт библиографического пособия по всеобщей литературе.

Digitized by Google

жающих литературно-общественные течения жизни, непосредственно окружающие нас,—ее веяния, с которыми не может не знакомиться каждый из нас, потому что эти веяния и составляют нашу злобу дня, и в их-то круговороте мы лично и существуем.

А. Литература русская.

I.

Двадцать восемь русских авторов XIX—XX вв., знакомство с произведениями которых обязательно (в алфавитном порядке[1]).

1. *Гаршин, В.* Сочинения (все).
2. *Герцен, А.* Сочинения (Кто виноват. Сорока-воровка. Из записок доктора Крупова. Былое и думы. С того берега. Крещеная собственность и др.).
3. *Гоголь, Н.* Сочинения (Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Петербургские повести. Комедии. Мертвые души).
4. *Гончаров, И.* Сочинения (Обыкновенная история. Обломов. Обрыв. Слуги. Миллион терзаний. Заметки о личности Белинского. Воспоминания).
5. *Горький, М.* Сочинения (все, в особенности рассказы первого периода его творчества).
6. *Грибоедов, А.* (Горе от ума).
7. *Достоевский, Ф.* Сочинения (Бедные люди. Записки из мертвого дома. Преступление и наказание. Униженные и оскорбленные. Идиот. Подросток. Братья Карамазовы. Игрок. Двойник. Неточка Незванова. Записки из подполья. Село Степанчиково).
8. *Кольцов, А.* Стихотворения (все).
9. *Короленко, Влад.* Сочинения (все).
10. *Лермонтов, М.* Сочинения (Лирич. стихотворения. Демон. Мцыри. Боярин Орша. Песнь про купца Калашникова. Измаил-бей. Герой нашего времени и др.).

---

[1]) Все эти авторы в большинстве случаев существуют в разных изданиях. Эти издания подробно указаны в „Среди книг“, т. I, и в указателе Владиславлева (№ 1). Здесь мы даем лишь перечисление имен и названий наиболее выдающихся, по нашему мнению, произведений. Впрочем, не будем забывать, что это последнее определение („наиболее выдающееся“) не может не быть субъективным.

Digitized by Google

11. *Майков, А.* Сочинения (Стихотворения. Три смерти. Два мира).

12. *Надсон, С.* Стихотворения (все).

13. *Некрасов, А.* Сочинения (все).

14. *Никитин, И.* Сочинения (все).

15. *Островский, А.* Сочинения (Гроза. Свои люди—сочтемся. Бедность—не порок. Лес. Бедная невеста. Не в свои сани не садись. Не так живи, как хочется. В чужом пиру—похмелье. Доходное место. На всякого мудреца довольно простоты. Шутники Тяжелые дни. Волки и овцы и др.).

16. *Писемский, А.* Сочинения (Боярщина. Тысяча душ. Люди сороковых годов. Тюфяк. Горькая судьбина. Очерки из крестьянского быта. Богатый жених. Брак по страсти).

17. *Помяловский, Н.* Сочинения (Очерки бурсы. Молотов. Мещанское счастье и др.).

18. *Пушкин, А.* Сочинения (главным образом, стихотворения, сказки, поэмы. Евгений Онегин. Борис Годунов. Повести. Капитанская дочка).

19. *Решетников, Ф.* Сочинения (Подлиповцы. Где лучше? Свой хлеб. Рассказы).

20. *Салтыков-Щедрин.* Сочинения (Запутанное дело. Губернские очерки. Сказки. Пошехонская старина. Мелочи жизни. Пошехонские рассказы. Господа Головлевы. Убежище Монрепо. Письма к тетеньке. За рубежом. Современная идиллия. История одного города (сатира на русскую историю). Помпадуры и помпадурши).

21. *Толстой, Алексей.* Сочинения (Стихотворения. Князь Серебряный. Смерть Ивана Грозного. Царь Борис. Царь Федор Иванович).

22. *Толстой, Л. Н.* Сочинения (Все соч., особенно: Детство. Отрочество. Юность. Воскресенье. После бала. Утро помещика Казаки. Севастополь. Поликушка. Война и мир. Анна Каренина. Смерть Ивана Ильича. Власть тьмы. Крейцерова соната. Хозяин и работник. Фальшивый купон. Дьявол. Неужели так надо? Царство Божие. Хаджи Мурат и проч.).

23. *Тургенев, И.* Сочинения (Записки охотника. Муму. Дневник лишнего человека. Ася. Рудин. Затишье. Дворянское гнездо. Накануне. Отцы и дети. Дым. Новь. Песнь торжествующей любви. Стихотворения в прозе. Гамлет. Дон-Кихот и все др.).

24. *Успенский, Глеб.* Сочинения (Власть земли. Будка. Бог грехам терпит. Волей-неволей. Кой про что. Живые цифры. Че-

Digitized by Google

рез пень-колоду. Новые времена—новые заботы. Нравы Растеряевой улицы. Разорение. Тише воды, ниже травы и др.). (Не смешивать с Ник. Успенским).

25. *Фет, А.* Стихотворения.

26. *Чернышевский, Н.* Что делать?

27. *Чехов, А.* Сочинения (все).

28. *Шевченко, Т.* Кобзарь (на русском и украинск. языках).

II.

Русские авторы XIX—XX столетий, знакомство с которыми рекомендуется.

1. *Авдеев, М.* Сочинения (Тамарин. Подводный камень).

2. *Аксаков, С.* Сочинения (Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. Аленький цветочек).

3. *Альбов, М.* Сочинения (Ряса. Именины. Пшеницыны. Воспитание Лелькп).

4. *Апухтин.* Сочинения (стихотворения).

5. *Астырев, Н.* Сочинения (В волостных писарях).

6. *Баранцевич, К.* Сочинения (Рассказы. Раба. Две жены. Борцы).

7. *Баратынский.* Сочинения (стих.).

8. *Батюшков, К.* Сочинения (стих.).

9. *Боборыкин, П.* Сочинения (В путь дорогу. Жертва вечерняя. Солидные добродетели. Дельцы. Поумнел. По-американски. Китай-город. Тяга. Перевал. Ходок. Ранние выводки. Труп. По-другому. Исповедники. Из новых. Василий Теркин и пр.).

10. *Вовчок, М.* Сочинения (Рассказы из народного быта. Живая душа. Записки причетника. В глуши).

11. *Григорович, Д.* Сочинения (Антон Горемыка. Деревня. Бобыль. Рыбаки. Проселочные дороги. Переселенцы. Свистулькин. Акробаты благотворительности. Гуттаперчевый мальчик и др.).

12. *Данилевский, Г.* Сочинения (Девятый вал. Мирович).

13. *Дружинин.* Полинька Сакс.

14. *Жемчужников, А.* Стихотворения.

15. *Засодимский, П.* Сочинения (Хроника села Смурина Степные тайны. Грех. От сохи к ружью).

Digitized by Google

15а. *Златовратский.* Сочинения (Устои. Деревенские будни. Золотые сердца. Мечтатели. Две правды. Барская дочь. Скиталец. Как это было и др.).

16. *Иванович.* Сочинения (все).

17. *Каронин (Петропавловский).* Сочинения (Рассказы. Подрезанные крылья. Сверху вниз. Борская колония. Учитель жизни).

18. *Кот-Мурлыка.* Сказки. (Не смешивать с собранием его сочинений.)

19. *Кравчинский (Степняк).* Сочинения (все).

20. *Крестовский-псевдоним (Хвощинская).* Первая борьба. Большая Медведица. Альбом. Баритон. В ожидании лучшего. Жить, как люди живут. (Не смешивать с бульварным романистом Всеволодом Крестовским, автором „Петербургских трущоб" и исторического пасквиля на эпоху 60-х годов „Панургово стадо").

21. *Крылов.* Басни.

22. *Курочкин, В.* Сочинения (Стихи, переводы из Беранже и особенно „Принц Лутоня" в журн. „Слово" 1880 г., № 12).

23. *Кущевский, И.* Сочинения. (Николай Негорев).

24. *Левитов.* Сочинения (Горе сел, деревень и городов. Жизнь московских закоулков. Степные очерки).

25. *Лесков, Н.* Сочинения (Полуночники. Соборяне. Некуда. Фигура. Воительница. Спасение погибающего. Мелочи архиерейской жизни. Запечатленный ангел. Очарованный странник и др.).

26. *Мачтет, Г.* Сочинения (Его час настал. Человек с планом. Вторая правда. Жид. Мы победили. Очерки американской жизни. Блудный сын и др.).

27. *Мей, Л.* Сочинения (Стихотворения. Псковитянка. Княжна Юлиания Вяземская. Спаситель. Евпатий Коловрат и др.).

28. *Михайлов, Мих.* Сочинения. (Стихотворения. За пределами истории). (Не смешивать с А. К. Михайловым-Шеллером, см. № 48).

29. *Мордовцев, Л.* Сочинения (Знамения времени. Великий раскол. Накануне воли. Из прошлого. Господин Великий Новгород. Сагайдачный. За чьи грехи. Двенадцатый год).

30. *Наумов, Н.* Сочинения (Паутина. Куда ни кинь, все клин и другие).

31. *Нефедов, Ф.* Сочинения (Святочные рассказы и др.).

32. *Огарев, Н.* Сочинения. (Стихи).

Digitized by Google

33. *Омулевский (Федоров).* Сочинения (Стихотворения. Шаг за шагом).

34. *Осипович (Новодворский).* Сочинения. (Рассказы.) (Не смешивать с Н. Осиповичем).

35. *Пальм.* Алексей Слободин (Дело петрашевцев).

36. *Печерский, П. (Мельников).* Сочинения (В лесах. На горах. Рассказы).

37. *Плещеев, А. Н.* Стихотворения. (Не смешивать с А. А. Плещеевым).

37а. *Полежаев.* Сочинения (все).

37б. *Полонский, Я.* Сочинения (Стихотворения. Кузнечик-музыкант).

38. *Потехин, А.* Сочинения (Мишура. Злоба дня. Отрезанный ломоть. Бедные дворяне. Около денег. Деревенские мироеды).

39. *Радищев, А.* Путешествие из Петербурга в Москву.

40. *Рылеев, К.* Поэмы.

41. *Салиас, Е.* Сочинения. (Пугачевцы. Петербургское действо).

42. *Смирнова, С.* Попечитель учебного округа. Огонек. Соль земли.

43. *Соловьев, Вл.* Стихотворения. (Не смешивать с Всев. Соловьевым).

44. *Станюкович, К.* Сочинения (Морские рассказы. Моряки. Без исхода. Два брата. Похождения благонамеренного молодого человека. В омуте. Жрецы и др.).

45. *Суриков, И.* Стихотворения.

46. *Терпигорев (Атава).* Сочинения (Оскудение. Потревоженные тени).

47. *Тютчев, Ф.* Стихотворения.

48. *Шеллер-Михайлов, А.* Сочинения (Лес рубят — щепки летят. Господа Обносковы. Засоренные дороги. Жизнь Шунова. В разброд. Голь. И молотом, и золотом. Гнилые болота).

49. *Эртель, А.* Сочинения (Гарденины. Смена. Волхонская барышня. Записки степняка. Карьера Струкова. Две пары и др.).

50. *Якубович, П. (П. Я. Мельшин).* Среди отверженных. Пасынки жизни. Стихотворения.

Digitized by Google

III.

Современные писатели.

1. *Андреев, Л.* Сочинения. (Наименьший интерес представляют его драмы).

2. *Айзман.* Сочинения (б. ч. из еврейского быта).

3. *Амфитеатров, А.* Сочинения (Виктория Павловна. Марья Лусьева. Бабы и дамы. Восьмидесятники. Девятидесятники. Закат старого века. Славные мертвецы и др.).

4. *Артемьев.* Архаровцы. Степа.

5. *Арцыбашев.* Сочинения (рассказы).

6. *Бальмонт.* Стихотворения.

7. *Башкин, В.* Рассказы.

8. *Блок, А.* Стихотворения.

9. *Брюсов, В.* Стихотворения.

9а. *Будищев, А.* Степные волки. Пробужденная совесть. Разные понятия. Бунт совести и др.

10. *Бунин, И.* Сочинения (Тарантелла. Суходол. Рассказы. Стихи).

11. *Белоконский, И.* Рассказы.

12. *Белый, А.* Стихотворения.

13. *Вербицкая.* Рассказы (Разлад. Освободилась. Сны жизни. Чья вина? По-новому. Светает).

14. *Вересаев, В.* Сочинения (Рассказы. Записки врача. На войне. Без дороги. Порыв. На мертвой дороге. Поветрие. Конец Андрея Ивановича и др.).

15. *Галина.* Стихотворения.

16. *Гарин-Михайловский.* Сочинения (Детство Темы. Гимназисты. Студенты. Инженеры и др.).

17. *Гиппиус, З.* Рассказы (Алый меч. Черным по белому).

17а. *Городецкий, С.* Стихотворения.

18. *Гусев-Оренбургский.* Сочинения (В стране отцов и др. рассказы).

19. *Дрожжин (крестьянин).* Стихотворения.

20. *Дымов, О.* Рассказы.

21. *Дмитриева, В.* Рассказы (все).

22. *Елеонский.* Рассказы.

23. *Елпатьевский, С.* Сочинения (все).

24. *Зайцев, Б.* Сочинения (все).

Digitized by Google

25. *Иванов, Вяч.* Стихотворения.

25а. *Измайлов, А.* Рассказы. (Ураган. Черный ворон. Кривое зеркало и др.).

25б. *Коновалов, И.* Деревенские впечатления.

26. *Крандиевская.* То было раннею весной.

26а. *Крачковский, Д.* Рассказы.

27. *Крестовская, М.* Сочинения. (Ранние грозы. Женская жизнь. Артистка).

28. *Куприн, А.* Сочинения (все).

29. *Лазаревский, Б.* Сочинения. (Сила и др.).

30. *Луговой.* Сочинения. (Pollice verso. Цель Вашей жизни? Меж двух смутных идеалов. Грани жизни и др.).

30а. *Луначарский, А.* Идеи в масках. Королевский брадобрей.

31. *Мамин-Сибиряк, Д.* Уральские рассказы. Сибирские рассказы. Детские тени. Приваловские миллионы. Три конца. Бойцы. Братья Гордеевы. Весенние грозы. Охонины брови).

32. *Мережковский, Д.* Сочинения. (Отверженный. Леонардо да Винчи. Петр и Алексей. Павел I. Александр I).

32а. *Микулич, В.* Рассказы. (Мимочка. Зарницы).

33. *Минский, Н.* Стихотворения.

34. *Муйжель.* Рассказы (все).

35. *Наживин.* Рассказы. (Волос Мадонны и др.).

36. *Найденов.* Пьесы. (Дети Ванюшина. Авдотьина жизнь. Стены. Хорошенькая).

37. *Немирович-Данченко, Вас.* Сочинения. (Незаметные герои. Святочные рассказы. Сказки действительности. Крестьянское царство. Волчья сыть. Лялька. Братские могилы. Бодрые, смелые, сильные. Вся чужая. В будке и др.).

37а. *Олигер, Н.* Рассказы.

37б. *Ольнем, О.* Рассказы.

38. *Осипович, Н.* Рассказы.

39. *Потапенко, И.* Сочинения. (Здравые понятия. На действительной службе. Секретарь его превосходительства. Генеральская дочь. Шестеро. Проклятая слава. Потешная история. Редкий праздник. Вечная память. Каиново племя и др.).

39а. *Премиров.* Немые дали. Рассказы.

39б. *Пришвин.* Заворошка. У стен града невидимого и др.

39в. *Ропшин, В.* (псевд.). Конь бледный. То, чего не было.

40. *Рубакин, Н.* Искорки. (Чистая публика и интеллигенция из народа). Среди борцов. Вечная слава. Под гнетом времени.

Digitized by Google

Дедушка-Время. Кораллы и люди. Воля Аллаха или Абдул, Абдул и еще Абдул).

41. *Семенов, С.* Сочинения (все).

42. *Серафимович, А.* Рассказы (все).

43. *Сергеев-Ценский.* Сочинения. (Сад. Бабаев. Лесная топь. Печаль полей. Рассказы).

44. *Скиталец.* Рассказы (все).

45. *Соллогуб, Ф.* Сочинения. (Мелкий бес. Рассказы).

45а. *Сургучев, А.* Рассказы.

46. *Серошевский.* Сочинения. (Якутские рассказы и др.).

47. *Тан.* Сочинения (все).

48. *Телешов.* Рассказы. (На тройках. За Урал и др.).

49. *Тимковский, Н.* Сочинения (все).

49а. *Толстой, А. Н.* Сочинения. (Две жизни. Сорочьи сказки и др.).

50. *Чириков, Е.* Сочинения (все).

51. *Юшкевич, С.* Рассказы из еврейского быта (все).

52. *Яблоновский, А.* Сочинения (все).

53. *Федоров, А.* Сочинения. (Степь сказалась. Камни. Земля. Весенний ветер. Утро. Мой путь. Бумажное царство. Природа и др.).

54. *Фруг.* Стихотворения.

54а. *Шмелев, И.* Рассказы.

IV.

Главнейшие русские критики XIX—XX вв.

1. *Белинский, В.* Сочинения (лучш. издания под ред. С. Венгерова и Иванова-Разумника).

2. *Добролюбов, Н.* Сочинения (лучш. издания под ред. В. Кранихфельда и М. Лемке).

3. *Писарев, Д.* Сочинения. Изд. Павленкова (лучшее изд. 1863 г.).

4. *Герцен, А.* См. выше, стр. 123.

5. *Чернышевский, Н.* Сочинения.

6. *Михайловский, Н. К.* Сочинения.

7. *Скабичевский, А.* Сочинения (лучше 3-е изд.). История новейшей русской литературы.

Digitized by Google

8. *Овсянико-Куликовский, Д.* Сочинения. (История рус. интеллигенции и др.).

9. *Плеханов, Г. (Н. Бельтов).* (За 20 лет. Н. Чернышевский и др.).

10. *Венгеров, С.* Сочинения. Очерки из истории новейшей рус. литературы.

11. *Шелгунов, Н.* Сочинения.

12. *Иванов-Разумник.* Сочинения. (История русской общественной мысли. О смысле жизни. Литература и общественность. Великие искания. Об интеллигенции и др.).

Б. Литература иностранная (переводная).

I.

Выдающиеся иностранные авторы, знакомство с произведениями которых рекомендуется [1]).

Список этот далеко не полон. В него мы вводим, главным образом, современных и вообще новых авторов (XIX—XX ст.), и лишь очень немногие относятся к XVIII и предшествующим столетиям. Классические авторы, корифеи всемирной литературы, имеющие даже громадный исторический интерес, в него по большей части не вошли, так как задача этого списка состоит не в том, чтобы знакомить с историей литературы. Читателей, интересующихся этой последней, отсылаем к „Программам чтения для самообразования", к книжке Цветаева и к „Среди книг".

I. Литература польская.

1. *Выспянский.* Варшавянка.
2. *Грушевский.* Углекопы.
3. *Еж.* На рассвете.
4. *Жеромский.* Истории одного греха. Бездомные.
5. *Кондратович (Сырокомля).* Стихотворения.

*6. *Конопницкая.* Сочинения (все).

*7. *Мицкевич.* Пан Тадеуш. Деды. Конрад Валленрод.

8. *Немоевский.* Сочинения. (Заглавие конфисковано. Из-под пыли веков. Рассказы из жизни рабочих).

---

[1]) Звездочкой отмечены авторы, знакомство с произведениями которых необходимо.

Digitized by Google

*9. *Ожешко.* Сочинения. (Над Неманом. Хам. Дикарка. Меер Юзефович. Сильвек. Сильный Самсон и др.).

10. *Прус, Б.* Сочинения. (Фараон и др.).

11. *Пшебышевский.* Сочинения. (Homo sapiens и др.).

12. *Реймонт.* Сочинения. (Мужики и др.).

*13. *Сенкевич, Г.* Сочинения. (Без догмата. Семья Поланецких. Камо грядеши. Рассказы).

II. Литература южных славян.

1. *Вазов.* Под игом.

*2. *Поэзия славян.* Сборн., изд. Гербеля.

3. *Краледворская рукопись.*

III. Литература скандинавских народов. (Норвегии, Швеции, Дании).

1. *Альгрен.* Марианна.

2. *Андерсен, Г.* Сочинения.

3. *Банг.* Сочинения (все).

*4. *Бьернсон.* Сочинения (все).

*5. *Гамсун.* Сочинения (все).

6. *Гейерстам.* Сочинения (все).

*7. *Ибсен.* Сочинения (все).

8. *Лагерлеф.* Сочинения. (Рассказы. Северные легенды. Легенды о Христе).

9. *Ли, Ионас.* Сочинения. (Осужденный на век. Дочери командора).

10. *Стриндберг.* Сочинения. (На шхерах и др.).

11. *Фиорды.* Сборники. Изд. „Нивы".

IV. Литература немецкая.

1. *Ауэрбах.* Шварцвальдские рассказы. Спиноза. Вальфрид. Дача на Рейне. На высоте.

2. *Бэр.* Струэнзе.

3. *Берне, Г.* Сочинения (все).

4. *Бюхнер.* Смерть Дантона.

*5. *Гауптман.* Сочинения (все).

*6. *Гейне.* Сочинения. (Стихотворения. Путевые картины. Германия).

*7. *Гёте.* Сочинения. (Стихотворения. Драмы. Фауст. Вертер).

8. *Гуцков.* Уриэль Акоста.

9. *Зудерман.* Сочинения (все).

10. *Зутнер.* Долой оружие!

Digitized by Google

11. *Клейн.* Под громом пушек.
12. *Лангман.* Бартель Туразер и др.
13. *Ленау.* Фауст.
*14. *Лессинг.* Сочинения. (Натан Мудрый. Мина фон Барнгельм. Эмилия Галотти).
15. *Манн, Г.* Сочинения.
16. *Манн, Т.* Сочинения.
17. *Мультатули.* Повести.
18. *Нордау, М.* Сочинения. (Панна. Движения человеческой души).
19. *Поленц.* Крестьянин. Деревенский священник.
*20. *Шиллер.* Сочинения. (Стихотворения. Драмы и др.).
21. *Шницлер.* Сочинения. (Трилогия. Путь к свободе. Рассказы).
*22. *Шпильгаген, Ф.* Сочинения. (Один в поле не воин. Между молотом и наковальней. Из мрака к свету. Загадочные натуры. Фон-Гогенштейны).
23. *Штинде.* Сочинения. (Семейство Бухгольц).
24. *Эберс, Г.* Сочинения (Дочь египетского царя. Император. Клеопатра и др.).

V. Литература Англии и Сев.-Американских Соед. Штатов.

1. *Арнольд.* Свет Азии. (Жизнь Будды).
*2. *Байрон.* Сочинения. (Стихотворения. Поэмы. Драмы. Чайльд-Гарольд. Дон-Жуан. Каин).
3. *Безант.* Тайна богатой наследницы.
4. *Беллами.* Через сто лет.
*5. *Бичер-Стоу.* Хижина дяди Тома.
6. *Брет-Гарт.* Сочинения. (Рассказы из жизни калифорнийских золотоискателей).
7. *Бронте.* Куррер Белль. Дженни Эйр.
8. *Бульвер.* Кенельм Чилингли. Какстоны. Риенци.
*9. *Дефо.* Робинзон Крузо (полн. изд.).
*10. *Диккенс.* Сочинения. (Давид Копперфильд. Пикквикский клуб. Домби и сын и др.).
11. *Карлейль.* Sartor resartus (Философия одежды).
12. *Киплинг.* Сочинения (рассказы).
13. *Купер, Ф.* Последний из могикан.
14. *Кэн, Г.* Вечный город. Христианин.

Digitized by Google

15. *Лонгфелло.* Песнь о Гайавате. Стихотворения.

16. *Моррисон.* Рассказы о жалких улицах Лондона.

17. *Моррис, В.* Вести ниоткуда. Сон о Джоне Болле.

18. *Мор, Томас.* Утопия.

19. *По, Эдгар.* Рассказы.

20. *Рескин.* Сочинения. (Сезам и Лилия. Письма и советы женщинам и молодым девушкам. Последнему, что и первому. Этика пыли и др.).

21. *Свифт.* Путешествия Гулливера. (Полный пер.)

22. *Синклер.* Дебри. (Джунгли. Чогуа).

23. *Скотт, Вальтер.* Сочинения. (Квентин Дорвард. Эдинбургская темница. Роб-Рой. Айвенго).

24. *Твэн, М.* Сочинения (все).

25. *Теккерей.* Сочинения. (Базар житейской суеты и др.).

26. *Уайльд, О.* Сочинения. (Портрет Дориана Грея. Драмы. Сказки).

27. *Уэллье.* Сочинения (все).

*28. *Шекспир.* Сочинения. (Гамлет. Отелло. Макбет. Венецианский купец. Юлий Цезарь. Король Лир. Ромео и Джульетта. Ричард III. Генрих IV. Буря. Сон в летнюю ночь. Как вам будет угодно).

29. *Шоу.* Сочинения.

30. *Шрейнер, О.* Рядовой Питер Холькет (голландск.).

31. *Эллиот, Дж.* Сочинения. (Феликс Гольт. Мельница на Флосе. Адам Бид).

VI. Литература французская.

1. *Бальзак.* Сочинения. (Евгения Гранде. Отец Горио. Женщина в 30 лет).

2. *Беранже.* Сочинения (песни).

3. *Бодлер.* Цветы зла (стихотворения).

4. *Бомарше.* Трилогия.

5. *Бурже, П.* Сочинения. (Ученик. Святой. Космополит. Сердце женщины. Рассказы).

*6. *Верхарн.* Зори. Стихотворения.

7. *Вольтер.* Кандид и др. соч.

8. *Гонкур, Е.* и *Ж.* Сочинения. (Сестра Элиза. Фостен. Жермини Ласертэ и др.).

*9. *Гюго, В.* Сочинения. (Отверженные. 93 год. Собор Парижской Богоматери. Труженики моря. Человек, который смеется.

Digitized by Google

Эрнани. Рюи Блаз. Последний день присужденного к смертной казни).

10. *Гюйсманс.* Марта.

*11. *Додэ, А.* Сочинения. (Жак. Развод. Короли в изгнании. Тартарен из Тараскона. Маленький приход. Маленький человек. Набоб. Сафо. Рассказы.)

12. *Дюма, А.* (сын). Маргарита Готье. („Дама с камелиями").

13. *Занд, Ж.* Сочинения. (Замок Вильпрэ. Деревенские рассказы. Бесенок. Чортово болото и др. Орас. Лукреция Флориани. Грех Антуана. Консуэлло. Лелия).

*14. *Зола.* Сочинения. (Углекопы. Человек-зверь. Труд. Париж. Карьера Ругонов. Его превосходительство. Ежень Ругон. Завоевание Плассанса. Деньги. Разгром. Бойня. Радуешься, что живешь).

15. *Лабулэ.* Париж в Америке. Принц-собачка.

16. *Лемонье.* Когда я была мужчиной.

17. *Лео, Андрэ.* Алина Али. Жди и надейся. Грация. Развод. Скандальный брак.

18. *Маргерит, П.* и *В.* Коммуна. На закате.

*19. *Метерлинк.* Сочинения (все).

*20. *Мирбо, О.* Сочинения (все).

*21. *Мольер.* Сочинения (все).

*22. *Мопассан.* Сочинения (все).

23. *Роденбах.* Сочинения (все).

24. *Род.* Вопросы жизни.

25. *Ростан.* Принцесса Грёза. Сирано де Бержерак.

26. *Рошфор, А.* Развращенные.

27. *Стендаль.* Красное и черное. Пармская Шартреза.

*28. *Флобер.* Госпожа Бовари. Саламбо. Легенды. Сентиментальное воспитание.

*29. *Франс, А.* Сочинения (все).

30. *Экоут.* Сочинения.

*31. *Эркман-Шатриан.* Сочинения. (История одного крестьянина. История пролетария. История плебисцита. История консерватора. Национальные рассказы).

VII. Литература испанская.

1. *Ибаньес.* Сочинения.

*2. *Сервантес.* Дон-Кихот.

VIII. Литература итальянская.

1. *Амичис, Эд.* Экипаж для всех. Под знаменем социализма.

Digitized by Google

2. *Аннунцио.* Сочинения.
3. *Верга.* Ева. Муж Елены. Побежденные.
4. *Кардуччи.* Сочинения. („Итальянск. библиотека". Изд Ватсон).
5. *Леопарди.* Разговоры.
*6. *Манцони.* Обрученные.
*7. *Негри, Ада.* Борьба и любовь. Стихотворения.

IX. Литература ново-еврейская.

1. *Перец.* Сочинения.
2. *Шолом-Алейхем.* Сочинения.
3. *Шолом-Аш.* Сочинения.
4. *Сфорим.* Сочинения.
5. *Бялик.* Сочинения.

X. Литература древне-греческая.

*1. *Гомер.* Илиада. Одиссея (пер. Жуковского).
*2. *Еврипид.* Театр. Пер. Анненского.
3. *Лонгус.* Дафнис и Хлоя. Пер. Д. Мережковского.
*4. *Платон.* Пир. Пер. Прессо.
*5. *Софокл.* Антигона. Эдип царь. Эдип в Колонне. Пер. Д. Мережковского.
6. *Теофраст.* Характеристики. Пер. Алексеева.
*7. *Эсхил.* Прикованный Прометей. Пер. Д. Мережковского.

В заключение мы даем небольшой список беллетристических, а отчасти полу-беллетристических и публицистических произведений, частью уже упомянутых выше, и рисующих светлые, положительные образы людей, творящих жизнь, неунывающих, живущих полной, глубокой, напряженной и красивой жизнью. Таких произведений в русской литературе, оригинальной и переводной, существует немало. Мы указываем здесь лишь некоторые из них:

Астырев—„В волостных писарях", ц. 1 р.
Бебель—„Мемуары", 3 ч.
Беллами—„Через сто лет", ц. 75 к.
Беллами—„Равенство", ц. 2 р.
Бичер-Стоу—„Хижина дяди Тома", ц. 1 р. 20 к.
Браун-Лили—„Мемуары".
Бульвер-Литтон—„Кола-ди-Риенци", ц. 1 р.
Белоконский—„Деревенские впечатления", 3 т., ц. 2 р. 90 к.
Вазов—„Под игом", ц. 1 р.

Digitized by Google

Войнич—„Овод“, ц. 1 р.
Гарибальди—„Иго монахов“.
Геритежер—„Заря новой жизни“, ц. 2 р.
Гюго—„Отверженные“, ц. 3 р.
Гра—„Марсельцы“, ц. 1 р. 25 к.
Грушецкий—„Углекопы“, ц. 1 р.
Джиованиоли—„Спартак“, ц. 1 р.
Еж—„На рассвете“, ц. 60 к.
Жорж-Занд—„Замок Вильпрэ“.
Жеффруа—„Заключенный“, ц. 1 р.
Златовратский—Соч. („Золотые сердца“ и др.), 3 т., ц. 4 р.
Золя—„Труд“, ц. 1 р.
Его же—„Жерминаль“ (или „Углекопы“), ц. 1 р.
Зутнер—„Долой оружие“, ц. 80 к.
Ибсен—„Враг народа“ („Доктор Штокман“), ц. 30 к.
Иванович—Соч., 2 т., ц. 3 р.
Его же—„Борцы и мученики за свободу Болгарии“, ц. 60 к.
Костомаров—„Кудеяр“.
Кот-Мурлыка—Сказки, ц. 1 р. 50 к.
Кравчинский—„Андрей Кожухов“, ц. 60 к.
Его же—„Штундист Павел Руденко“, ц. 1 р.
Кущевский—„Николай Негорев“, 2 т., ц. 2 р. 50 к.
Кэн—„Вечный город“.
Лабулэ—„Париж в Америке“, ц. 1 р.
Михайлов-Шеллер—„Жизнь Шупова“, ц. 2 р.
Его же—„Лес рубят, щепки летят“, ц. 2 р.
Мордовцев—„Знаменья времени“, ц. 2 р.
Немирович-Данченко—„Бодрые, сильные, смелые“, ц. 1 р.
Его же—„Вся чужая“, ц. 1 р.
Омулевский—„Шаг за шагом“ (прилож. к „Ниве“).
Осипович (Новодворский)—Соч., ц. 1 р. 50 к.
Оттолини—„Гарибальдийцы“, ц. 1 р.
Песковский—„В глуши“, ц. 1 р.
Потапенко—„Генеральская дочь“, „На действительной службе“, ц. 1 р.
Рубакин—„Под гнетом времени“, ц. 35 к.
Его же—„Искорки“, „Чистая публика и интеллигенция из народа“, ц. 1 р.
Его же—„Вечная слава Раменпуса“, ц. 75 к.
Его же—„Среди борцов“, ц. 85 к.

Digitized by Google

Салтыков—Сказки, ц. 1 р. 75 к.
Сергеев-Ценский—„Сад“ (собр. соч., I том).
Станюкович—„Без исхода“, ц. 1 р. 50 к.
Его же—„Два брата“, ц. 1 р. 50 к.
Тьери—„Савелли“, изд. Суворина, ц. 1 р.
Толстой, Л.—„Воскресение“.
Францоз—„Борьба за право“, ц. 2 р.
Франсен—„Рукопись“
Чернышевский—„Что делать?“, ц. 1 р. 50 к.
Швейхель—„За свободу“, ц. 1 р.
Шпильгаген—„Один в поле не воин“, ц. 1 р. 25 к.
Швейцер—„Эмма“, ц. 1 р.
Эркман-Шатриан—„История одного крестьянина“, ц. 80 к.

Список этот, отнюдь не претендующий на полноту, любой читатель может, разумеется, пополнять и сокращать по своему усмотрению. Как известно, читающая публика не только читает, но, можно сказать, ежедневно проглатывает бесконечно большое количество беллетристических произведений, к сожалению, в большинстве случаев представляющих из себя несомненную дребедень. Вряд ли нужно доказывать, до какой степени читатели обогатили бы запасы своей души, если бы вместо этой дребедени читали, пользуясь всякой минуткой свободного времени, то, что введено нами в наши списки, и знакомились бы прежде всего с сокровищами родной и всемирной литературы так, чтобы каждая книжка действительно много давала читателю, если только он желает жить полной, глубокой, возвышенной, красивой и напряженной жизнью. Читая нами указанные книги, читатель не может не найти среди них такого автора, душа которого наиболее сродни его собственной душе, и наверное будет переживать то, что переживали и переживают особенно понравившиеся ему художники слова—чуткие, вдумчивые и глубокие исследователи и выразители человеческой души,—не только чувства, но ума и воли. Пожелаем же нашему читателю перечитать возможно больше из того, что нами указано в этих наших списках, и еженедельно отмечать в них тех авторов, которые уже прочтены, а главное—передуманы. Читатели сами скоро увидят, как отзовется это беллетристическое чтение на углублении и расширении их жизни и до какой степени оно облегчит их привыкание к тем идеям, эмоциям и стремлениям, которых обыденщина не дает им, да и дать не может.

Digitized by Google

III

Как читать книги по беллетристике?

В предыдущей главе мы говорили о том, как выбирать книги по беллетристике. Теперь мы будем говорить о том, как вникать в литературно-художественные произведения, выбранные для чтения вышеуказанным способом, для того, чтобы и из беллетристического чтения сделать для себя могущественное орудие самообразования. Вопрос, который мы теперь ставим и практическому разрешению которого сейчас постараемся помочь в общих и основных чертах,—вопрос крайне важный и обширный, и для лучшего выяснения необходимо несколько расчленить его и наметить в нем главнейшие наиболее существенные стороны.

Прежде всего, что значит „вникать в литературное художественное произведение?“ Это значит—стремиться понять и оценить его с разных точек зрения,—во-первых, со стороны его формы, т.-е. построения, плана, слога, языка и т. п., во-вторых, со стороны содержания, т.-е. сюжета, идеи, тех образов, характеров, типов, настроений, которые автор облекает в определенную форму. На читателя, переживающего художественное произведение, действует и форма, и содержание его,—то и другое вместе и соединенное теснейшим и неразрывнейшим образом. Существует мнение, что особенностью художественного произведения, отличающей его от произведений прозаических, является его форма. Признавая за этим мнением некоторые основания, все же нельзя не сказать, что одна форма, независимо от содержания, во-1-х, немыслима, во-2-х, действие ее на читателя не может быть отделено от действия содержания, и во всяком случае эффект, результат чтения оказывается наиболее мощным и продуктивным лишь при условии наиболее полного соответствия формы и содержания. Говоря о самообразовательном чтении беллетристики, оставим в стороне, по крайней мере, для начала, те теории, которые, гоняясь за формой, пренебрегают содержанием, сводят поэзию к красивым звукам, и т. п. Будем говорить и о форме, и о содержании как о двух сторонах, органически связанных.

Но и эти обе стороны, каждая в отдельности, возбуждают целый ряд вопросов, очень интересных и важных с точки зре-

Digitized by Google

ния самообразования. Существует особая отрасль знания, ставящая главной своей задачей изучение формы художественных произведений, их происхождение из глубины писательской души и из окружающей обстановки, эволюцию и смену литературных форм в соответствии с ходом общественного развития в течение столетий и тысячелетий. Для того, чтобы познакомиться с этой стороной вопроса, необходимо обратиться к книгам, во-1-х, по теории словесности (см., напр., Овсянико-Куликовского (№ 67), Житецкого (№№ 68—69), Золотарева (№ 70) и т. п.), затем к книгам по теории литературы, еще более углубляющим вопрос (напр., В. Плотникова и др.), в-3-х, к книгам по вопросам художественного творчества и читательства. В последнем отношении представляет большой интерес, впрочем, отвлеченно и не популярно написанная небольшая книжка Геннекена „Основы научной критики". Подробный обзор литературы по этим вопросам даннами в I т. „Среди книг".

В этой главе мы останавливаем наше внимание, главным образом, на практике беллетристического чтения и поставим на первый план изучение форм художественных произведений в связи с их содержанием. Понимать художественность формы и развивать в себе художественное чутье, эстетическое чувство— такова одна из задач беллетристического самообразовательного чтения, о которой мы прежде всего будем говорить.

Далее мы будем говорить о вникании в содержание художественных произведений. Вряд ли нужно доказывать, что вникание именно в художественное произведение, по существу,— то же самое, что вникание вообще в ту жизнь, которая в них изображена, разумеется, при том условии, если это произведение действительно художественное. Чем образованнее, разностороннее и вдумчивее читатель, тем глубже он и вникает в содержание книги и жизни и тем лучше оценивает и понимает их. Другими словами, в этом отношении приходится сказать читателям: сделайтесь образованнее, развитее, вдумчивее,—тогда вы будете читать и беллетристические книги производительнее, чем теперь. Таким образом, вопрос о плодотворности чтения, это—вообще вопрос образования, вопрос развития,—умственного, нравственного, общественного. В этом отношении беллетристическое чтение идет дружным шагом с чтением научным, общеобразовательным. Как мы уже имели случай подчеркнуть, одно помогает другому; мы говорили также, что вникание в содержа-

Digitized by Google

ние художественных произведений имеет особенно важное значение в деле самообразования еще вот с какой стороны: оно помогает пониманию человека, человеческой души, ее переживаний, настроений, стремлений, идеалов и т. д. Но ведь понять человека, человеческую личность и в себе и в других,—это и есть самое важное и первое дело в области самообразования. Поэтому, думается нам, изучение человеческой души и ее переживаний и должно быть сделано главным, центральным пунктом в деле изучения содержания литературно-художественных произведений, и первый запрос, который нельзя не предъявить к такому произведению, заключается в следующем: что даешь ты для понимания человека, человеческой души, всех ее переживаний и в ней самой, и в ее отношениях к психике других людей, с какими ей приходится в данной обстановке и при данных условиях соприкасаться? Таким образом, с вышеизложенной точки зрения вникание в содержание литературно-художественного произведения сводится к изучению человеческой души и, идя еще глубже, к психологии личности, данной личности, с которой приходится сталкиваться в жизни, иными словами, не к психологии общей, а к психологии индивидуальной. Таким образом, индивидуальная психология является основным пунктом вникания в содержание беллетристического действительно художественного произведения.

Но пойдем еще дальше и глубже и поставим вопрос, какие же именно движения индивидуальной человеческой души заслуживают особенного внимания читателя, стремящегося к самообразованию? Как известно, эти движения бывают крайне разнообразные и тонкие, и области их проявления далеко не одинаковы. Издавна существует обычай различать, говоря о проявлениях человеческой души, две главнейших области или категории этих проявлений: во-первых, область так называемой личной жизни, во-вторых, область жизни общественной. Такое разделение далеко не из удачных, так как человек представляет из себя целый вихрь личных переживаний и в области общественной жизни, а общественный элемент не может не входить и в самые личные, интимные уголки души, даже в такие, как, напр., любовь. Поэтому противопоставлять личную и общественную жизнь по существу не приходится. Тем не менее, говоря о самообразовательном беллетристическом чтении и о системе его, по-

Digitized by Google

лезно сохранить это различие, придав словам „личная“ и „общественная жизнь“ определенное, возможно строго формулированное значение. Личными переживаниями можно назвать такие, которые не касаются других людей непосредственно, общественными же те, которые касаются других людей непосредственно, выражаясь в определенных внешних отношениях данного человека к другому человеку (напр., любовь к людям, к семье, к кружку друзей, к своей общественной группе, классу, национальности, обществу, области, государству, к которому принадлежишь, наконец, к человечеству). Литературно-художественные произведения дают богатейший материал для анализа всех этих переживаний,—и личных, и общественных. Одно дело—та внутренняя работа души, от всех, кроме самого меня (да и то не всегда), скрытая, еще не вынесенная мною наружу,—подготовительная работа для моих внешних поступков, отношений, — и совсем другое дело—моя душа, уже выразившаяся внешним образом, вступившая в те или иные отношения, которые, в свою очередь, ведут к новым переживаниям и в момент столкновения с внешним миром и в моменты, последующие затем. Беллетристика выражает, может выражать переживания человеческой души, и не выразившиеся еще во вне, самые интимные, и выразившиеся внешние проявления их при всех таких столкновениях; другими словами, беллетристика помогает понимать, освещая с внутренней, интимной стороны все эти сферы или круги общественной жизни и общественных отношений, начиная с семейных, и развертывая их все шире и шире, до всего человечества. В этом освещении общественных отношений с внутренней, интимной, психической стороны беллетристика не имеет для себя равных соперников, и, говоря о самообразовательном чтении, нельзя не ставить задачей использовать все эти ступени вникания, во-первых, в смысле переживания и понимания художественной формы, во-вторых, в смысле переживания и понимания психологического содержания, а в этом последнем отношении: а) в смысле уяснения личных переживаний и б) в смысле уяснения общественных проявлений этих переживаний.

Исходя из этих соображений, мы постараемся дать теперь три кратких схемы для вникания в беллетристические произведения по всем вышеуказанным сторонам, а именно: 1. Схему вопросов, наводящих читательское внимание на изучение и оценку различных сторон художественной формы. 2. Схему для раз-

Digitized by Google

ностороннего понимания индивидуальной человеческой души. 3. Схему для понимания ее общественных проявлений и отношений. Первую из этих трех схем мы берем из книги Эккерта „Руководство к чтению поэтических произведений", вторую—из книги Лазурского „Очерк науки о характерах", третью—составляем сами. Обе первые схемы, взятые нами от вышеуказанных авторов, мы приспособляем к намеченной нами цели. При этом обращаем внимание наших читателей на следующее. Программа, которую мы здесь даем, содержит довольно длинный ряд вопросов. Разумеется, далеко не на все эти вопросы можно дать ответ, читая какое-либо одно единственное произведение. Быть может, иное произведение дает материал всего лишь для нескольких, очень немногих ответов. Но не в их количестве суть дела: программы, которые мы даем, составлены не с целью разбора отдельных произведений. Задача этих программ—наметить целый ряд сторон, которые существуют не в одном, так в другом произведении, напомнить читателю о существовании этих сторон и о их значении и о полезности иметь в виду поставленные нами вопросы, читая то или другое произведение.

Нужно ли доказывать вам, дорогой читатель, и то, что программы, т.-е. ряд вопросов, которые мы даем ниже, вовсе не обязывают вас слепо следовать за ними, переходя от вопроса к вопросу. Сами эти программы—не более, как материал для ваших собственных дум и вообще переживаний. Каждый § программы говорит вам: посмотрите,—вот что вы можете еще почерпнуть для себя, познакомившись с таким-то или таким художественным произведением. Если оно интересно для вас,—попытайтесь прочувствовать его красоту и подумайте при этом и о том: да что же такое красота; попытайтесь почуять и понять и его жизненную правду, т.-е. жизнь, отразившуюся в нем такою, какова она действительно есть,—жизнь души, жизнь семьи, общества и т. д.,—и при этом будьте искренни—прежде всего и пред самим собою и пред лицом жизни. Поработайте над собою в этих направлениях, и вы достигнете многого в понимании того, что такое чувство красоты, правды, искренности. И не только понимания, но и ощущения.

Не забывайте, читатель, что, работая над самообразованием, вы должны учиться не только возможно ясно понимать, но и тонко ощущать и чувствовать жизнь.

Беллетристическое чтение поможет вам в этом. Теперь наша

Digitized by Google

задача—обратить ваше внимание на некоторые произведения художественной литературы, которые уже во многих людях будили и будят чувства красоты. В следующей главе мы обратим ваше внимание, быть может, на те же самые произведения, но на этот раз в надежде, что из них вы познакомитесь, в ярких, правдивых образах, с тончайшими движениями души человеческой в ее личных и общественных переживаниях.

Красота и любовь к ней—могущественное средство развития, развертывания жизни во всех направлениях, потому что она влечет нас к свету и поднимает на высоту. Если можно так выразиться, лучи света кажутся светлее и еще привлекательнее, если это—красивые лучи.

Гл. IV

Беллетристика, как орудие эстетического развития.

То, о чем мы сейчас будем говорить, — не только вопрос о форме. Это вопрос—о красивой форме и вообще о красоте. Нужно ли, стремясь к самообразованию, выбрасывать за борт красоту, „прекрасное“, эстетику, как это делалось когда-то, впрочем, не без глубоких оснований социального свойства, в 60-х годах XIX столетия, когда к эстетике относились нередко не только отрицательно, но и презрительно? Мы определенно и решительно отвечаем на этот вопрос: эстетика не подлежит выбрасыванию за борт. Красота в широком смысле слова должна быть сознательно сделана одним из необходимых элементов жизни. Переживания эстетические должны занять свое определенное место рядом с другими высшими переживаниями души. Всякий человек, стремящийся развернуть все свои силы, должен стремиться не только к тому, чтобы сделать свою жизнь светлой, содержательной, полной, возвышенной, напряженной, но также и к тому, чтобы сделать ее красивой. Для этого же необходимо научиться чувствовать, понимать и ценить красоту. Красоту во всем,—в природе, в человеке, в человечестве, в других и в себе самом, в своих переживаниях и действиях, стремлениях и мечтах и даже в мелочах и мелочишках жизни. Украшение ее, облагорожение ее при помощи красоты, понимаемой в возвышенном смысле слова, должно сделаться одним из элементов жизни каждого из нас. Научиться делать свою жизнь красивой

Digitized by Google

не только с внешней, но главным образом с внутренней стороны, не только „на миру", но и „про себя", это—одна из целей самообразования. Стремление вперед и вверх увлекает и захватывает душу еще сильнее, если та высота, куда стремится душа,—высота красивая. Человек живет и может жить действительно полной жизнью только тогда, когда он вводит в нее и элемент красоты.

Но, говоря о значении этой последней, не следует, впрочем, забывать, что есть красота и красота. Есть красота без содержания, точнее говоря—с ничтожнейшим содержанием, и красота с содержанием ценным и важным для жизни. Мы говорим только об этом последнем типе красоты. Мы отрицаем ту красоту, которая отрицает ради себя самой всякое содержание, потому что, думается нам, никакая форма, даже изящная из изящных, не может, не в силах скрыть, загородить собою пустого места, вместив, так сказать, пустоту в себя, набросив свою блестящую, яркую одежду иной раз на мерзость и пошлость, запустение и гниль. Красоте, являющейся лишь декорацией и орудием, не должно быть места в системе самообразования. Такая красота и такая эстетика являются отрицательными величинами, и самое лучшее, что может сделать, по нашему мнению, человек, стремясь к свету и к правде, объявить такой пустой красоте войну, если только он сам не желает сделать из себя самого „гроба повапленного". Красота должна быть орудием жизни и нарастания жизни, а не заменять эту последнюю какой-то декорацией.

Но можно ли научиться тонко чувствовать и оценивать красоту? Разумеется, есть души и способные и неспособные к этому или же вообще способные в различной степени. Но вряд ли можно сомневаться, что в каждой человеческой душе зародыш эстетического чувства и понимания и оценки все-таки имеется, и люди, совершенно неспособные понимать, любить, оценивать и создавать красоту, очень редки и во всяком случае исключительны. Развивать чувство красоты в себе до известных пределов, зависящих от различных внутренних и внешних причин, может и должен всякий. Вводить элемент красоты во все свои житейские и иные отношения (а это мы и понимаем под словами „создавать красоту"), по нашему глубокому и искреннему убеждению, не только может, но даже обязан всякий. Речь должна итти лишь о том, как это сделать, т.-е. как использовать себя и в этом отношении, развернуть свои силы и в эту сторону. Могущественным

Digitized by Google

орудием такого развертывания и развития эстетической стороны является эстетическое вникание в жизнь, ощущение красоты жизни и в жизни, т.-е. и в природе, и в человеке, и в человечестве. Одним из важных пособий для этого вникания является изучение произведений так называемых изящных искусств, т.-е. поэзии во всех видах и разновидностях ее (лирической, эпической, драматической), музыки, живописи, скульптуры, архитектуры и т. д., а, если возможно, то и самых искусств. Вот что, думается нам, придает особую ценность и особенно важное значение изучению формы литературно-художественных произведений,—стремление развить в себе художественное чутье и вносить ее во все проявления жизни.

„Надо развивать в себе чувство красоты, т.-е. умение, способность наслаждаться всеми проявлениями этой последней, так как только при таком умении человек может и фактически стремиться к тому, чтобы сделать свою и окружающую жизнь изящнее и красивее". Можно ли в настоящее время возражать против этих слов? Да, надо развивать в себе и эстетические чувствования. Но вот вопрос: как это сделать? Прежде всего не следует забывать, что чувство красоты—одно из высших человеческих чувствований и, как таковое, „требует уже значительного умственного и эмоционального развития". Кто не имеет такого развития, тот не в силах и наслаждаться красотой, не в силах и свою жизнь сделать красивой, если только не сделает ее таковой случай или волна окружающей жизни (напр., они помогают иногда „красиво умереть", впрочем, плохо помогая „красиво жить"). „Эстетическое развитие,—говорит проф. Селли,—означает развитие более утонченного чувствования, т.-е. такого, которое вызывается и не особенно бросающимися в глаза чертами красивых предметов". Развитие это идет от грубого к тонкому, от яркого к глубокому, от шаблонного к индивидуальному и своеобразному, от бессознательного к сознательному, от низкого, материального к возвышенному. „Для более полного развития эстетического чувствования необходим некоторый художественный опыт", необходимо переживание. „Опыт художественного творчества какого-либо простого рода (элементарного) способствует тому, что человек начинает обращать внимание на вещи, имеющие эстетическую ценность, и начинает более ясно понимать красоту вещей; а поскольку это творчество служит для выражения представлений и создавания подобий, оно при-

Digitized by Google

дает новое значение действительным произведениям искусства, какие человеку приходится видеть“ [1]). Вот некоторые практические указания, которые, быть может, поспособствуют читателю вырабатывать и развивать в себе эстетические способности.

1. Присматриваясь к жизни и к произведениям изящных искусств, постоянно старайтесь отделять в том, что вы видите, слышите, чувствуете, красивое от некрасивого, изящное от неизящного, грубое от тонкого. Иначе говоря, старайтесь при помощи сосредоточения вашего внимания усиливать ваши эстетические переживания, замечать красивое в формах, в проявлениях, в звуках, красках, движениях и т. д., и т. д., и не в каждом в отдельности, а в сочетаниях, в целом.

2. Старайтесь давать себе отчет в том, что (благодаря каким своим признакам и особенностям) лично вам кажется красивым или некрасивым.

3. Переживайте красивое почаще в ваших воспоминаниях и стремлениях.

4. Делайте все возможное, чтобы творить красивое (т.-е. вносите в ваши поступки, ваши делания, жизнь, поведение, работу то, что вы считаете красивым).

5. Почаще присматривайтесь к красивой природе и к произведениям изящных искусств.

6. Спорьте о вкусах. Критикуйте всякого рода моду.

7. Старайтесь оценивать проявления красоты и безобразия не только с эстетической, но и с нравственной, и общественной, и философской точек зрения, т.-е. не только со стороны формы, но и со стороны содержания данных проявлений (или воплощений красоты).

8. Не забывайте и о тех, кто лишен возможности наслаждаться красотою, отрезан от нее тяжелыми условиями своей личной или общественной (экономической, политической) жизни. По мере своих сил помогайте эстетическому развитию других людей.

Из всех изящных искусств в деле самообразования имеет особенно важное значение, несомненно, поэзия, т. наз. изящная словесность, и ее-то мы и ставим на первом месте. Но ограничить самообразование только ею—безусловно неразумно и нежизненно.

---

[1]) Селли, „Педагогич. психология“, стр. 475—9.

Digitized by Google

Чуткой, светлой и развитой душе не должны быть чужды и другие искусства. Мы глубоко жалеем тех людей, которые говорят о себе, не стыдясь своих слов: „мы музыки не любим", „мы красоты в живописи или в скульптуре или архитектуре не понимаем". Ну, значит, и да будет стыдно и печально, что не понимаете! Где она есть, эта самая красота, там ее и нужно видеть и понимать. А с этой целью нужно научиться понимать. И поверьте, читатель, с вас требуется очень немного, да и требуется-то для вас же самих,—лишь не закрывайте ушей и глаз да почаще присматривайтесь и прислушивайтесь к прекрасному, а оно уж тогда само войдет в вас,—и каждое новое ощущение красоты все больше и больше будет приучать вас к ней, а значит—и приучать чувствовать и понимать ее, открывая еще новый, бесконечно-возвышенный и по существу бескорыстный, как это указал еще Э. Кант, источник наслаждений и вообще ощущений жизни. Ведь возвышенность прекрасного в том, собственно, и заключается, что чувство, которое оно возбуждает в нашей душе, бескорыстно. Итак, не будем же выбрасывать искусства из нашей внутренней жизни. Если наша жизнь и без того прекрасна, пусть же будет она еще прекраснее при помощи и содействии изящных искусств.

Теперь, после этих предварительных замечаний, мы будем говорить только о поэзии, т.-е. литературно-художественных произведениях. Прежде всего мы попросим читателя разделить вопрос, а согласно с этим и свои эстетические искания и переживания при чтении художественного произведения направлять по двум нижеследующим руслам—отыскивать красоту: во-1-х, в том, что изображается в данном художественном произведении; во-2-х, в том, как изображается.

Красоту нужно искать и в форме, и в содержании, и в их соотношениях, согласованиях. Эккерт дает совет читателю:

Положите себе за правило каждый день читать хоть что-нибудь высоко-поэтическое,—хоть небольшое стихотворение, хоть отрывок, но несомненно что-нибудь образцовое, действительно художественное, изящное, тонко прочувствованное и продуманное. Двадцать восемь русских авторов, перечисленных на стр. 123—5, и целый ряд великих представителей мировой поэзии, указанных на стр. 131—6, дают богатейший материал для таких ежедневных эстетических переживаний.

К этому совету Эккерта мы прибавим еще другой, основы-

Digitized by Google

ваясь на нашем собственном опыте. Не только ежедневно упражняйтесь в эстетических переживаниях, навеваемых чтением великих художественно-поэтических произведений, но и... мечтайте, тоскуйте о красоте. Ежедневно мечтайте, воображая уже осуществленным что-либо возвышенное и красивое. Странный совет, не правда ли? Но мы все-таки даем его. Да, дорогой читатель, каждый из нас должен быть или стать хоть немножко, но непременно идеалистом и мечтателем. Кто не знает, что обыкновенно наша грешная и серенькая земля представляет из себя изрядно-таки затхлое, заплесневелое, а местами и вонючее болото, полное непроходимой пошлости и мелочности, грязи и злобы, от которых нельзя не отрываться хоть на время, хоть на самое короткое время, подобно тому, как отрывается стрела от земли, смело пронизывая всю толщу густых, серых, мокрых, унылых и давящих облаков и хоть на мгновение взлетая выше их,—к тому солнцу, светлому, радостному, бодрящему, согревающему, без которого и не видя которого не может и не должна существовать мало-мальски живая человеческая душа... Пусть будет и наша мечта, наши стремления к свету и красоте, истине и справедливости и к радостному яркому будущему, полному всеобщего, не только личного счастья, такою же стрелою. Туда, к солнцу, хоть на мгновение,—только бы не забыть, что есть же оно и на самом деле, хотя и за тусклыми и мрачно-унылыми облаками. Есть оно, это самое и *такое* солнце, и оно манит и зовет нас к себе своей красотою. Будем же немножко мечтателями-идеалистами, дорогой читатель, и, когда проклятая обыденщина подарит нас минутами тихого, бесшумного уединения, будем мечтать, рисуя себе возможно яркие картины *уже воплотившихся в жизнь* наших светлых стремлений и порывов, опирающихся на такие же светлые, благородные, глубокие порывы лучших людей человечества, умевших испытывать их, бескорыстно любя правду, ее свет и тепло...

Эккерт дает еще один очень разумный и жизненный совет: он рекомендует вообще избегать знакомства с чужими мнениями о поэтических произведениях и с комментариями (толкованиями) к ним до тех пор, пока вы сами свободно и независимо не прочитаете этих произведений. „Чужие мнения,—говорит он,—то же, что цветные очки, через которые все нам кажется окрашенным под цвет очков".

Такой совет, ценный сам по себе, имеет еще особенное зна-

Digitized by Google

чение потому, что понятие красоты есть понятие из субъективных субъективное. Вряд ли есть или может быть на свете что-либо такое, что признают единогласно красивым все люди. Каждый человек считает красивым не то или не совсем то, что другие, и не потому или не совсем потому, как другие... О вкусах, как известно, не спорят. Красота—дело вкуса. Ниже пойдет речь не о том, чтобы усваивать чужие мнения о красоте и переживать чужие переживания прекрасного, а о том, чтобы выработать и переживать свое собственное, совершенно не считаясь с чужими вкусами, хотя бы самых знаменитых ученых и критиков, тонких, возвышенных и светлых людей. Вопрос не в том, чтобы, читая литературно-художественные произведения, заимствовать чужое чувство, а в том, каким же путем итти, чтобы выработать свои собственные мнения, свое собственное чутье, способное доставить мне самому действительно высокое и тонкое наслаждение и, таким образом, углубить, возвысить, украсить мою жизнь.

Каждый читатель,—справедливо говорит Эккерт,—может и должен, читая какое-либо художественное произведение, ставить себе такие задачи:

1. Уяснить себе самому, почему именно оно ему нравится или не нравится, и сознательным отношением к чтению удвоить свое наслаждение прекрасным.

2. Вырабатывать, развивать в себе эстетический опыт так, чтобы все более и более изощренным взором ежедневно находить в литературных произведениях все новые и новые неожиданные красоты, которые, как известно, совершенно невидны, незаметны, не чувствуются, если то же самое произведение мы читаем поверхностно, „глазами, умом, но не душой“, или, точнее говоря, не всей душой. Беллетристические произведения тем и отличаются от научных, что их приходится читать непременно всей душой, и эти произведения, рисуя душу человеческую со всех сторон, помогают этому; тогда как произведения научные, хотя и они тоже требуют, для своего настоящего усвоения, чтения не только умом, а также всей душой, но такому чтению по самой своей форме, односторонней и спокойной, не благоприятствуют. Вырабатывать же эстетический опыт можно, напр., пользуясь старым, но все-таки полезным приемом, который может послужить хорошую службу для начинающих читателей: серьезно

Digitized by Google

и детально изучить несколько произведений литературы, всемирной и русской, из числа наиболее выдающихся, каковыми, например, являются „Эдип царь“ Софокла, „Дон-Кихот“ Сервантеса, „Приключения Гулливера“ Свифта, „Скупой“ и „Тартюф“ Мольера, „Гамлет“, „Отелло“, „Буря“ Шекспира, „Фауст“ и „Эгмонт“ Гёте, „Разбойники“ и „Заговор Фиеско“ Шиллера, „Чайльд Гарольд“, „Дон Жуан“ и „Каин“ Байрона, „Несчастные“, „Рюи Блаз“, „Король тешится“ Гюго, „Романцеро“, „Книга песен“ Гейне, „Давид Копперфильд“, „Домби и сын“, „Ночь на Рождество“ Диккенса, „Один в поле не воин“ Шпильгагена, „Отец Горио“ и „Женщина в 30 лет“ Бальзака, „Саламбо“ и „Госпожа Бовари“ Флобера, „Жерминаль“ (Углекопы) и „Париж“ Э. Золя, „Доктор Штокман“, „Пер Гинт“, „Брандт“ Ибсена, „Когда цветет молодой виноград“ и „Волоса Авессалома“ Бьернсона, „Ткачи“ Гауптмана, „Смерть Тантажиля“, „Монна Ванна“, „Слепые“ Метерлинка, „Таис“ А. Франса, „Горе от ума“ Грибоедова, „Евгений Онегин“, „Борис Годунов“, „Медный всадник“, „Полтава“ Пушкина, „Демон“, „Мцыри“, „Герой нашего времени“, „Стихотворения“ Лермонтова, „Миргород“, „Вечера на хуторе близ Диканьки“, „Мертвые души“, „Ревизор“ Гоголя, „Отцы и дети“, „Накануне“, „Записки охотника“ Тургенева, „Война и мир“, „Воскресенье“, „Власть тьмы“, „Смерть Ивана Ильича“, „Хаджи Мурат“ (полное изд.), „Неужели так надо?“ Л. Толстого, „Царь Феодор Іоаннович“, „Смерть Ивана Грозного“, „Стихотворения“ Алексея Толстого, стихотворения И. Никитина, Надсона, Фета, Тютчева, „Александр I“ и „Павел I“ Д. Мережковского и т. п. На это перечисление просим смотреть не как на исчерпывающий список книг, которые необходимо изучить, а лишь как на разнообразные и более или менее разнородные примеры тех произведений, которые представляют из себя прекрасные образцы для более или менее разностороннего изучения их эстетической, психологической и общественной сторон. При этом считаем необходимым обратить особенное внимание на произведения литературы русской, оригинальной, так как эстетические особенности произведений переводных в огромном большинстве случаев совершенно теряются, исчезают при переводе, и только тот читатель, кто может читать произведения мировой литературы в подлинниках, т.-е. только тот, кто знает иностранные языки во всей их тонкости, может развивать в себе чувство красоты при помощи изучения этих произведений.

Digitized by Google

При чтении старательно выбранных произведений Эккерт советует руководиться следующими правилами [1]):

1. Сначала прочитайте все произведение, по возможности, за один раз, прежде всего стремясь получить впечатление целостное, а также для того, чтобы при втором, более внимательном чтении вас не беспокоило любопытство узнать развязку и чтобы по этой причине не ускользнул от вас общий взгляд на произведение и, главное, впечатление, этим последним произведенное: истинный и высший интерес литературно-художественное произведение возбуждает именно тогда, когда низшее любопытство уже удовлетворено. Целостность понимания—одно из важных условий наслаждения художественной красотой. Не детали делают его великим, а его основа, целостность, глубокая правда, жизненность, благородство, искренность, и все это и должно отражаться и на деталях, на их подборе и изложении.

2. Прочитывая выдающееся произведение, слегка отмечайте карандашом те места его, которые на вас произвели особенное впечатление или которые вы еще неясно понимаете. При вторичном чтении вам будет приятно вновь передумывать эти отметки, когда впоследствии, при помощи вашей самостоятельной работы, вы приобретете понимание целого.

3. Не ленитесь читать вслух, а если имеете склонность, то и заучивать наизусть особенно понравившиеся вам места, изречения и т. п. Говорим „если имеете склонность", потому что читатели некоторых типов не выносят заучивания. Советуем им не насиловать себя. Заучиванье полезно лишь тогда, когда оно приятно. Принуждение же заучивать отбивает у иных охоту читать и губит любовь к некоторым произведениям. Многие преподаватели, забывая об индивидуальности читателя, глубоко ошибаются, возводя заучивание в качество общего приема.

4. Заведите для себя книгу для записывания ваших мыслей о поэтических произведениях и для делания выписок, выдержек

---

[1]) Излагаем их, внося в них необходимые, по нашему мнению, изменения. При этом—повторяем—разумеется, далеко не все вопросы, приведенные ниже, могут быть предъявлены ко всякому произведению. Дело самого читателя разобраться в том, какие именно вопросы подходят к данному произведению, какие нет, на какие из них может и на какие не может дать ответ читателю данное произведение.

Digitized by Google

из них и т. п. [1]). Читайте, отвечая себе (если хотите и письменно) на вопросы, список которых дается ниже. Так как иная человеческая душа легко изнемогает под массой впечатлений, чувств, идей и т. п., возбужденных иным художественным произведением, то нельзя не подумать и об ее свободе от слишком стремительной нагрузки и чересчур напористого наплыва переживаний... „Вовсе не благотворно действует на нас художественное произведение,—вполне справедливо говорит Эккерт,—когда оно подчиняет нас до того, что мы теряем свое господство над ним и не можем отнестись к нему сознательно. Читая иной роман или смотря иное театральное представление, мы легко забываемся" „Пусть книга восхищает нас, заставляет удивляться, но все-таки не должна она в роде как затемнять сознание ума; мы должны стараться о в л а д е т ь ее содержанием и наслаждаться им не иначе, как с полной свободой. А это бывает только тогда, когда мы стараемся отдать себе отчет в произведенном на нас впечатлении, т.-е. проверяем, то ли впечатление должны бы мы были вынести из чтения, не слишком ли случайно оно". „Если бы впечатления, производимые на нас произведениями, были всегда истинны и не зависели никогда от нашего собственного настроения или от интереса и злобы дня, от блестящей внешней формы и разных случайностей,—говорит Эккерт,—тогда бы не было такого множества сочинений, которые когда-то прославлялись до небес, а теперь совершенно забыты".

5. Прочитайте разобранное вами произведение еще раз, но спустя некоторое время, хотя бы даже и большое; затем сравните, как вы теперь его понимаете, с тем, как понимали его прежде. Для чего это нужно и полезно? Не только для изучения произведений, но для о б д у м ы в а н и я с а м о г о с е б я и других людей и всей окружающей жизни. Всякое художественное произведение—прекрасный предлог для такого обдумывания и превосходная мерка для него. Сравнение предыдущих впечатлений

---

[1]) Очень хорошим пособием может служить в данном случае составленная И. В. В л а д и с л а в л е в ы м книжка „О чтении и выборе книг". (Содержание: I. Предисловие. II. К читателям. III. Мысли о чтении и книгах. IV. Несколько слов по поводу записи о книгах научного содержания. V. Примерный план записи). Изд. 5-ое, „Книга". М. 1918 г. 1 р. 60 к. См. его же „Тетрадь для записи о прочитанных книгах", изд. 3-ье, 1918 г. (с более элементарными требованиями от читателя).

Digitized by Google

с настоящими дает возможность подмечать перемены, в нас происшедшие. Литературное произведение, это — реактив на нашу психику.

* * *

От этих общих указаний о том, как читать, переходим теперь еще к одному общему вопросу,—вопросу об эстетическом художественном чтении. Что, в сущности, представляет оно? Вот говорят, что художественные литературные произведения развивают чутье к красоте. Но что же это такое? Что понимать под этим словом?

„Общий характер эмоции (чувства) красоты,—говорит А. Бен,—можно определить, как утонченное наслаждение. Целый ряд ручейков сливается здесь в один океан наслаждений, в котором уже только с трудом можно различить их существенные черты. Впрочем, нередко говорят о красоте и в узком смысле слова, исключая из нее понятие „возвышенного" (красивое от возвышенного трудно, впрочем, отделить). Тогда под красотою разумеют более пассивное наслаждение, примерами которого могут служить приятные сами по себе ощущения, гармонические сочетания, нежные эмоции. Многие элементы красоты подразумевают пригодность данной вещи для определенной цели и сводятся на чувство силы, на котором основывается и понятие и чувство возвышенного". Что касается возвышенного, — говорит Бен,— то это не что иное, по его определению, как „симпатическое чувство высшей силы, достигающее самых сильных степеней". Красота бывает разная, — и естественная, природная, и созданная человеческим трудом, творчеством, красота в природе и в искусстве, красота телесная и духовная, зримая и незримая [1]). Существует бесконечное количество различных теорий о красоте. Но сущность всех их одинакова: все они сводятся к личным эстетическим переживаниям, по существу высоким и бескорыстным, и вот развитию-то таких переживаний, как уже было сказано, и помогает литература художественных произведений.

Чем же художественные произведения на нас действуют? Яркими образами. Наше мышление, как известно, орудует, во-первых, представлениями, т.-е. образами, во-вторых, понятиями.

---

[1]) Превосходный обзор этих теорий дает проф. Мейман в своей небольшой книжке „Введение в эстетику". Изд. „Космос". Спб.

Digitized by Google

Мышлением художественным или поэтическим называется такой тип мышления, когда наша мысль орудует именно представлениями, образами, при чем эти последние, в свою очередь, являются средством возбуждать, вызывать в человеческой душе другие образы, а также понятия, идеи, чувства, настроения, стремления и т. п. „Все искусства,—говорит академик Д. Овсянико-Куликовский,—дают нам образы и этими образами что-то говорят нам: с нашей стороны нужно уметь разгадать каждый образ, понять и прочувствовать его". У всех изящных искусств есть один психологический язык. Образы—это и есть его элементы. Отдельные искусства, по удачному выражению того же автора, есть не более, как наречия одного и того же языка. Язык искусства прежде всего не есть язык отвлечений и понятий, а язык конкретных представлений, образов. Художественная же природа всякого образа состоит в том, что он заставляет нас мыслить и чувствовать многое такое, что непосредственно в нем не дано. Он—только пружина мысли и возбудитель переживаний и душевных движений. Но и образы бывают различны по своей силе, выразительности, начиная от самых ярких и кончая бледными. Различаются в поэзии три сорта образов: 1. Типичные, или типы. 2. Символические (обобщенные), или символы. 3. Схематические, или схемы. Иные образы, даваемые художественным произведением, типичны, другие—символичны, третьи—схематичны. Сила действия зависит от того, дает ли произведение образы-типы, символы или схемы. Изучая художественные произведения, читатель может видеть все эти три категории и знакомиться со всеми ими. Яркость образов возрастает от схемы к типу. Но образы только средство художественного воздействия на человеческую душу. Каждый из них является в той или иной степени возбудителем разного рода чувств, т.-е. оказывается связанным с чувствами, эмоциями, аффектами. „Эмоции эстетические, к числу которых относятся чувства прекрасного, возвышенного, смешного, составляют особую группу приятных чувствований",—говорит А. Бен [1]). Возбуждение этих-то эмоций и составляет задачу всех произведений так называемых изящных искусств. Чем же они действуют на душу? Источник прекрасного, по мнению Бена, надо искать не в каком-либо отдельном качестве такого-то произведения, а в известном цикле их—в совокупност

[1]) „Психология", стр. 93—134.

Digitized by Google

воздействий. На что же они действуют? На ум? На чувства? На волю? Не только на ум и не только на чувства и волю, а на все вместе. Да и материал для искусства, для творческой деятельности в этой области дается умом в соединении с ощущениями и стремлениями.

Специальным источником эстетических наслаждений является гармония, т.-е. стройная согласованность. „В изящных искусствах,— говорит Бен,—могут сочетаться гармонические эффекты разных порядков: звуки, цвета, движения, формы соединяются друг с другом и с общим замыслом художественного целого. Чувство единства среди разнообразия, поскольку оно входит в красоту, обязано своим приятным характером преимущественно созерцанию порядка и облегчению умственной работы (экономизация сил). Природою же эстетических чувствований обусловливается тот принцип искусства, по которому в художественном произведении не все должно быть высказано". Наука требует ясности, поэт—недосказанности. „Предоставить кое-что воображению лучше, чем сказать все", говорит художник. То, на что намекается, входит в сознание в идеальной форме и окраске, доказывал ученый исследователь искусства. В литературно-художественных произведениях иногда сознательно оставляются пробелы так, чтобы их мог пополнить сам читатель. В искусстве, как и в жизни, предоставляется самому читателю разбираться и догадываться.

К каждому художественному произведению можно предъявить, на основании вышеизложенного, следующие вопросы:

1. Какие именно образы оно дает? (Образы чего именно,—из области природы, человеческих переживаний и т. д.).

2. Как их дает? (Язык, его гармоничность, звучность, яркость, красочность, грубость, банальность. Сравнения, олицетворения, метафоры, символы, фразы, обороты речи. Их шаблонность или оригинальность, удачность и целесообразность или неловкость всего этого и т. д. Стиль. Его простота, искренность, отвлеченность или конкретность, определенность или неопределенность, ясность, сила, мелодичность, размеренность (ритмичность). Отделка. Изящество. В чем именно это проявляется). Ко всему этому надо присмотреться или, точнее говоря, присматриваться, читая любое произведение. Хорошая хрестоматия и теория словесности, напр., Житецкого, могут служить очень полезными пособиями в такой самообразовательной работе.

Digitized by Google

3. Какие именно эмоции, чувства, настроения, стремления оно старается возбудить и возбуждает в данном читателе? (Особенность их, характер, напр., грустные, унылые, веселые, бодрые и т. д.)

4. Какие идеи проводит? (Их содержание, ясность, оригинальность, содержательность и т. д. Соответствие формы и содержания. Сюжет. Его развитие.)

5. Как, какими своими качествами возбуждает их? (Это достигается отчасти сюжетом, отчасти деталями, стилем, языком и т. д. [1]).

6. Как и куда влечет читателя данное произведение, возвышает ли его дух или (бывает и это) принижает его? (Влияние данного произведения на данного читателя в данный момент, в данной обстановке. Литература художественных произведений, как и вообще литература, искусство и наука, по существу, все-таки не более как орудия. А кто, как, с какою целью и за кого или против кого пользуется этими орудиями, это—вопрос нравственности, вопрос сознания и совести, а также и в очень сильной степени — вопрос социального строя и истории. Далее мы увидим, что к каждому литературному произведению необходимо подходить и с этической меркой,—меркой любви к ближнему и справедливости и с меркой социальной. Далее к общим же вопросам должно отнести следующих два:

7. Что известно вам об авторе данного произведения, его жизни, характере, об его литературном и общественном направлении, об обстановке, в которой он жил, общественном классе, которому он служил, о веке, эпохе, историческом моменте, когда он жил? (См. книги по истории литературы).

8. Не читали ли вы еще каких-нибудь произведений того же автора, и какие именно? Что помните из прочитанного? Не заметили ли чего сходного и отличного в прочитанном произведении

---

[1]) Рекомендуем читателю, уже привыкшему к чтению научных и отвлеченных книг, познакомиться для освещения этой стороны художественных произведений со следующими книгами: Потебня. „Мысль и язык"; Э. Геннекен. „Основы научной критики"; „Вопросы психологии и теории творчества". Сборн., 2 первые тома и т. IV; в него вошел обширный труд проф. А. Погодина „Язык как творчество. Психологические и социальные основы творчества речи. Происхождение языка". Харьк., 1913 г. Особенно интересна гл. XII („Образ и слово. Развитие значения слова. Слова без образа. Понятия. Суждения"), стр. 308—64 и гл. XVII („Язык и ритм").

Digitized by Google

сравнительно с произведениями других авторов, которые вы помните?

* * *

Вышеизложенными общими вопросами, разумеется, не исчерпывается эстетическая сторона художественных произведений. Есть у нее и детали, правда, быть может, и не столь существенные, но о которых тоже не мешает подумать. Эккерт указывает на многие из них в виде вопросов. Приводя эти вопросы, мы (в скобках) напоминаем читателю о некоторых, по возможности очень немногих художественных произведениях, которые могли бы, по нашему мнению, служить некоторыми иллюстрациями к данному вопросу. Число таких примерных указаний могло бы быть сильно увеличено, но это, впрочем, рекомендуем делать самим читателям.

Вопросы, предлагаемые Эккертом, относятся к трем главным родам художественных произведений, трем типам поэзии: во-первых, к лирическим, во-вторых, к эпическим, повестям, романам и т. п., в-третьих, к произведениям драматическим. К эстетическим особенностям произведений этих трех категорий читатель должен присмотреться и „восчувствовать“ их.

А. Примерные вопросы для художественной оценки лирических произведений.

Развиваем более подробно намеченные выше вопросы,—применительно к лирической поэзии. Небесполезно иногда обратить внимание на следующие стороны лирических произведений.

1. Под влиянием какого именно настроения души написано данное стихотворение, какое переживание оно отражает и выражает? (Этот вопрос заставляет задуматься над внутренней, задушевной стороной писательства,—над психологией поэта-творца и творчества). (См. Некрасов „Унынне“, Лермонтов „И скучно и грустно“, „Тучки“, В. Брюсов „Нет, я не ваш“).

2. Есть ли переживание поэта исключительное, совершенно личное, индивидуальное? Не является ли автор выразителем общих настроений? В таком случае—каких и чьих, какой общественной группы, класса, среды, вообще какого момента жизни—личной, общественной, исторической и т. п. (Некрасов „Размышление у парадного подъезда“, Пушкин „Клеветникам России“, „Воспоминание“, Лермонтов „На смерть Пушкина“, Надсон „Цветы“, Минский „Я боюсь рассказать“, Стих. П. Якубовича).

Digitized by Google

3. Насколько личное чувство автора приближается к той обстановке, которая окружает. или окружала его или нас, читателей? (Лермонтов „Дума“, Надсон „Испытывал ли ты, что значит задыхаться“, Пушкин „Элегия“).

4. Насколько удачно, по вашему мнению, выбраны и насколько ярки, выразительны, характерны образы, которые дает автор? Их красочность, тонкость сравнения, эпитеты, картины? Не слишком ли обременен язык украшениями, вычурностями? Удачно ли выбраны слова, обороты, опущения, метафоры (слова, употребленные в переносном смысле). (Лермонтов „Ночевала тучка золотая“, „Парус“, „Спор“, Никитин „Утро“, Некрасов „На Волге“, „Тишина“, Пушкин „Бесы“, Стих. Бальмонта („В моем саду мерцают розы белые“ и др.), Апухтина, Фета, Ф. Сологуба, С. Городецкого, А. Толстого („То было раннею весной“).

5. В чем заключается основная мысль или идея стихотворения? Ясно ли она выражена? Как выражена? (Некрасов „Убогая и нарядная“, Лермонтов „Парус“, Пушкин „Чернь“, „Пророк“, „Эхо“, Вейнберг „Море“, Брюсов „Смерть“).

6. Соответствует ли основной идее, по вашему мнению, форма стихотворения? Каковы особенности этой формы (соразмерность частей, соответствие каждой из них с идеей целого стихотворения)? Естественно ли соединяются между собой отдельные строфы? Нет ли скачков между мыслями? На каком основании и как переходит поэт от одной мысли к другой? (Пушкин „Опять на родине“. Полонский „На смерть Надсона“. Бальмонт „Воля“, „Шиповник“. Апухтин „Сумасшедший“. С. Городецкий „Ярь“).

7. К какому роду лирических произведений относится данное стихотворение (песня, ода, элегия)? Поэзия искусственная, народная? Не напоминает ли форма и вообще способ передачи чувства произведений народных? (А. Толстой „Спесь“. Кольцов „Что ты спишь, мужичок“, „Песня пахаря“. А. Майков „Есть мысль тайная“. Некрасов „Слезы матери“. Бальмонт „Жар-птица“. Державин „Бог“. Пушкин „Безумных лет“).

8. Каким размером написано стихотворение (сочетание, правильность, удачность рифм, построение строф)? (О размерах стиха см. в теории словесности).

9. Попробуйте формулировать себе (возможно точнее и мотивированнее) впечатление, полученное вами от чтения данного стихотворения. (Напр., по сб. Бальмонта „Горящие здания“, по

Digitized by Google

С. Городецкому и сравните с ними стих. Надсона, Некрасова и т. д.). Чем, как и почему данные стихотворения вам нравятся,—основною мыслью, красивой, изящной формой, тайным согласием с вашим собственным настроением (постоянным, длительным, минутным), чувствами? (Некрасов „Рыцарь на час". Надсон „Друг мой, брат мой". Бальмонт „Кузнец", „К Лермонтову").

10. Какие места, строки, выражения вам особенно понравились и почему? (См. вопр. 9).

11. Удобно ли данное стихотворение для переложения на музыку, для пения, для декламации (напр., вышеуказ. стих. Бальмонта или Надсона)? По каким особенностям стихотворения вы судите о том, что оно удобно или неудобно для музыки?

12. Не знаете ли вы оценок данного стихотворения, сделанных другими? кем и каких? (Ср. „Пророк" Пушкина и „Пророк" Лермонтова в их оценках. Разные отзывы о стих. Пушкина „Клеветникам России". Согласны ли вы с ними или нет, и почему? Чем вы объясняете такие оценки и различия в них? Какие из противоположных воззрений кажутся вам справедливее, точнее, вернее и основательнее, и почему?)

13. Не известны ли вам еще какие-нибудь стихотворения, заключающие подобные (или противоположные) мысли? В первом случае,—в чем сходство, во втором—в чем различие?

14. Не следует ли, по вашему мнению, внести в идею автора какую-либо поправку, сделать оговорку в том или ином смысле, дополнить мысль его, возразить на нее? (Бальмонт „Путь правды", „Кузнец").

Б. Примерные вопросы для художественной оценки литературных произведений эпического типа (романы, повести, рассказы, баллады, поэмы и т. п.).

Как известно, беллетристические произведения представляют бесконечное разнообразие форм, из которых многие очень мало подходят под старинный термин „эпический". Тем не менее некоторые вопросы, поставленные Эккертом, могут быть относимы к большинству беллетристических произведений, не только к тем, которые принадлежат к более или менее установившемуся типу романов и повестей, и поэтому мы оставляем их почти без изменения.

Digitized by Google

Вопросы №№ 1, 2, 3, 4, поставленные выше, относятся и к данной категории произведений.

1. Преобладающее настроение автора и произведения (Гюго „Собор Парижской Богоматери“, „Труженики моря“, Арцыбашев „У последней черты“, А. Толстой „Іоанн Дамаскин“, Горький „Мальва“, „Старуха Изергиль“, „Песня о соколе“, „Буревестник“, Чехов „Скучная история“, Короленко „Лес шумит“, Тургенев „Довольно“).

2. Откуда берет автор главный материал для произведений, напр., из истории (Толстого „Война и мир“, Сенкевича „Камо грядеши“, Мережковского „Александр I“, Флобера „Саламбо“, Эберса „Дочь египетского царя“ и др. историч. романы), или из современной жизни, или из собственной фантазии (Сологуб „Мелкий бес“, Пшибышевский „Зимняя сказка“, Сологуб „Навьи чары“), или из других авторов, подражает им („День итога“ Альбова, Лермонтова „Демон“, Жуковского „Светлана“).

3. Насколько свободно отношение автора к той исторической или современной действительности, которую он стремится изобразить в своем произведении (искажения, неточности, переделка, отсутствие наблюдений, их односторонность, ошибочность и т. п.). (Достоевский „Бесы“. Писемский „Взбаламученное море“, Княжнин „Вадим“, Толстой „Божеское и человеческое“, Златовратский „Устои“. Григорович „Деревня“, Чехов „Мужики“. Загоскин „Юрий Милославский“).

4. Есть ли в произведении внутренняя истина (которая может быть даже в самой фантастической сказке). (Кот Мурлыка „Божья нива“. „Дядя Пуд“ Жорж Занд „Великий Иеус“, русск. народн. былины, напр., „Микула Селянинович“, „Сказки“ Андерсена, Гоголь „Нос“ „Портрет“).

5. Чего больше в произведении,—внешних действий или внутренних переживаний (Гамсун „Пан“, Достоевский „Бедные люди“, Грибоедов „Горе от ума“, Гоголь „Тарас Бульба“, Салиас „Пугачевцы“).

6. Дайте себе отчет о самом содержании, о его развертывании, об элементе необходимости в нем, о его спутанности, об относительном значении разных подробностей и т. п. (Достоевский „Преступление и наказание“, „Подросток“, Тургенев „Накануне“, „Отцы и дети“).

7. Какие круги жизни и общества изображает автор, на основании каких материалов (ср. „сахарных мужичков“ Григо-

Digitized by Google

ровича и „добрых пейзан“ Н. Карамзина, „добродетельное начальство“ Б. Маркевича и В. Мещерского, „Мужики“ Чехова и соч. Златовратского, Успенского, „Война и мир“ Толстого, его же „Воскресение“, „Анна Каренина“, „Власть тьмы“).

8. Насколько удачно выбрано автором для его произведения место, время, среда, в которых происходит действие (Тургенев „Несчастная“, „Накануне“, „Жид“, Чехов „Без заглавия“).

9. Чем начинается произведение. Насколько удачно и целесообразно его начало. Развертываются ли события в полной последовательности и естественно, или автор прямо вводит нас в события, заставляя о многом догадываться. Насколько затемняется этим ваше понимание произведения (Достоевский „Братья Карамазовы“, „Подросток“, Чернышевский „Что делать?“, Диккенс (разн. произведения), Гоголь „Ревизор“, Успенский „В раздумьи“).

10. Естественно ли сплетение обстоятельств. Органически ли, т.-е. внутренней ли связью связаны части описываемых происшествий, как причина и следствие, взаимно обусловливают ли одна другую (Л. Толстой „Смерть Ивана Ильича“, „Фальшивый купон“, Салтыков „Современная идиллия“, Тургенев „Дворянское гнездо“, „Новь“, Достоевский „Подросток“, Гюго „Несчастные“ Сравн. соч. Дюма, Понсон дю-Террайля, Конан Дойля и т. п.).

11. Связно ли развивается рассказ или есть скачки. Нет ли пробелов, которые читателю приходится пополнять собственным воображением. Не сделаны ли они автором умышленно, чтобы возбудить, напр., читательское любопытство (Сенкевич „Без догмата“, Толстой „Война и мир“, начало „Что делать? Чернышевского, Манн „Богиня“, Стриндберг „На шхерах“, Гамсун „Мистерии“).

12. Удалось ли автору, напр., живостью изображения возбудить в читателе постоянное участие, сочувствие и напряженное внимание к развитию событий (Тургенев „Дворянское гнездо“, Чириков „Юность“, Мачтет „Человек с планом“, „Его час настал“, Реймонт „Мужики“, Поленц „Крестьянин“).

13. Насколько богато произведение (и не слишком ли) вставочными эпизодами или побочными происшествиями. Стоят ли они в непосредственной связи с главным действием. Не препятствуют ли они его развитию. Или не запутывают ли. Или же помогают. Повышают или понижают интерес к главному действию. Не слишком ли это грубое средство для возбуждения читательского любопытства. Есть ли в произведении, при всем

Digitized by Google

разнообразии его содержания, необходимое единство (Мережковский „Трилогия“, Сенкевич „Семья Поланецких“, Тургенев „Новь“ (эпизод „Фимушка и Фомушка“), Достоевский „Братья Карамазовы“, глава „Великий инквизитор“).

14. Естественно ли развитие действия, или в него привходит и чудесный, мистический, сверхъестественный элемент. Требует ли автор в таком случае действительной или только поэтической веры в происшествие. Придает ли он своим сверхъестественным образам действительное существование или только аллегорическое, иносказательное. („Фауст“ Гёте, Э. Поэ (рассказы), Гамсун (рассказы), „Сказка о золотой рыбке“ Пушкина, Тургенев „Призраки“, „Стук-стук“, „Клара Милич“, Толстой „Свечка“, „Чем люди живы“, „Два старика“, Чехов „Черный монах“, Кот-Мурлыка (рассказы), Диккенс „Рождественская ночь“, „Колокола“).

15. Не искусственна ли развязка. Нельзя ли предвидеть ее уже по началу произведения или, во всяком случае, заранее, или же она совершенно неожиданна. (Тургенев „Отцы и дети“, Достоевский „Преступление и наказание“, Чехов „Рассказ неизвестного человека“, Гамсун „Виктория“, Л. Андреев „Сашка Жегулев“).

16. Оставляет ли нас сюжет произведения и конец его под тяжелым впечатлением человеческой ничтожности или примирения с жизнью даже при гибели героя. Бодрит или наводит уныние. (Толстой „Смерть Ивана Ильича“, Некрасов „Мороз-красный нос“, Эсхил „Прометей“, Губер „Прометей“, Гёте „Фауст“, Гоголь „Шинель“, „Старосветские помещики“, Андреев „Расск. о семи повешенных“, Вазов „Под игом“, Рубакин „На рабочем кладбище“).

17. Что управляет действиями героев и других людей — Провидение, судьба, слепой случай, идеалы, привычки, обстоятельства жизни, интересы (какие), традиции и т. п. (Шпильгаген „Один в поле не воин“, Пушкин „Пиковая дама“, Лермонтов „Фаталист“, Успенский „Голодная смерть“, Сергеев-Ценский „Сад“, Толстой „Поликушка“, „Где любовь, там и Бог“, „Война и мир“, Мирбо „Голгофа“, Войнич „Овод“).

18. Какие характеры выведены автором. Которые из них уже сложившиеся, которые еще нет, а лишь слагаются постепенно, в ходе рассказываемых событий. В чем видна перемена в этих характерах. (Достоевский „Братья Карамазовы“, Л. Толстой „Семейное счастье“, „Анна Каренина“, „Воскресенье“

Digitized by Google

Диккенс „Домби и сын“, „Копперфильд“, Эртель „Гарденины“, Михайлов „Несчастные“, Чехов „Моя жизнь“).

19. Нет ли в характерах героев какой-нибудь непоследовательности, противоречия. Не произошло ли это только по ошибке автора, или же может быть объяснено из самого произведения (Тургенев „Рудин“, „Накануне“, „Отцы и дети“, Достоевский „Преступление и наказание“, Сергеев-Ценский „Сад“). См. вопрос 18.

20. Сосредоточивается ли весь интерес только исключительно на главном характере, или его нельзя не разделить и между другими действующими лицами (Шекспир „Гамлет“, „Король Лир“, Тургенев „Пунин и Бабурин“, Сервантес „Дон-Кихот“).

21. Какими характерами являются герои и героини (пассивными, активными, бодрыми, разбитыми, упавшими духом, исстрадавшимися и т. д., и т. д.[1]) (Тургенев „Накануне“, Гончаров „Обломов“, Францоз „Борьба за право“, Золя „Углекопы“). Желательно, чтобы читатель возможно внимательней вдумался в уменье или неуменье автора характеризовать их и формулировать свое отношение к ним.

22. Удачна ли (и в каком смысле) группировка характеров, выведенных в данном произведении (Гюго „Несчастные“, Достоевский „Идиот“, Шпильгаген „Загадочные натуры“, „Из мрака к свету“, „Один в поле не воин“, Толстой „Воскресение“, „Анна Каренина“).

23. Знаете ли вы людей, похожих на тех, которые выведены автором.

24. Какова главная мысль или идея произведения. Что хотел автор выразить своими произведениями. Ясно ли и вполне ли ясно она выражена. Кто из выведенных лиц является выра-

---

[1]) Очень полезным пособием для обдумывания характеров действующих лиц по их проявлениям может служить «Словарь литературных типов», изд. «Всходы», где дается сводка разбросанных по произведению характерных черточек каждого выведенного лица во всех произведениях Тургенева, Гоголя, Лермонтова, Аксакова и др. Очень интересные, иногда удивительно тонкие характеристики человеческих типов и характеров дает в своей книге проф. Малапер «Элементы характера и законы их сочетаний», Пер. Л. Бессель, под ред. Н. Рубакина. Изд. К. Тихомирова. М. 912 г. Много материала (беллетристического) о детской психологии дает сборник отрывков из произведений рус. и иностран. авторов, обрисовывающих психологию детей, сост. Л. и О. Рудевич («Детская душа», 2 тома. Изд. К. Тихомирова. М. 907—9 г.). См. еще ниже, в следующей главе.

Digitized by Google

зителем идеи (один, многие). Ясно ли представлялась идея самому автору. Соответствует ли идея заглавию (Тургенев „Отцы и дети“, Толстой „Воскресение“, „Хаджи-Мурат“, „После бала“, „Ходите в свете“, Горький „Мать“, „Исповедь“, Шпильгаген „Один в поле не воин“).

25. В чем заключается главная сила автора: в красоте ли языка, в разнообразии ли и живости действия, в эффектах ярких сцен или же в тонкой обрисовке характера (Тургенев „Записки охотника“, Михайлов „Лес рубят, щепки летят“, Толстой „Анна Каренина“, „Воскресение“, Гюго „Девяносто третий год“, Кравчинский-Степняк „Андрей Кожухов“, Достоевский „Записки из подполья“, Сергеев-Ценский „Лесная топь“, Тургенев „Стих. в прозе“, Мопассан „На воде“, Роденбах „Звонарь“, Гоголь „Тарас Бульба“).

26. Какой мир, внешний или внутренний, лучше изображает автор (см. разн. соч. Достоевского, Пшибышевского и т. п. Ср. Боборыкина, Тургенева, указания к предыдущему вопросу).

27. Насколько автор объективен, бесстрастен и беспристрастен в своих изображениях, или созданные им лица только прикрывают его собственное „я“, которое из-за них и выступает (иногда очень ярко). (Л. Толстой „Анна Каренина“, (Левин), Стриндберг „На шхерах“, Гончаров „Обыкновенная история“, Горький „На дне“ (Лука), Толстой „Божеское и человеческое“).

28. Знает ли автор жизнь или только самого себя. Знает ли и понимает ли глубоко (и насколько глубоко) ту среду, которую описывает, и ее людей, толпу, массу, определенный круг жизни. Как и в чем сказывается его незнание других кругов жизни или незнание человека, человеческой души вообще. Не чувствуется ли, что автор выматывает свое произведение из самого себя, а не берет его из жизни. (Сологуб „Навьи чары“, Гиппиус „Чортова кукла“. Ср. Гончаров „Обрыв“ (Марк), Григорович „Деревня“, Достоевский „Братья Карамазовы“, Лесков „Соборяне“ и „Некуда“, Эберс „Уарда“, Ропшин „Конь бледный“).

29. То, что знает и говорит автор, кажется ли вам чем-то таким, что действительно пережито и усвоено им, узнано из его опыта, или же лишь вычитанным из книг, навеянным в виде подражания (Горький „Мать“, „Исповедь“ и его же „Бывшие люди“, „На дне“ и рассказы о босяках).

Digitized by Google

30. Знает ли автор мужское сердце, женское сердце, и которое знает лучше (соч. Тургенева „Ася“, „Дворянское гнездо“, Достоевского, Толстого, Шницлера, Стриндберга, Жорж Занд и т. д.).

31. Не замечаются ли у автора какие-либо тенденции, понимая под тенденцией его стремление провести определенную идею, замалчивая одни факты и явления и побуждения, подчеркивая другие и относясь к жизни более или менее односторонне (Достоевский „Бесы“, Чернышевский „Что делать“, Златовратский „Устои“, Омулевский „Шаг за шагом“, Горький „Мать“, С. Ковалевская „Нигилистка“, Лесков „Шерамур“. Ср. „Отцы и дети“ Тургенева, „Андрей Кожухов“ Кравчинского. Степняка, соч. Г. Успенского, романы реакционеров Б. Маркевича, Вс. Крестовского).

32. Не смешивает ли автор форму изложения художественную, поэтическую с формой публицистической, прозаической, вводя в тему художественного произведения более или менее идущие в разрез с ним рассуждения, толкования, размышления (Г. Успенский „Сочинения“, Щедрин „Письма к тетеньке“, „Губернские очерки“, „Современная идиллия“ и др., Вересаев, Астырев (соч.), Гоголь „Мертвые души“, Горький „Чорт“, Достоевский „Бр. Карамазовы“ (Зосима), Л. Толстой (посмертн. соч.).

33. Особенности формы произведений данного автора в стилистическом отношении. Каков язык его (со стороны его выразительности, яркости, образности, настроения), красота и картинность описания природы, обстановки, выведенной им. Анализ душевных переживаний. Характеристики лиц (см. авторов, указанных при вопр. 18. Также рассказы Сергеева-Ценского, Зайцева, Горького и др.).

34. Известны ли вам чужие мнения о данном произведении и отдельных его частях (критика Добролюбова и Писарева на Гончарова, Тургенева и Островского; критика на Успенского, Щедрина, Лермонтова, Достоевского и др.—Прекрасные и многочисленные указания лучших критич. статей даны в книге И. В. Владиславлева „Рус. писатели“. См. о ней выше, в обзоре библиографич. пособий).

35. Не известны ли вам рассказы с подобным же содержанием или какой-нибудь другой переработкой того же содержания, но с другим выводом, чем читаемое вами произведение. В чем разница и сходство этих произведений. Не знаете ли

Digitized by Google

произведения, которое могло бы служить контрастом разбираемому (Байрон „Чайльд Гарольд“, Пушкин „Евгений Онегин“, „Кавказский пленник“, Лермонтов „Кавказский пленник“, Толстой „Кавказский пленник“, Авдеев „Тамарин“, Герцен „Кто виноват?“, Мельшин „В мире отверженных“, Достоевский „Записки из мертвого дома“, Волькенштейн и др. „Воспоминания о Шлиссельбурге“).

36. Над каким вопросом (вашей личной жизни, общественной и т. д.) заставило данное произведение вас задуматься. Вообще что вы главным образом вынесли из него.

В. Примерные вопросы для художественной оценки драматических произведений.

См. выше вопросы №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 10, 12—14 и на след. стр. №№ 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 27, 28, 31, 32, 35—36.

1. К какому роду драматических произведений должно быть отнесено данное произведение (элементы трагический, драматический, комический: трагедия, драма, комедия) (Грибоедов „Горе от ума“, Островский „Гроза“, „Женитьба Бальзаминова“, „Горячее сердце“ и др., Шекспир „Король Лир“, Эсхил „Прометей“, Чехов „Дядя Ваня“, „Три сестры“, Мольер „Тартюф“).

2. Характеры или действие, психология или сюжет занимают центральное место в данном произведении (ср. Пушкин „Моцарт и Сальери“, Шекспир „Венецианский купец“, Мольер „Скупой“, Чехов „Иванов“, „Вишневый сад“, Гюго „Рюи Блаз“, „Эрнани“, Метерлинк „Слепые“ и др. соч., Гёте „Фауст“, Шелли „Беатриче ди Ченчи“.

3. Попробуйте собрать воедино отдельные черты, имеющие особенное значение для характеристики действующих лиц или общих идей произведения (Шиллер „Разбойники“, Шекспир „Юлий Цезарь“, Гамлет“, Ибсен „Брандт“, „Пер Гюнт“, А. Толстой „Царь Феодор Иванович“, Мей „Псковитянка“, соч. Островского, Ибсена, Гауптмана, Зудермана, драматич. соч. Чехова, Тургенева, Писемского и др.).

4. Образуют ли эти отдельные черты характер целостный, органически единый, или своего рода мозаику, смесь мало согласованных, не объединенных черт, связанных лишь внешним образом (см. указ. при предыдущем вопросе).

5. Не утрирует ли, не преувеличивает ли автор своих описаний и не выводит ли он грубо и чересчур резко обрисован-

Digitized by Google

ных людей (абсолютно добрых и абсолютно злых, ангелов и чудовищ). Не слишком ли бледны и не слишком ли неопределенно очерчены характеры действующих лиц, так что читатель не может и составить о них точного понятия. Не объясняется ли бледность эта не особенностями автора, а особенностями самого читателя (Чехов „Иванов“ (Львов), Островский „Женитьба Белугина“, Гоголь „Ревизор“, „Женитьба“. Ср. соч. Расина, Мольера, Ибсена „Борьба за престол“, Мережковского „Павел I“).

6. Есть ли в пьесе единство и полнота (Гёте „Эгмонт“, Софокл. „Царь Эдип“, Шекспир „Жизнь и смерть короля Джона“, Гюго „Рюи Блаз“, „Кромвель“, Расин „Федра“, Горький „Враги“. „Дети Солнца“, Л. Андреев „Жизнь человека“, „Голод“, „Анафема“, Островский „Лес“, Горький „На дне“).

7. В каком порядке выступают на сцену новые лица и не имеет ли этот порядок особого значения по замыслу автора, или он ошибочен (Шекспир „Отелло“, Шиллер „Заговор Фиеско“ Фон-Визин „Недоросль“, Грибоедов „Горе от ума“, Гоголь „Женитьба“, Ибсен „Строитель Сольнес“, „Пер Гюнт“).

8. Естественна ли и ясна ли завязка, — и насколько естественно развивается интрига, действие пьесы. Удалось ли автору возбудить в вас интерес к пьесе, сочувствие и сострадание к герою и другим действующим лицам (Ибсен „Пер Гюнт“, „Брандт“, Гауптман „Одинокие“, Зудерман „Гибель Содома“, „Честь“, Островский „Гроза“, А. Толстой „Царь Борис“, Пушкин „Борис Годунов“, Софокл „Антигона“).

9. В чем заключается цель каждого отдельного явления и подвигает ли оно вперед действие (Шекспир „Гамлет“, „Король Лир“, Ибсен„ Пер Гюнт“, Андреев „Екатерина Ивановна“ „Жизнь человека“, „Голод“).

10. Вытекает ли каждое действие из самых характеров действующих лиц, т.-е. достаточно ли мотивированы действия характерами, внутренней необходимостью (см. указ. при 5—9 вопросах).

11. Органически ли связаны между собой все части действия, как причины и следствия (Наживин „Дети Ванюшина“, Островский „Лес“, „Правда хорошо, а счастье лучше“, „Горячее сердце“, „Бедная невеста“, Шекспир „Ричард III“, „Юлий Цезарь“, Ибсен „Пер Гюнт“).

12. Все ли действующие лица принимают участие в выражении главной идеи пьесы и нельзя ли, по мере их участия, раз-

Digitized by Google

бивать их на группы (Лессинг „Натан Мудрый", Гёте „Гец", Горький „Враги", Андреев „Савва", Шиллер „Валленштейн" Гауптман „Ткачи").

13. Как распадается пьеса на действия. Соблюдена ли между ними симметрия. Не слишком ли коротки или длинны некоторые действия. Представляет ли каждый акт особое законченное целое или известную необходимую часть целого (драматич. хроники Шекспира, Пушкин „Борис Годунов").

14. Постарайтесь наметить в пьесе следующие главные части ее: завязка, развитие ее, высший пункт его, склонение его к развязке, развязка (пьесы Островского, Шекспира, Шиллера, Ибсена, Гауптмана, Бьернсона, Зудермана и др.).

15. Расположены ли явления с художественным тактом и в надлежащей последовательности (Шиллер „Разбойники", соч. Метерлинка, Софокла, Еврипида и др.).

16. Строго ли драматична форма. Не переходит ли она в лирику и эпос (Грибоедов „Горе от ума", Гюго „Рюи Блаз", Байрон „Каин", Гауптман „Потонувший колокол", Ибсен „Брандт").

17. Драматичны ли монологи (см. № 16).

18. Насколько драматичны и красивы рассказы о том, что случилось до начатия пьесы или за сценой.

19. Сценична ли пьеса. Насколько она удобна для постановки. Ср. Шекспир, Ибсен, Островский.

20. Драматичен и характерен ли ее язык. Насколько слова действующих лиц соответствуют действиям. Не слишком ли язык вычурен, неестествен, многословен для выражения того или иного состояния духа. Ясно ли, выпукло ли выражает язык чувства и побуждения людей. Соответствует ли их возрасту, положению, характеру. При всей своей простоте достаточно ли поэтична пьеса.

Как уже было замечено выше, общих правил и общих требований и вообще объективных признаков, отличающих произведение, некрасиво, неизящно, нехудожественно написанное, от произведения действительно высоко-художественного, не существует, и по современным, вполне правильным воззрениям даже и существовать не может. На все вышепоставленные вопросы разные читатели, в большинстве случаев, дадут более или менее различные ответы. Но все-таки скажем им: ставьте вопросы и давайте ответы. Сами ставьте и сами давайте. Искать и формулировать эти ответы—это и есть ваше самообразование, т.-е. рост,

Digitized by Google

вашей души, развертывание вашей духовной жизни в глубину и в ширь и в смысле напряженности, и в смысле красоты. Разумеется, не в тех вопросах, которые здесь поставлены нами, самая суть дела. Вопросы-то можно ставить разные и на тысячи разных ладов. Вся суть в уменьи их ставить собственными силами. Поищите таких сил в вашей собственной душе. Вопросы, нами поставленные, именно эту цель и преследуют: не вам что-либо давать, а по мере возможности учить вас самих искать.

IV.

Беллетристика, как пособие для понимания и изучения интимной жизни человеческой души.

Выше мы говорили об изучении форм литературно-художественных произведений, о развитии таким путем чувства красоты в своей душе. Но есть еще два не менее возвышенных чувства, о развитии которых так же, а быть может, даже и более необходимо подумать и подумать, работая над самообразованием. Мы говорим, во-1-х, о чувстве правды, жизненной правды, об уменьи не только понимать, но и ощущать ее и, во-2-х, о чувстве этическом и прежде всего о чувстве справедливости. Слова „жизненная правда“ мы понимаем в данном случае в смысле знания и понимания интимнейшей жизни человеческой души, как своей, так и других людей. Чувство же справедливости есть основное общественное чувство, которое и должно представлять собою главный регулятор социальных отношений. Чувство правды предполагает чуткость ко всем движениям человеческой души, способность и уменье переживать ее переживания; чувство справедливости предполагает отзывчивость общественную. Об этом мы и будем говорить теперь.

Каковы бы ни были образы, возбужденные в читателе художественным произведением, не только литературным, но и из других областей искусства, прежде всего не забудем, что всегда и везде искусство говорит о человеке и о человеческом. Даже изображая богов, оно, в сущности, изображает человеческое понятие или представление о божестве. Даже рисуя картины природы (словами или кистью), искусство тем не менее в сущности все-таки выражает не что иное, как человеческие пережи-

Digitized by Google

вания, а именно—ощущения, настроения, мысли, чувства, которые переживал художник, созерцая эту природу в натуре,—человеческое понимание ее, человеческое наслаждение ею, человеческую оценку ее. Таким образом, всякое художественное произведение, а в том числе и литературное, есть прежде всего материал для изучения человека, человеческой души во всех ее тончайших переживаниях и оценках их. Правда, не все такие произведения представляют материал одинаково ценный и обильный, но тем не менее каждое все-таки дает его, и к тому же по-своему,—хоть в чем-нибудь, да не совсем так, как другие. Поэтому читать беллетристику, и прежде всего, разумеется, действительно художественную беллетристику, жизненно-правдивую и душевно искреннюю, это и значит вместе с тем изучать человека. Беллетристика дает обильный материал для мышления над всеми сторонами человеческой души. Поэтому пособия для изучения этой последней являются вместе с тем и пособиями для вникания в психическую сторону литературно-художественных произведений.

Здесь мы даем небольшую схему, систематически перечисляющую различные психические черты человеческой личности, различные стороны души человеческой и, как уже было упомянуто, эту схему мы берем из „Программы исследования личности“ проф. А. Лазурского [1]), которая по своей краткости, систематичности и большей или меньшей определенности представляет, в целях самообразовательного беллетристического чтения, несомненно, большой интерес.

Программа А. Лазурского представляет из себя, по нашему мнению, весьма удобную схему. Вряд ли нужно доказывать, что не может быть и речи о том, чтобы все вопросы, в нее введенные, могли относиться ко всякому литературно-художественному произведению. Это—вопросы, которые можно предъявлять к беллетристике, беллетристическому чтению вообще. Это—ряды систематических напоминаний о всех главнейших сторонах и проявлениях человеческой души, над которыми не только не мешает, но и необходимо подумать. Всем тем, кто работает над самообразованием, литературно-художественные произведения являются для этого незаменимыми пособиями. При отдельных вопросах мы, отнюдь не гоняясь за полнотою указаний, лишь

[1]) Изд. 2-е Спб.

Digitized by Google

напоминаем читателю о некоторых произведениях, по возможности общественных, но содержащих, по нашему мнению, материал, иллюстрирующий данный вопрос, ставящих его и изображающих его жизненную постановку. В нашу задачу не входит распределить всю русскую и иностранную беллетристику по вопросам психологии, в ней затронутым. Мы желаем лишь указать некоторый материал для психологического мышления,—только указать. Мы не говорим при этом: вот такое-то художественное произведение посвящено разработке такого-то психологического вопроса. Нет, оно, быть может, вовсе не посвящено ему специально,—автор-художник может стремиться ни к чему иному, как к разностороннему изображению правды жизни; мы же указываем здесь лишь одну сторону этого разностороннего изображения. С точки зрения самообразовательной работы имеет и здесь особое значение не то, что говорит автор, а то, что будет передумывать и переживать сам читатель во время чтения Мы говорим: подумай и об этом,—об указываемой данным вопросом стороне. Таким образом, каждый поставленный нами вопрос—не более, как приглашение подумать.

Наилучший и наиболее обильный материал для наших размышлений о тонких движениях человеческой души дают произведения авторов-художников с аналитическим складом ума, каковы, напр., Л. Толстой, Достоевский. Так, напр., „Братья Карамазовы", „Война и мир", „Анна Каренина" могут служить образцами таких литературных произведений, в которых читатель найдет глубоко-ценный материал для своих психологических размышлений. Думается нам, что на „Братьях Карамазовых" может быть использована чуть ли не целиком программа проф. Лазурского. Огромное большинство беллетристических произведений далеко не так обильно психологическим материалом, а еще больше таких, которые вовсе не богаты им (напр., так наз. „бульварные романы"). Рекомендуем читателю, размышлявшему о глубоко-психологических произведениях, в роде вышеупомянутых, заглянуть затем в какой-нибудь бульварный роман и сравнить оба. Такое сравнение—превосходный урок читателю. Каждый вопрос программы можно бы обставить библиографическими указаниями. Но многие вопросы ее таковы, что материал для размышления над ними дает чуть ли не каждое беллетристическое произведение, или очень многие. Поэтому мы оставляем многие вопросы без библиографических указаний. Далее указания, дан-

Digitized by Google

ные при каком-либо одном вопросе, подходят и к целому ряду других. Разумеется, мы не смотрим на указываемые здесь беллетристические произведения, как на такие, задача которых та же, что задача научных: растолковать, выяснить, внушить определенное понимание. Художник прежде всего изобразитель; то, что он дает,—о б р а з. Дело читателя—воспринять его для того, чтобы поискать подобные же образы вокруг себя, в жизни и в своей памяти. Перед каждым из нас тройная задача: 1) вдумываться в человеческий темперамент и характер вообще; 2) в человеческие типы; 3) в отдельных людей, личности. Последняя цель и есть основная, так как в нашей жизни мы только с личностями и имеем дело. Все остальное—схемы, пособия для мышления.

„Всякий, кто пытался когда-либо составить подробную, более или менее обоснованную характеристику какого-нибудь человека,—говорит проф. Лазурский,—знает, с какими большими трудностями бывают обыкновенно сопряжены такие попытки". Для облегчения такого вникания требуется какая-либо короткая схема, перечень главнейших, но ярких и характерных признаков, которые сразу намечали бы основные особенности данного человека.

Существует, как было уже сказано, особая отрасль научной психологии, изучающая л и ч н ы е особенности людей и стремящаяся, на основании тщательного и внимательного изучения отдельных л и ч н о с т е й, создать науку о х а р а к т е р е человеческой личности. По мере развития этой отрасли знания все более и более выясняются следующие два факта: „во-1-х, необычайная сложность в строении характера каждого человека, во-2-х, тесная связь между различными сторонами характера, между теми отдельными качествами, которые, в своей совокупности, и составляют цельную человеческую личность. Узнать основные черты, действительно характеризующие человека, не так-то легко. Проявления души тоже не так-то просты, как это нам кажется". На каждом ее проявлении отражаются если не все, то многие другие стороны той же личности. В душе „все переплетено так тесно, что трудно и почти даже невозможно изучать отдельные качества, не изучая в с е г о человека", и понимать о т д е л ь н у ю черту его, не понимая и не беря его ц е л и к о м. Над этим словом „целиком" нельзя не задуматься. Нередко встречаются люди, которые ставят на человеке крест или непомерно возвеличивают

Digitized by Google

его лишь на основании одного или немногих его свойств и качеств, словно эти-то качества только и составляют данного человека. Между тем все человеческие качества—то же, что волны, волны человеческой души. Подобно тому, как и в море вода может в каждое мгновение волноваться по-разному, а значит и выглядеть по-разному, переливаясь разными цветами радуги при разных обстоятельствах, так по-разному волнуется и по-разному проявляет себя и человеческая душа. И сила ветра, и высота солнца, и глубина моря, и качество самой воды, и облачность неба, и внешний вид и характер берегов,—все это отражается на морском волнении и на внешнем виде и внешней окраске воды. Подобно этому, все явления внутренней жизни и все мелочи внешней обстановки отражаются и на волнениях человеческой души, на ее внешних проявлениях. Но ведь эти-то проявления ее обыкновенно и называются „качествами", „свойствами" человека. То, что мы называем человеческим качеством, еще вовсе не есть человек, а только такая-то, более или менее постоянная или, еще чаще, очень непостоянная волна человеческой души. Правда, волна на волну не похожа ни в море, ни в человеке. Но есть и в них сходство, потому что бывают же сходства и постоянство и в направлении ветра, и в погоде, преобладающих в данной стране. Но преобладание таких-то проявлений все-таки еще не говорит о неизменности целого. Изучение человеческой психики и отдельных типов ее прекрасно выясняет эту старую, но, увы, еще далеко не всеми понятую истину. А между тем действительно ясное понимание ее не только приучило бы нас к терпимому отношению к человеческим недостаткам, но и помогло бы развитию в нас симпатии и доброжелательства к человеку, человеческой личности вообще. Душа человеческая—не мостовая и не мозаика, составленная из отдельных камешков-свойств, а сплав, смесь,—химическое соединение их. Читая беллетристические литературно-художественные произведения в целях самообразования, необходимо учиться понимать человеческую личность цельно и нераздельно, а не по частичкам и квадратикам, „свойствам и качествам". Необходимо учиться улавливать в человеке его общую суть по бесконечно разнообразной и пестрой смене проявлений ее, начиная с физических и кончая высшими духовными проявлениями.

Читатель, разумеется, знает, сколько внимания художники слова уделяют описаниям физической стороны выводимых ими

Digitized by Google

ли ностей. Они описывают и выражения лиц, и смены этих выражений, и всю наружность, начиная с походки и кончая позами, костюмами и т. д. Беллетристика, как и живопись, содержит в себе богатейший материал для той отрасли психологии, которая называется физиогномикой,—науки, в области которой труды знаменитого Дарвина, Грачиоли и др. произвели настоящий переворот, поставив изучение даже выражений лица на научную почву. Есть своя философия даже и у одежды. Прочтите, напр., книгу Карлейля „Sartor Resartus“ (имеется в русск. переводе); прочтите, наконец, целый ряд трудов о сценическом искусстве, о костюмировке, и вы увидите, до какой степени изучение лица, костюмов и т. п. и вообще физических сторон человеческой личности дает тоже много материала для понимания ее психики. Переходя теперь к этой последней, мы прежде всего отметим, что чтение любого литературного произведения дает материал для суждения о всех главнейших сторонах человека: интеллектуальной, эмоциональной и волевой, т.-е. о его разуме, чувстве и воле. Правда, не все эти стороны выражаются в одном и том же произведении одинаково ярко,—а иногда лишь едва-едва заметными чертами, но, вчитываясь в самое произведение, нельзя не заметить и их всех. Программа А. Лазурского, как мы уже заметили, помогает взглянуть на психику человеческой личности систематически. Предлагаем, для практики, прочесть какой-либо обширный психологический роман, напр., Достоевского „Братья Карамазовы“, „Идиот“, Теккерея „Ярмарка тщеславия“, Диккенса „Пиквикский клуб“, Толстого „Война и мир“ и т. п., и с этой программкой в руках подумать об особенностях всех выводимых там типов систематически. Правда, не для всякого типа найдется в романе достаточно материала, но вдумывайтесь возможно глубже, присматривайтесь к изложению возможно внимательнее, и вы увидите многое. Большой интерес в смысле самообразования представляет обширное издание „Всходов“—„Словарь литературных типов“, который представляет из себя систематические сводки всего того, что относится к характеристике всех действующих лиц во всех произведениях данного писателя. То, что в собрании сочинений разбросано, в „Словаре типов“ сведено, и при этом сведено в форме цитат, т.-е. словами самого автора. Тут же дается и свод критических мнений о данном типе, извлеченных из статей наиболее выдающихся русских критиков, историков литературы и публицистов. Далее в „Сло-

Digitized by Google

варь“ вошли материалы для суждения не только о главнейших типах, но и о второстепенных. Прочесть данное произведение, затем прочесть сводный материал о всех типах, в нем выведенных, и, наконец, обсудить этот материал со схемой Лазурского в руках, это—такой превосходный урок не только по литературе и по истории литературы, но и по прикладной психологии, какой, быть может, не может быть дан никаким иным способом, и поэтому мы особенно рекомендуем его нашим читателям и прежде всего тем, которые обладают вдумчивым, аналитическим складом ума.

Программа для исследования личных психических особенностей человека [1]).

I. Сторона интеллектуальная.

I. Внимание. Количественная и качественная сторона его. Насколько данный человек умеет быть внимательным, какой привлекаемостью внимание отличается. Сила сосредоточения внимания. Отвлекаемость его. Преобладает ли в данном человеке внимание пассивное (независимое от его собственной воли), или активное (произвольное, сосредоточиваемое на том, что желательно данной личности). Устойчивость или неустойчивость внимания („перескакивание“ и последовательность). Широта или узость его (Эдгар По „Двойное убийство в улице Морг“, Чехов „Сирена“, „Шведская спичка“, Достоевский „Бесы“ (Матов и Пётр Степанович), „Преступление и наказание“ (следователь), Гаршин „Красный цветок“, Стриндберг „На шхерах“).

II. Ощущение, восприятие. 2. Острота или притупление восприятий (способность или неспособность улавливать самую тонкую малозаметную разницу между отдельными ощущениями). Не замечается ли преобладание какого-либо рода ощущений над всеми остальными (напр., зрительных, т.-е. схватывание красок, образов слуховых, т.-е. музыкальных и т. д.) (Короленко „Слепой музыкант“, биография Елены Келлер, Гюго „Собор Парижской Богоматери“ (Квазимодо), Купер „Последний из могикан“ (полн. пер. С. Майковой), Золя „Искусство“, Ромен Ролан „Жан Кристоф“).

---

[1]) Перепечатывая эту программу Лазурского, мы позволяем себе сделать в ней некоторые перемены применительно к намеченной нами цели.

Digitized by Google

7. Обилие и богатство восприятий (насколько данный человек наблюдателен по отношению ко всему, что возле него происходит). (Эдгар Поэ „Драма в улице Морг“, Достоевский „Бесы“ (Петр Степанович), Чехов (Шведская спичка“, „Скучная история“), Андреев „Мои записки“, Сервантес „Дон Кихот“, Лермонтов „Мцыри“.)

8. Точность восприятия (насколько соответствует действительности то, что данный человек замечает или передает другим). (Сологуб „Тени“, „Червячек“, Золя „Доктор Паскаль“, Горький „Товарищ“, Гоголь „Мертвые души“ (Ноздрев), Тургенев „Новь“ (Соломин), Гамсун „Голод“, Гаршин „Художники“.)

III. Память. 9. Способность запоминания. Способность узнавать. Способность сохранять в памяти то, что запомнилось (долго или недолго). (Аксаков „Детские годы Багрова внука“, Толстой „Детство и отрочество“.)

10. Точность воспроизведения, разумеется, при условии самого добросовестного отношения к делу. (Толстой „Крейцерова соната“—рассказ Позднышева).

11. Виды памяти (напр., на лица, на картины, на рассуждения, мысли, на числа и т. д.).

IV. Воображение. 12. Богатство воображения. Яркость, отчетливость тех образов, которые порождаются им. Фантазия (Золя „Наслаждение жизнью“, Достоевский „Белые ночи“, Тургенев „Призраки“, Гамсун „Мечтатель“, „Царица Савская“, Златовратский „Мечтатели“, Ожешко „Сильный Самсон“.)

13. Особенности воображения. В какой области воображение действует особенно сильно (в области внешней формы, звуков, движений) или во всем этом более или менее одинаково. (Гамсун „Царица Савская“, Ромен Ролан „Жан Кристоф“, Сервантес „Дон-Кихот“.) Интересно присмотреться к воображению Ж. Верна и Уэльса.

14. Степень развития творческого (комбинирующего) воображения. Есть люди, большею частью лишь подражающие другим; другие вносят в жизнь нечто свое, не заимствованное; есть люди, шаблонно мыслящие и оригинально мыслящие, изобретательные и находчивые и лишенные этих свойств, способные к творчеству в той или иной области жизни (напр., в науке, искусстве, в технике, торговле, государственной и общественной жизни и т. д.) и неспособные (Гончаров „Обломов“, „Обыкновенная история“, Шпильгаген „Один в поле не

Digitized by Google

воин", Гоголь „Мертвые души" (Манилов), Сервантес „Дон-Кихот", Тургенев „Дневник лишнего человека", „Рудин".)

V. Мышление. 15. Способность к отвлечению. Иные мыслят отвлеченно (абстрактно), заняты какими-нибудь общими вопросами, и им легче всего даются и науки отвлеченные, напр. математика, философия; другие мыслят конкретно, т.-е. образами, картинами, фактами, примерами (Достоевский „Бр. Карамазовы", Ауэрбах „Спиноза", Сенкевич „Камо грядеши", Лессинг „Натан Мудрый", Шпильгаген „Один в поле не воин".)

16. Широта или узость понятий. У иных людей все наблюдения, взгляды, мерки отличаются узостью и односторонностью, педантичностью, формализмом, наклонностью к мелочной специализации, и люди мыслят о мелочах и только о них. Другие люди умеют понимать и оценивать самые разнообразные явления с разных сторон, не только в них самих, но и в их отношениях к другим сторонам того же предмета, не расплываются, но и не вязнут в мелочах! (Шпильгаген „Один в поле не воин" (Лео, Туски и др.), Гюго „Несчастные", „Торквемада", Чириков „В изгнании" (Павел Петрович), ряд типов из произведений Островского, „Шинель" Гоголя, „Бранд" Ибсена, Тургенев „Новь", Сологуб „Мелкий бес", Андреев „Мои записки", Чехов „Человек в футляре".).

17. Субъективность и объективность суждений. Есть люди, которые почти неспособны стать на чужую точку зрения и в своих суждениях основываются лишь на своих впечатлениях, не разбираясь ни в чужих мнениях о том же, ни в фактах. Другие стремятся сколь возможно полнее отрешиться от личных впечатлений и взглядов и разбираться в том, о чем они думают и говорят, по существу, не считаясь ни со своими, ни с чужими впечатлениями. Интересно присмотреться к беспристрастности или пристрастности суждений, к влиянию на них не только чувств, но и интересов (семейных, классовых, национальных и т. д.). Все это отражается на мышлении каждого из нас. Тургенев „Новь" (Солюмин, Сипягин, Нежданов и др.), Эллиот „Феликс Гольт", Тургенев „Отцы и дети" (Базаров, Кирсанов), Кравчинский „Андрей Кожухов", Метерлинк „Монна Ванна", Гюго „Несчастные", Э. Поэ „Убийство в улице Морг", Диккенс „Домби и сын", Бальзак „Отец Горио".)

18. Способность логически рассуждать. Это умение тоже очень различно у разных людей. Иные способны рас-

Digitized by Google

суждать связно, последовательно, обоснованно. Суждения других смутны, неясны, разбросаны. Интересно, следя за чужими (и своими) рассуждениями, присмотреться к их связности, правильности, стройности, постараться подмечать скачки мысли, которые далеко не всегда заметны (Достоевский „Идиот“, „Бр. Карамазовы“, Толстой „Анна Каренина“ (Левин), Толстой „Война и мир“ (Пьер Безухов).

19. Склонность к синтезу. Люди, синтетически мыслящие, постоянно стремятся объединить отдельные впечатления (и вообще факты и др. данныя), вывести общие заключения из каждого отдельного случая; быстро схватывают главную суть дела, вообще умеют складывать (синтезировать) целые здания из отдельных материалов. Такие люди не умеют расчленять вопрос и вдумываться в детали и копаться в них (Тургенев „Рудин“, Шпильгаген „Один в поле не воин“.)

20. Склонность к анализу. Аналитики, напротив, стремятся, прежде всего, расчленить вопрос, разложить его, как единое целое, на части, изучить каждую часть отдельно, нередко забывая о целом. Такие люди с трудом схватывают целое, копаются в своей и чужой душе, вечно ищут, никогда почти не находят. Различие и особенности аналитического и синтетического типов можно прекрасно изучить и проследить в изящной литературе: Шекспир „Гамлет“, Толстой „Война и мир“ (Андрей Болконский).

VI. Речь. Как известно, речь, манера и способ разговора также являются крайне важной характеристикой человека, показателем склада его души (характера, темперамента и т. д.). Интересно присмотреться к особенностям речи различных действующих лиц, выводимых в художественных произведениях. У разных писателей тоже есть свои особенности речи. Характерными признаками речи являются:

21. Образность ее, богатство словами, оборотами, словесными образами (речь бедная ими или богатая).

22. Преобладающий тип словесных образов (иные люди в разговоре прибегают чаще всего к образам зрительным, картинам, другие—к слуховым, третьи заимствуют их из области движений и др. ощущений, иные пользуются всеми этими категориями образов).

23. Легкость сочетания словесных образов (иные „трудны на разговор“, другие—разговорчивы, болтливы и т. д.).

Digitized by Google

VII. Общие свойства умственной сферы. 24. Преобладание сознательных или бессознательных процессов в душе. Как известно, далеко не все, что мы делаем, делается нами сознательно. Иногда в своих поступках, речах, мыслях, ощущениях человек автоматичен, поступая бессознательно, как машина. Присмотреться к этому бессознательному элементу в духовной жизни крайне важно и интересно. То, что нами воспринято или нам внушено в детстве, — нравы, обычаи, верования, среда, привычки,—составляет главный груз человеческой души. Насколько же мы действуем сознательно, а не инстинктивно? Насколько же мы умеем разбираться в своих желаниях, стремлениях, симпатиях, антипатиях? В высшей степени интересный материал дает изучение литературно-художественных произведений с этой точки зрения. В связи с этим интересно также подумать о том, какую громадную роль играет в нашем мышлении (и действиях) внушение, наследственность (этот последний вопрос глубоко разработан Эмилем Зола в его серии романов „Ругоны-Маккар"). (Ибсен „Брандт", Потапенко „Здравые понятия", Мачтет „Человек с планом", Зола „Человек-зверь", Сологуб „Тени", „Червячек".) См. выше литературу о бодрых типах.

25. Преобладание внутренних восприятий над внешними. Уменье или неуменье углубляться, уходить в себя, в дело, вдумываться, мечтать, созерцать,—все это у разных людей разное. С другой стороны, есть люди, практически предпочитающие внешнюю, разбросанную, пеструю жизнь, что, разумеется, кладет особую печать на всю деятельность человека. (Г. Успенский „Раздумье" (Михаил Иванович), Тургенев „Хорь и Калиныч", Гончаров „Обломов", Микулич „Мимочка", Ожешко „Могучий Сампсон", Достоевский „Двойник", Идиот").

26. Преобладание ассоциации или апперцепции. Ассоциация—это значит связь, связность, связывание. Апперцепция, это—связывание того, что притекает в душу извне, с тем, что уже имелось там еще до этого времени, и слияние того и другого воедино. Есть люди, мыслящие связно и умеющие передавать свои мысли тоже последовательно. Есть люди и бессвязно мыслящие. (Чехов „Канитель", „Лошадиная фамилия", „В бане" и др.; Зола „Радуешься, что живешь", „Грезы", Сенкевич „Без догмата"). Далее, интересно проследить, до какой степени своеобразно связываются в разных людях не только идеи, понятия, образы, но и чувства и стремления, и как своеобразно одни из

Digitized by Google

них вызывают другие, поражая неожиданностью комбинаций („Племянник Рамо“ Дидро).

27. Обилие и бедность тех запасов, какие имеются в данной голове. Каждое впечатление, вновь приходящее в душу, вызывает в нас целый ряд мыслей, воспоминаний, образов, смотря по запасу, какой там имеется. Но есть люди, у которых запасы эти очень невелики. Главное отличие человека образованного от необразованного заключается в том, что у первого каждое слово, идея, понятие, образ представляет из себя своего рода магазин, склад материала, более или менее обширный, смотря по степени образованности, тогда как человек мало образованный не соединяет ничего или почти ничего с тем же словом, понятием, образом. В голове образованного эти последние как бы обросли разным материалом, подобно тому, как оседает кремневый или известковый налет на крупинку, попавшую в такую воду, где имеется в растворе кремнезем или известь. В голове образованного такой налет на каждом зернышке больше,—и потому оно увесистей: в голове же человека необразованного налет этот совсем мал или почти незаметен. Смотря по запасу образов, представлений и понятий в своей голове, человек совсем иначе смотрит на окружающее, иначе вспоминает, да иначе и чувствует и иначе связывает (ассоциирует) идеи, чувства, стремления. Присмотреться к людям с этой стороны также чрезвычайно интересно. Впрочем, узость и ограниченность кругозора зависит не только от запаса, но и от склада ума вообще, потому что узколобыми бывают иной раз и очень ученые люди (Гете „Фауст“ (ученый Вагнер), Щедрин-Салтыков „Губернские очерки“, „История одного города“, Гл. Успенский „Будка“ и др., Каронин (Очерки о парашкинцах), Короленко „Сон Макара“, „Чукотские рассказы“ Тана, „Подлиповцы“ Решетникова).

28. Наличность или отсутствие направляющих идей в умственной сфере. Эта сторона опять-таки чрезвычайно важна и характерна для оценки человека. У иных людей замечается в их суждениях единство, т.-е. общая руководящая мысль (см. примеры этому ниже), у других же все их суждения словно не имеют ничего общего и разбегаются „кто в лес, кто по дрова“. Есть люди, не определившие своей основной точки зрения, не умеющие смотреть на жизнь определенно, люди „растекающиеся“, полные противоречий. С этой стороны особенно интересно присмотреться к типам, выдвинутым русской жизнью за 1907—1913 г.,

Digitized by Google

т.-е. в эпоху разброда, с одной стороны, и к идейным людям разных времен и народов—с другой. (Тургенев „Пунин и Бабурин", „Рудин", „Накануне" (Инсаров), Гаршин „Художники", „Красный цветок", Толстой „Воскресенье" (Неклюдов), Осипович-Новодворский „Эпизод из жизни ни павы, ни вороны", Сергеев-Ценский „Сад".)

29. Быстрота или медленность умственных процессов (быстрота ума, сообразительность или тугодумие)—два качества, отнюдь не всегда предполагающие неосновательность или основательность мышления. (Л. Андреев „Сергей Петрович", Г. Успенский „Власть земли" и др. соч., Толстой „Война и мир".)

30. Умственная работоспособность, — вопрос, связанный не только с прирожденными качествами человека, его любовью к делу, его волей, но и его здоровьем (люди переутомленные, „расхлябанные"). (Чехов „Иванов").

31. Умственная упражняемость (привыкание), т.-е. уменье приспособляться ко всякой новой и непривычной работе, уменье войти в нее, осмотреться, освоиться и привыкнуть. Это не совсем то, что тугодумие, так как иной туго думающий человек приспособляется к работе быстрее быстро думающего. (Гончаров „Обломов").

II. Сторона эмоциональная.

VIII. Настроения и аффекты. 32. Преобладающее настроение, это в значительной степени—вопрос темперамента, понимая под этим последним словом физическую основу характера. Но преобладающее настроение зависит и от многих других причин, выяснить которые можно лишь присмотревшись к человеку очень внимательно (настроение веселое, радостное, угнетенное, вялое, кислое и т. д.). Настроения—особенно трудно поддающаяся изучению сторона психики. Тем не менее, он -то по существу и управляет нашим умом, знанием, пониманием, которые являются не чем иным, как его слугами, его исполнительной властью. Изучение человеческих настроений, поскольку оно выражается в беллетристике, крайне важно. При этом приходится принимать в расчет не только настроение изображенных типов, но и настроение автора, изобразившего их (Достоевский „Преступление и наказание", „Идиот", Чехов „Дядя Ваня", Чириков „Юность", Помяловский, „Молотов", „Мещанское счастье" и мн. др.).

Digitized by Google

33. Постоянство и изменчивость настроений. Независимо от своей качественной стороны, настроения изменчивы и, с течением времени, у разных людей по разному. В зависимости от этих перемен их, изменяются нередко и убеждения людей, которые то „намагничиваются", то „размагничиваются". С этой стороны опять-таки представляют особенный интерес русские типы последнего времени, столь часто отцветшие раньше, чем успели расцвести, всякого рода раскисляи, нытики и т. п. (Златовратский „Мечтатели", Некрасов „Рыцарь на час", „Сон", Мачтет „Его час настал", Рубакин „Размагниченный интеллигент", Шнильгаген „Загадочные натуры", „Из мрака к свету", Чириков „Gaudeamus igitur").

34. Способность испытывать радость и горе. Эта способность чрезвычайно различна у разных людей, изменяясь не только количественно, но и качественно.

35. Наклонность к гневу. Вопрос о добродушии и раздражительности — способность негодовать, протестовать и способность со всем, с чем угодно, примиряться. Есть люди, умеющие гневаться, но не умеющие негодовать. Разумеется, гнев гневу рознь. Есть гнев и святой, но есть и пошлый. И Кит Китыч гневается, когда бьет супругу (Мережковский „Петр и Алексей", Шекспир Ричард III", Островский „Горячее сердце" и др.).

36. Наклонность к страху или ее отсутствие. Исследование человеческой души с точки зрения ее боязливости, трусливости, запуганности чрезвычайно интересно и поучительно. Храбрость, смелость, хладнокровие и т. п. качества распределены в человечестве крайне своеобразно и неравномерно. Люди боятся иной раз защищать не только других, но и самих себя, превращаясь, таким образом, из людей в бессловесных, опустившихся и распустившихся животных, то молчащих, а то даже и поддакивающих торжествующей свинье. Интересно присмотреться и к разновидностям страха (страх за жизнь, за благополучную жизнь, за чужую жизнь, за имущество, за разные материальные интересы, за власть, за свою репутацию, за свои высшие, духовные интересы; далее, боязнь всего нового, неизвестного, прогрессивного; страх перед будущим вообще, наконец, боязнь всего непонятного, сверхъестественного, страх божеский, вплоть до видений, привидений, мертвецов и т. д., и т. д. (Чехов „Страх", Щедрин „Премудрый пискарь", Тургенев „Стучит", Толстой „Война и мир"

Digitized by Google

(описание Аустерлица), его же „Севастопольские рассказы“, Гаршин „Трус“, Эрастов „Отступление“.)

37. Наклонность к испугу (в связи с общим повышением нервной возбудимости). Это вопрос не только общей психологии и нервной гигиены, но и вопрос о так-наз. „нашем нервном веке“, наложившем на современную художественную литературу крайне резкий отпечаток (см. предыдущий вопрос).

IX. Чувства, относящиеся к собственной личности. 38. Низшие органические чувства. Интересно присмотреться к людям и с этой стороны и к их, так сказать, животной психологии, особенно резко выразившейся, напр., в той роли, какую играет в жизни того или иного человека сон, еда, выпивка, половая потребность и т. п. Интересно также изучить и психологию пресыщенности, а также и психологию голодного человека. Вряд ли нужно доказывать, что о любви писали и пишут неизмеримо больше, чем о страданиях голодного. Художественная литература особенно богата материалами для изучения именно этой стороны человеческой души (Гамсун „Голод“, Ан-ский „Голодный“, Чехов „Сирена“, „Спать хочется“, Арцыбашев „Санин“, Зола „Нана“, его же „Западня“, „Человек Зверь“). (См. вопр. № 5 в след. §).

39. Забота о благосостоянии своей личности (начиная от эгоизма и до альтруизма, от заботы только о себе, о своих собственных нуждах, выгодах и удовольствиях и кончая красотой и величием самопожертвования). К этой категории чувств относится целый ряд разнообразных проявлений эгоизма (жадность, корыстолюбие) и альтруизма (бескорыстие, самоотречение, великодушие, самопожертвование). Художественная литература— неиссякаемый источник как эгоистического, так и, что особенно важно, альтруистического настроения, к тому же знакомящий с психологей этих чувств, их переживаний и проявлений. Люди, привыкшие к пошлости и „болотной, кишечно-полостной“ жизни, нередко совершенно заглушают в себе альтруистическую сторону собственной души и отводят место так-наз. „любви к ближнему“ только в нравственно-поучительных книжках, которые на большую часть человечества вовсе не действуют, да и действовать не могут. Но ведь есть же нечто глубоко притягательное и в любви человека к человеку, если это чувство иной раз заставляет не считаться и с собственным благополучием и даже жизнью. Лучший способ понять это чувство—испытать его хоть раз самому, или даже пережить его, хотя бы только читая его художествен-

Digitized by Google

ное описание. Но, разумеется, одного почитыванья недостаточно. Надо постоянно приучать себя к творчеству возможно лучших отношений между людьми, без чего и не может быть единения между ними, а значит, и слабые, страдающие не смогут объединиться в единую и великую силу, которая так нужна для переделки самых основ современного строя, им же самим прежде всего невыгодного. Для создавания такой силы самоотвержение необходимо. Нужно вырабатывать в себе способность поступаться своим во имя великого и общего. Список бодрых типов, данный выше, дает много материала для знакомства с переживаниями тех, кто умеет „полагать душу свою за други своя". Даже такое не непосредственное переживание дает очень много иным читателям (ведь многие только и слышат около себя: „ты мне рупь— и я тебе рупь"), по той простой причине, что в каждой человеческой душе не может не иметься, в каком-нибудь уголке ее, чувства симпатии к другому существу, физиологически, телесно устроенному так же, как и мы с вами. Сходство в устройстве нервов предполагает и сходство переживаний, и заглушение этой естественно существующей стороны души для самого человека неприятно (недаром даже жестокие и глупые тираны прибегают иногда к декорации доброго дела, играя на своих „альтруистических нервах"). Мы рекомендуем читателям почаще и побольше вдумываться в психологию альтруизма, читая художественные произведения. Вряд ли нужно доказывать, до какой степени именно они вносят в нашу жизнь то тепло, свет и радость, которых миллионы людей не только лишены, но от которых и искусственно отгорожены всем строем социальной жизни (Бичер-Стоу „Хижина дяди Тома", Мольер „Скупой", Пушкин „Скупой рыцарь", Зола „Деньги", Сервантес „Дон Кихот" (ст. о нем Тургенева), Гаршин „Сигнал", Гюго „Несчастные" (еписк. Мириэль), Достоевский „Преступление и наказание" (Соня), Некрасов „Русские женщины", Вересаев „Без дороги", Мельшин „Кобылка в пути", Рубакин „Митрошкино жертвоприношение", его же „На рабочем кладбище", Серафимович „В бурю", Мачтет „Баба", „Два типа", Бальзак „Отец Горио", Диккенс „Скряга Скрудж").

40. Забота о своем превосходстве над другими. К этой категории психических явлений относятся такие, напр., чувства, как самолюбие, тщеславие, любовь к славе, почету, пристрастие к знакам отличия, чувствительность к похвале и порицаниям и к шумному успеху или равнодушие к этому, любовь

Digitized by Google

и стремление рисоваться, хвастать, кокетничать, кликушествовать, щеголять знаниями, вплоть до самых поверхностных, щеголять фразами (недостаток, увы, очень широко распространенный среди самоучек и т. п.), чрезвычайно дорожить своей репутацией, болезненно отстаивать, до пошлых мелочей включительно, свое личное достоинство, „честь" и т. п. Вопрос о личном достоинстве до такой степени часто и нелепо смешивается с вопросом о мелочном тщеславии, и это смешивание до такой степени унижает тех самых людей, которые своим достоинством и должны бы дорожить, что над этим вопросом мы бы рекомендовали особенно внимательно подумать и подумать. Не забудем, какую роль играет такое смешение в большинстве российских полемик и какую роль оно же сыграло во внутри-партийных отношениях и как отразилось на успехе действительно великого и святого дела, в котором заинтересован весь русский народ, и особенно те, кому живется тяжелее всех. Художественная литература—незаменимое пособие для выработки центрального, основного понятия о человеческой личности и ее достоинстве в настоящем, высоком, вовсе не мелочном смысле слова. Уже давным давно стало избитою истиной, что художественная литература оказывает гуманизирующее влияние,— учит ценить человека ради самого человека, видеть в нем не орудие каких-то других людей или фикций в роде государства, церкви, общественного строя и т. д., а самоцель, учит принимать равноценность всех людей перед лицом жизни и одинаковое право всех на счастье. Это—коренной вопрос изучения изящной литературы, и все эти темы затронуты и разработаны в таком количестве литературных произведений, что список их дать здесь невозможно. См. „Русские писатели" И. Владиславлева Быть может, интересно обсудить с этих точек зрения для начала следующие произведения: Достоевский „Преступление и наказание", „Униженные и оскорбленные", „Бедные люди", Гоголь „Шинель", Зудерман „Честь", Онэ „Горнозаводчик", Альгрен „Деньги".

41. Чувства, связанные с оценкой собственной личности. Под этими словами понимается нечто другое, чем в вопр. 40. Здесь речь идет о самооценке, независимо от того, как к вам относятся другие. Интересно присмотреться к людям со стороны их отношения к себе: насколько в них сильна и непоколебима уверенность в себе самих, в своих силах и способностях (физических, духовных), насколько смело они берутся за

Digitized by Google

разные предприятия, особенно самые трудные, насколько грешат они самомнением, самонадеянностью и, попросту сказать, насколько они себя переоценивают или недооценивают. Но такое отношение к себе естественно отражается и на отношении к другим людям, порождая в человеке такие чувства, как гордость, властолюбие, насмешливость, презрительное третирование других людей. К этой же категории чувств (только противоположных предыдущим) относится известная черточка русского человека— склонность к смирению, терпению, непротивлению, самоуничижению, пристрастие к раскаяниям и покаяниям (кающийся Иван Грозный, кающиеся дворяне, кающиеся интеллигенты— „вехисты", кающиеся „грешники", кающиеся Зосима и Алеша у Достоевского и т. д., и т. д.). При изучении литературно-художественного произведения рекомендуется вдуматься и в эти психологические свойства, особенно русской души. Ср.: Достоевский „Преступление и наказание" (Раскольников), А. Толстой „Смерть Ивана Грозного", Л. Толстой „Отец Сергий", Н. Михайловский „Карьера Оладушкина".

X. Чувства по отношению к другим людям. 42. Родственные привязанности. О них см. ниже, в следующей главе.

43. Чувство симпатии. Разумеется, переживание и анализ этого чувства имеет для всякого из нас особенно важное значение по той простой причине, что мы живем среди таких же людей, как мы сами, и, не помогая им и без их помощи, обойтись не можем. Художественные произведения содержат богатейший материал, помогающий читателю переживать симпатические чувства, начиная от всех видов и разновидностей любви. Способность к сильной, глубокой любви, нежность, сострадательность, доброта, услужливость, мягкость, деликатность, чуткость, отзывчивость. Способность к дружбе, чувство уважения, чувство привязанности. Противоположные качества: холодность, горячность, бессердечие, желание причинить другим страдание, мстительность, злопамятность, зависть, злорадство, способность к ненависти, едкость, язвительность в разговорах, грубость, нахальство и т. д., и т. д. Вдуматься в психологию той волны зверства, жестокости, озверения, разлившегося за последние десятилетия по России, не только желательно, но и необходимо, и одной из наисущественнейших задач распространения лучшей художественной литературы в массе должна стать задача оказания всякого содействия „раззверению" читающей мо-

Digitized by Google

лодежи (Толстой „Война и мир“ (Платон Каратаев), его же „Алеша Горшок“, Достоевский „Бедные люди“, „Записки из подполья“, Гончаров „Обыкновенная история“ (дядя Адуев), Мачтет „Мы победили“, Юшкевич „Ита Гайне“, Григорович „Гуттаперчевый мальчик“, Горький „Скуки ради“, „Семеро и одна“, „Зазубрина“, Тимковский „Среди людей“, „Старая гувернантка“, Мирбо „Сад пыток“.)

44. Общественные чувства (Стремление направить свою деятельность на пользу общества, государства, человечества [1]), стремление к единению, чувство товарищества, радушие, гостеприимство). Здесь речь идет о психологии этих стремлений и о психологии чувств, им противоположных. Вряд ли нужно доказывать, до какой степени важно понять самую суть этих общественных чувств, которая состоит в необходимости, естественности и желательности для каждого из нас, если только мы имеем то или иное общение с людьми, обращать прежде всего внимание на то, что может соединять всех тех, кто искренно стремится к правде, добру, свету, а не на то, что разъединяет и, разумеется, стремиться к единению не путем гнета и насилия, а путем сознания, совести и свободно. См. об этом ниже, в след. главе.

XI. Высшие идейные чувства. 45. Интеллектуальное чувство. Умственная работа, если только она не слишком утомительна, сама по себе способна доставлять удовольствие (психология любви к науке, знанию, к истине, интерес к теоретическим вопросам, любовь к самообразованию). Интересно вдуматься и вам, читатель, почему, какая внутренняя сила влечет вас к свету, какой внутренний огонь жжет вашу душу и заставляет работать над самообразованием, не покладая рук и вопреки всем препятствиям. Русская художественная литература разрабатывала уже много раз вопрос о психологии людей, загнанных жизнью в кромешную тьму и рвущихся оттуда. Познакомьтесь с ними,—тогда многое станет ясным и вам самим (Успенский „Голодная смерть“, Савихин „Пробуждение“, Чехов „Три сестры“, Елпатьевский „Служащий“, Некрасов „Саша“, Франко „К свету“, Короленко „Огоньки“, Гете „Фауст“, Тургенев „Рудин“, Гуцков „Уриэль Акоста“, Ауэрбах „Спиноза“. Об идейных стремлениях см. Шиллер „Вильгельм Телль“, „Дон

[1]) См. выше списки бодрых типов.

Digitized by Google

Карлос", „Заговор Фиеско", Джиованиолли „Спартак", Бульвер „Кола ди Риенци", Француз „Борьба за право", Ибсен „Доктор Штокман", Засодимский „Хроника села Смурина", Безант „Тайна богатой наследницы", Борецкий (Пругавин) „Миллион", Вовчок, „Живая душа", Омулевский „Шаг за шагом", Крестовский (псевдоним) „В ожидании лучшего", „Большая Медведица", Мордовцев „Знамения времени", Эртель „Записки степняка" („Офицерша"), Степняк-Кравчинский „Андрей Кожухов", Потапенко „Генеральская дочь") (См. еще выше указ. на литературу о бодрых типах).

46. Эстетическое чувство (чувство красоты) и различные виды его. Об этом см. выше, в предыдущей главе. Впрочем, самостоятельный интерес представляет психология человека, любящего красоту, преданного искусству или глубоко презирающего его. Разные люди, как известно, и на искусство и на произведения реагируют по-разному и предъявляют к ним иногда прямо противоположные требования („искусство для искусства", полезность, целесообразность в искусстве). Чувство великого, грандиозного. Любовь к героям, чувство героизма и т. д. (См. выше литературу о бодрых типах.) К категории эстетических чувств относится и чувство смешного. Нужно поучиться и научиться и смеяться, дорогой читатель, но не пошлым, глупым, все высмеивающим смехом, не знающим ничего святого, превратившимся в зубоскальство идиотов, а тем святым, хотя, быть может, и жгучим смехом, каким умели смеяться Свифт, Диккенс, Салтыков-Щедрин и многие другие. Смех имеет свою психологию. Подумайте и о ней (О. Уайльд „Портрет Дориана Грея", Жуковский „Камоэнс", Гаршин „Художники", Золя „Искусство" (L'oeuvre); разные типы смеха: Аристофан „Осы", Гоголь, Марк-Твэн, Мольер, Гейне, Салтыков-Щедрин, Чехов, Ромен Ролан („Жан Кристоф").

47. Нравственное чувство. Большее или меньшее развитие известных нравственных принципов, руководящих поведением, определенность или неопределенность отношения к тому, что человек считает добрым или злым. Нравственное равнодушие. Способность или неспособность к этической (нравственной) оценке не только своих собственных, но и чужих поступков и всех явлений человеческой жизни, индивидуальной, социальной, исторической. Нельзя не обратить особенного внимания всех тех, кто серьезно работает над самообразованием, на

Digitized by Google

необходимость самой тщательной, вдумчивой, внимательной, осторожной выработки именно этической мерки для оценки явлений жизни. Для того, чтобы эта мерка постоянно находилась в душе и могла бы быть немедленно и инстинктивно приложена, даже независимо от сознания прилагающего ее, к оценке всякого, даже случайного и внезапно налетевшего явления, необходимо выработать такую этическую мерку, необходимо, прежде всего, ее-то и вырабатывать. И вряд ли нужно сомневаться, в чем должна заключаться эта мерка. Давно уже сказано, что „человек—мера всех вещей", а отношение человека к человеку есть не что иное, как мера нравственности (об этом см. ниже). Проявления нравственного чувства бесконечно разнообразны, равно как и понимание нравственности и ее основных принципов. Как их понимает такой-то человек? Какова психология такого его понимания? К каким проявлениям ведет оно? Вот вопрос, который не мешает ставить, да и искать на него ответа, изучая человека и проявления человеческой души и психологию честности, правдивости, откровенности, справедливости, долга, верности данному обещанию, добросовестного исполнения взятых на себя обязанностей, с одной стороны, и психологию лжи, фальши, обмана, лести, хитрости, всяких больших и малых преступлений—с другой. Все эти вопросы бесконечное число раз затрогивались в художественной литературе. Понятие о добре и зле, правде и неправде, о преступлении, проступке, грехе, о совести и т. д.,—все эти понятия очень нуждаются в реальном, психологическом освещении и понимании. Напомним, напр., что есть люди, которые считают святым и нравственным делом насилие и грабеж и, ничто же сумняшеся, дают клятву в том, что человек всегда будет повиноваться другому такому же человеку и будет по его приказам исполнять хотя бы самые гнусные дела, до насилия и убийства включительно; есть люди, которые славят и кровопролитие, и войну, и насилие, и обман и т. д. До сих пор миллионы людей молятся Богу, прося у него помощи в наживе, воровстве, разбое и т. п. Какова психология такой нравственности, таких людей? Материала для выяснения таких вопросов художественная литература дает очень много (Стендаль „Хроники XVI в." (изд. В. В. Чуйко), Гюго „Эрнани" (изд. Фукса), Шиллер „Вильгельм Телль", Шекспир „Ричард III", „Отелло" и „Макбет", Ал. Толстой „Смерть Иоанна Грозного", Гёте „Эгмонт", Шиллер „Разбойники", „Дон

Digitized by Google

Карлос", Метерлинк „Монна Ванна", Вересаев „Без дороги", „На распутьи", Гаршин „Трус", „Сигнал", Чехов „Моя жизнь", Е. Попов „Жизнь Дрожжина", Зутнер „Против войны", Прус „Бартек победитель", Гаршин „Четыре дня", „Из записок рядового Иванова", Засодимский „От сохи к ружью", Зола „Разгром", „Кровь", „Бойня", Ибаньес „Палач", сб. „Против смертной казни").

48. Религиозное чувство. Вряд ли нужно доказывать, какой интерес представляет психология религиозного человека,— будь это человек, верующий искренно и горячо в то, чего он не знает и знать не может, в сверхъестественное личное божество, стоящее вне природы, или в божество, которое есть не что иное, как вселенная, „Все" („Пан"), или будь он лицемер, ханжа, обделывающий свои делишки под маской религиозности. Интересно также вдуматься в психологию веры вообще, объектом которой может быть вовсе не божество (напр., его место может занимать Добро, идеал возможного счастья, „Царство Божие на земле" и т. д.). Разумеется, вера бывает разная, да и выражается она по-разному. Но у нее есть одно неизмеримо важное преимущество: она поднимает дух верующего человека, дает ему силы на борьбу. Далее, искреннее, горячее, страстное стремление к непознаваемому и недосягаемому и вообще чему-то высшему, также кладет на человека своеобразный, возвышающий его отпечаток. Молитвенное настроение подходит к этой же категории психических явлений. Интересно также вдуматься в психологию фанатизма, психологию мистики, иногда граничащую с нервной и даже душевной болезнью. Есть своя психология и у религиозных буквоедов и догматиков, как церковников, так и анти-церковников, играющая несомненно важную роль не только в личной, но и в общественной жизни.—Толстой „Три старца", „Детство и отрочество" (юродивый Гриша), „Война и мир" (княжна Болконская), „Отец Сергий", Андреев „Жизнь Василия Фивейского", „Савва", Мережковский „Воскресшие боги" (Савонарола), Ибсен „Брандт", Метерлинк „Сестра Беатриса", Шиллер „Орлеанская дева", Чехов „Убийство", Уорд „Хельбек из Баннисдэля", Золя „Преступление аббата Мюре", Короленко „За иконой", „Иом-Кипур" („Судный день"), Печерский „В лесах", „На горах", „Гриша", Достоевский „Братья Карамазовы", Золя „Лурд", „Рим", Салтыков „Господа Головлевы", Гуцков „Уриэль Акоста", Лагерлеф „Чудеса Антихриста", З. Гиппиус „Сократил" (в сб. „Черным по белому"), Л. Толстой

Digitized by Google

„Воскресенье“ (Топоров-Победоносцев), Мирбо „Аббат Жюль“, Данилевский „Девятый вал“, А. Франс „Акробат“ и др. (в его „Рассказах“).

XII. Общие особенности эмоциональной сферы. 49. Возбудимость чувствований. Есть люди, которые крайне легко возбуждаются, люди вечно волнующиеся, кипятящиеся, доходящие до полной ненормальности. Есть люди и крайне неотзывчивые. В значительной степени зависит от возбудимости и отзывчивость, а от нее—и нравственная основа миросозерцания. Люди с застывшей душой, трудно возбудимые, довольно-таки метко называются „толстокожими“ (Грибоедов „Горе от ума“, Гончаров „Обломов“).

50. Сила, интенсивность (напряженность) чувствований. Следует различать легкую возбудимость от интенсивности чувствований. Иные люди легко вспыхивают, но не сильно чувствуют. Интересно проследить по литературным типам обе эти особенности и их влияние на характеры и деятельность людей разных типов (Ж.-Ж. Руссо „Исповедь“, Гюго „Последний день приговоренного к смерти“, Шекспир „Отелло“, соч. Пш. бышевского, Достоевского и мн. др.).

51. Продолжительность, устойчивость чувствований. То, что сказано выше относительно намагничивания и размагничивания, относится не только к интеллектуальной, но и к эмоциональной сфере. Есть люди, в душе которых все чувства держатся недолго. От них резко отличаются люди, умеющие всю свою жизнь таить в себе свои переживания, где-то в глубине души, наподобие Сольвейг в „Пер Гинте“ Ибсена. Далее интересно отметить, что у чувств и их смены есть и своя логика, которую тоже можно проследить по художественным произведениям (Короленко „Мгновение“, Зола „Радуешься, что живешь“, Л. Андреев „В темную даль“, „Молчание“).

52. Обилие и бедность проявлений внешних чувств. Здесь вопрос идет о проявлении своих чувств, независимо от участия воли (напр., люди краснеют и бледнеют, оживленно жестикулируют, молчат и т. п.). По этим и вообще внешним признакам, проявлениям чувств мы обыкновенно судим о психическом состоянии человека и, как известно, далеко не всегда ошибаемся. Нам приходится волей-неволей учиться искусству судить о чувствах по их проявлениям. Весьма естественно, что художники обращают большое внимание на выражения ощу-

Digitized by Google

щений и чувств и подробно описывают их (Достоевский „Идиот“ Тургенев „Дневник лишнего человека“).

53. Влияние чувств на умственные и волевые процессы—крайне важный и интересный вопрос, и нельзя не пожелать, чтобы читатель подумал над беллетристическим произведением и с этой стороны. Ум, чувство, воля не суть „нераздельные способности“ души. В каждом явлении душевной жизни они в большей или меньшей степени присутствуют. То, что обыкновенно, для краткости, называется душой, психикой, есть нечто нераздельное. Тем не менее пропорции этих трех элементов далеко не одинаковы в разных психических явлениях. Есть, напр., люди, которые под влиянием чувств преувеличивают и вообще искажают не только свои отношения и поступки, отодвигая на задний план волю, но и свое миросозерцание. Это проявляется иногда в гигантских размерах. Пристрастие и вообще преувеличенная роль чувств выражается нередко и в спорах, полемиках, и в миросозерцаниях,—в оптимистическом или пессимистическом отношении к жизни, в склонности к идеализации, в нетерпимости, ненависти, ревности и т. д., и т. п. (Гончаров „Литературный вечер“, Вересаев „Поветрие“, Чириков „Чужестранцы“, „Инвалиды“. О ревности: Шекспир „Отелло“, Толстой „Крейцерова соната“, Шницлер „Смерть“, Аннунцио „Невинная жертва“, Метерлинк „Монна Ванна“, Горький „Мальва“, „Челкаш“, Сергеев-Ценский „Движения“, Достоевский „Игрок“.

III. Сторона волевая.

XIII. Движения. 54. Обилие или бедность движений. Быстрота или медленность их. Это—тоже один из характерных внешних признаков человека (малоподвижность, неповоротливость, суетливость и т. п.). Но и эти свойства бывают разных типов и находятся в определенной связи с свойствами душевными и с общественной деятельностью человека. Изучая литературные типы, можно вдуматься и в эту связь (Гончаров „Обломов“, Елпатьевский „Миша“).

55. Сила или слабость движений. Мускульная работоспособность. Уменье координировать (целесообразно согласовать) движения. Многие художники уделяют немало места описанию физической силы, и эти описания иной

Digitized by Google

раз производят чарующее впечатление (напр., Урсус в „Камо грядеши?" Сенкевича, „Труженики моря" Гюго, „Робинзон Крузо" Д. Дефо и др., „Борцы" Баранцевича, „Белый орел" Н. Лескова. Ср., с другой стороны, самца „Санина" Арцыбашева, расхлябанность Фалька в „Homo sapiens" Ст. Пшибышевского). Психология физической силы—одна из интереснейших страниц психологии. Не мешает подумать и о психологической параллели силы физической и нравственной и их борьбе.

XIV. Психическая активность. 56. Волевое усилие. Сила или слабость желаний и влечений—одна из важнейших сторон человека, о которой особенно необходимо побольше и поглубже подумать. Давно сказано, что воля во многих отношениях—то же, что сильное желание. Многие люди не умеют желать, не способны сильно желать. Другие стремятся во что бы то ни стало осуществлять свои желания, в силу того влечения, которое охватывает душу их. С другой стороны, напомним людей, которым „суждены благие порывы, но свершить ничего не дано" (Некрасов „Рыцарь на час"). Напомним также людей равнодушных, бессильных, апатичных, развинченных, словно застывших, кислых. Откуда они и как и почему черпают они эти свои качества, представляющие в конечном итоге тоже силищу, но только проклятую, мертвую и мертвящую не только самого человека, но и всю общественную и историческую жизнь? Это один из интереснейших вопросов, в особенности русской психологии. Не мешает обращать особенное внимание на эти вопросы, читая художественные произведения (Гончаров „Обломов", его же „Обрыв", „Обыкновенная история" (младший Адуев).

57. Общее развитие психической активности. Есть люди жизнедеятельные, никогда не остающиеся без дела, постоянно чем-нибудь занятые, охотно, бодро, смело принимающиеся за какое угодно трудное дело, люди энергичные, умеющие „переть и дерзать", люди с инициативой (в противоположность тем, которые только и умеют изображать из себя баранов, шествующих за козлом или за овчаркой, в мундирах и без мундиров); такие люди умеют творить жизнь, т.-е. придумывать, создавать факты, осуществлять в той или иной степени идеи и мечты (свои или чужие). Но есть люди и противоположные. Рекомендуем читателям особенно внимательно вдумываться в типы общественных деятелей в разных областях жизни („Один в поле

Digitized by Google

не воин" Шпильгагена, „Обломов" Гончарова (Штольц), „Воскресенье" Толстого, „Губернатор" Андреева, „Новь" Тургенева, „Губернские очерки" Щедрина, „Ревизор" Гоголя, Ропшин „То, чего не было", „Конь бледный". Задерживающим моментом в проявлениях воли является, как известно, чрезмерная наклонность к анализу (см. выше вопрос 20 на стр. 179). О людях сильной воли см. выше список бодрых типов. Безвольные: Гончаров „Обломов", Гоголь „Мертвые души" (Тентетников, Манилов), Ибсен „Витязи севера" и т. д., и т. д.

58. Способность к сосредоточению волевых усилий. Здесь вопрос в том, может ли человек сосредоточиться на одном каком-либо деле, напрягая все свои силы к успешному его выполнению, или же он привык разбрасываться, занимаясь одновременно многими делами и ни в одном из них не достигая сколько-нибудь значительных результатов. Интересно подумать о людях и с этой стороны. Почему у нас в России больше разбрасывающихся людей? Если сказать, что это—„национальная черта",—это значит ничего не сказать, кроме общего слова, ничего не выражающего (ср. Лео в вышеупомянутом романе Шпильгагена, Райский в „Обрыве" Гончарова, Штольц в „Обломове", Соломин в „Нови" и Базаров в „Отцы и дети" Тургенева, Рахметов в „Что делать?" Чернышевского, „Брандт", „Дикая утка", „Строитель Сольнес", „Доктор Штокман" Ибсена, Вересаев „Поветрие", Тимковский „Слабые и сильные", Онегин, Печорин и Тамарин (в ром. Авдеева) и Бельтов („Кто виноват?") Герцена).

59. Большая или меньшая продолжительность волевого усилия. Здесь вопрос о настойчивости и ее психологии, а также и о ее противоположных качествах, в роде „опускания рук" и быстрого остывания, неуменья довести начатое дело до конца и боязни препятствий и борьбы. Сюда же относится и психология борьбы и борца, идеальный облик которого для всех времен и народов дан в Прометее. Волевые типы: Чернышевский „Что делать" (тот же Рахметов), Шпильгаген „Один в поле не воин" (Лео Тускн), „Загадочные натуры" (Освальд), Корнель „Сид", Жорж-Занд „Великан Иеус", Мачтет „Безгласный", Ибсен „Строитель Сольнес".

60. Способность задержки. Вопрос этот очень сложный. Есть задержки внешние и внутренние, физические и ду-

Digitized by Google

ховные, и у каждой своя психология—психология гнета и насилия, с одной стороны, и рабства, униженья, придавленности, протеста пассивного или активного, смелого или робкого, разумного или бессмысленного и т. д., преждевременного или своевременного—с другой. На форме и даже на сути этих протестов не может не отражаться то, в какой мере человек сам себе господин (способность самообладания, склонность к аскетизму, уменье подавлять в себе страх, вспышки гнева, различные страсти, влечения). (Пушкин „Пиковая дама", Достоевский „Игрок", Золя „Человек-зверь".)

61. Сопротивляемость внешним влияниям. Ее различные виды: сознательная, разумно мотивированная самостоятельность мнений и поступков; способность или неспособность поступаться своими убеждениями, подражательность и самостоятельность, тупое ограниченное упрямство, неуменье, несмотря на все свои убеждения, изменять свои действия, явно бессмысленные и для самого человека вредные. С другой стороны—податливость, мягкотелость, „воскообразное состояние", безличность, уступчивость, наклонность подчиняться, поддаваться внушениям, легковерие и т. д. Беллетристика, особенно русская, представляет богатейшие примеры этому (Чехов „Рассказы", Гончаров „Обломов", Рубакин „Размагниченный интеллигент", Островский „Гроза", Достоевский „Идиот", „Бесы").

XV. Принятие решений. Процесс выбора. Преобладающие мотивы деятельности. Этот вопрос заключает в себе предложение подумать о побуждениях и мотивах человеческих поступков (забота о своих выгодах и удовольствиях, чувство симпатии, сознание долга, любопытство или любознательность, эстетические потребности и т. д.). Сюда же относится вопрос о том, насколько действие человека соответствует его индивидуальности (иной раз человек делает не то, что ему самому хочется и что он сам считает разумным). Сюда же относится отчасти вопрос о влиянии среды на человека. Но особенно важный вопрос, это—вопрос о сословных, классовых, групповых, профессиональных интересах, которые, как известно, руководят поступками людей не только через их сознание, но иной раз и помимо сознания и их воли,—напр., в виде привычки, в виде подражательности и т. п. Все это, разумеется, сказывается и на всем миросозерцании человека и на его деятельности и роли в общественной жизни.

Digitized by Google

62. Наклонность к борьбе мотивов (обдуманные действия). Есть люди, которые говорят, что они „господа сами себе“ и что их поступки — результат их сознательности, предусмотрительности, обдуманности. Такие люди перед каждым сколько-нибудь важным решением или суждением выбирают, взвешивают и факты, и мнения, свои и чужие. Другие типы противоположны им и плывут „без руля и без ветрил“, легкомысленно, беззаботно. Есть люди с планом и без плана жизни. Воля человеческая, в сущности, сводится к борьбе мотивов, разнообразие и число которых всегда более или менее велико, а их совокупность—бесконечно сложное явление. Художник-аналитик, в роде Достоевского, разбираясь в этом вопросе, дает яркие картины борьбы мотивов. Быть может, понимание именно этого пункта человеческой психологии и является главным моментом, определяющим наши отношения к человеку вообще.

63. Быстрота принятия решений (продолжительность колебаний). Это вопрос о типах колеблющихся, нерешительных, неустойчивых, умеющих медлить в критические моменты и не способных действовать решительно и целесообразно. Интересно проследить связь нерешительности с способностью к анализу и с толстокожестью (Гончаров „Обломов“, Толстой А. „Царь Федор Иоаннович“, Чехов „Володя“, „Иванов“, „Скучная история“).

64. Устойчивость или неустойчивость принятых решений. Это—вопрос о постоянстве в образе действий, в преследовании раз намеченных целей, неизменность взглядов и мнений, верность своим давнишним убеждениям, с одной стороны, и противоположные качества — с другой. Об интеллектуальной стороне этой устойчивости см. § 1, об эмоциональной — § 2. Здесь мы говорим об устойчивости в действиях, в поступках, которая, разумеется, находится в тесной связи с двумя предъидущими сторонами. Но интересно подумать о соотношении и этих трех сторон, о влиянии первых двух на безволие или волю человеческую (Некрасов „Русские женщины“, Чернышевский „Что делать?“, Францоз „Борьба за право“, Рубакин „Искорки“, Золя „Углекопы“).

65. Наличность руководящих идей и стремлений. Сознательность сложных действий. Это—вопрос о миросозерцании человека и о цельности, определенности его взглядов. Есть люди, имеющие определенные мнения, дающие направление

Digitized by Google

их поступкам, руководящие всеми их решениями, и есть люди не имеющие таких мнений. Есть люди, которые знают, чего хотят и добиваются, и которые сами не знают этого. Разумеется, интересно анализировать не только наличность руководящих ими идей или их отсутствие, но и подвергать их этической оценке: какие это идеи, какая нравственная цена им (ср. Мачтет „Человек с планом", Крестовский (псев.) „Первая борьба", Мопассан „Милый друг", „Один в поле не воин" Шпильгагена (Лео), Потапенко „Здравые понятия", Мачтет „Хамелеон", Станюкович „Похождения молодого человека", „Петербургские карьеристы", Сенкевич „Без догмата".

VI.

Беллетристика, как пособие для понимания и изучения социальной жизни.

Художественные произведения представляют превосходный материал и незаменимое пособие для выработки в себе способности понимать и умения ценить переживания человеческой души не только интимные, личные, индивидуальные, но также и переживания общественные. Знакомство с этими произведениями может и должно помогать выяснению общественной стороны нашей духовной жизни, нашему знакомству с общественной психологией,—психологией общественных отношений. Попробуем теперь подойти к художественному произведению с социально-психологической стороны. Выше было уже сказано, в каком смысле мы противопоставляем жизнь личную жизни общественной. Это—не противоположение, а лишь некоторое, вполне условное разграничение. Мы попробуем теперь набросать, в самых крупных чертах, общую схему основных общественных вопросов, по отношению к которым каждый из нас не может не занять возможно определенного положения по той простой причине, что если он уйдет от них, то они придут к нему, ворвутся в его душу и властно потребуют от него ответа и участия в общественном их решении. Не будем забывать, что мы живем на свете не каждый сам по себе, а связаны со всеми другими людьми то видимыми, то невидимыми, то временными, то вечными связями.

Digitized by Google

Поэтому все так называемые общественные вопросы касаются столько же других людей, сколько и нас самих, и ничто другое так не характеризует нас, как наше отношение к вопросам общественным, потому что они требуют от нас во многих и многих случаях полной определенности; кто не со мною, тот против меня, кто не против нас, тот с нами. Душа каждого из нас ярче всего выражается в высших проявлениях. Чем возвышеннее и шире эти проявления, тем видней мы сами-то перед лицом общественной жизни. Есть люди, которые перед нею являются героями. Есть другие люди, которые перед нею, словно зайцы, бросаются в кусты. Желаете определить свое ничтожество или величие,—встаньте в таком случае лицом к лицу с обществом. Встаньте не только как общественный деятель, борец, но, если вы человек иного типа, даже как кабинетный ученый, мыслитель, созерцатель и т. п. Делая свое дело даже изолированно и вдали от толпы,—вы все-таки не можете не мерять его и опытом других людей и общественной меркой. В ее-то выработке литературно-художественное произведение также незаменимое пособие, потому что дает чрезвычайно обильный и ценный материал для нее.

В чем суть этой общественной мерки? Разумеется, самая суть ее — отношение человека к человеку. Смотря по тому, как вы смотрите и относитесь к другому человеку, кто бы он там ни был, изменяется и ваша общественная психология и все ваше миросозерцание, как члена общества. И правда, одно дело смотреть на всех других людей как на средство для чего-то такого, что не есть люди и не их счастье, и совсем другое дело— смотреть на них как на самоцель, как на нечто несомненно ценное само по себе. Одно дело признавать, допускать, примиряться с тем, что человек должен или может эксплоатировать, угнетать, обижать и вообще третировать другого человека, и совсем другое дело не признавать, не допускать, не примиряться с этим никогда, нигде, ни в каком случае, ни при каких условиях Это и значит признавать равноценность человеческую. Ты—человек, и я—человек. Все мы родимся одним и тем же способом. Все мы являемся на землю не по своей воле, а помимо своей собственной воли. Но раз мы явились на свет, как же нам не сказать, что этим самым нам уже и дано право на жизнь? Наше дело—жить, но не только жить, а и развивать, развертывать свою жизнь по всем направлениям, делая ее возможно

Digitized by Google

полной, глубокой, возвышенной, напряженной, красивой, плодотворной. Мы не знаем, ради какой цели создала нас природа, и вряд ли сможем узнать это когда-либо. Но мы знаем, что сами-то мы своей жизни ставить цели м о ж е м и что самое ощущение нашего стремления и нами же поставленной цели, ощущение нарастания и развертывания нашей жизни уже дает ей несомненный смысл, резко отличающий ее от небытия, смерти. Жизнь не может быть полной, возвышенной, напряженной и красивой, если в ней отсутствует элемент общественный. Основание общественности — органическое притяжение человека к человеку. Притяжение же это выражается в симпатии, в сочувствии, в любви к нему; оно же лежит и в основе справедливости, в стремлении „не делать другим того, чего не желаешь, чтобы и тебе делали", стремлении жить, давая жить и другим и взирая на других людей как на такие же единицы, как и ты сам, этим самым фактом существования своего и ограничивающих тебя и вожделенья твоего „я". Взаимное равноценное ограничение равноценных личностей равноценными же личностями—таков идеал одних. Командование человека над человеком, право жизни и смерти, право эксплоатировать, унижать, превращать человека в раба, холопа, барана, машину и т. д.—таков идеал других. Первая точка зрения,—уважения и симпатии к человеческой личности,—точка зрения христианская, на которой стоят и представители некоторых других течений мысли (напр., социалисты, анархисты); вторая точка зрения — человеконенавистническая, полицейская, которую то сознательно, то бессознательно, то полусознательно разделяют очень многие, еще бродящие в нравственных потемках люди. Стоит лишь принять какую-либо одну из этих двух мерок,—и все миросозерцание ваше перестроится. И перестроится естественно и неизбежно, захватив непреоборимой логикой все области мысли и жизни,—и область семьи, и область школы, общество и государство, народ и расу, деревню и город, отношения полицейские, юридические, социальные, церковные, внутренне-государственные и международные, национальные, область философии, нравственности и т. д. Смотря по тому, какая из этих двух точек зрения будет принята данным человеком, он будет по разному относиться и к нравам и к учреждениям, к словам, к идеям, фактам, поступкам и т. д., и т. д., и у него выработается с течением времени своя особая психология, в иных случаях—психология тирана, насильника,

Digitized by Google

Кит Китыча, Передонова, в других—психология героя, борца, мученика, добровольно и всецело отдавшего себя в жертву общему благу. Познакомиться с этими двумя психологиями в высшей степени важно и интересно. Разумеется, как всегда, кроме крайних (полярных) точек зрения, существует и целый ряд переходных, промежуточных, в той или иной степени компромиссных и по тому самому уже не столь характерных. Интересно обсудить такие промежуточные точки зрения, подходя к ним с обеими крайними, как с двумя определенными мерками. При таком двустороннем примеривании нетрудно увидеть, что промежуточные точки зрения в сущности нелогичны, полны противоречий, недостаточно продуманы и при этом хоть какие-либо части, детали, выводы здесь так или иначе не согласованы с принципом, взятым в качестве основы, при чем нередко на противоречия эти просто-напросто закрывают глаза, по правилу: „самый слепой тот, кто не желает видеть". Здесь мы даем очень краткую программу вопросов, ответы на которые необходимо искать не только в научных, но и в литературно-художественных произведениях.

1. Отношение человека к человеку вообще. Признается или не признается, что все люди равноценны, что всякое насилие ни в какой степени не допустимо этически, что всякая индивидуальность должна быть ограничена исключительно равноправными и равноценными другими индивидуальностями. Признается или не признается, что сто человек не орудие, не инструмент, а самоцель (ср. Достоевский „Бр. Карамазовы", Гюго „Несчастные", Л. Толстой „Воскресенье", Куприн „Поединок", Вольтер „Дитя природы".—Психология насилия, война, убийства, казни, пытки: Л. Андреев „Красный смех", Л. Толстой „Война и мир", Салиас „Пугачевцы, Вересаев „На войне", Гаршин „Четыре дня", его же „Трус" и др., Башкин „Рассказы", Бичер-Стоу „Хижина дяди Тома", Терпигорев „Потревоженные тени", Мамин-Сибиряк „Уральские рассказы", Салтыков „Миша и Ваня", Мирбо „Сад пыток", Достоевский „Идиот", „Преступление и наказание", Андреев „Рассказ о семи повешенных", Волькенштейн „13 лет в Шлиссельбургской крепости", Пушкин „Борис Годунов", Беренштам „Среди политических", Л. Толстой „Божеское и человеческое", Гюго „Последний день приговоренного к смерти", Артемьев „Стена", его же „Архаровцы", Яблоновский „Очерки гимназической жизни", Островский „Гроза", Тургенев „Казнь Тропмана").

Digitized by Google

2. Основы отношения человека к человеку, любовь к ближнему (симпатия), справедливость (напр., определяя это слово по Спенсеру), интерес (утилитаристическая точка зрения). Есть типы, искренне любящие ближнего (высший образец— Христос), есть люди, по складу своей души неспособные к такой любви, но умеющие быть справедливыми и отрицающими насилие человека над человеком на этом основании. Есть люди, приходящие к тому же выводу, исходя из правильно понятых человеческих, даже личных интересов. Есть люди, человеконенавистнического типа, люди-звери, мизантропы и т. д. В высшей степени интересно вдуматься в различные психологии таких людей (Немирович-Данченко „Майор Бобков и его сироты", Толстой „Хозяин и работник", Андреев „Рассказ о семи повешенных", Толстой „Божеское и человеческое", Достоевский „Идиот", „Записки из Мертвого дома", Рубакин „Два колеса", Щедрин „Губернские очерки" (В остроге), Д. Мережковский „Петр и Алексей", Костомаров „Кудеяр", Ал. Толстой „Смерть Ивана Грозного", Мей „Псковитянка", Шекспир „Ричард III", Золя „Жерминаль".)

3. Основы общения людей. Как люди знакомятся, сближаются, объединяются между собой. Психология единения („смотреть ли прежде всего на то, что соединяет людей, или наоборот,—обращать внимание и видеть прежде всего отрицательные свойства, разъединяющие людей"). Различные формы человеческих действий общими силами (союзы, кооперации). Принудительное общение (в казарме, на фабрике и т. д.) (Чернышевский „Что делать?" Горький „Каин и Артем", „Дружки", Короленко „В дурном обществе", Чириков „Инвалиды", „Чужестранцы", Никитин, Ив. „Записки семинариста", Золя „Жерминаль" („Углекопы"), его же „Au bonheur des dames", Куприн „Поединок".)

4. Формы общения. Пассивное общение, активное. Психология масс, толпы. В этом отношении представляют особенный интерес, напр., такие произведения, как „Жерминаль" („Углекопы"), „Разгром" Золя, „Охонины брови" Мамина-Сибиряка, его же „Три конца", „Пугачевцы" Салиаса, „Война и мир" Л. Толстого, Вересаев „На повороте", Ибсен „Доктор Штокман", Андреев „Сашка Жегулев", Башкин „Квартира", „Белая смерть".

5. Общение с людьми другого пола (внебрачные). Психология пола. Половой вопрос. Психология полового инстинкта. Первая любовь. Психология свободной любви. Единобрачие и многобрачие. Проституция и ее психология (Л. Толстой „Крей-

Digitized by Google

церова соната", Гаршин „Происшествие", „Надежда Николаевна" Куприн „Гранатовый браслет", Достоевский „Записки из подполья" „Преступление и наказание", „Идиот" (Настасья Филипповна). Золя „Нана", Мирбо „Записки горничной", „Аббат Жюль", Мамин-Сибиряк „Ранние грозы", Крандиевская „То было раннею весной", Гиллерн „Она придет", Вера „Одна из многих", Бьернсон „Перчатка", Арцыбашев „Санин", Андреев „Бездна", „В тумане", „Тьма", Амфитеатров „Марья Лусьева", Мопассан „Заведение Телье", Горький „Васька красный", „Мальва", Некрасов „Убогая и нарядная", Чириков „Именинница", Гиппиус „Женственное", Толстой „Анна Каренина", Пушкин „Дон-Жуан", Толстой, А. „Дон-Жуан", Гамсун „Виктория", „Пан", Серао „Прощай любовь!", Золя „Страница любви", „Нана", Додэ „Сафо", Гёте „Страдания Вертера", Карин Михаэлис „Опасный возраст", Башкин „Липы шумели", Олигер „Белые лепестки", Тетмайер „Омут", Достоевский „Идиот", „Униженные и оскорбленные", Тургенев „Первая любовь", „Ася", „Дворянское гнездо", Авдеев „Сухая любовь" и мн. др.).

6. Отношение к людям другой национальности. Признается ли, что в целях общения людей и их отношениях не должно быть „ни эллина, ни иудея, ни язычника", или же, что в основу этого общения должно быть положено национальное и националистическое человеконенавистничество, вражда племенная, международная, расовая и т. д. Отношение к еврейству (Золя „Кровь", Куприн „Ночная смена", „Поход", „Дознание", Сенкевич „Бартек-победитель", Андреев „Красный смех", Гаршин „Четыре дня", Клейн „Под гром пушек", Толстой „Война и мир", Наживин „Волос мадонны", Мачтет „Жид", Бичер-Стоу „Хижина дяди Тома", Конопницкая „Мендель Гданский", Тургенев „Жид", Ожешко „Гедали", Станюкович „Исайка", Юшкевич „Евреи", Короленко „Дом № 13", „Сказание о Флоре", „Иом Кипур", Горький „Каин и Артем", Айзман „Враги", „Черные дни" и др. расск., Юшкевич „Нухим", Гарин „Еврейский погром").

7. Отношение к людям других сословий. Признается или не признается деление человечества на белую и черную кость, на владык и рабов, повелителей и холопов, на аристократию и демократию, прирожденную, приобретенную и т. д. Вопрос о сословной чести, сословных преимуществах, сословном самодовольстве, раболепстве, приниженности, забитости и т. д. бесконечное число раз затрагивался в художественной литературе,

Digitized by Google

и психология этих отношений ярко обрисована, напр., с точки зрения дворянина-крепостника—Б. Маркевичем в его романах „Четверть века назад", „На повороте" (эпоха освобождения, 1861 г.), „Бездна" (результат освобождения), с точки зрения демократии—Щедриным („Пошехонская старина"), Аксаковым („Семейная хроника"), Тургеневым („Записки охотника"), Красинским („Небожественная комедия"). См. еще „Замок Вильпрэ" Жорж Занд, „Марианна" Альгрен, „Кузнец" Онэ, Чехов „Белая кость", „Рассказ неизвестного человека", Леткова „Крепостная интеллигенция", Щедрин „Ваня и Миша".

8. Отношения к людям других общественных классов. Классовая психология (сопоставление психологии помещика и крестьянина, фабриканта и рабочего и т. д.). Признается или не признается, что в основе этих отношений должна лежать, не может не лежать ненависть, вражда—результат классовой борьбы, и в какой мере эта последняя может не вызывать ненависти и вражды (Золя „Углекопы" („Жерминаль"), Грушевский „Углекопы", Боборыкин „Тяга", Рубакин „Лицом к лицу", Гаршин „Денщик и офицер", Куприн „Поединок", Артемьев „Стена", Шницлер „Поручик Густи", Чехов „Новые дела", Бунин „Деревня", Горький „Мещане", „Враги", Муйжель „Солдаты" и др. расск., Олигер „Судный день", Гарин „Несколько лет в деревне", Толстой „Утро помещика", Салиас „Пугачевцы", Данилевский „Черный год", Мамин „Охонины брови", Горький „Враги", Андреев „Царь-голод".)

9. Отношения личности и государства. Признается ли, или не признается, что государство существует для личности человеческой. Или обратно. Признается или не признается право гражданина на свободу (личности, совести, мысли, слова, союзов, собраний и т. д.). Психология гражданина. Психология человека, отрицающего права гражданина и смотрящего на этого последнего, как на орудие государства. Психология той общественной группы, которая считает возможным ставить своим девизом: „государство это—я". (Чиновник и обыватель. Психология властей. Сила и право и их психология). (Лабулэ „Принц-собачка", Салтыков-Щедрин „Помпадуры и помпадурши", „Письма к тетеньке", „За рубежом", „Губернские очерки", „История одного города", Гоголь „Шинель", „Ревизор", П. Валуев „Ларин", В. Мещерский „Один из наших Бисмарков", „Граф Обезьянинов", Успенский „Будка", Чехов „Унтер Пришибеев", Мачтет „Именем закона",

Digitized by Google

Толстой „Живой труп“, „Воскресенье“, Иванович „В зале суда“, „По науке“, Куприн „Молох“, Шмелев „Человек из ресторана“).

10. Отношения богатства и бедности. Филантропия. Признается или не признается необходимость благотворительности. Какие задачи ей ставятся. Чего от нее ожидают. Психология благотворительности. Стремление прикрыть ею основные недостатки современного строя (Тимковский „Малые дела и большие вопросы“, Михайлов-Шеллер „Лес рубят“, Григорович „Акробаты благотворительности“, Лоу „Капитан армии спасения“, В. Безант „Тайна богатой наследницы“, Пругавин „Миллион“, Толстой „Так что же нам делать?“, Андреев „Царь-голод“, Горький „На дне“).

11. Психология семейных отношений. Вряд ли нужно доказывать, что семейный вопрос—один из самых наболевших вопросов интимной жизни. Известно также, что в огромном большинстве случаев страдательным лицом является при этом женщина. В чем заключается главная основа семьи: в физиологических отношениях, в супружеской любви, в детях, в совместном труде? Этот вопрос решается разными людьми различно. Что такое жена,—источник половых наслаждений или друг, товарищ опора? Интересно подумать о психологии тех заскорузлых душ, которые не понимают, что жена во всяком случае такой же человек и такой же равноправный член семьи, как и мужчина (см. Островский „Сочинения“. О нем Добролюбов „Темное царство“, „Луч света в темном царстве“). В ответ на все эти вопросы мы имеем перед собой целый ряд самых разнообразных решений. На вопрос о семейном строе, поставленный жизнью, должен быть дан ответ каждым из нас до вступления в брак. Но жизнь богата и заскорузлыми способами решений, и последствиями таковых является то, что миллионы молодых жизней тонут и гибнут в семейном болоте, и семья, вместо того, чтобы превратиться в одно из средств развертывания лучших сторон человеческой души во все стороны, делается орудием человеческой гибели. Литература о семейной психологии очень богата, и эта последняя является вечной и неисчерпаемой темой. Рядом с этим целый ряд высокохудожественных произведений посвящен анализу тех чувств, которыми нередко сопровождается любовь мужчины и женщины (напр., чувство ревности и т. п.). В беллетристике можно найти бесконечное количество материала, заставляющего задуматься как над самой сущностью, так и над раз-

Digitized by Google

ными сторонами семейной жизни. Таковы вопросы: женщина, как жена, как мать, как хозяйка, как друг и помощница мужа, как работник вообще, как общественный деятель. Самостоятельность женщин в браке и вне брака. Супружеское равноправие. Развод Отношение родителей к малолетним детям. Целый ряд вопросов детской психологии. Вопросы воспитания, вопросы образования домашнего, школьного, внешкольного. Отношение родителей и детей взрослых (вопрос об „отцах и детях"). Каковы должны быть взаимные отношения членов семьи и каковы они есть. Художественная литература отвечает на все эти вопросы целым рядом образов и с их помощью заставляет читателя задуматься над этими отношениями („Семейное счастье" Толстого, „Нора" Ибсена, „Плодовитость" Золя, Гауптман „Одинокие люди", Мопассан „Жизнь женщины", Зудерман „Родина", Бурже „Женское счастье", Шницлер „Забава", Вересаев „Проездом", Герцен „Кто виноват?", Чириков „Фауст", „Муж с револьвером" (Иван Мироныч), Горький „Дачники", Баранцевич „Раба", Вербицкая „Освободилась", Чернышевский „Что делать?", Толстой „Анна Каренина", „Крейцерова соната", Островский „Гроза", „Бешеные деньги", Островский и Соловьев „Женитьба Белугина", Бьернсон „Новобрачные", Потапенко „Здравые понятия", „Лишенный прав", Юшкевич „Ита Гайне", Гейерстам „Комедия брака", Лео „Скандальный брак", „Развод", Стриндберг „Исповедь глупца", Решетников „Свой хлеб", Давыдова „Они", Чехов „Невеста", „Жена", „Три года", Потапенко „Клавдия Михайловна", Гусев-Оренбургский „В стране отцов", Левитов „Целовальничиха", Островский „Гроза", Чириков „Блудный сын", Найденов „Дети Ванюшина", „Кто он?", Андреев „В туманную даль", „В тумане", Чириков „На поруках", Тургенев „Отцы и дети", Вересаев „Порыв", Мамин „Детские тени", Гауптман „Праздник примирения", Авдеев „Подводный камень". Еще см. выше вопрос № 5).

12. Психология отношений общественных, заслуживающая, разумеется, неменьшего внимания, чем психология семейной жизни, в русской художественной литературе, главным образом по цензурным условиям, разработана довольно слабо. Перед каждым из нас стоит вопрос об устройстве того общества, среди которого мы живем. Привыкая к своему гнезду или к своей яме, человек иногда совершенно упускает из виду этот вопрос, и об этой самой привычке, об ее психологии стоит подумать и подумать, читая высокохудожественные образы, напр.,

Digitized by Google

в тех же „Углекопах“ Золя или в „Ткачах“ Гауптмана. Превосходный материал для размышлений с той же точки зрения, но с другой стороны дает рассказ Мопассана „Пышка“. Изящная литература дает каждому из нас возможность познакомиться и к тому же в ярких, правдивых образах, основывающихся на искренних и честных наблюдениях жизни, со всеми главнейшими слоями общества. Люди, родившиеся в одном кругу, нередко совершенно не знают ни о психологии, ни даже о быте других общественных классов и сословий, полусознательно или бессознательно вгоняя себя в узкий круг общественного непонимания и незнания. Необходимо взглянуть на беллетристическое чтение и с этой стороны, для того чтобы каждой общественной обстановке воздать должное и постараться понять психологию людей, живущих с самого рождения при иных условиях, чем мы с вами. Подробно литература о быте и психологии общественных классов и сословий в России и за границей указана в I т. „Среди книг“. Она настолько обширна, что мы не имеем никакой возможности указывать ее в этой книжке. Но, чтобы не оставить читателя и в этом пункте без некоторых указаний, мы, переходя от психологии общественных отношений к психологии отдельных классов, напомним ему некоторые русские оригинальные художественные произведения из списка 28 авторов, перечисленных нами выше. Вот эти произведения.

13. Психология разных общественных групп, общественных классов, в связи с условиями их быта и т. д. Нельзя не придавать особенно важного значения художественной литературе в деле ознакомления читателя с различными слоями общества (как известно, „Записки охотника“ Тургенева, „Антон Горемыка“ Д. Григоровича и др. сыграли известную роль в истории освобождения крестьян).

а) Для знакомства с психологией и бытом крестьянства наиболее характерны соч. Глеба Успенского, Астырева „В волостных писарях“, Златовратского „Устои“, Каронина (соч.), С. Семенова („Рассказы“), Л. Толстого „Власть тьмы“ и „Утро помещика“, Чехова „Мужики“, А. Н. Энгельгардта („Из деревни“), Эркмана-Шатриана „История одного крестьянина“, фон-Поленц „Крестьянин“.

б) О психологии и быте фабрично-заводских рабочих см. Боборыкин „Тяга“, Горький „Мать“, Данилин „Рассказы“, В. Дмитриева „Майна-вира“, „Димка“ и др., Златовратский „Меч-

Digitized by Google

татели", Маликов „На задворках фабрики", Вересаев „Конец Андрея Ивановича", Мамин-Сибиряк „Три конца", „Горное гнездо" и др., Павлов „Десять лет практики", Гвоздев „Записки фабричного инспектора", Подъячев „По мытарствам", „Среди рабочих", Рубакин „Искорки", „Среди борцов", Решетников „Где лучше", Золя „Углекопы", Грушевский „Углекопы".

в) О психологии и быте военных: Куприн „Поединок", Андреев „Красный смех", „Из жизни штабс-капитана Каблукова", Вересаев „На войне", Арцыбашев „Прапорщик Гололобов", Белорецкий „Без идеи", Верещагин „На войне и дома", В. Гаршин „Четыре дня", „Из записок рядового Иванова", Иванович „Из записок полкового врача", Дмитриева „Степан Ежик", Зайцев „Полковник Розов", А. Каменский „Четыре", Кипен „В октябре", Крюков „Казацкие мотивы", Л. Толстой „Севастополь" и др., Эрастов „Отступление", Чехов „Поцелуй", Г. Сенкевич „Бартек победитель", Никитин „Многострадальные", Артемьев „Стена", „Архаровцы".

г) О психологии и быте духовенства: Альбов „Ряса", Андреев „Сын человеческий", „Савва", М. Вовчок „Записки причетника", Гусев-Оренбургский „В стране отцов" и др. рассказы, Данилевский „Девятый вал", Достоевский „Братья Карамазовы", Дмитриева „Пчелы жужжат", Елеонский „Рассказы", Елпатьевский „Отец Кирилл", „Отец Платон и дьячок", „Поп расстрига", Б. Зайцев „Священник Кронид", Лесков „Соборяне", „Мелочи архиерейской жизни", „Полунощники", „Поповская чехарда" и др., Помяловский „Бурса", Потапенко „Шестеро", „На действительной службе", „Забытый монастырь" и др., Салов „Едет", Л. Толстой „Отец Василий", „Отец Сергий", Г. Успенский „Совесть заговорила", Щедрин „Мелочи жизни" („Семья священника"), Некрасов „Кому на Руси жить хорошо", Андреев „Жизнь Василия Фивейского".

д) О психологии и быте чиновничества: Андреев „Губернатор", Гоголь „Ревизор", „Шинель", Гончаров „Обыкновенная история", „Ив. Саввич Поджабрин", Достоевский „Бедные люди" и др., Елпатьевский „Миша", Мачтет „Вторая правда", Мещерский „Один из наших Бисмарков", „Граф Обезьянинов", Л. Толстой „Анна Каренина" (Каренин), „Смерть Ивана Ильича", Потапенко „Секретарь его превосходительства", „Крылатые слова", Салтыков „Губернские очерки", „Помпадуры и помпадурши", „За рубежом", „Письма к тетеньке" и др., Сологуб „Мелкий бес"

Digitized by Google

Станюкович „Похождения благонамеренного молодого человека", Л. Толстой „Воскресение", Г. Успенский „Тише воды", „На родном пепелище", „Нравы Растеряевой улицы", „Раздумье", „Прогулка", „Обстановочка" и др., Чехов „Человек в футляре" и др. Более подробные указания на литературу по данному вопросу см. в I т. „Среди книг".

е) О психологии и быте поместного дворянства: Терпигорев (С. Атава) „Оскудение" и др., Аксаков „Детские годы Багрова внука", „Семейная хроника", Арцыбашев „Кровь", Гоголь „Старосветские помещики", „Мертвые души", Безродная „Тихий омут", Гончаров „Обломов", „Обрыв", Салов „Рассказы", Салтыков „Убежище Монрепо", Тургенев „Дворянское гнездо", „Затишье", „Чертопханов и Недопюскин", „Конец Чертопханова" (из „Зап. охотн.") и др., Чехов „Дядя Ваня", „Вишневый сад" Эртель „Гарденины", „Смена", Лесков „Старые годы в селе Плодомасове", Л. Толстой „Детство, отрочество, юность", Салтыков „Господа Головлевы", „Пошехонская старина", Бунин „Перевал", Дмитриева „Выборы".

ж) О психологии и быте торгово-промышленного класса (купечества, промышленников, фабрикантов, дельцов и т. д.): А. Н. Островский „Сочинения", Боборыкин „Китай-город", „Дельцы", „Василий Теркин", Арцыбашев „Миллионы", А. Пругавин (Борецкий) „Миллион", Горький „Фома Гордеев", „Мещане", „Трое", Елпатьевский „Спирька", Мамин-Сибиряк „Горное гнездо", Найденов „Дети Ванюшина", И. Никитин „Кулак", Стахеев „Домашний очаг", А. Чехов „В овраге", Г. Успенский „Книжка чеков", „Буржуй", Золя „Дамское счастье", Мельников-Печерский „В лесах".

14. Психология общественной деятельности в лучшем, самом высоком смысле слова. Это—один из интереснейших и важнейших вопросов не только русской, но и вообще культурной жизни, вопрос об образованности, культурности и интеллигентности, которые и представляют из себя главную цель самообразовательной работы. В наших „Письмах к читателям о самообразовании" мы говорим подробно, что следует понимать, по нашему мнению, под словом „интеллигентный человек". Мы указываем там, что нельзя смешивать образованности с интеллигентностью. Последняя предполагает создание четырьмя основными качествами: во-1-х, знанием, но не только им; во-2-х, умственным развитием умением вникать в жизнь

Digitized by Google

и разбираться в ее условиях в любое время и на любом месте; в-3-х, отзывчивостью, чуткостью, умением переживать чужие болести и страдания и понимать главные основные задачи своего времени и страны, которые в конечном итоге естественно сводятся к интересам трудящегося большинства, т.-е. той здоровой основы, на какой только и может держаться государство; в-4-х, активностью. Эти четыре основных качества в разное время, в разных условиях (политических, социальных, духовных) проявляются по-разному. Каждое десятилетие создавало и создает своих характерных представителей в общественной среде, обладающих этими качествами в различных комбинациях и различных пропорциях, и художественная литература отражает их в себе, как в зеркале. С течением времени все полнее и живее определяется тип интеллигента, т.-е. человека, способного возвыситься над личными и классовыми интересами и выражать собой главные потребности своей страны и своего исторического момента, считаясь лишь с истиной и справедливостью [1]). Каждый, кто стремится к самообразованию, должен выяснить себе это понятие, а равно постараться понять и психологию интеллигента в лучшем, наиболее высоком смысле слова, и отнюдь не смешивая интеллигенцию с так наз. „чистой публикой", главное характерное отличие которой не то, что есть у нее в голове и в душе, а... „немецкий покрой платья". Мы понимаем слово „интеллигенция" согласно с определением Иванова-Разумника „интеллигенция есть орган сознания общественного организма", „самосознающий народ". Интеллигенция не есть „ни сословие, ни цех, ни класс, ни корпорация, ни кружок... Это даже не собрание, а совокупность живых сил, выделяемых из себя народом" [2]). Но в чем выражается народное сознание? В чем сказываются живые силы народа? Вот вопросы, на которые нужно прежде всего ответить. „Интеллигенция есть внесословная, внеклассовая, преемственная группа, творящая новые формы и идеалы жизни и активно проводящая их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению лично-

[1]) См. наши «Письма к читателям о самообразовании», главу «Что такое образованный человек».

[2]) Слова эти цитированы Ивановым-Разумником из соч. И. Аксакова. Под этими его словами автор подписывается, но, справедливо находя их слишком общими, расплывчатыми и неопределенными, дает им более точное определение. См. «История рус. общественной мысли». Изд. 3 е, т. I, стр. 3.

Digitized by Google

сти“ [1]). Термин „интеллигенция“ отнюдь не связан с понятием о каких-либо профессиях. К группе интеллигенции может принадлежать и полуграмотный крестьянин и не принадлежит иной раз ученейший академик и профессор. Никакой университетский диплом не дает еще права его обладателю причислять себя к интеллигенции. Образованный человек еще не значит интеллигентный. Одна общая идея связывает интеллигенцию в одно целое. Кроме того, независимо от этой общей идеи, интеллигенцию связывает в единое целое ее общее действие, а именно—борьба за освобождение, раскрепощение человека, его личности, психики, мысли, совести и т. д. Интеллигенция имеет свою историю, проследить которую по литературно-художественным произведениям в высшей степени интересно. Каждое десятилетие XIX столетия выдвигало и выдвигает все новые и новые типы интеллигенции, тем не менее преемственно связанные между собою внутренней, задушевной связью, которую интересно проследить, выяснить и формулировать. Вот небольшой список литературно-художественных произведений, заслуживающих внимания с этой точки зрения.

Типы русской интеллигенции в художественной литературе. I. Начало XIX столетия (до 1824 г.). Л. Толстой „Война и мир“, Грибоедов „Горе от ума“, Салтыков-Щедрин „История одного города“—сатира на ту историческую обстановку, в которой приходится существовать русской интеллигенции и с которой приходится считаться. Писемский „Масоны“, Мережковский „Александр I“.

II. Двадцатые и тридцатые годы (от декабристов до начала 40-х г.г.). Некрасов „Дедушка“ и „Русские женщины“, Л. Толстой „Декабристы“, А. Пушкин „Евгений Онегин“, Лермонтов „Герой нашего времени“, А. Смирнова „Попечитель учебного округа“, Салтыков „Пошехонская старина“.

III. Сороковые и начало пятидесятых г.г. (до конца крымской войны). Писемский „Люди сороковых годов“, Авдеев „В сороковых годах“—кружок Герцена и Белинского, Герцен „Кто виноват“, „Былое и думы“, Тургенев „Рудин“, Некрасов „Саша“, „Медвежья охота“, Пальм „Алексей Слободин“—кружок Петрашевского, Салтыков „Запутанное дело“, „Губернские очер-

[1]) Иванов-Разумник. В том же т., стр. 12.

Digitized by Google

ки", Гончаров „Обломов", „Обыкновенная история", Л. Толстой „После бала", Лесков „Фигура".

IV. Шестидесятые годы (1855—1864). Тургенев „Накануне", „Отцы и дети", „Дым", Шеллер-Михайлов „Господа Обносковы", „Жизнь Шупова", „В разброд", „Гнилые болота", „Лес рубят—щепки летят", Боборыкин „В путь дорогу", Мордовцев „Знамения времени", „Новые русские люди", Кущевский „Николай Негорев", Гончаров „Обрыв", Лесков „Некуда", М. Вовчок „Живая душа", Омулевский „Шаг за шагом", Слепцов „Трудное время", Мачтет „Его час настал", Гл. Успенский „Раздумье", „Тише воды, ниже травы", Чернышевский „Что делать", Решетников „Свой хлеб", Помяловский „Молотов", „Мещанское счастье", Златовратский „Воспоминания" (изд. Сытина).

V. Семидесятые годы. Дебагорий-Мокриевич „Воспоминания", Кропоткин „Записки", Тургенев „Новь", Златовратский „Люди старого поведения", „Барская дочь", „Золотые сердца", „Две правды", Астырев „В волостных писарях", Станюкович „Без исхода", „Два брата", Эртель „Волхонская барышня", Достоевский „Бесы", Максим Белинский (Ясинский) „Ранние всходы", „На чистоту", Л. Толстой „Божеское и человеческое", Новодворский (Осипович) „Рассказы", Шабельская „Горе побежденным", В. Короленко „Временные обитатели", „Из жизни искателя", Л. Оболенский „Жаждущие света", „Запросы жизни", Иванович „Пришел, да не туда" и др., Мачтет „Он и мы", „Человек с планом", Г. Успенский „Три письма", „Волей-неволей", „Выпрямила", „Чуткое сердце", „Не воскрес", „В Сербии", Н. Михайловский „В перемежку", Салтыков „Ташкентцы", „Дневник провинциала", „Благонамеренные речи", Ан-ский „Семидесятник", Засодимский „Хроника села Смурина", Терпигорев „Оскудение", Короленко „История моего современника", Кравчинский „Домик на Волге", „Андрей Кожухов".

VI. Восьмидесятые годы. Иванович „Сочинения", Салтыков „Письма к тетеньке", „Пошехонские рассказы", „Пестрые письма", Засодимский „По градам и весям", Чехов „Домик с мезонином", „Хмурые люди", „Дуэль", „Скучная история", „Моя жизнь", Боборыкин „Куда итти", „Поумнел", „На ущербе", „Из новых", Эртель „Гарденины", „Смена", Н. Михайловский „Карьера Оладушкина", Каронин „Борская колония", „Учитель жизни", „Общество грамотности", Соловьев „В раздумьи", Кривенко „Культурные одиночки", Энгельгардт „Из деревни"—последнее письмо,

Digitized by Google

Потапенко „На действительной службе“, „Генеральская дочь“, Песковский „В глуши“, Гарин „Деревенские панорамы“, „Три года в деревне“, Немирович-Данченко „Вся чужая“, Яковлев „Обрусители“, „Рассказы“, Якубович „В мире отверженных“, И. Абрамов „В культурном скиту“, Амфитеатров „Восьмидесятники“, Трефолев „Буйное вече“.

VII. Девяностые годы (до 1904 года), Андреев „Рассказы“, Белоконский „Рассказы“, Вересаев „Без дороги“, „На повороте“ и др., Горький „Враги“, Дмитриева „Митюха-учитель“, Короленко „В голодный год“, Мачтет „Сельский учитель“, „Волостной писарь“, Чириков „Инвалиды“, „Чужестранцы“ и др., Петрищев „Земские учителя“, Бунаков „Как я стал и перестал быть учителем“, Немирович-Данченко „Волчья сыть“, Серафимович „Рассказы“, Скиталец „Рассказы“, Тимковский „Сон“, „Тьма“, „Слабые и сильные“, Л. Толстой „Стыдно“, Амфитеатров „Девятидесятники“, Ковальский „Война“, Яблоновский „Рассказы“, Рубакин „Искорки“, „Размагниченный интеллигент“, „Среди борцов“.

VIII. Девятисотые годы. Андреев „Рассказ о семи повешенных“, Арцыбашев „Сочинения“, Башкин „Рассказы“, Беренштам „В огне защиты“, „За право“, „Около политических“, Муйжель „Рассказы“, Лазаревский „Сочинения“, Премиров „Немыя дали“, Ропшин „Конь бледный“ „То, чего не было“, Савенков „Годы скорби“, „На волос от казни“, Сергеев-Ценский „Сад“, Башкин „Рассказы“, Горький „Мать“, Андреев „Сашка Жегулев“, Арцыбашев „Рабочий Шевырев“, Олигер „Рассказы“, Сургучев „Рассказы“, Рубакин „Черносотенцы“. Об интеллигенции из народа: Вересаев „Конец Андрея Ивановича“, Семенов „Рассказы“, Г. Успенский „Голодная смерть“, В. Дмитриева „Митюха-учитель“, Рубакин „Чистая публика“, „Среди борцов“.

Вышеперечисленные беллетристические и полу-беллетристические произведения рисуют, в своей совокупности, в более или менее ярких образах, эволюцию русской интеллигенции в ее последовательном историческом развитии. Читатель, желающий разобраться в этом материале, должен обратиться к книгам по истории русской общественной мысли и общественности в XIX и XX столетии (См., Михайловский, Овсянико-Куликовский, Иванов-Разумник, Андреевич и др. Подробный список этих книг с их характеристиками см. „Русские писатели, изд. 3-е и „Среди книг“).

Вряд ли нужно доказывать, какое облагораживающее значение имеет в деле самообразования знакомство с психологией ин-

Digitized by Google

теллигенции, т.-е. тех людей, которые и являются носителями и выразителями общественных идеалов и борцами за справедливость и истину. Нет такого человека, думается нам, в душе которого, в скрытом или явном состоянии, не было бы стремления к свету и правде в личных и общественных отношениях. Есть миллионы людей, в которых этот огонек совсем незаметен, едва-едва тлеет, да нередко совсем потухает, если только прилетевшая откуда-нибудь искорка чужой живой души, сгоревшей или горящей за эту самую правду, не помешает ему потухнуть. Мало-мальски живая душа ищет эту правду, стремится к ней, тоскует по ней; есть люди, которые чувствуют, что они не люди, а какие-то тени или полутени, только потому, что не откуда залететь в их живую и тоскующую душу этой искорке. Общение с людьми, умеющими возвыситься над пошлой обыденщиной и борющимися с ней во имя лучшего будущего,—необходимое условие, чтобы не погрязнуть навсегда в житейском болоте. Знакомство с психологией людей, умеющих любить и ближних и дальних и полагать душу свою за други своя, это и есть один из видов такого общения. Пусть эти люди хотя бы даже ошибались и шли не по той дороге, которая может привести к намеченной ими цели; но уже один тот факт, что эти люди умеют итти, умеют много любить и умеют ненавидеть зло святою ненавистью и, если нужно, умеют отдавать себя, свою личную жизнь для большого и святого дела,—уж это одно требует того, чтобы мы беспристрастно и внимательно присмотрелись к ним и к тому, что делается в душе таких людей. Ведь не ради же забавы поступаются они тем, чем другие, более обыденные люди не поступаются. И лучший способ понять заключается в том, чтобы пережить, хоть отчасти, хоть в сотой степени, их переживания. Без этого хотя бы минутного переживания того, что действительно свято и возвышенно,—вылезти из собственного болота невозможно. И всем тем, кто волею злой судьбы сидит да киснет в болоте, сознавая свою „лягушечью“ жизнь, мы хотели бы крикнуть от всей своей души: да попробуйте же, осмельтесь же и вы хоть единственный-то раз в жизни вдохнуть в себя свежего, бодрящего воздуха широкой и светлой жизни; попробуйте взглянуть на умеющих гибнуть и страдать людей прямо и просто, отрешившись хоть на короткое-то время от пошлого обыкновения людей, уже гибнущих в пошлом болоте обыденщины и уже опошлившихся,—видеть всегда и везде прежде всего худое и

Digitized by Google

худое. Не в том ведь дело, что во всех людях есть и отрицательные стороны, а в том, что таких положительных сторон-то во многих и многих людях вовсе нет. В этом отношении представляют большой интерес исторические примеры бодрых, сильных и смелых людей, указанные нами выше.

15. Об обыденщине и об общественном болоте. Этот вопрос общественной психологии заслуживает не меньшего внимания, чем предыдущий, но только с обратной стороны. Здесь приходится размышлять об общественных явлениях, прямо противоположных тем, о которых шла речь в предыдущем §. Там указаны типы, которые так или иначе не мирились с обыденщиной, с тою пошлой и опошленной, пустой жизнью, которая их окружает, и искали всеми силами своей души выхода из нее. Но интересно также вникнуть и в то, да что же переживают люди, засасываемые средой и не имеющие достаточно сил, чтобы выбиться из нее, и не встречающие ни малейшей поддержки со стороны и никакой руки помощи ниоткуда. Правда, в большинстве случаев, опускающиеся люди отчасти и сами виноваты в этом, и им можно бы сказать: „плохо ищете! ищите не только вблизи, но и подальше", но тем не менее необходимо вдуматься в окружающую среду и с этой стороны. Почему она засасывает? Как и кого засасывает? Какими такими свойствами она отличается, что делается способна глушить все живое? Над этими вопросами тоже стоит подумать, в особенности тем, кому живется от этой самой среды самим тяжело. Пошлость, спячка, грязь житейская тоже имеют свою психологию. Дело тут не только в темноте и необразованности. И даже не в узости ума и корыстных интересах. Самый уклад всего общественного устройства может быть таким, что дает расти только „слизнякам да ракам" и т. п., губя все более совершенное и мешая всему живому и свежему. Интеллигентности противоположна духовная пошлость, характерными признаками которой являются, по удачному выражению того же Иванова-Разумника, узость, плоскость и безличность: узость формы, плоскость содержания и безличность духа. Пошлость делает все самое глубокое — самым плоским, самое широкое — самым узким, резко индивидуальное, своеобразное—безличным и тусклым. Пошлость—это значит шаблонность, ее символ веры и заветное стремление—„быть, как все"[1]). Художественная лите-

[1]) По Иванову-Разумнику, т. I, стр. 17—18.

Digitized by Google

ратура очень богата произведениями, рисующими как самую пошлость, так и все зло, какое она приносит человечеству, являясь трудно преодолимой помехой его развитию по пути к всеобщему счастью. См., напр., Салтыков „За рубежом“ и „О торжествующей свинье“, Барыкова стих. „Песнь торжествующей свиньи“, Салтыков „Господа Головлевы“, Островский „Гроза“, Диккенс „Записки Пикквикского клуба“, Шеллер-Михайлов „Гнилые болота“, Крестовский (псевд.) „В ожидании лучшего“, „Баритон“ и др., Мопассан „Жизнь“, „Пышка“, Тургенев „Отцы и дети“, „Дворянское гнездо“. Особенно см. соч. Чехова, Тимковскаго, Горького, Крестовского (псевд.).

16. Государство. Государственный строй тоже налагает свою печать на психологию человека. (См. выше, вопр. 9, личность и общество). Грандиозную картину всего строя дают Л. Толстой в своих ром. „Воскресенье“, также в „Война и мир“, Шпильгаген „Один в поле не воин“, Салтыков „История одного города“. Гражданская свобода также имеет свою психологию. Ср. Лабулэ „Принц-собачка“, Рубакин „Среди борцов“, ст. „Ах, Эльборус“, „Воля Аллаха“, Курочкин „Принц Лутоня“. В чем состоит задача государства? В том ли, чтобы облегчать существование всех граждан или чтобы ставить их жизни и деятельности различные преграды, исходя из соображений о благополучии некоторых общественных групп? Этот вопрос властно требует ответа от всякого человека. Далее, перед нами вопрос о том, насколько же допустимо насилие в какой-либо форме и мыслимо ли государство без насилия человека над человеком. Далее, психология обывателя нередко несомненно загрязняется по вине господствующей власти, при чем это загрязнение прокрадывается в душу иной раз незаметными путями (психология провокации и шпионства). Выдающийся интерес представляет психология суда (ср. „Воскресенье“ Л. Толстого, „Братья Карамазовы“ Достоевскаго, Андреев „Рассказ о семи повешенных“, очерки Бернштама, Куприн „Молох“, Тимковский „Рассказы“, т. I и др. Еще см. Швейцер „Эмма“, Б. Прус „Фараон“, А. Додэ „Короли в изгнании“, Шпильгаген „Один в поле не воин“). О психологии власти см. выше, вопр. 1.

17. Религиозно-церковный строй. Люди не получают своих религиозных мнений до рождения. Их вера приходит к ним извне и усваивается прежде всего бессознательно. Огромное большинство людей так и остается людьми бессознательно

Digitized by Google

или полусознательно верующими, и лишь меньшинство доходит до понимания того, что вера есть дело собственной, а не чужой совести и что совесть должна пребывать не в чужом кармане и не в каком-либо департаменте, а в собственной душе. К разномыслиям в делах веры присоединяется еще противоречие интересов. Есть люди, которые смотрят на веру, на религию и в особенности на церковь и церковный строй, как на орудие своих материальных интересов,—орудие обогащения и властвования. За такое использование религиозных сторон души хватались во все времена и до сих пор хватаются не только духовенство, но и другие общественные группы, сословия и классы, которые и вступают в явное или молчаливое, искреннее или неискреннее соглашение с духовенством. На такой почве развивается очень сложная психология религиозно-церковного человека, представляющая громадный интерес и заставляющая каждого из нас подумать и над собой. Представление божества то в виде человека, то в виде бесконечного, неведомого и непознаваемого, внешнее богопочитание, обрядность, церковный и сектантский („еретический") фанатизм, религиозная нетерпимость, экстаз, мистицизм с его стремлением физически и духовно слиться с божеством, вера в чудеса и в сверхъестественное, далее, психология гонимых и мучеников, черпающих в своей вере силу,—все это такие стороны человеческой души, которые в большей или меньшей степени имеются в каждой душе и яркие образы которых дает художественная литература: Чехов „Без заглавия", Горький „Исповедь", Золя „Лурд", „Рим", „Проступок аббата Мюре", Данилевский „Девятый вал", Мельников-Печерский „На горах", „В лесах", Пругавин „Религиозные отщепенцы", „Братцы", „Монастырские тюрьмы", „Сютаевцы", Мережковский „Петр I и Алексей", Сенкевич „Камо грядеши", Гюго „Торквемада", Достоевский „Братья Карамазовы"—образы Зосимы и Алеши („Великий инквизитор"), Андреев „Савва", „Жизнь Василия Фивейского", Дмитриева „Пчелы жужжат", Кравчинский „Штундист Руденко", Карелин „Учитель жизни", Андреев „Христиане", Френцен „Рукопись", Ибсен „Брандт", Метерлинк „Чудо св. Беатрисы" („Сестра Беатриса"), Немирович-Данченко „Крестьянское царство", „Русский Афон", Благовещенский „Среди богомольцев", Мирбо „Аббат Жюль", Потапенко „На действительной службе", Салов „Едет", Баранцевич „Ряса", Панкратов „Ищущие Бога", Л. Толстой „Отец Сергий",

Digitized by Google

„Анна Каренина", „Воскресенье", Мачтет „Мы победили", Мордовцев „Великий раскол", Короленко „За иконой". С той же точки зрения представляет интерес „Исповедь" и „В чем моя вера" Л. Толстого.

18. Об отношении человека к природе, к Космосу (т.-е. Вселенной, как единому целому). Это—одна из самых общеизвестных сторон художественной литературы. Целый ряд художников слова проявляют поразительно тонкое чутье к природе, ее красоте, ее величию, ее всемогуществу, переживая и научая других переживать эти ее свойства и сосредоточивая переживания то в каком-либо одном моменте, то в бесконечности веков. Природу нужно не только знать, но и чувствовать, уметь чувствовать, и художественная литература—превосходная школа тонких переживаний, школа естественной, природной эстетики, пантеистического, а иногда и богословского настроения, философского проникновения в вечный круговорот вещества, силы и их форм, начиная от низших, простейших и невидимых и кончая человеком, его идеалами и стремлениями, начиная от бесконечно малого и кончая бесконечно великим, громадным, начиная преходящим и идя к вечному. Кто не знает чудно поэтических описаний и картин природы, напр., Пушкина, Лермонтова Гоголя, Тургенева, Ап. Майкова, Никитина, Кольцова, Фета, Надсона и т. д., и т. д.[1]). Список такого рода произведений—громаден.

Но есть другие поэты, за красотами и величием природы не забывающие и человека в его социальном унижении, бедности и темноте и поющие нечто иное: „Что нам шопот листьев, что мечты и грезы, коль вокруг страданья, горе, гнет и слезы". Красоту и величие природы можно переживать, видя в ней чудный чертог неслыханных страданий и отдельных людей и масс: по мнению одних,—страданий устранимых, по мнению других—неизбежных. Ср. Некрасов „Стих.", Надсон „Стих.", Байрон „Стих.", Леопарди „Стих.".

19. О смысле и цели жизни. Это—один из тех вопросов, которые со времени Г. Гейне носят название „проклятых". Это вопрос самый мучительный, жгучий, назойливо требующий

[1]) Чувство природы в произведениях разных западно-европейских авторов подробно изучено немецким ученым Бизе «Развитие чувства природы». Спб. 86 г.

Digitized by Google

и теоретических, и практических решений, и нравственного, и философского, и религиозного, и научного освещения. К этому вопросу сводятся все остальные вопросы жизни, и чем глубже и чище человеческая душа, тем более напряженно и страстно она ищет ответа на эти вопросы. Художественная литература очень богата образами искателей и исканий, и к тому же самых разнообразных типов. Величайший образ такого искателя представляет Фауст у Гете, стремящийся всеми силами своей мощной и великой души обнять необъятное и достигнуть недостигаемого. Еще см. „Манфред", „Чайльд Гарольд", „Дон Жуан" Байрона, „Гамлет" Шекспира. Из русских см. ряд образов в „Братья Карамазовы" Достоевского, „Война и мир" (Безухов), „Анна Каренина" (Левин), „Воскресенье" Л. Толстого. Сравн. его же „Исповедь", „В чем моя вера".

Вряд ли нужно доказывать, что искания смысла и цели жизни сами по себе уже облагораживают и возвышают человека и являются резким и основным отличием его от пошлости, которая все знает, все понимает, все нашла (таких „нашедших" немало и среди „партийных"). Но искания исканиям рознь, и, говоря об исканиях, мы должны иметь в виду три главных относящихся к ним вопроса: во 1-х, где искать? во 2-х, что искать? в 3-х, как искать? Перед каждым из нас все существующее стоит в двух главных видах: во 1-х, познаваемого, во 2-х, непознаваемого, т. е. недоступного нашему познанию, уже по одному тому, что наш мозг устроен так, а не иначе, что в распоряжении человека имеется единственный источник познания,—его глаза, уши и другие органы чувств, а познание человека заключается только в переработке того, что дошло до души из этого единственного источника. Таков факт, и через этот факт и самые умные, и самые чуткие мудрецы из мудрецов перескочить не могут. А раз это так, целый ряд вопросов, на которые мы желали бы, быть может, найти ответ, оказываются для нас органически недоступными. Таковы, напр., вопросы о „начале всех начал", о конечной цели Вселенной, о сущности всех вещей, об Абсолюте (безусловном, т.-е. существующем вне всяких условий и помимо всяких условий и отношений к чему-либо другому), о свойствах вселенной и всех вещей, не таких, какими они нам, человеческим организмам, кажутся, а таких, каковы они сами по себе, вне нас. Мы органически не можем знать о смысле и цели существования вселенной и человечества. Самое устройство человече-

Digitized by Google

ского разума, обусловленного устройством человеческого мозга, не дает нам познания чего-либо абсолютного. Мы знаем только явления, т.-е. относительные перемены, знаем разницу, а не суть. Оттого и понятия абсолютных целей и причин—вне нашего познания. Абсолютный смысл и цель жизни искать—это значит рассуждать о непознаваемом, т.-е. о том, о чем ничего не можешь знать и сказать; иными словами, это значит воду толочь, заменять суть дела, то, что есть, словами, оборотами речи, при чем каждое слово неясно, неопределенно и неизвестно, что означает. Значит, искать смысла и цели жизни в непознаваемом, хотя это и очень печально, все-таки не приходится. Таким образом, говоря о цели жизни, приходится говорить лишь о цели человеческой жизни, именно данного человека и при данных условиях (исторических, политических, социальных, духовных и т. д.). Но здесь вопрос о смысле и цели жизни и может и должен быть поставлен и решен, а таких решений может быть и есть бесконечное множество, смотря по человеку, по его складу ума, характера, темперамента, по физическим и иным силам, свойствам и способностям. Присмотреться к жизни и к людям с этой стороны в высшей степени важно и интересно. Есть люди, видящие (быть может, по складу своего темперамента) в большинстве случаев смысл жизни в личном усовершенствовании (Л. Толстой); есть другие, ставящие главной задачей сознательно мыслящей личности „переработку форм культуры“ (П. Лавров; см. его знаменитые „Исторические письма“). Есть люди, зовущие к самонаслаждению, люди, требующие самопожертвования и т. д., и т. д. Литература о смысле жизни указана в I т. „Среди книг“. О том, как мы лично решаем этот вопрос, см. в „Письмах к читателям о самообразовании“, также в нашей статье „Для чего я живу на свете“ („Нов. Журн. для Всех“ 1912 г., № 6). Смысл жизни заключается в сознании и ощущении не только полноты жизни, но и ее настоящего наростания, развертывания во все стороны, в ее постоянном превращении в жизнь все более и более глубокую, возвышенную, разностороннюю, полную, напряженную, красивую, плодотворную в ее обхвате не только отдельной личности („я“), но все более и более широких кругов,—семьи, общества, человечества,—по правилу „могий вместити, да вместит“. Есть люди, из всех людей наиболее и узкие и жалкие (так как они лишены сознания и ощущения более ши-

Digitized by Google

роких переживаний), которые стоят на первой и низшей стадии осмысленности жизни; есть другие люди, все большего и большего размаха и, по выражению Г. Успенского, все большего обхвата души. Какой человек как стоит и на какой фазе этого развертывания своего „я“ по отношению к вопросу о смысле и цели жизни? Как он осуществляет в жизни, т.-е. своим поведением, поступками, *свое* понимание *своего* смысла жизни? Вот вопросы, ответы на которые чрезвычайно интересно и важно поискать, наблюдая жизнь и знакомясь с художественной литературой. См., напр., Надсон („Стих.“), Францоз („Борьба за право“), Ибсен („Пер Гюнт“), Сенкевич („Без догмата“), Сологуб („Навьи чары“). О сужении жизни и об ее обессмысливании под видом удовлетворения некоторых приятных впечатлений и погони за узкими личными переживаниями см. Скиталец („Огарки“), Горький („Фома Гордеев“), Вербицкая („Ключи счастья“), Арцыбашев („Санин“, „У последней черты“), Винниченко („Рассказы“). Для философской стороны вопроса особенное значение имеют следующие книги: Иванов-Разумник „О смысле жизни“, Гюйо „Очерк морали“, Дюринг „Ценность жизни“, Л. Шестов „Сочинения“, Л. Толстой „Исповедь“, „В чем моя вера“, „Неужели так надо“, „Так что же нам делать?“, „Деньги“. (Первые четыре книги читаются не легко.)

* * *

Этим мы и закончим наш обзор тех вопросов, эстетических, психологических и общественных, о которых не следует забывать при чтении литературно-художественных произведений, относясь к беллетристике, как к могущественному орудию самообразования. Но, как уже было сказано, и этими тремя ступенями изучение художественной литературы отнюдь не может ограничиваться. За ними стоит еще, служа их продолжением, изучение историко-литературное (история личности и психики читателя, история литературы и критики, т.-е. читательских отзывов о ней). Главнейшие пособия, помогающие такому изучению, указаны были выше (труд Н. В. Владиславлева и др.). Читателям, еще не умеющим разбираться в различных сторонах литературных произведений, рекомендуем познакомиться с следующими книгами, в которых даны примерные образцы:

1) Водовозов, В. Н. „Словесность в образцах и разборах“. [illegible]. (распрод. изд.).

Digitized by Google

2) Стоюнин, В. „О преподавании русской литературы". Спб. 908 г. 1 р. 75 к. (эстетика и история).

3) Житецкий, П. „Очерки из истории поэзии". Киев, 908 г. 1 р. (характеристики главнейших произведений мировой литературы).

4) Смирнов, А. (Кутачевский). „Руководство к изучению художественных произведений. Учебник рус. языка". Курс IV—V классов средн. учебн. заведений. Изд. „Просвещение". Спб. 913 г. 1 руб.

В заключение еще одно очень важное замечание по адресу занимающихся самообразованием,—замечание, вытекающее из всей постановки их работы, которую мы постоянно им рекомендуем. Мы говорим о синтетичности ее и цельности, нераздробленности ее, о необходимости постоянной выработки уменья соединять отдельные стороны ее в одно целое. Что значит изучать художественную литературу и вдумываться в нее? Это значит вовсе не то, что изучать каждую сторону данного художественного произведения отдельно от других, эстетическую—особо, психологическую—особо и т. д. Природа, жизнь, к пониманию и переработке которых и стремится человечество в лице сознательных личностей его, не знает никаких отдельных сторон, тем более сторон независимых. Все такие выделения искусственны и, строго говоря, невозможны, невыполнимы. Цель наших вниканий—это жизнь, а цель вникания в жизнь—это человечество, человеческая личность, ее психика, ее переживания, стремления, работа и борьба, но, разумеется, такая борьба, которая имеет целью не только брать и взять от жизни все во имя личности, но и дать жизни во имя личностей, т.-е. других людей.

ГЛАВА IX.

Два слова о публицистике.

В предыдущей главе мы говорили о том, что и как читать по беллетристике. Теперь мы должны сказать несколько слов о публицистике.

Прежде всего—что такое публицистика? Это не что иное, как печатный отклик или отзвук на злобу дня. Публицистика не есть

Digitized by Google

исследование действительности, и во всяком случае она не представляет исследования бесстрастного, беспристрастного и научного. Публицистика—не что иное, как мнение о действительности, и к тому же мнение, высказанное под впечатлением этой самой злобы дня, и высказанное человеком, не чуждым круговороту жизни,—а в нем не только трудно, но и невозможно остаться беспристрастным. Злоба дня, это—вихрь настроений, преходящих мнений, интересов и их борьба, и в этом вихре иной раз совсем некогда опомниться, осмотреться и взвесить все. Настроение здесь является руководителем мнений; полемика—неизбежным следствием столкновения их.

Исходя из этих особенностей книг публицистического характера, мы в этом нашем труде оставляем их в стороне, так как наша задача состоит не в том, чтобы заражать читателя тем или иным настроением или внушать ему определенное направление, а в том, чтобы, как раз напротив,—помочь ему возможно беспристрастно взглянуть на жизнь и выработать в себе уменье возможно самостоятельней оценивать и злобу дня и круговорот злободневных мнений и настроений. То, что мы сейчас будем говорить о публицистике, имеет в виду именно эту сторону самообразовательной работы.

Суть дела в следующем. Каждый человек, еще до вступления своего в жизнь, волей-неволей должен отдать себе отчет,—да в какой же общественной среде ему придется на его веку жить и действовать? И в какую общественную группу, сословие, класс втолкнула или может втолкнуть его судьба, и какова может и должна быть его деятельность в этой среде? И как и в чем подготовляться к жизни? В чем ее смысл? Какова должна быть ее цель? Каково должно быть его личное отношение к явлениям окружающей жизни, к среде? Ответ на все эти вопросы в значительной степени зависит от самого человека. Вряд ли нужно доказывать, что выбор направления, т.-е. отыскание своей точки зрения и формулирования своих взглядов на общественные и вообще человеческие отношения, должен зависеть от самого человека, исключительно от него самого. Но прежде, чем определить перед лицом самого себя это направление, он должен, во-1-х, познакомиться в основных чертах со всеми ими или, по крайней мере, с главнейшими из них, во-2-х, познакомиться не с чужих слов и не по полемикам, а по первоисточникам, по произведениям главнейших и наиболее выдающихся представи-

Digitized by Google

телей каждого направления, в-3-х, сравнить точки зрения и отношения каждого направления к наиболее жгучим вопросам жизни. Можно ли обойтись без этого, т.-е. не причислять себя ни к какому направлению? В теории как будто бы и можно, на практике же выходит, что это совершенно невозможно. Сама жизнь засасывает человека и втягивает его в борьбу мнений и деяний. В каждом явлении общественной жизни сказывается эта борьба. В каждой книге, газете, которую вы читаете, уже сквозит, в большей или меньшей степени, отношение автора или авторов к основным, самым жгучим вопросам современности. Легко говорить и писать об объективности и беспристрастности и т. п., но нелегко и даже невозможно осуществлять эти качества на деле.

Но на наши суждения оказывает весьма существенное влияние и весь строй и уклад общества, в котором мы живем. Как известно, общество это состоит из различных классов или слоев и из сословий. Сословия—те же экономические классы, только старинные, успевшие уже состариться, но существующие до сих пор лишь потому, что они признаны законом. Главными классами или слоями нашего современного, не только русского, общественного строя является, во-1-х, класс работников, во-2-х, класс собственников. Все богатства, какие только существуют и существовали, как об этом учит самая элементарная политическая экономия, создаются трудом человеческих рук, а значит—трудом тех, кто над ними работает физически или умственно. Но то, что создано человеческим трудом, отнюдь не делается, при современном устройстве общества, достоянием только тех, кто работает. Из этого своего заработка сами работники получают только плату, жалованье за свой труд, все же остальное, ими наработанное, делается, во-1-х, достоянием хозяев, которые им платят жалованье, во-2-х, достоянием государственной власти, правительства. Собственники земли, заводов, машин и т. д. получают свои доходы, не будучи обычно поставлены в необходимость работать так же и столько же, как их наемные служащие или арендаторы их земли. Право собственности на землю дает возможность собственникам существовать, благодаря лишь получению дохода, например, в виде аренды, ренты, процента на их капитал, или на так-называемые процентные бумаги и доходы с предприятий. Все эти виды дохода, в конечном счете, падают на тех же, кто работает. Что же касается до государственной власти,

Digitized by Google

то она получает доход с трудящихся классов, во-1-х, как самый крупный и богатый и к тому же властный собственник всякого рода имуществ (напр., так называемых казенных земель, угодий, заводов, фабрик, всякого рода доходных „статей", сдаваемых в аренду трудящимся или используемых при помощи наемных рабочих, получающих заработную плату), во-2-х, в виде налогов, податей, пошлин и т. п. Размеры же этих последних, как известно, определяются не самим народом, а правительственной властью, которая находится в руках или высшего чиновничества, или выборных представителей, впрочем, выбираемых по такому закону, который придуман и составлен большею частью тем же высшим чиновничеством. Что же касается этого последнего, то в его состав, за немногими исключениями, входят лица из так называемых командующих классов и сословий, главным образом дворянства, крупных землевладельцев. К участию же в законодательстве допускаются также, главным образом, лишь лица имущественно-сильных слоев, обладающих определенной собственностью, а что касается крестьян и рабочих, то они или вовсе не допускаются, или их участие сводится на нет при помощи разных приемов (напр., выборных законов, разъяснений и т. д.). Таким образом, при современном строе общества все государственные дела, в том числе и собирание налогов и их распределение по делам и рукам, и составление и обсуждение законов, а также и охрана внутреннего порядка, находятся или преимущественно, или даже целиком в руках имущественных классов, т.-е. собственников, чем и обеспечивается не только их относительно зажиточное, но и спокойное существование.

Таково современное устройство общества и государства, превосходно выясненное наукой и признанное правительством. Никто теперь не спорит, что оно действительно таково. Но спор идет о том, во-1-х, справедливо ли оно, таково ли оно должно быть; во-2-х, должно ли оно быть изменено, переделано; в-3-х, может ли оно быть переделано или все, что существует и не может не существовать, в-4-х, если основные перемены возможны, то какими средствами, каким путем и кто и как может исполнить их. Вот эти-то вопросы и возбуждали и возбуждают величайшие и горячие, даже ожесточенные споры, в которых больше всего спорят классовые интересы и страсти, а что касается истины и справедливости, то обе они стыдливо удаляются на второй план. Перед каждым из нас стоят вышеназначенные вопросы, и в раз-

Digitized by Google

ной общественной обстановке наиболее распространены те или иные решения их, взгляды, теории, миросозерцания и обусловленные ими выводы, действия, домогательства: в крупно-земледельческой и крупно-чиновничьей среде—консервативно-реакционные, оправдывающие и защищающие преимущества класса дворянско-землевладельческого; в среде промышленных и иных собственников, живущих от трудов наемных рабочих, процентами, рентой, арендой,—взгляды и теории, миросозерцания либеральные; в среде крестьян и наемных рабочих, живущих лишь трудами своих рук,—взгляды и теории, защищающие прежде всего интересы трудящихся классов. Общий обзор различных направлений, если не во всех областях мысли, то во всяком случае в тех, где речь идет о человеке и человечестве, думается нам, может быть сведен к четырем главным направлениям, если принять за основу классификации их отношения к личности человеческой. Эту последнюю можно признавать или равноценной со всякой другой личностью, или неравноценной и в первом случае допускать необходимость, полезность, желательность, по крайней мере в некоторых случаях, насилия над человеком, насилия, исходящего то от государства, то от какого-нибудь общественного класса, то от какой-нибудь личности, признаваемой почему-либо более высокой и ценной, чем другие. На основании этого-то принципа и является возможным наметить четыре главных направления, познакомиться с сущностью которых вполне достаточно для начала самообразовательной работы, а именно: 1. Направление реакционно-консервативное. 2. Направление либеральное (либерально-аристократическое, либерально-буржуазное, либерально-демократическое). 3. Направление социалистическое (пролетарское и народническое). 4. Направление анархистское (коммунистическое, индивидуалистическое, религиозное). Каждое из этих главных направлений распадается на множество второстепенных разветвлений. Из этих четырех главнейших направлений минимальным признанием равноценности человеческих личностей характеризуется направление реакционно-консервативное, максимальным же—анархистское; либеральное направление характеризуется, главным образом, признанием равноценности человеческих личностей в области права, в области гражданских свобод и не касается вопроса о социальном и экономическом неравенстве и причинах его; социалистическое же базирует свои взгляды, главным образом, на этом последнем, видя в социальных отно-

Digitized by Google

шениях фундамент всех других. Вряд ли нужно доказывать, сколь громадное значение представляет и для начинающих читателей предварительное, хотя бы самое краткое, знакомство с сущностью, основами всех этих четырех направлений, и знакомство не из полемической и критической литературы о них, а по произведениям их главнейших представителей.

В нашем большом труде „Среди книг“ мы уделяем очень много места сравнительному обзору различных направлений теоретической и творческой мысли во всех областях жизни и знания, стремясь характеризовать главнейшие направления словами их приверженцев и воздерживаясь от всякой оценки их. Здесь мы сделаем попытку—в кратких чертах познакомить читателя с четырьмя главнейшими направлениями.

1. Консервативно-реакционное. Слова „консервативный“, „консерватор“ происходят от французского слова „conserver“, что значит сохранять. Слова—„реакционный“, „реакционер“—от слова „reaction“ — противодействие. Консервативно-реакционное направление может существовать по отношению ко всяким формам государственного устройства, и в самодержавном (абсолютистском) государстве, и в конституционном, и даже республиканском, так как основным признаком этого направления является отстаиванье пережитков старых привилегий и стремление возвратить привилегии уже потерянные. Особенно ярко это направление проявляется в связи с абсолютизмом, т.-е. самодержавной, неограниченной монархией. В основе этой монархии лежит понятие о государе, правящем „Божьей милостью“, самодержавно и абсолютно, т.-е. не ограниченном никакой иной земной властью. „Как Бог на небе, так государь на земле“, „государство, это—я“. Государь является лицом безответственным и стоящим выше всякого права и закона. Его воля—закон. Личные качества монарха при этом не принимаются в расчет. Заботиться о народе о его благосостоянии и счастьи—основные задачи государя. Самодержавная, безответственная власть рассматривается как неизбежное и необходимое последствие того факта, что власть государя наследственна и приобретается самым рождением от таких же державных родителей. Сообразно с этим перестраиваются и с этим согласуются и все государственные и иные учреждения. Самодержавие монархическое прежде всего требует, чтобы в государстве ничего не совершалось против и даже помимо воли государя. Правосудие должно отправляться от его имени, и вся-

Digitized by Google

кое решение всякого суда постановляется „по указу его величества". Все высшие должностные лица назначаются самим государем, и от его имени назначают низших лиц как в суде, так и в управлении. Церковь рассматривается как опора самодержавной власти „Божьей милостью", и ее интересы (экономические и политические), естественно, сливаются с интересами самодержавного строя или примыкают к его интересам. Другой опорой является землевладельческий класс, главным образом дворянство—и прежде всего высшее, к которому обыкновенно принадлежит и сам государь. Орудием управления является власть—и прежде всего сильная и твердая власть, как главное средство для подчинения народа вообще и каждой отдельной личности воле центральной власти. Идеалом же этой последней является закрепощение личности, общества и управляемых трудящихся классов народа. Так как развитие жизни, и прежде всего торгово-промышленной, с ходом истории требует все большего и большего расширения рамок для общественной самодеятельности, а значит и сужения рамок чиновничьих полномочий и дворянских преимуществ, что естественно идет в разрез с самодержавно-церковным строем, то охранение этого последнего является одной из самых главных задач его защитников, и, таким образом, консервативное направление естественно сливается с монархическим абсолютизмом. Но так как жизнь все-таки заставляет этот последний поступаться то тем, то другим из своих преимуществ в интересах общественной свободы и самодеятельности, то среди защитников абсолютизма является естественное стремление не только сохранить, но и вернуть при первом удобном случае то, что потеряно. Отсюда является естественное стремление противодействия (реакции) всему новому, несущему свободу и т. п.,—борьба с просвещением, свободомыслием в религии и науке, далеко не во всем согласной с реакцией, в искусстве, далеко не всегда являющемся слугою абсолютизма, и в литературе, в которой не могут не отражаться выражения тех общественных потребностей и стремлений, которые наболели в душе миллионов людей. А так как всякая свобода, а значит и всякое самоуправление, к которому стремятся в XIX и XX вв. народы, противоречит свободе действия правящей группы, то естественно является антагонизм и борьба против самоуправления и против свободы вообще. Далее, так как в этой борьбе весьма заинтересовано землевладельческое дворянство, главная опора монархизма, то защита его

Digitized by Google

интересов и сливается с защитой интересов этого последнего. Характерными выразителями этого направления в XIX в. являются на Западе: Жозеф де-Мэстр, Бональд, а в России Н. М. Карамзин, М. Катков, Победоносцев. Изучая их произведения, можно проследить, как приурочивается к защите интересов и философия, и религия, и политика, и все миросозерцание. Прекрасным примером консервативно-реакционного направления может служить общественное миросозерцание Победоносцева

Характерною особенностью мнений Победоносцева, прекрасно выраженной в его „Московском сборнике", является, во-первых, глубочайшее презрение к науке и культуре и полное отрицание способности и права людей устраивать свою жизнь по собственному усмотрению, во-вторых, его признание, что главным недостатком современной культуры является ее вера в силу разума, в добрую природу человека и особенно в значение образования. „Веру во всемогущество школы, в книжные уроки и чтение" Победоносцев называет одним „из главных суеверий нашего времени". Против всеобщего обучения он энергично ополчается, так как, „отрывая детей от домашнего очага на школьную скамью с мудреными целями, мы лишаем родителей и семью рабочей силы, а детей развращаем, наводя на них мираж мнимого ума, фальшивого и отрешенного от жизни знания, подвергая их соблазну суеты и тщеславия". Суд присяжных, по мнению Победоносцева, это — „пестрое смешанное стадо", всеобщая подача голосов — „роковое заблуждение, одно из самых поразительных в истории человечества". К числу „самых лживых политических начал принадлежит идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной". Парламенты, это—„великая ложь нашего времени", „говорильня", и в них получают руководящее значение исключительно представители „ограниченности ума, безграничного развития эгоизма и злобы, ненависти и бесчестности побуждений". Неограниченная монархия—вот идеал автора. Провозвестники свобод ошибаются, „полагая свободу в равенстве",—говорит Победоносцев,—„а предположить, что в уравнении верований перед государством состоит свобода верований", по его мнению,—великое заблуждение. Он считает великим горем, что „народ и свободу, и равенство, и братство принял как право свое, как состояние, ему присвоенное". Закон, правовой порядок, „парализующий" действие воли и распоряжение власти, Победоносцев считает пагубным, дока-

Digitized by Google

зывая, сколько зла кроется в том, что власть стеснена в своих действиях обилием законодательных норм. Далее автор доказывает преимущество тьмы над светом и неясных идей над ясными. „Самые драгоценные понятия, какие вмещает в себе ум человеческий, находятся в самой глубине тьмы и полумрака". „Абсолютная истина доступна только вере". „Истину не может дать никакой самый точный и критический анализ фактов". Вера выражается прежде всего в церковном обряде.

2. Либеральное направление от латинского слова „libere"—что значит „свободный". Это направление противоположно консервативно-реакционному в политике, в религии и в науке. Впрочем, в нем наблюдается много оттенков: либерально-аристократическое, либерально-буржуазное, либерально-демократическое, смотря по тому, на какие круги, сословия и классы народа распространяется принцип свободы (свобода для дворянства, для торгово-промышленного класса, для народа вообще). В основе этого направления лежит стремление к общественным реформам, главною целью которых выставляется прежде всего раскрепощение личности и освобождение духа от стеснений всякого рода: начальства, властей, церкви, традиций и вообще уклада всей общественной жизни. Свобода политическая при этом считается несовместимой с неограниченной свободой власти, свобода религиозная—с непогрешимостью церкви и духовенства и т. д. Отчетливое представление об отношении либерализма к монархизму дает проф. Б. Чичерин [1]). „Первый и главный недостаток неограниченной монархии,—говорит он,—состоит в том, что замещение власти совершается не по способностям и заслугам, а в силу случайного рождения. Но избегнуть этого нельзя, ибо этого требует твердая преемственность власти,—всякий другой способ замещения престола ведет к смутам и колебаниям. Другая невыгодная сторона заключается в том, что лишь совершенное существо может быть облечено безграничным полновластием без ущерба своему внутреннему достоинству (и безопасности других людей); несовершенная же воля человека требует сдержек, и чем менее высоко ее свойство, тем это требование настоятельней. В-3-х, противостоять всем искушениям власти тем труднее, что ее окружают всякие соблазны. В-4-х, она при таком устройстве

[1]) „Курс государственной науки", т. III, стр. 130 и след.

Digitized by Google

не может не поддаваться влиянию непосредственно окружающих (Суворов сказал: „чтобы быть придворным, нужна дерзость, гибкость и вероломство"). Но нужно глубокое знание людей, чтобы проникнуть в потаенные изгибы человеческой души и отличить искреннюю преданность от раболепного угодничества, стремление к личным целям от любви к общему благу; нужна необыкновенная возвышенность и твердость духа, чтобы противостоять лести. В-5-х, с постановкой абсолютной власти естественно проявляется в особенно сильной степени произвол подчиненных властей. В-6-х, наклонность предпочитать внешний порядок внутреннему также является характерной чертой ее. В-7-х, право естественно лишается всякого ограждения. В-8-х, господством произвола и проведением всюду начал строгого подчинения не только устраняется гарантия права, но и подавляется всякая личная и общественная самодеятельность, а между тем от самодеятельности-то и зависит наивысшее развитие общества и народа. Система опеки уместна только в младенческом состоянии общества; она не в силах поднять его выше некоторого, довольно низменного уровня. Высшее развитие требует инициативы самих граждан, а именно это встречает препятствие со стороны власти, ставящей себе задачу охранить строгую дисциплину и опекать все и всех. В особенности свобода умственного развития, без которого нет и развития материального, представляется делом опасным и противным государственному порядку. Правительство, призванное содействовать просвещению, становится его гонителем. И все-таки стремление подавить рвущуюся на свободу мысль, в конечном итоге, оказывается бессильным, но оно уносит массу жертв и, кроме того, самая мысль получает нередко неправильное движение". „Как известно, идеи свободы стали получать в Западной Европе все большее и большее распространение, а значение их в общественной и государственной жизни стало расти особенно быстро с тех пор, как рядом с землевладельческим дворянством появилось и выросло городское, т.-е. торгово-промышленное сословие. От слова „город" („бург"—„bourg") появилось слово „буржуазия". Такое название получил мало-по-малу торгово-промышленный класс вообще, класс собственников торгово-промышленных учреждений и капитала, состоящего в деньгах или вложенного в эти учреждения,—фабрики, заводы с их машинами. Стеснения, идущие со стороны монархического абсолютизма, властей и его представителей, естественно стали вызывать все больший

Digitized by Google

и больший протест со стороны буржуазии, которая, отстаивая свои интересы, явилась вместе с тем и защитницей свободы, поскольку эта последняя была необходима в интересах торгово-промышленного класса и не мешала этим последним. На этой почве возник идеал государственного устройства—конституционная монархия, т.-е. монархия, ограниченная выборными представителями, без согласия которых не должен утверждаться ни один закон и накладываться ни один налог. Впрочем, при этом слово „свобода", особенно на практике, толковалось довольно узко. Под свободой народного представительства отнюдь не подразумевалась свобода человека вообще. Речь шла, главным образом, о свободе политической, т.-е. борьбе с произволом властей с низу до верху. Что же касается „народного представительства", оно было вовсе не всенародным, так как выбирать имели право (а во многих странах до сих пор имеют) отнюдь не все люди, без различия сословий, классов и пола, а лишь имущественно обеспеченные классы, т.-е. та же буржуазия. Кроме того, политической жизнью еще не исчерпывается человеческая жизнь. Каждому человеку нужно прежде всего быть сытым. Свобода умирать с голоду от безработицы или от непосильной работы и истощения никому не улыбается. Кроме того, свобода хорошо торговаться с наемным работником вовсе не то что свобода работнику торговаться с хозяином, и последний почти всегда оказывается сильней. Таким образом, признавая за либерализмом известную заслугу проведения в жизнь и защиты гуманной и справедливой идеи раскрепощения личности человеческой из-под гнета политического и духовного, нельзя не признать вместе с тем, что это направление односторонне относится к свободе экономической. При этом забывается, что если существует неравенство имущественное, то не может не существовать и неравенство политическое. Выдающимися представителями либерализма в XIX в. являются в Западной Европе: И. Бентам, Бенжамен Констан и А. Токвиль. Бентам является убежденным сторонником демократии, т.-е. такого государственного устройства, главенствующая роль в котором должна принадлежать не привилегированному меньшинству, а всему народу („народный суверенитет"), и которое может существовать при том необходимом условии, что государственные дела должны находиться в руках выборных народных представителей и эти последние должны избираться всеми гражданами всеобщим, рав-

Digitized by Google

ным, прямым и закрытым голосованием. Б. Констан доказывает, что самым верным основанием для прочного общественного порядка является свобода,—свобода во всем: в религии, философии, литературе, в промышленности, в политике, разумея под свободой „торжество личности над властью, желающей управлять посредством насилия, и над массами, предъявляющими со стороны большинства право подчинения себе меньшинства". Единственно законным основанием государства Констан считает принцип народного суверенитета (верховенство народа), так как вне его может быть только власть, основанная на силе и потому незаконная. Но неограниченная верховная воля, кому бы она ни принадлежала (даже народу), является деспотизмом и во имя свободы личности должна быть отрицаема. Политическая свобода должна служить гарантией личной свободы. Далее Констан доказывает, что еще недостаточно лишь провозглашать права, — необходимо, кроме того, прочно гарантировать их. Гарантировать же их может и должно широкое народное представительство, разделение власти на законодательную, судебную и исполнительную и их независимость одна от другой, их взаимное ограничение и контроль. Представителями этого течения либерализма считают проф. А. Д. Градовского, проф. Б. Чичерина. За последние десятилетия русская общественная несоциалистическая мысль выдвинула еще ряд представителей, воззрения которых, сравнительно с воззрениями Б. Чичерина и даже А. Градовского, проникнуты более широким и гуманным демократизмом.

3. Социалистическое направление (от слова „social"—„общественный"). Это течение мысли, как и либеральное, выдвигает на первый план также идею человеческой личности, ее интересы, ее счастье. Но каким образом может быть достигнуто последнее? Одной политической свободы, даже самой совершенной, еще недостаточно для того, так как и в самом свободном государстве богатый превосходно может обижать бедного, собственник земли, капитала или машин обижать наемного рабочего, у которого нет „ни кола, ни двора". Как же сделать так, чтобы не было не только бесправия, унижения, но и материальной обиды? Чтобы ответить на этот вопрос,—говорят социалисты,—необходимо прежде всего посмотреть—да от чего же происходит эта обида? Она происходит от самой организации современного обще-

Digitized by Google

ственного строя. Такова его характерная черта. В настоящее время все человечество разделяется на два главных класса: во-1-х, собственников земли, капитала и машин и, во-2-х, наемных рабочих, которые живут лишь продажей своего труда, своей рабочей силы. Но ведь, чтобы жить, они должны иметь работу; получать же ее они могут не иначе, как от работодателей-собственников. Между тем интересы этих последних, по существу дела, прямо противоположны интересам рабочих, так как чем больше получат эти последние, тем меньше останется первым. А такая дележка, распределение, идет вокруг нас постоянно, ни на минуту не переставая, по общему правилу и таким способом: богатства, т.-е. вещи, товары, созданные трудом, поступают на рынок и продаются за деньги; деньги, полученные от продажи всякого товара, распределяются так: некоторая часть идет купцу, т.-е. продавцу товара, некоторая часть—фабриканту, некоторая часть капиталисту, банкиру, который ссужает этого фабриканта деньгами на постройку фабрики или ее оборот, некоторая часть—рабочим, некоторая часть—землевладельцу, который получает свой доход с той своей земли, где растет хлеб, идущий на промышленные работы, или аренду за эту землю. Поэтому в каждом рубле, который каждый из нас затрачивает на покупку любого товара, уже содержится и рента землевладельца, и прибыль фабриканта, купца, арендатора и процент на капитал капиталиста или банка, и заработная плата наемного рабочего. Все устройство современного общества таково, что оно только и держится именно на такой дележке. Не будь ее, не было бы современного общественного строя в его теперешнем виде, с его богачами-миллионерами и рабочими-полунищими, с его сытыми и пресыщенными и голодными, обижающими и обиженными, с его общественными классами собственников и пролетариев,—классом земледельцев-капиталистов, с одной стороны, и трудовым, эксплоатируемым крестьянством и наемными рабочими—с другой. Таким образом, по мнению социалистов, для того, чтобы уничтожить бедность и вообще материальную помеху человеческой свободе и счастью, необходимо прекратить в самом корне такое распределение богатств, создаваемых человеческим трудом; а чтобы его прекратить, необходимо соединить в одном лице и рабочего, и хозяина, и капиталиста, а это возможно сделать, напр., таким способом: превратить землю, фабрики, заводы, рудники, железные дороги, капиталы и т. д., и т. д.,

Digitized by Google

иначе говоря—средства и орудия производства, все то, что ныне составляет частную собственность, в собственность общественную, т.-е. такую, которая принадлежит не отдельным лицам, а нераздельно всему обществу. Иначе говоря, сделать так, чтобы средства и орудия производства принадлежали всем и ими распоряжались бы не частные лица в свою личную пользу, а все общество; работниками же должны быть все здоровые люди, могущие работать,—по старому правилу: „трудящийся да яст". Вот это-то „обобществление собственности" и является основной сутью социалистического миросозерцания. Неразрывно с этим связан и тот взгляд, что общество должно состоять из работников и что не работникам, живущим за чужой счет („от присвоения чужого неоплаченного труда под видом ренты, прибыли или процента на капитал"), не должно быть вовсе места. И рента, и прибыль, и этот процент,—все должно итти в пользу общества, т.-е. всех трудящихся. Стремиться к этому и есть задача социализма. Некоторые ученые социалистического направления уже разрабатывают вопрос о деталях такого будущего устройства; другие ученые, напр., умеренный социалист А. Менгер, доказывают полную возможность его осуществления в ближайшем будущем, наконец, третьи уже стремятся к частичному осуществлению социалистического строя посредством законодательства, действуя в парламентах или добиваясь того же частными силами, т.-е. не прибегая к содействию государства, а, например, путем развития кооперации, синдикатов и т. п., и доказывают необходимость такой организационной работы в хозяйственной области, которая была бы в духе и направлении социализма. А так как в новом социальном устройстве заинтересован более всего современный рабочий класс (пролетариат и трудовое крестьянство), и прежде всего пролетариат, то он естественно и является тем общественным классом, который наиболее деятельно может и должен стремиться к вышенамеченной цели. Разумеется, стремление к такой цели не может не сопровождаться борьбой с другими общественными классами (собственников, землевладельцев), и потому так называемая борьба общественных классов является неизбежным результатом современного общественного устройства. С точки зрения этой борьбы социалисты и относятся ко всем главнейшим явлениям общественной жизни (политической, духовной, материальной). Идеалом социализма является трудовое государство, составленное из равноправных и равноценных работников (еди-

Digitized by Google

ного и единственного общественного класса), живущих трудами рук своих без всякого присвоения чужого неоплаченного труда, обеспеченных и материально и духовно, в смысле дальнейшего и разностороннего развития личности каждого,—государство, основанное на отрицании частной собственности на землю, фабрики, заводы и другие орудия труда и на признании всего этого общественным достоянием. Такому социальному устройству соответствует и государственное,—социальная республика, т.-е. такая организация общества, в основе которой лежит общественная собственность на орудия и средства производства, в отличие как от абсолютной и конституционной монархии, так и от аристократической буржуазной республики. Главнейшими, наиболее характерными представителями социалистической мысли XIX—XX ст. являются на Западе: К. Маркс, Ф. Энгельс, Ф. Лассаль; из современных—Каутский, Э. Бернштейн, А. Бебель; из русских: из ранних—В. Белинский (в последний период своей деятельности), А. Герцен, из позднейших—Н. Чернышевский, Н. Михайловский, Г. Плеханов, Н. Ленин. Н. Михайловский, выдающийся русский социолог, критик и публицист, является главнейшим представителем социализма народнического. Г. Плеханов и Н. Ленин — выдающиеся представители русского марксизма.

4. Анархистское направление. Слово это происходит из двух древне-греческих слов: „ана“ („без“) и „архе“ („начальство“). Анархизм значит „безначалие“, т.-е. отрицательное отношение к власти, власти вообще, как государственной, так и всякой иной, ко всякому строю, в основе которого лежит насилие человека над человеком. Слово „анархия“ отнюдь не означает „бесчинство“, „беспорядок“ и т. п. Как известно, нет такой государственной власти, позади которой не стояла бы фактическая сила, могущая смирить и укротить любого неповинующегося и заставить повиноваться себе. Поэтому анархизм относится отрицательно ко всякой государственной власти, как организованному насилию человека над человеком, и доказывает, что этому последнему нисколько не легче, кто именно станет производить насилие над ним, консерваторы—Божьей милостью, или либералы—во имя свободы, которою народ на деле не может пользоваться, или социалисты, которые займут их места. Одни анархисты до конца отрицают самый принцип государственной власти и государства, стремясь доказать, что человечество

Digitized by Google

не погибнет и без этих последних, и все то, что необходимо для духовной, материальной и гражданской жизни общества, может быть сделано в случае нужды и силами самого общества, по взаимному соглашению граждан, входящих в его состав. Взамен нынешнего общественного строя, основанного на политическом, экономическом и духовном насилии, анархисты выставляют свой общественный идеал и стремятся доказать, что современное общество представляет из себя вопиющее нарушение основных принципов христианской любви к ближнему (Л. Толстой), элементарнейшей справедливости (Прудон) и человеческого права на существование и на возможно лучшее существование (Бакунин, Кропоткин и др.). Некоторые анархисты видят свой общественный идеал в таком строе, который будет основан на добровольном правоотношении; другие анархисты утверждают, что возможно общественное сожительство людей и без всяких правоотношений (напр., на принципе счастья целого, т.-е. счастья общества, человечества) или счастья личности или на принципе любви (Л. Толстой). Взгляды анархистов на собственность, на право собственности тоже различны. Некоторые из них доказывают, что признавать право собственности—это значит всегда и всюду отрицать счастье целого, и обратно. Другие доказывают, что оно противоречит и принципу личного счастья, справедливости и т. д. Третьи не отрицают права собственности ни в принципе, ни на деле. Взгляды на этот предмет сильно расходятся. К религии и церковным интересам анархисты, за исключением анархистов религиозных, относятся отрицательно и враждебно, как и социалисты. Во взглядах анархистов и социалистов есть много общего, но и есть очень существенное различие. Оно состоит в том, что социалисты признают возможность пользоваться государственной властью в целях достижения социалистического строя, но относятся особенно отрицательно лишь к монархической или буржуазной формам ее. Многие социалисты думают, что организация власти центральной и местной сохранится и тогда, когда осуществится и социалистический государственный строй, но она будет иметь хозяйственный характер. Анархисты отрицательно относятся ко всякой власти, поскольку она предполагает насилие человека над человеком. Далее анархисты придают еще большее значение человеческой личности, ее свободе, ее воле, ее хотениям и стремлениям, чем социалисты, и, таким образом, анархисты представляют как

Digitized by Google

бы дальнейшую ступень человеческого развития по пути личного и общественного освобождения. Главнейшими представителями анархизма на Западе являются Прудон, М. Штирнер, Годвин, Тукер; в России—М. Бакунин, П. Кропоткин, Л. Толстой.

* * *

Таковы характернейшие черты четырех главнейших направлений общественной мысли, а значит и четырех главных миросозерцаний, наиболее распространенных до сего времени и имеющих своих теоретиков и практиков. Наименьшим распространением пользуется направление анархическое, также абсолютистское и монархическое; наиболее же распространены течения социалистическое, также либеральное. Существует в каждом из этих главных течений множество второстепенных и частных, взаимно перекрещивающихся между собою. Все эти течения в большей или меньшей степени отражаются на каждом авторе и на каждой книге, кем-либо написанной в любой отрасли знания, если только в ней идет речь не об изучении природы (хотя известный отпечаток и здесь иногда имеется налицо), а о человеке и человечестве; особенно это можно наблюдать на книгах, трактующих о жизни политической, экономической, на книгах исторических и т. п. Еще в большей степени отражаются направления на газетах и журналах. Дело в том, что каждый подписчик держится за ту газету, которая ему больше всего по душе, а по душе больше всего та, которая защищает его кровные интересы, значит—интересы его профессии, его общественного класса. Читая книгу или газету, читатель, если еще и не понимает, то как-то невольно чувствует не только по ее содержанию, плану, но и по отдельным словам, аргументам, намекам, в какую именно сторону клонятся симпатии того или иного автора,—в сторону ли дворянства и землевладельческого класса, или класса торгово-промышленного („промышленное развитие", „накопление богатств в стране", „благополучие государства" и т. п.), или в сторону трудящихся классов,—крестьянства, пролетариата, или, наконец, вообще человеческой личности и ее освобождения от всяких форм насилия и всяких преград по пути ее возможно полного и разностороннего развития. Случается, что представители некоторых направлений выходят на народ, так сказать, несколько замаскировавшись, спрятав свои основные

Digitized by Google

вожделения под разными хорошими и звонкими словами („благожелательная власть", „благо народа", „закон", „право" и т. п.), которые в сущности, ничего еще не выражают, потому что не в том дело, что закон, а в том, каков он и кому именно помогает, кого защищает в жизни; не в том, что народное благо, а в том, каково оно и каким злом сопровождается и т. д. Разумеется, на словах всегда можно сгладить и смягчить некоторые резкости и припрятать шипы и колючки, но вдумчивый человек, зная сущность стремлений, и сам догадается, с каким направлением имеет дело. Представители направления консервативно-реакционного прячутся за хорошими словами „закон", „народное благо" и т. п., потому что нередко чувствуют, что их время уже прошло, и старого не вернешь. Представители радикального направления, напротив, иногда прячутся от цензурных и иных гонений. Разбираться в направлениях, впрочем, в большинстве случаев нетрудно, стоит только не забывать, во-1-х, о жизни, которая лучше всяких споров проверяет и выводит на чистую воду всякие теории, во-2-х, о трудящейся массе, наименее обеспеченном, а быть может, и наиболее нравственном элементе всего общественного строя, о благе трудящихся и обремененных, от которого зависит и благосостояние этого строя, наконец, в-3-х, о личности человеческой, о ней прежде всего,—о личности мыслящей, чувствующей и страдающей, которая и есть основа всех основ, фундамент всех фундаментов общественного строя и его истории, его материя и сила. Для знакомства с направлениями и их сущностью представляют, по своему объективному изложению, известный интерес нижеследующие книги: А. Пыпина („Оч. обществ. движения при Александре I"),—сопоставление консервативно-реакционного направления Карамзина с либеральным направлением М. Сперанского, М. Коха „Очерки по истории политических идей", который рассматривает в их историческом развитии миросозерцания абсолютизма и либерализма. Направления либеральное и социалистическое сопоставляются и рассматриваются в книге Зомбарта „Социализм и социальное движение", анархистское — в книге Эльцбахера „Анархизм". Особенной объективностью отличается последняя книга, автор которой щепетильно-тщательным образом изучает мнения выдающихся представителей анархистской мысли и, не вводя в книгу ничего от себя, стремится выяснить взгляды этих последних на право, государство и собственность.

Digitized by Google

Говоря о направлениях, нельзя не сказать и о столкновениях их, которые находят свои выражения как в общественной жизни и ее истории, так и в литературе. О столкновениях направлений в области жизни говорится в исторических книгах и прежде всего в тех, где речь идет о развитии общественности. Борьба направлений в душе каждого человека, это и есть выработка миросозерцания, которая, как известно, даром никому не дается и требует немало душевных сил и святых страданий, если только человек желает быть искренним перед собой самим, из самообразования не делает пошлую декорацию и к справедливости и истине стремится честно. Об этом и идет речь на каждой странице нашей книги. Здесь нам необходимо сказать лишь о борьбе мнений в области литературы,—борьбе, выражающейся в полемике и критике. О полемике мы уже имели случай высказать наши взгляды выше.

Что касается критики, то она бывает чрезвычайно разнообразна. Есть критика эстетическая,—критика с точки зрения красоты, есть критика общественная, социологическая, задача которой состоит в том, чтобы, вдумываясь в художественно-литературные произведения, видеть в них и изучать общественную жизнь вплоть до злобы дня включительно (критика публицистическая—разновидность общественной). Одной из разновидностей общественной же критики является критика историческая, цель которой—изучение исторической эволюции форм, идей и типов в ходе времен. Наконец, есть еще критика историко-литературная, цель которой—понять и литературное произведение и его автора, как звенья литературного развития, и с эстетической, и с психологической, и с социальной стороны. Вряд ли нужно доказывать, что в области критики мы ежедневно встречаемся тоже с борьбою направлений, борьбою тем более ожесточенной, чем более близки к злобе дня те вопросы, которые в разбираемом произведении затронуты, и чем ярче они поставлены. Правда, иной раз спор ведется как будто бы лишь о форме произведений. Но стоит только немножко вдуматься, и тотчас же станет очевидным, что в этом споре, в сущности, участвуют все основные воззрения критиков,—и политические, и социальные, и научные, и философские, которые в душе всякого мыслящего человека связаны, соединены в одно целое столь же плотно и крепко, как и в самой жизни плотно соединены и слиты и политика, и экономика, и этика жизни, и мысль, и чувство, и разум, и интерес

Digitized by Google

и т. д. Критика ради критики отжила свой век, и в этой области, как и везде, идет борьба направлений. Вглядеться и вдуматься в нее, разумеется, очень интересно и поучительно. Чрезвычайно важно также послушать иной раз мнения о таком-то литературном произведении такого-то критика, особенно если он человек умный, мыслящий, сведущий и чуткий. Поэтому выше мы усиленно рекомендовали читателям, в целях их самообразования, читать литературно-художественные произведения параллельно с критическими и литературно-историчеекими отзывами о них. Но, с другой стороны, не следует и преувеличивать значения этих последних, и на суждения даже умнейших из умнейших и ученейших из ученейших критиков нельзя смотреть, как на нечто непреложное, в свою очередь не подлежащее критике. Всякая критическая статья—одно из многих других мнений, высказанных и среди читателей и в печати о таком-то литературном произведении; всякий отзыв, будь он самый отрицательный и резкий или самый похвальный,—все-таки один из многих других отзывов. Не следует забывать, кроме того, что о вкусах не спорят, и не всякая хорошая книга нравится всякому хорошему человеку, и книги не действуют на всех одинаково. Всякий читатель, будь он ученый критик-специалист или просто-на-просто литературный профан, судит о достоинствах и недостатках книги не иначе, как субъективно, т.-е. более или менее пристрастно; а коли так, то все мнения, при условии если они искренни, имеют прежде всего значение характеристики этого самого читателя. И даже не столько писателя, сколько читателя, его взглядов, мнений, настроений, интересов, привычек, обычаев и т. д., и т. д. Уметь мыслить, судить и критиковать беспристрастно — величайшее искусство, которое, увы! мало кому и дается, хотя, разумеется, нельзя не стремиться к нему, как к идеалу. Одним из лучших способов является сопоставление разнообразных мнений об одной и той же книге, и в том числе прежде всего сопоставление своего мнения (за которым при составлении такого приговора и должно сохраняться право на окончательное решающее значение) с другими. Вот из сопоставления-то разных мнений лучше всего и познается интимная, иной раз глубоко скрытая сторона вопроса о направлениях. Поэтому мы здесь и говорим читателю: работайте над самообразованием, знакомьтесь с произведениями, знакомьтесь с критикой их, вырабатывайте таким способом с их помощью не только

Digitized by Google

ваши понятия о существующих направлениях, но и ваше собственное направление. Мы видели, что в основе каждого направления лежит определенный интерес и связанные с ним стремления, хотения, чаяния. Вопрос же об интересе—вовсе не вопрос истины и даже не вопрос о справедливости. Это—вопрос борьбы за жизнь и за лучшую жизнь, а вместе с тем (и на этой почве) вопрос настроения, симпатии или антипатии,—к своему ли я или к ближнему, к сытым ли избранникам или к обездоленному большинству. Литературно-художественные произведения помогают вырабатывать не только взгляды, но и гуманные альтруистические настроения. А в них-то и вся тайна, и смысл, и цель жизни каждого из нас, вопрос о ее суживании в болотный эгоизм или развертывании в искренно-глубокую, возвышенную любовь к человечеству.

ГЛАВА X.

Наука и научное чтение. Круг знаний.

В предыдущей главе мы говорили о том, как читать книги по беллетристике, и при этом старались попутно выяснить, сколь плодотворным может быть такое чтение в смысле углубления жизни и ее понимания, в смысле выработки тех сторон человеческой личности, которые, если можно так выразиться, из обыденного, шаблонного человека делают настоящего человека, чуткого, мыслящего, отзывчивого, готового, стремящегося проявлять себя. Теперь мы будем говорить о приобретении знаний, научных знаний, без которых никакое проявление нашей мысли, стремлений и чувств в жизни не имеет особого значения и представляет из себя не что иное, как стремление, по известной пословице, „соваться в воду, не узнавши броду".

Прежде всего спросим себя, да что же такое представляет из себя наука и чем отличается она от не-науки, т.-е. от так-наз. „обыденного знания". Как известно, это последнее приобретается каждым из нас из жизни, из житейского опыта, из столкновений и разговоров с другими людьми, „из воздуха". Какая особенность таких обыденных знаний, их характерные черты? Прежде всего—неточность, затем—недостоверность, далее—случайность, несисте-

Digitized by Google

матичность. Знания научные, в отличие от обыденных, это—знания точные, достоверные, систематичные, то-есть, знания классифицированные, рассортированные по родам, видам и разновидностям, объединенные, объясненные. Но что значит объясненные? Это значит—опирающиеся на какие-нибудь другие знания, уже прочно установленные. Как мы говорили, каждая наука состоит из фактов и идей и из мнений о них, т.-е. объяснений, теорий, учений, на них опирающихся. Факты действительно установленные—незыблемая и постоянная часть науки; мнения о них—нечто более или менее непостоянное, во всяком случае, не столь устойчивое. Согласно с проф. Троицким, вот что мы будем понимать под словом „наука": совокупность учений о фактах, содержащих общие истины (т.-е. обобщения фактов) и излагаемых в системе, т.-е. в таком порядке, какой определяется близостью их сходства и взаимной зависимости и сопровождается раскрытием тех приемов, какими проверяется их достоверность [1]). Факты и идеи, теории и учения не проверенные не есть наука. Это прежде всего необходимо запомнить и понять. От всякого действительно научного знания необходимо требовать ясности, прежде всего ясности, и считать понятым только то, что вами действительно ясно понято и ясность чего доведена до самой глубины, до самого конца. Итти к такой ясности это значит итти в роде как по бесконечно длинной лестнице знаний и идей, от ступени к ступени, и к тому же итти так, что каждая предыдущая ступень является опорой каждой последующей ступени, и к тому же опорой прочной, основательной, так что не подлежит и сомнению, что на нее-то опереться действительно и можно и должно. Это и есть наука, это и есть настоящее научное знание, и такое знание имеет очень мало общего с той мешаниной, кашей из знаний, какая обыкновенно имеется в большинстве человеческих голов. Что такое знание обыденное, т.-е. эта самая мешанина, это всякому известно. Это—склад впечатлений и слухов, чужих мнений и привычек, извращений, недоговорок, недоразумений, недоумений и т. д., и т. д. В таком складе рядом восседают и боги, и демоны, и плюсы, и минусы, свет и тьма, истина и ложь, искренность и обман и фальшь, и все это вперемешку, и все кое-как, по известному правилу: „где густо, где пусто". В сущности, страшно за тех людей, которые не только живут с такой

[1]) Проф. Троицкий. Учебник логики, т. III, стр. 3.

Digitized by Google

мешанниной, но еще волей-неволей должны ею руководствоваться, на нее опираться, принимая в своей жизни иной раз крайне важные решения—„что делать? как быть? как поступить?“ Стоит только вспомнить, напр., какую роль обыкновенно играет эта мешанина при выборе средств для лечения болезней, или в делах веры, нравственности, или в партийных спорах и делах, наконец, во всем миросозерцании, при выборе направления, от которого зависит, к каким людям мы пойдем и с какими, где и как будем действовать,—и, право же, становится страшно за человека. И не только страшно, но и обидно.

Между тем, думается нам, самую сущность действительно научного знания может усвоить всякий желающий без особого труда, а для этого необходимо вот что:

1. Ясно понять различие знания научного от не научного.

2. Познакомиться со способами добывания и обработки научных знаний в целях познания истины,—того, что есть, что действительно есть.

Главная задача науки состоит в том, чтобы изучить то, что есть. И не только изучить, но еще так разработать, чтобы человек, стремящийся к знанию и пониманию Вселенной (человечества и природы), получил возможность экономить свои умственные силы,—силу памяти, силу внимания, силу мышления, рассуждения и т. д. Никакая голова не сможет вместить теперь всех фактов и идей, которые уже сделались достоянием человечества, благодаря его дружной совместной работе с незапамятных времен. Всех известных фактов даже в какой-нибудь одной отрасли знания не в силах обнять одним взглядом, сравнить, запомнить даже крупнейший из крупнейших умов. Гораздо легче рассортовать эти накопленные знания по их сходству и различию между собой, по отделам, по группам, родам, видам, разновидностям. Уже гораздо легче запоминать лишь эти группы и их общие свойства, т.-е. сходные качества. Но ведь эти группы, в свою очередь, можно еще рассортовать на группы еще более крупные и т. д. Далее, гораздо удобнее выяснить постоянную связь, существующую между ними, чем каждый раз отдельно выяснять отношение между таким-то и таким-то отдельным фактом. Напр., всех существующих птиц трудно узнать, запомнить, но гораздо легче изучить их царство, если общими силами многих людей сначала узнать, какие птицы живут и жили на свете, затем рассмотреть устройство их тела, подметить сходства и различия

Digitized by Google

между разными породами, затем из замеченных многих свойств выбрать, отметить какое-нибудь по возможности самое важное свойство и взять его за основу дальнейшей сортовки всех существующих птичьих пород, а выбрав его—посмотреть затем, у каких птиц оно имеется, у каких нет, да по этому свойству и рассортовать все птичьи породы на группы: к одной группе отнести тех, у которых это свойство имеется, а к другим—у которых его не имеется. Таким образом, имея перед собой такую уже сделанную сортовку (классификацию), сразу можно получить возможность экономить свою познавательную силу знания о целом ряде пород (или в общей форме),—получать знание, и к тому же точное (достоверное и систематическое). Или вот еще пример. Известно, что камень падает на землю, дым поднимается вверх, луна кружит около земли, земля около солнца, солнце около каких-то других звезд нашей звездной системы. Известно теперь и то, что вся эта система передвигается еще около каких-то других нам неизвестных систем. Все это—факты, и все разные факты, и разобраться в них и во всех подробностях их очень мудрено. Но наука все-таки разобралась и в них, и к тому же блестящим образом: она подметила сходства и различия во всех этих фактах, привела их в связь между собой и свела все эти факты к одному, основному,—к одной доказанной, точной, не опровержимой истине, что всякая частичка всякого вещества притягивается всякою частичкой всякого другого вещества, и чем больше количество вещества собрано вместе, тем сильнее это притяжение. Значит, если масса тела делается больше в какое угодно число раз, ровно во столько же раз увеличивается и притяжение, оказываемое им на все другие тела. Такое отношение, раз оно подмечено, так просто и ясно, что его можно выразить и числами; а чтобы не писать цифр—и буквами, при чем под буквой можно подразумевать какое угодно число. Выходит тогда так: притяжение увеличивается в M, N, O, P раз и т. д., если масса физического тела увеличивается во столько же раз (под этими буквами можно подразумевать любое число,—и большее, и меньшее, и целое, и дробное и т. д.). Таким образом получается вместо множества пестрых фактов одна ясная и простая формула, которая и помогает нам понимать все, что мы видим вокруг. Ясное дело, что такой прием помогает сбережению наших сил. Таким образом знания наши о мире и упрощаются, и объединяются, систематизируются, и мы, идя к пониманию жизни

Digitized by Google

с помощью такого знания, т.-е. научного, экономим свои силы весьма значительно. Это дело и делает наука. Она делает наше понимание мира и жизни ясным, точным и достоверным, систематичным, объединенным и удобным для усвоения посредством кратких формул, выражающих немногими словами все бесконечное разнообразие фактов. Формулы эти дает математика, изучающая не только качественную, но и количественную сторону всех явлений и показывающая, что даже и качество зависит от количества. Поэтому математика является идеалом точности знаний, а к такому-то идеалу и стремятся все науки.

Будем же и мы стремиться к нему.

Но науки бывают разные. Есть очень много наук, которые еще отстоят очень далеко от такого идеала. Есть науки, которые еще далеко не точны и в которых еще много недостоверного и невыясненного. К таким наукам до поры до времени и приходится относиться, как к далеким от идеала. Но не в том главная беда, что до сих пор, увы! существуют такие, еще далеко не точные и не достоверные науки, а в том, что их-то иногда принимают люди за точное и достоверное знание. Занимаясь самообразованием, необходимо научиться отличать знание точное и достоверное от знания еще неточного и недостоверного. Вряд ли нужно доказывать, до какой степени важно и необходимо такое умение. Нужно уметь отличать свои знания от своего незнания. Нужно уметь говорить себе: „это, пока что, еще неизвестно“. Давно сказано: „Глупец думает, что знает все; мудрец никогда так не думает“.

К области наук еще неточных и еще недостоверных относятся многие науки общественные, каковы, напр., история, политическая экономия, право и т. д. Но как же относиться к этим наукам и как считаться с их выводами? Неужели все это нужно отметать от себя только потому, что эти науки еще не достигли до идеала? Вовсе нет. Вполне возможно и в их области отличать знания точные и достоверные от неточных и недостоверных. Ведь и в них есть факты, и здесь они тем более имеют особенно важное значение. Факты, факты и прежде всего факты. Но что же это значит,—научиться отличать знание от незнания, науки точные от неточных? Для этого необходимо, как уже было сказано, знакомиться не только с тем, что именно добыто такою-то наукой и до чего она уже дошла, но и с тем, как дошла и как шла, какими способами. Разные науки пользуются разными

Digitized by Google

способами искания и добывания истины, и эти-то способы и называются методами. Чтобы составить понятие и суждение о многих знаниях, науках и их истинах, необходимо прежде всего познакомиться с тем, какими же методами они установлены или проверены? Есть много истин, которые держатся на голословном утверждении, которому, в сущности, грош цена,—„там-то так сказано, такой-то так сказал“... Но ведь вся суть не в том, что „сказал“, а в том—верно ли сказал. Иной раз факт как будто не подлежит никакой проверке, напр., он случился тысячи лет тому назад. Как подойти к его проверке и исследованию? Но вот в том-то и состоит величие и сила, и красота науки, что она ухитрилась найти способы подходить и к таким фактам, к которым как будто бы и не подойдешь, и нашла такие способы, в которых и сомневаться нельзя, потому что они проверены и всегда могут быть проверены. Напр., кто не знает, что на солнце и на звезды не влезешь? А при помощи спектрального анализа, т.-е. особого, очень тщательного изучения световых лучей, идущих от солнца и звезд, можно узнать и о том, что на них имеется! Кто не знает, что в старинных книгах говорится подробно о всемирном потопе? Как проверить это сказание? А вот в Месопотамии нашли множество кирпичных плиток и на них какие-то странные знаки, в роде узоров. Наука догадалась, что это не знаки, а письмена; в этих письменах наука догадалась различить слоги и буквы, прочитала слова, узнала звуки этих слов; по этим звукам узнала, что и теперь есть народы, говорящие на сходном языке, расследовала эти народы и их язык, узнала по этому теперешнему их языку об их старинном языке; попробовала приложить знания, добытые таким способом, к пониманию письмен,— и поняла их; затем, узнала, что на некоторых кирпичах говорится о большом местном наводнении, и говорится почти теми же словами, как и в Библии; узнала, таким образом, что именно эта последняя заимствовала рассказ о потопе из ассиро-вавилонского предания о большом местном наводнении; далее, совсем другим способом, исследуя берега моря, ветры, их распределение и толщу земную, узнала и о том, как и почему случаются иногда такие самые местные наводнения и в других местах. И, в конце концов, факт, как будто бы и недоступный проверке и критике, оказался и расследованным и проверенным, и наука пришла к выводу: да, когда-то наводнение было, но только местное, а не мировое. Этот пример отлично доказывает, что критике и про-

Digitized by Google

верке и предела нет. Ум человеческий, опирающийся на исследование фактов,—величайшая сила. Вот хоть частичку-то такой силы и необходимо вложить в себя, чтобы и самому сделаться сильнее и чтобы и в великих и малых делах иметь возможность говорить: „Не проведете, не обманете, не запугаете, не собьете, не вотрете очков в глаза". Вот с этою-то целью, изучая науку, и необходимо обращать внимание на изучение ее методов.

Многие думают,—и это по существу справедливо,—что самая-то суть науки и заключается в научном методе, что им-то наука и отличается от не-науки. Научный метод, это—своего рода узда на легковерный человеческий ум, который то и дело, по разным причинам, способен считать за истину не то, что есть, а то, что кажется или что думается, или что представляется удобным, полезным, выгодным в том или ином отношении. Научный метод, напротив, учит в самом процессе исследования и работы, что задача наша—понять именно то, что есть, т.-е. факты жизни и смену их в определенном порядке,—определенной связи, определенных отношениях. Истина—там, вне нас. Идеал же нашего искания ее сводится лишь к тому, чтобы сделать из нас возможно хорошее зеркало, отражающее мир без искажения. Мы знаем и можем знать только отражение мира в нашей душе, а не самый мир. Но ведь и зеркало и отражение могут быть и лучше и хуже, и параллельными и непараллельными природе. Наше дело стараться, чтобы они были возможно лучше и параллельнее.

Научный метод объединяет все науки в одно единое и неразрывное целое. С первого взгляда кажется, что методов многое множество. Так, напр., астрономия опирается главным образом на наблюдение, физика и химия—на опыты, статистика—на подсчет, история—на критику документов, социология—на сравнение явлений общественной жизни, происходящих в разное время, в разном месте, при более или менее неодинаковых условиях и т. д., и т. д. Но вот что оказывается: астрономия тоже не обходится без опытов, напр., происхождение солнечной системы из вращающегося шара может быть наглядно показано и на опыте с маслом, плавающем в спирте с примесью воды. Астрономия же пользуется и подсчетом, напр., тщательно ведет статистику солнечных пятен. На примере предания о всемирном потопе мы видели, как успешно применяется историко-критиче-

Digitized by Google

ский метод к геологии, к религии, к истории. Статистика тоже не обходится без наблюдения, как и физика и химия. Любой метод, лишь только он ведет к познанию истины, то и дело пробуется в разных областях знания. Лишь бы добыть и добыть истину,—и лишь бы способ ее добывания был действительно полезен в этом отношении, а изобретательность мыслящего ума уже постарается применить ее. Поэтому знакомство со всеми научными методами всех наук особенно полезно каждому человеку, в какой бы отрасли жизни он ни был специалистом.

Переходим теперь к обзору самых наук. Как известно, наук великое множество, можно сказать даже,—бесконечное множество, и много таких, о которых очень образованные люди никогда и не слышали. Есть, напр., наука „конхилиология“ (о раковинах), „термология“ (о теплоте), „барология“ (о тяжести) и т. д., и т. д. Дело в том, что многие ученые, напр. Э. Геккель, очень любят сочинять и давать особые названия разным отделам науки, заимствуя эти названия то из греческого, то из латинского языка. Любой отдел науки можно рассматривать, как более или менее особую науку, и при этом особо определять ее область, ее цель, задачи, иногда даже и метод. Случается и так, что в иной науке такой отдел с течением времени сильно разрастается, благодаря более детальной разработке его каким-нибудь ученым или учеными,—и, в конце-концов, уже по самой массе материала, к нему относимого, в роде как заставляет считать себя особой наукой. Так отделы науки превращаются в науки, хотя по существу между теми и другими нет никакой существенной разницы. Наука растет, и новые науки на ее общем стволе появляются подобно тому, как появляются новые ветки на дереве,—сначала в виде почек, затем листочка, затем веточки, затем ветки, которая разрастается в большой сук, а тот становится в конце-концов целым отделом главного ствола. Наука тоже едина, хотя у нее и много отдельных ветвей. Этого прежде всего и не следует забывать, говоря о науке и об отдельных науках. Во всех них больше единства, чем множества. И во всяком случае—самая-то суть в единстве, а не во множестве. Поэтому на отдельные отрасли знания не приходится смотреть, как на какие-то звезды и планеты в небе, где звезда от звезды и планета от планеты очень далеко. Подобно тому, как едина жизнь, изучаемая совокупностью всех наук, так едина, не может не быть единой, и вся наука,—все отдельные науки. Поэтому, приступая к

Digitized by Google

чтению научных книг, необходимо прежде всего понять, что нет и не может быть ни расстояний, ни перегородок между отдельными отраслями знания. Правда, каждая наука—своего рода фонарь, бросающий и свой свет вокруг себя. Но если вы, читатель, желаете понять какое-либо явление или область жизни, и тем более вообще жизнь, разумеется, вы должны взять побольше разных фонарей, да и осветить с их помощью это самое явление, этот факт с разных сторон, обставив его вашими фонарями-науками тоже со всех сторон, а свет этих фонарей направляя в одну точку. Ведь ваше-то главное дело—понять эту самую точку, т.-е. исследуемый факт, а не в том, чтобы восхищаться светом того или иного фонаря и купаться в лучах его. Фонарь и свет, это—лишь орудия вашей работы,—только и всего. Белый свет, самый яркий, получается ведь из сложения всех цветов радуги. Поэтому странно иной раз слышать такие речи от работников, стремящихся к изучению науки: „буду изучать такую-то науку—в ней вся суть дела".

Особенно часто приходится слышать это о политической экономии, словно эта наука—основа всех прочих наук или самая близкая к нашим нуждам. И вот читатель принимается за руководства по политической экономии, сидит, читает,—и с первой же страницы находит, что многое-то в книге ему и вовсе непонятно: то промелькнет что-нибудь из области истории, то из физики, то из химии, то из философии. Вот об этих мелканиях, этих брызгах своего собственного неведения и нужно подумать. Такие-то мелькания и показывают наглядно, что одна какая-нибудь наука, например, политическая экономия, требует и других, даже совсем других знаний и наук, потому что знание и наука—едины. Чтобы понимать жизнь, волей-неволей нужно знакомиться с совокупностью, с кругом наук.

Вот об их-то круге мы и скажем теперь два слова. Как мы уже сказали, разных наук на свете много, а разрастаются они с течением времени в роде как ветви на большом, многовековом дереве. Таково их разрастание и распределение историческое, т.-е. согласное с историей их появления. Но если взять все науки, да рассмотреть хорошенько не их самих, а те явления, какие ими изучаются, тогда волей-неволей увидишь и кое-что другое. Что самое важное для оценки наук? Разумеется, жизнь. Но что значит жизнь? Это значит—явления, факты жизни. А ведь явления-то эти и факты тоже не существуют

Digitized by Google

отдельно и независимо одни от других,—все они, как мы уже сказали, меж собой связаны видимыми или невидимыми еще для нас связями. Какая же это связь? Заметить и понять наличность ее существования очень не трудно. Один из легчайших способов состоит в том, чтобы присмотреться ко Вселенной, как к единому целому. Говорим, что этот способ легчайший, а не труднейший потому, что самое-то крупное легче всего увидеть на крупном примере. И правда, что такое Вселенная? Это—совокупность всего, что существует: сюда входит и человечество, и мир других организмов (животных, растений), и их духовная и телесная жизнь, и планета земля, на которой все это живет, и другие светила небесные, и вещества, из которых все это составлено, и „силы природы",—попросту сказать, явления, которые наблюдаются в этом веществе, напр., тепло, свет, звук, электричество и т. д., и удивительно правильные количественные отношения, во всем наблюдаемые, между мельчайшими частичками и количествами вещества и „силы", как в бесконечно большом (в звездных системах), так и в бесконечно малом (в атомах, электронах). Но присмотритесь ко всем этим основным явлениям, и вы увидите, что в длинном ряде веков и времен все они располагаются в правильный и связный ряд по мере их появления: было время, когда человечества еще не существовало, а другие организмы и органическая жизнь уже были. Было время, когда и органической жизни, в свою очередь, тоже еще не существовало, а неорганическая природа (на необитаемом еще земном шаре) уже была. Но и этот шар тоже существует не веки-вечные. Тоже и солнце и другие небесные светила, потому что их формы тоже меняются. Что же лежит в основе этих форм? Во-первых, вещество, во-вторых, „силы природы" (более точное название их—энергия, т.-е. работоспособность, способность преодолевать какое-либо сопротивление). Разумеется, основа мира, сравнительно с формами ее,—нечто более постоянное и устойчивое. Форма изменяется, основа же остается. А были ли и такие времена, когда и самой-то основы этой не существовало? Об этом увы! никто из людей, пока что, сказать с точностью и достоверностью ничего не может, если только не желает сочинительствовать или, как сказал один известный писатель, „подставлять вместо истины отсебятину". В этом вопросе нам остается только признавать свое собственное незнание или невозможность знания,—такое же незнание, какое

Digitized by Google

чувствует и всякий верующий человек, когда его спрашивают, „а откуда же произошел тот самый бог, в которого ты веруешь? Было ли время, когда и его-то не было? И если да, то кто же его-то сотворил?“ На этот вопрос нет ответа и у верующего человека, подобно тому, как нет ответа и на вопрос о вечности Вселенной. Это тоже—вопрос из области непознанного или непознаваемого. Но вот что мы знаем в пределах познаваемого: с течением времени развитие Вселенной идет в таком порядке: конечные факты, отправные пункты развития Вселенной—вещество и энергия („сила“), проявляющие бесконечную способность к эволюции. Затем перед нами следующие отделы вселенной: 1) небесные светила, в том числе наша планета; 2 мир организмов (растений и животных, их телесная и духовная жизнь); 3) человечество. Таким способом, целый ряд явлений (основных явлений Вселенной) вполне естественно распределяется сам собою в исторической последовательности,—последовательности тех перемен, которые происходят и произошли в бесконечности времен. Соответственно этому распределению явлений не могут не распределиться и наши знания о них. И вот мы уже имеем таким способом кое-какую руководящую нить для того, чтобы разобраться в бесконечном множестве всякого рода наук. Одни науки изучают природу неорганическую (не живую), другие—органическую, третьи—человечество и его жизнь. Из наук о неорганической природе одни изучают энергию („силы природы“) и ее проявления и превращения (физика) другими изучается вещество, разного рода вещества и их общие и частные свойства (химия). Явления же, характеризующие природу живую, т.-е. органическую, изучаются науками биологическими (название этих наук происходит от древне-греческого слова „βίος“ — „жизнь“ и „λόγος“ — наука; биология — наука о жизни). Как известно, все, что мы называем живым, имеет две нераздельные, теснейшим образом слитые стороны жизни: во-первых, то, что обыкновенно называется стороной телесной, и во-вторых, то, что обыкновенно называется стороной духовной. Телесную сторону жизни изучают науки физиологические, духовную—психологические. Далее, целый ряд наук ставит себе задачей изучение человека, человечества, человеческого общества, различных сторон его, начиная от материальной и хозяйственной и кончая высшими проявлениями духа. Науки о человеке называются нередко гуманитарными науками, от латинского слова

Digitized by Google

„humanus"—человеческий. Изучение физической и психической стороны человека у разных племен и рас и сравнительно с теми же сторонами других, главным образом, высших животных составляет задачу антропологии; сравнительное изучение племен и рас и их жизни ставят своей задачей антропология и этнография; распределение этих племен и рас по земной поверхности и их жизни в определенных географических условиях изучается этнологией, этнографией и антропогеографией. (Этнология—это значит по-русски „наука о племенах" вообще, этнография — „описание данных племен", антропогеография—„география человека", наука о распределении человеческих племен по земному шару в зависимости от географических условий жизни). Общественную жизнь вообще, начиная с происхождения ее в царстве низших животных, а затем дальнейшее развитие ее в ходе времен, в царстве человечества изучают науки социальные (от латинского слова „socialis"—общественный). Хозяйственную жизнь, основной фундамент всякой общественной жизни, изучают науки экономические (от греческого слова „οἶκος" — хозяйство, дом, „νόμος"—закон); юридическими науками изучаются право и законы, определяющие отношения людей в общественной среде. Задача политических наук—изучение отношений народа и власти, которая с течением времени постепенно слагается в среде каждого народа и превращает его общественную организацию в государство. Далее, целый ряд наук ставит своей задачей изучение всевозможных проявлений духовной жизни в человечестве, каковы, напр., религия („наука о религиях", о верованиях), нравственность („этика" — наука о поведении и о принципах нравственности), воспитание и образование (педагогика), язык („языкознание", „лингвистика"), литература (целый ряд наук о литературе), искусство (целый ряд наук об искусстве вообще, о красоте, об изящном, об отдельных изящных искусствах с эстетикой, философией красоты). Наконец, особые науки изучают мысль человеческую, ее основу, ее проявления, ее формы, процессы мышления (логика, от греческого слова „λόγος"—ум, слово), далее—самое познание, отношение человеческой мысли к внешнему миру, о котором мы только и можем получать сведения через наши очень несовершенные органы чувств (гносеология, от греческого слова „γιγνώσκω"—познаю). Наконец, венцом человеческого познания, величайшим символом его ясности, точности и достоверности является математика (от греческого слова

Digitized by Google

„μάθησις", что значит наука), стремящаяся прилагать ко всякому явлению, какие только существовали и существуют, критерий меры и числа и свести отношения явлений к отношениям, выражающим их числовые величины в знаках, правда, условных, но настолько точно установленных в соответствии с явлениями природы и господствующим в ней порядком, что, манипулируя с ними, является возможность не только познавать этот самый порядок, но и понимать далекое прошлое и предвидеть будущее. Таким образом торжество математики является и торжеством науки вообще, торжеством знания, торжеством ума человеческого.

Таков круг наук, о котором было сказано выше, и такова естественная связь их. Основываясь на этой связи,—связи, по существу не зависимой от человека, а зависящей от самой природы, является возможным распределить все науки таким способом, что это самое их распределение окажет большую и существенную услугу, во-первых, и общему обзору их, поможет начинающему человеку осмотреться в их множестве и освоиться с ним, во-вторых, поможет и систематическому изучению их. Благодаря своей естественности и вместе с тем практическому удобству, по нашему мнению, из всех классификаций, до сих пор созданных, заслуживает особого внимания классификация знаменитого французского писателя О. Конта, сделанная в 40-х годах XIX в. На нее-то мы и хотели бы обратить особое внимание начинающих читателей [1]). Сущность и громадное значение этой контовской классификации состоит в том, что в основу ее положен не какой-либо случайный признак, а нечто действительно прочное, определенное и, главное,—естественное, а именно—явления природы. Классификация наук должна быть построена, говорит Конт, на их взаимной зависимости, а в основе этой зависимости наук должна лечь зависимость соответственных явлений. Другими словами, классифицируя все науки, Конт приглашает смотреть не в книгу, а в жизнь и заниматься прежде всего изучением явлений и их связи.

Мы не будем здесь вдаваться в изложение классификации О. Конта, так как она дошла до нашего времени не совсем такою, какою была им создана, а более развитою и усовершенствованною. Мы скажем лишь несколько слов, опираясь, в общем, на Конта,

[1]) Подробно об этой классификации см. во введении к нашему большому труду „Среди книг", т. I, изд. 2-е. М. 1911 г.

Digitized by Google

о различных типах наук и о их взаимоотношениях, о их системе, которая и поможет нашему читателю разобраться в их многочисленности и пестроте.

Переходя к общему и систематическому обзору всех наук, прежде всего необходимо отделить „науку“ от „не-науки“. Вводить в классификацию наук то, что не-наука,—это значит сбивать с толку и себя и других. Между тем миллионы людей и чуть не на каждом шагу считают наукой то, что вовсе не наука. Так, напр., говорят о религии, богословии, теологии. Прежде всего необходимо понять, что религия—вовсе не наука. Религия—это вера. Наука—это знание. Человек может веровать во что угодно, и для этого ему вовсе не требуется убеждаться, что вера его правильна. Верующий рассуждает так: „верю“,—и в этом весь разговор. „Верю в то, в чем и убеждать меня не нужно, потому что я внутренно убежден и никаких доказательств тому и не требую. Есть они,—тем лучше, нет их,—обойдусь и без них“. Но не так рассуждает наука. Она на это говорит: „Внутреннее убеждение—это еще вовсе не доказательство. Если опираться только на одно свое убеждение, веру, то какую угодно ошибку, заблуждение, ложь, обман и т. д. можно признавать за истину, за нечто существующее, реальное. Внутреннее убеждение без знания—не более, как источник заблуждения. Один раз оно не обманет, а 999 раз обманет. Если же ты хочешь истины и стремишься к ней,—опирайся не на него, а на изучение того, что есть“. Наука требует доказательств. Наука ищет их. А ищет, потому что сомневается. Вера же только до тех пор и вера, пока нет сомнений. Кроме того, вера говорит: „разум ничтожен, он не может постичь непознаваемого и сверхъестественного, выходящего за пределы природы,—для него недоступно то, что выше природы, вне природы и против природы (supra naturam, extra naturam, contra naturam). А вера это самое и дает познавать“. Разум на это отвечает: „Познания непознаваемого не дает и вера, никакая вера. Говорить о познавании непознаваемого это значит лишь обманывать и себя и других. Разберите хорошенько, во что только люди ни веровали и ни веруют: и в камни, и в деревья, и в деревянные столбы, и в статуи, и в нелепые сказки, не говоря уже о страшной богине Кали, Зевесе, Озирисе, Ваале и т. д. И все эти верования выходили за область природы, были и extra, и supra, и contra. И такая вера никому и ничего кроме самоутешения не дала. А разум ищет не самоутешения только,

Digitized by Google

а самоутверждения. Он хочет стоять твердо, и не только на своих собственных ногах, но и имея опору в природе, то, что есть вне его. Вера устами одного из отцов церкви сказала: „Верю, потому что нелепо то, во что верю". А разум говорит: „не в силах я веровать в то, что нелепо". Объект веры (т.-е. то, во что я верю) тоже должен быть разумен, согласен с разумом. Если же он не согласен с ним, а противоречит ему, то значит разум выше его, а не обратно. А коли так, на что же полагаться: на нечто высшее (разум) или на нечто низшее, несогласное с ним? Один арабский ученый уже около тысячи лет тому назад сказал: никакому чудотворцу не поверю, и если он мне скажет— „верь, что три больше семи, в доказательство сего я превращу вот эту палку в змея", пусть он даже и вправду обратит ее,— но что из этого? Я подивлюсь его искусству и скажу: „три все же меньше семи". Далее, неизбежно отпадает и вера в так называемое сверхъестественное. Пусть даже вот совершился перед нами такой-то сверхъестественный факт. Но как должен отнестись к нему человек науки? Спрашивается, что нам доказывает такой факт? Прежде всего необходимо спросить себя: да что же он в сущности такое? А чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, разумеется, подойти к нему и исследовать. Исследовать его таким, каким он совершился. Во всех мелочах и со всех сторон. И при каких условиях этот факт совершился? И совершится ли он еще и еще раз, если снова налицо будут все те же условия? И может ли он не совершиться, когда все они будут опять налицо? И не зависит ли и этот якобы сверхъестественный факт также от условий? Но если он зависит от них, то как же он сможет не совершиться? А если его можно заставить совершиться, то не доказывает ли это, что считать его стоящим „выше природы, вне природы"—никак нельзя. Значит, это только нам кажется, что он совершился против природы. На самом же деле это—та же природа, только нам непонятная. Точнее говоря—еще непонятная. А что дальше будет, поймем ли мы ее когда-нибудь,—на это разум отвечает: поживем, увидим. Таким образом, стремясь отделить, разграничить науку от не-науки, прежде всего необходимо изгнать из нее сверхъестественное и даже самое понятие о нем, как о таковом, и на все сверхъестественное взглянуть тоже как на факты, подлежащие исследованию возможно точному, и на мнения, подлежащие самой разносторонней критике и проверке. Все то, что

Digitized by Google

основано на признании сверхъестественного,—вовсе не наука. Таким образом, нельзя считать науками, напр., теологию, теософию, мистику, оккультизм, спиритизм, фетишизм и т. д. Поскольку во всех них есть материал фактический, он подлежит не только их особому, но и обычному научному исследованию; а поскольку все они не более, как мечты, самообман да догадки, предположения, слепая уверенность, рассказы и сказки, к ним только и остается отнестись, как к таковым.

Но к области науки не относятся не только верования и не только сверхъестественности. Подобно этому же, не приходится отнести к науке и вообще голословные мнения и рассуждения, системы, понятия, якобы выражающие самую суть дела, а точнее и по просту говоря, слова, не опирающиеся на точное изучение, на исследование природы и всего того, что действительно существует. Мнения суть только мнения, а не факты. Стремления человеческого ума проникнуть в самую сущность вещей все-таки ни к чему не ведут и до сих пор до познания какой-либо сущности не привели никого и нигде. Иногда человеку лишь кажется, что он, путем одних рассуждений, без исследования действительности, проник своим умом куда-то очень далеко и глубоко. Но стоит лишь немного подумать, и что же оказывается? Что проникал-то он не в природу, а лишь во внутрь самого себя, своих понятий, подчиняясь их связи иногда только потому, что эта связь привычная, или случайно шел по дороге своих собственных идей и слов, то таким, то иным способом связанных меж собою. Но идеи и суть только идеи, а слова—только слова или те же идеи. Смешивать их с фактами или с взаимными отношениями самих фактов все-таки не полагается, стремясь к истине. Слова и идеи—одна статья, действительность, факты—совсем другая статья. Есть слова, точно связанные с такими-то определенными идеями; есть идеи, действительно выражающие собой факты, из которых они выведены и на которые опираются. Но еще больше таких идей и слов, как мы уже упоминали об этом (см. главу VI), которые в роде как висят в воздухе и до фактов не доходят. А сопоставьте их с фактами, с действительностью, и этим словам и идеям—конец, потому что они не соответствуют в действительности. Эту старую, известную истину, но зато истину действительную, основную, научную мы здесь еще и еще повторяем, и никогда не устанем повторять, всегда предупреждая читателя научных книг, стре-

Digitized by Google

мящегося к научному самообразованию, что первая его обязанность состоит в том, чтобы прежде всего изгнать из своей головы то, что не есть наука. Слова, идеи, не соответствующие фактам,— тоже не наука. Стремление познать самую сущность вещей при помощи одних только рассуждений и слов не есть стремление научное. Это просто-напросто—болтовня. И вот мы видим, как авторы многих миллионов якобы философских и научных книг только этой болтовней и занимаются. Но что же это за занятие? Соединение и разъединение, связывание и развязывание таких-то отвлеченных слов и идей. Но только слов и идей, не более. Иной раз со стороны (да и „изнутри") такое занятие кажется и очень глубокомысленным и почтенным делом, но все же это не что иное, как болтовня. Иной наивный читатель, читая такую книжку, „из разных слов составленную", глубоко сокрушается о себе и о своей глупости и темноте: как же это он не может понять того, что такой-то и так-то написал? А в сущности, этого написанного иной раз и понять-то нельзя. История философии, и история метафизики дает тысячи примеров в доказательство того, как метафизики и философы не только сами путались в отвлеченных словах, но и других путали, пока, наконец находился какой-нибудь точно и жизненно мыслящий человек, который разоблачал и выводил на чистую воду фактов и точных исследований все их словесные махинации и системы. Но иные такие системы и вывести на чистую воду невозможно. Дело в том, что читатель, встречая в книге что-либо туманное, неопределенное, неясно высказанное, сам, и к тому же невольно и бессознательно, заменяет встретившиеся неясности и пробелы собственными мыслями, а под чужие, недоказанные и недосказанные „истины" подкладывает свои собственные воспоминания, впечатления, факты, быть может, сюда вовсе н относящиеся по существу. Благодаря этому выходит, что недоказуемое вдруг начинает читателю казаться и доказуемым и доказанным. Припомним, какую роль сыграли, напр., неясно и очень обще выраженные тексты Корана в истории магометанства. Всякое изречение пророка толкуется миллионами людей по разному. И все вкладывают в эти изречения свой собственный смысл, и всякому кажется, что ему-то пророк Магомет и поддакивает, или что он-то и понимает правильно пророка. А на самом деле этого вовсе нет, и это лишь кажется. То, что представляют из себя только слова да идеи, не опирающиеся на познание действительности,

Digitized by Google

вовсе не наука. Таким образом, нельзя считать наукой, напр., так называемую метафизику. Metaphysika—греческое слово, составленное из двух слов μετά („за", „по ту сторону") и φύσις — („природа"). По ту сторону природы при помощи слов и идей все равно ум человеческий пробраться не в силах. Путаться же в отдельных словах и зацеплять одним словом за другое—право, занятие малостоющее. Впрочем, отсюда не следует смешивать метафизику с философией, которая может и должна быть. Всякое обобщение фактов уже можно назвать в некотором смысле философией. Всякая же наука имеет свою философию, т.-е. обобщения фактов, исследуемых и классифицируемых этой самой наукой. Далее, всякая группа наук имеет свою философию (напр., существует философия естествознания, философия права, философия языка, философия истории и т. д.). Наконец, есть философия всех научных философий, — философия всех наук, т.-е. объединение и обобщение всех отдельных научных обобщений. Это и есть то, что называется собственно научной философией. Нетрудно видеть, что такая общенаучная философия, опирающаяся на философию отдельных наук, опирающихся, в свою очередь, на факты и их исследования, представляет из себя огромное здание, прочно выстроенное не на чем ином, как на почве фактов, т.-е. действительности. Но в таком здании научной философии план вовсе не тот, как в метафизике. Здесь верхушка опирается на основание, а не основание на верхушку. Все это научно-философское здание строится, и все, что в нем уже выстроено,—прежде всего соответствует природе, есть отражение самой природы. Взбираясь на самую вершину этого здания, все же с земли на небо не перескочишь, хотя иные мыслители и надеются познать непознаваемое таким способом. Но совсем не то представляет из себя метафизика, стремящаяся познать при помощи слов и рассуждений самую сущность вещей. Иногда метафизикой называют вообще философию. Поскольку она представляет из себя философию научную, постольку она есть не что иное, как то же самое здание, т.-е. собрание дальнейших обобщений научных истин. Поскольку же она—система общих слов и идей, спускающихся с неба или поднимающихся „из глубины духа", но не достигающих земли, постольку это не наука. Метафизика, как и всякая не научная философия, должна быть удалена из наук, так как она не только не помогает, но и мешает им.

Digitized by Google

Но может быть наука и о метафизике, а также и наука о религии и вере. Наука о них, а не они — наука. Дело в том, что всякая метафизика или религиозное мнение или верование, тоже можно рассматривать, как факт, возникший в такой-то голове такого-то психического и общественного типа, при таких-то условиях, и получивший такое-то содержание при наличности таких-то обстоятельств. В этом смысле могут существовать (и существуют) науки, изучающие наличность религиозных и метафизических мнений (наука о религиях, наука об истории философии). В научном смысле не только интересно, но и поучительно и важно исследовать происхождение разных идей, хотя бы в том числе и заблуждений. Но, разумеется, такое исследование не только не подкрепляет, но и основательно разрушает их, очищая человеческий ум от разного рода „фикций“. И в этом смысле оно имеет громадное значение.

Далее, удалив из списка наук то, что не наука, мы должны разобраться теперь в том, что из науки никак не удалишь, хотя это и не наука.

Вот перед нами и такие науки, как логика, математика, с одной стороны, история, ботаника, зоология—с другой, техника, педагогика, медицина, агрономия — с третьей. Все это науки чрезвычайно не похожие одна на другую и по своему содержанию, и по методу, и по всему характеру. Физиология и медицина трактуют о человеческом теле, агрономия и ботаника—о растениях, химия, минералогия и технология — о различных веществах и их превращениях. И все науки, входящие в вышеуказанные группы, между собой не схожи. Присмотревшись к разным наукам, можно отметить нижеследующие главные группы или категории их: во-первых, науки теоретические и, во-вторых, науки практические (прикладные, технические, искусства).

„Всякий человеческий труд,— говорит О. Конт,— относится или к области умозрения, или к области практической деятельности. Исходя из этого, и все наши знания об окружающей нас действительности могут быть разделены на теоретические и практические“. Цель первых—знание и понимание того, что вокруг нас и в нас. Цель вторых—деятельность. „Вряд ли нужно доказывать, что для того, чтобы действовать, необходимо понимать. Правда, именно в деятельности со всеми ее настроениями и выражается настоящая жизнь, для которой знание и понимание являются не более, как орудиями. Тем не менее, знание и

Digitized by Google

понимание представляют такую опору для нее, какой кроме них одних более не существует. Настоящее научное, точное, достоверное знание и ясное, отчетливое, разностороннее понимание— это действительно мощная опора. Поэтому Конт и написал следующие прекрасные слова: „Рассматривайте всю деятельность человечества, — и истинным рациональным основанием воздействия человека на природу вы должны будете считать исследование природы, так как только познание законов явлений, дающее возможность предвидеть их, может доставить нам средства изменять одно явление при помощи других к нашей выгоде. Наши прямые и естественные средства действовать на окружающее в высшей степени слабы и совершенно не пропорциональны нашим потребностям. И всякий раз, когда нам удается произвести сильное влияние на природу, мы достигаем этого потому, что знание естественных законов дает нам возможность сделать это. Словом сказать,— из знания вытекает предвидение, из предвидения—влияние и действие. Такова простая форма, точно выражающая общее отношение между наукой и искусством, понимая то и другое в широком смысле слова".

Итак, в области знаний следует отмечать, во-первых, науки, во-вторых, искусства. Здесь речь идет не об изящных искусствах, а о всяких, о технике вообще, о применении научных знаний вообще. Нередко именем науки называются не что иное, как искусства. Так, напр., что такое медицина? Что такое педагогика или технология? Или ветеринария, агрономия и т. д.? Все это не науки. Это—искусства так комбинировать науки, чтобы пользоваться ими на практике, это одновременное и ловкое применение целого ряда научных данных о знании наук. Так, напр., медицина пользуется данными и физиологии, и анатомии, и химии, и психологии, и физики и т. п. Агрономия пользуется данными и зоологии, и ботаники, и физики, и химии, и метеорологии, значит и астрономии, и т. д. Педагогика пускает в ход и психологию, и физиологию, и анатомию, и историю и т. д. Какое именно знание как применить, при каких условиях, к какой личности или личностям, это—вопрос искусства, т.-е. умения догадываться, умения находить, умения применять. Что касается до самих знаний,— это всегда и везде вопрос науки. Таким образом прикладные науки отличаются от теоретических не только тем, что предполагают деятельность, мышечную ра-

Digitized by Google

боту, но и тем, что предполагают комбинацию целого ряда наук; не только разностороннее рассмотрение действительности, но, так сказать, и ощупывание ее, столкновение с нею, реагирование на нее. Прочитайте, напр., любую книгу по технике, по медицине и т. п. Всегда в такого рода книгах вы найдете, во-первых, изложение комбинированных теоретических и фактических знаний и, кроме того, ряд практических советов, выраженных иногда в виде правил, руководящих идей и т. п. Прикладное знание или искусство предполагает знание мельчайших мелочей, всей обстановки деятельности, теоретически предполагает тщательное и основательное знакомство с типичными случаями и единообразием явлений. Разумеется, именно реагирование на окружающее служит лучшей проверкой теоретических знаний. В его-то процессе и познается сила и слабость человека и человеческого ума, и знания, и науки. Но все же реагирование — не наука. Наука всегда более отвлеченна, чем искусство. Она представляет из себя знания общие, а не частные. Каждая наука, как таковая, входит, как составная часть, в целый ряд искусств или прикладных знаний, по просту сказать — во всевозможную деятельность человека. С другой стороны, и обратно—каждой теоретической науке соответствует целая толпа прикладных (напр., билогии соответствует медицина, ветеринария, агрономия и т. д., химии—технология, металлургия, фотография и т. д.).

Вряд ли нужно доказывать, что главная сила и значение науки, знания, как мы уже замечали, заключается именно в применении ее, т.-е. в том, что это знание само себя оправдывает на деле и таким способом делает мощным и сильным и самого человека, их носителя и воплотителя в жизнь. Поэтому Конт и говорил: вот куда должно обратиться прежде всего ваше внимание—в сторону применения знаний, в сторону ваших действий с их помощью и опираясь на них.

Но что нужно для того, чтобы действовать наверняка, не боясь ошибиться? Для этого необходимо прежде всего знать, понимать, предвидеть то, что собственно может произойти в таком-то и таком случае, при таких-то и таких условиях (обстоятельствах). Вот самая цель знания и умения: заранее разузнать, что происходит в природе и жизни при таких-то условиях или что именно произойдет, когда такие-то условия изменятся так-то. Главная суть—в познании условий. Когда человек знает, какие условия оказывают какое влияние, это значит, что он вместе с

Digitized by Google

этим знает и то, как ему действовать, т.-е., какое условие, обстоятельство следует удалить, какое изменить, какое создать и т. д., и т. д., чтобы добиться такого-то результата, для человека желательного. Поэтому Конт и говорил: знание ведет к предвидению, предвидение к действию. Знание явлений природы позволяет нам предусматривать их и в будущем, а предусматривание указывает нам действия, видоизменяющие жизнь в нашу пользу. Вот тут-то и сказывается особенное значение такой постановки самообразовательной работы, которая прежде всего рекомендует изучать не отдельные науки, а круг наук, чтобы с их помощью понимать и освещать каждый вопрос жизни, каждую область ее и всю жизнь не односторонне, а разносторонне, не с помощью какой-либо одной-двух наук, а совокупностью их.

Итак, перед каждым, кто занимается самообразованием,— две категории, два сорта наук: теоретические и практические (прикладные), науки собственно и искусства (ремесла), техника.

Но это еще не все. Теоретические науки, как указал Конт, бывают, в свою очередь, двоякого рода; во-первых, науки абстрактные, во-вторых, науки конкретные. Абстрактные—это значит „отвлеченные", общие. Они ставят своею целью открыть, выяснить тот порядок, общий ход, однообразие явлений, какой наблюдается в природе и в жизни и который называется нередко „законами природы" [1]). Поэтому О. Конт и говорил: абстрактные или общие науки имеют своим предметом—открытие законов природы, наблюдаемых в различных категориях явлений. В отличие от абстрактных, конкретные, частные науки—это науки описательные. Они не ставят своей задачей выяснение общего порядка Вселенной; они просто-напросто описывают формы жизни (неорганической, органической, социальной, духовной и т. д.) и распределение этих форм в пространстве (географическая точка зрения) и во времени (историческая точка зрения), их сходства

---

[1]) В „Письмах к читателям о самообразовании" мы имели случай обратить внимание наших читателей на то, что эти слова „закон природы" очень путают многих и сбивают с толку, наводя на мысль о законодателе, по аналогии с законами общественными (кем-то писанными, нарочно сочиненными). Закон природы не предполага т законодателя; закон природы есть не что иное, как краткое выражение (напр., фразой, формулой) того единообразия и порядка, какой наблюдается в природе. Закон в юридическом смысле указывает то, что должно быть, закон природы—формула того, что есть.

Digitized by Google

и различия, их свойства, признаки, качества и т. д., и т. д. Каждой абстрактной науке соответствует целый ряд конкретных наук, а также и прикладных, т.-е. искусств. Так, напр., абстрактной биологии, изучающей законы жизни, соответствует конкретная зоология, ботаника; а этим последним прикладные — ветеринария, медицина, агрикультура и т. д. И Конт справедливо говорит: „Изучать вообще законы жизни и, в частности, определять способ существования каждого живого тела— составляет труд двух различных категорий. Химия изучает законы химических явлений и всевозможные сочетания молекул и атомов в веществе и при всех обстоятельствах, какие только можно вообразить; это—наука абстрактная. Минералогия описывает разные химические вещества, встречающиеся в природе в форме разных минералов и только такие формы химических веществ, какие встречаются в природе, и только под влиянием тех обстоятельств, какие существовали или существуют на земном шаре. Это—науки конкретные. Им соответствует прикладная наука—химическая технология. Наука этика изучает нормы и законы нравственной жизни; это—наука отвлеченная, абстрактная. Конкретная этика это—наука, изучающая, описывающая те формы поведения человеческого и принципы его, какие наблюдаются на земле в разных условиях—в разных расах, странах, в разные моменты времени", и т. д. Таким образом, перед каждым занимающимся самообразованием еще две категории наук: абстрактные и конкретные, философские и описательные науки о законах явлений и о форме их.

Такая рассортовка всех наук на теоретические и на практические (прикладные), а наук теоретических—на абстрактные и конкретные уже в значительной степени помогает разбираться во всей сложной совокупности наук, особенно после того, как от науки отделены не науки. Но этим дело еще не кончается. Из такой классификации является возможным извлечь целый ряд глубоко важных выводов, которые еще более облегчают самообразовательную работу. Дело в том, что, как это и видно из предыдущего, главное ядро всех наук составляют науки теоретические, потому что к ним-то и стремятся и к ним-то примыкают все прочие, сопровождая каждую такую науку, в роде как свита. А если это так, то, чтобы еще полнее разобраться в многочисленной толпе наук, необходимо прежде всего разобраться именно в науках теоретических, тогда сами собою рас-

Digitized by Google

пределятся и все прочие. Конт так и делает. Благодаря своему светлому и творческому уму и обширным разносторонним знаниям, Конт сумел расположить все основные теоретические науки в один ряд „в порядке их собственной связи и соответственной их взаимной зависимости, вследствие соответственной зависимости явлений". Рассуждая так, он наметил шесть основных наук: математику, астрономию, физику, химию, биологию, социологию, и к этим шести прибавил седьмую, высшую, именно— этику, представляющую их завершение. В этой высшей науке, по Конту, и заключается „синтез", сводка, объединение всех научных построений человеческой мысли". Интересно подумать,— случайно ли расставлены Контом эти основные науки в такой последовательный ряд? Заслуживает особенного внимания читателей, что такое расположение основных наук не случайно, а соответствует и относительной сложности самых наук, и их относительному развитию, совершенству, и их точности, и обоюдной зависимости, и их исторической эволюции и логической последовательности. И еще интереснее то, что в основе такого распорядка лежит нечто не случайное, а относительная взаимная зависимость явлений жизни и их эволюция.

И правда, первые науки трактуют о жизни неорганической, затем идет биология,—наука о жизни органической, затем идут науки о жизни социальной. Но в этом же порядке, как мы отметили, развивалась и Вселенная: сначала шла эволюция неорганическая, затем органическая и, наконец, социальная, с нею— этическая. Эволюция, это значит не только развитие, но и усложнение, переход от простого к сложному, от несвязного к связному. И вот явления жизни с переходом от неорганических к органическим все усложняются, наиболее же простыми отношениями в природе являются, несомненно, отношения математические. Интересно присмотреться и к обоюдной зависимости явлений. „Систематическое изучение человека,—говорит О. Конт,— логически и научно подчинено изучению человечества, и только изучение этого последнего раскрывает нам действительные законы мышления и поведения. Мораль, этика зависят объективно от социологии. Но, в свою очередь, тоже объективно, социология зависит от биологии, так как наша мозговая деятельность очевидно имеет корни в чисто телесной жизни. А эти две стороны приводят нас к взгляду на химию, как на естественный базис биологии, так как жизнь зависит от общих законов сочетания

Digitized by Google

материи. Химия, в свою очередь, объективно подчинена физике, в силу того влияния, какое общие свойства материи должны оказывать на специфические качества различных веществ. Подобным же образом физику надо считать подчиненной астрономии, раз признан тот факт, что существование нашей земной среды находится в постоянной зависимости от тех условий, в которые поставлена наша планета, как одно из небесных тел. Наконец, астрономия подчинена математике в силу очевидной зависимости геометрических и механических небесных явлений от всеобщих законов числа, протяжения и движения". Отметим, что здесь Конт на каждом шагу подчеркивает, что речь идет об объективной зависимости явлений, т.-е. о той, которая существует в природе, как факт, а не о том, каким путем шло и идет появление и развитие наук. Появляются и развиваются они разными способами и в разном порядке. Но лишь только одна какая-либо наука сочтет необходимым подложить под свои основные выводы какой-либо солидный фундамент, она может найти этот фундамент только в другой науке,—а именно в той, которая ей предшествует в контовском ряде. В таком самом порядке и шло, в общем ходе эволюции человеческой мысли, обоснование и развитие знаний. Сначала обосновалась математика и астрономия (еще в глубокой древности), затем физика и химия и т. д.; а что касается до социологии и этики, то они и до сих пор еще находятся в стадии развития, очень далекой от идеала.

Все вышеизложенное намечает, во-первых, систематический ряд наук, так сказать, общий ствол научного знания; во-вторых, позволяет группировать по этому стволу все прочие науки—и описательные (конкретные) и прикладные. В результате получается табличка, схема, а эта схема и представляет из себя общий план миросозерцания, систему его. Иметь же такой общий план, в высшей степени важно каждому человеку, работающему над самообразованием. Эта схема и представляет собою ту область знания, которой ему предстоит овладеть. Это своего рода географический план той местности, по которой предстоит путешествовать, точнее говоря, не самый план, а основа его,—основа, с которой должен сообразоваться всякий план, если только он опирается на явления природы и их взаимную зависимость. Разумеется, любой работающий может придумать для своих занятий любую другую схему, и никто, в том числе и мы, не станем оспаривать у него такого права. В изобретении плана

Digitized by Google

тоже должен быть открыт полный простор для читательской индивидуальности. Поэтому, говоря о плане О. Конта, мы лишь подчеркиваем его простоту, основательность, научно-философскую ценность и удобство, но отнюдь не считаем его единственным и обязательным. Контовский план систематически раскрывает пред стремящимся к самообразованию, что изучать и что читать в научной области. Этот контовский план и положен нами в основу той схемы самообразования, которую мы приводим выше. Эта схема не что иное, как тот же контовский план, но облеченный, так сказать, в плоть и кровь и имеющий в виду не только науки теоретические и абстрактные, но и конкретные, описательные и указывающий их место и прикладным и приспособленным к главнейшим областям и вопросам жизни.

Вышеизложенными схемами определяется, что читать в научной области[1]). О том, как читать научные книги, уже было сказано в главах V и VI.

Сводя к одному все вышесказанное о контовском распределении наук, приходим к таким выводам:

1. Всматриваясь в контовское расположение теореотических наук, нельзя не видеть и вот чего: во-первых, чем ниже спускаться по такой схеме или лестнице наук, т.-е. от математики к социологии и этике,—тем с более сложными явлениями приходится иметь дело. И правда, явления, изучаемые физикой, неизмеримо сложнее, чем явления, изучаемые астрономией; в свою очередь, явления химические сложнее физических, и тем более тех, которые изучает астрономия; явления, изучаемые науками общественными, гораздо сложнее не только явлений химических, но и биологических и психологических. И обратно, чем выше подниматься по схеме, тем более простыми, т.-е. менее сложными оказываются изучаемые явления. Такое расположение главнейших наук соответствует и их возрастающей точности: наиболее точной наукой является астрономия, наименее точной—этика.

2. Далее, идя сверху вниз, нельзя не заметить, что явления более сложные оказываются вместе с тем и явлениями наименее распространенными: высшие формы жизни (социальные) наблюдаются лишь в человечестве; природа органическая—лишь оазис

---

[1]) О плане см. еще в «Письмах к читателям» и подробнее в „Среди книг", т. I (введение).

Digitized by Google

на общем фоне природы неорганической, физические и химические явления—лишь частный случай движения, проявляющегося в движении небесных светил.

3. Затем надо заметить, что науки каждой последующей категории предполагают и включают в себя весь материал и выводы наук предшествующих категорий и еще прибавляют от себя, кроме того, и нечто новое, в тех не содержащееся, некоторый остаток, являющийся их особенностью и исключительным достоянием. Так, напр., науки социальные не только основаны на выводах всех предшествующих наук и так или иначе пользуются их материалом, но, кроме того, они изучают, целый ряд явлений, которые не входят в круг ведения ни психологии, ни билогии, ни химии и т. д. Таким образом, социология, занимая в нисходящей лестнице наук самое последнее место, является вместе с тем и единственной в своем роде, в том смысле, что, опираясь на все предшествующие науки, она сама не служит опорой и не входит составной частью в какую-либо другую более сложную науку.

4. Далее, контовскому распределению наук соответствует и общий ход развития Вселенной, где эволюция космическая (астрономическая) предшествует неорганической, а эта последняя—билогической, которую уже предполагает эволюция социальная.

5. Интересно, что в той же последовательности, по крайней мере, в наиболее общих чертах, совершалось и историческое развитие наук. Одною из древнейших и наиболее развитых и совершенных является астрономия; наименее развитыми являются науки социальные. История науки в своем развитии тоже как будто подвигалась по той же лестнице. Исходя из всех этих соображений, мы, в целях помощи нашим читателям в их самообразовательной работе, прежде всего и намечаем общий план ее и кладем в его основу те принципы, которые столь блестящим образом формулировал О. Конт, а, стремясь совместить в одно возможно стройное целое науки всех категорий, строим ту схему самообразования, о которой говорилось выше.

Пользующимся этой схемой необходимо всегда иметь в виду вышеупомянутые крайне важные обстоятельства.

Для каждого отдела этой схемы имеется соответствующий ему отдел, во 1-х, абстрактных, во-2-х, описательных, в-3-х, прикладных наук. Центральное место в науках теоретических занимает философская сторона, научное обобщение фактов, выяс-

Digitized by Google

нение связи их (качественной и количественной). Центральное место в науках описательных занимают факты, их описания и классификация. Наконец, центральное место в науках прикладных занимают приемы деятельности.

Но и это еще не все. Такие особенности этих трех категорий наук, распределенных по-контовски, имеют прикладное значение не только для выяснения системы самообразовательной работы, но и для согласования этой последней с личными особенностями читателя. Перед каждым занимающимся, как мы уже видели, стоит вопрос: с каких категорий науки начинать и как вести работу? Самая классификация наук, данная О. Контом, уже помогает разобраться в этих вопросах. Разные категории наук уже соответствуют различным типам читателей. Есть читатели теоретики, мыслители, способности и симпатии которых клонятся к теоретизированию, анализу, обобщениям, созерцательно - объективному отношению ко всему существующему. Нужно ли доказывать, что таких читателей в наибольшей степени интересуют и притягивают именно науки теореотические, а значит, и книги, носящие теоретический характер. Напротив другие читатели, в огромном большинстве случаев, склонны к конкретному мышлению и, мыслящие образами, предпочитают отвлеченным идеям самую жизнь и ее формы и разбираются в этих последних путем изучения фактов, их рассортовки, индукции, а значит и неизбежно с нею связанной интуиции (догадки); такие типы читателя, говорим мы,—обыкновенно предпочитают наукам абстрактным именно науки конкректные, а типы эмоциональные („люди чувства", „люди сердца") обыкновенно соединяют с ними не только деятельность разума и памяти, но и целого ряда чувств, у разных людей различных. Что касается до наук прикладных, технических, то вряд ли нужно доказывать, что основною особенностью человека, которого больше всего тянет именно к ним, является мышечное чувство, воля, потребность физической деятельности, а всякого рода теоретизирование, равно как и всякий анализ и одностороннее изучение и вообще отношение к жизни им претят. Таким образом, общий ход занятий по схеме систематического и общего миросозерцания тоже находится в тесной зависимости от личных особенностей читателя, да иначе и быть не может. Нередко читатели пишут нам искренно горестные письма, в которых горюют о том, что вот они не в силах постигнуть такую-то или такую науку.

Digitized by Google

Людям конкретного типа обыкновенно не даются науки теоретические, люди практического склада ума скучают над науками теоретическими (как абстрактными, так и конкретными) и т. д. Всем этим читателям мы говорим: вам нечего отчаиваться, дорогие читатели,—идите именно по той дороге, которая наиболее свойственна вам, но только идите, не сидя сложа руки и не унывая. К познанию и пониманию целого вы прекрасно можете итти и по своей собственной, а не по чужой дороге. Главная суть—чтобы дойти, а не в том, по какой дорожке итти. Система наук уже вырисовывает перед вами их теснейшую связь. Она показывает, как одни науки углубляются и пополняются другими и как одна предполагает другую или ряд других. Из этого уже видно, что, если вы станете углублять да углублять и еще углублять свои научные знания и систематизировать их,—вы все равно придете к той же общей системе. Давно уже сказано, что к любой цели ведет не один путь, а многие. Человек практического типа, напрактиковавшись детально и основательно в разных областях знания, может затем взять любую небольшую книжку типа конкретного и описательного и с ее помощью быстро привести в порядок свои, из практики им усвоенные, знания, внеся в них, таким образом, более или менее стройную систему. Но та же система вряд ли влезет в его голову, если он пустит ее туда раньше, чем кое-чему научились его мышечные чувства, движения, воля. Точно так же и теоретик, усвоив отвлеченную схему наук, заложив общий остов миросозерцания, без особого труда подкрепит его фактами, которые сами прицепятся к соответственным местам схемы, уже имеющейся в его голове. Правда, такой человек вряд ли когда-нибудь сделается практиком, но все же и он научится, в конце-концов, ценить и понимать практику. Подобно этому, и человек конкретного типа без особого труда оформит свои фактические знания посредством теоретических книг [1]).

Очень важно для читателя, серьезно стремящегося к образованию, познакомиться не только с общей схемой наук, но и с отдельными науками, т.-е. во-первых, с определениями их, во-вторых, с теми задачами, какие каждою наукой ставятся, в-третьих, с содержанием каждой науки. Как известно, об огромном большинстве наук огромное большинство даже относительно образо-

[1]) Подробнее об этом см. в I т. „Среди книг“ и в „Письмах к читателям“.

Digitized by Google

ванных читателей не имеет почти никакого понятия, если не считать самых элементарных словесных определений. Иные не знают, что такое наука уголовного права и путают ее со сводом уголовных законов. Другим совершенно неведомо, что такое эмбриология, лингвистика, и т. д. Каждый из нас хоть в какой-нибудь отрасли знания—образцовый невежда, если только он не дал себе труда поработать над своим общим миросозерцанием. Но много ли таких, которые до него систематически доработались? До сего времени нет на русском языке и мало-мальски систематических пособий для первоначального обзора главнейших ныне существующих наук, а особенно обзоров, достаточно популярных и доступных широким кругам читателей. Такие книги, как „Философия наук“ Лаланда, для таких кругов читателей недоступны. Кроме того, в ней нет самого главного: во 1-х, систематических программ по каждой науке, во-2-х, списков руководств по ним. Читателю, стремящемуся к самообразованию, нужен объяснительно-описательный справочник такого рода,—руководство для углубления знаний, и потребность в таковом очень видна и по переписке с читателями. Поэтому мы посвятили обзору всех главнейших наук особый труд („Система самообразования. Наука и науки“), к которому и отсылаем читателя, стремящегося познакомиться с сущностью, задачами, методами, программами и списками главнейших руководств по всем главнейшим наукам. Обращаем при этом особое внимание читателя, что он должен иметь ясное понятие, если достиг известного уровня образования, не только об областях жизни и вопросах ее, как это было сделано нами в небольшой систематической программе общего образования на стр. 29, но и о науках, как таковых. Между первыми и вторыми, как мы видели, большая разница. Каждая наука подходит к изучению жизни с какой-либо одной, избранной стороны; а каждый вопрос или область жизни требует, для своего освещения, комбинации многих, даже всех наук одновременно. Правда, каждая наука тоже выдвигает вопросы и тоже идет к жизни, но, во-первых, и самые эти вопросы, ею выдвигаемые, относятся лишь к какой-либо одной стороне жизни, и, кроме того, во-вторых, каждая наука исследует жизнь с точки зрения именно данной науки, оставляя в стороне данные других наук, особенно—„отдаленных“, или пользуясь ими в чрезвычайно узком объеме. Отметим далее, что, благодаря этой своей особенности, неизбежной в целях возможно детального изучения природы, усвоение

Digitized by Google

отдельных наук приучает и самих занимающихся к односторонности мышления. Благодаря такой односторонности, химик и к жизни подходит со стороны химической, юрист—со стороны юридической, психолог—со стороны психологической и т. д., не обращая внимания на то, что в жизни-то все эти стороны слиты вместе. Изучать науку—это значит уже уметь мысленно разлагать (анализировать) все существующее на целый ряд сторон и уметь мыслить о каждой стороне в отдельности, словно о чем-то особом. Науки основаны на этой способности человеческого ума к анализу. Но ведь, кроме анализа, существует и должен существовать и синтез, т.-е. сложение, сводка во-едино тех отдельностей, которые получены посредством анализа. Спрашивается теперь, если мы, в смысле метода самообразования, отдаем предпочтение изучению областей и вопросов с точки зрения совокупности наук, а не изучению этих последних, иначе говоря, если мы таким образом придаем особенное значение синтетическому мышлению и настаиваем на одновременном использовании его параллельно с аналитическим, зачем, в таком случае, описывать каждую науку в отдельности? Затем, отвечаем мы, что специализация знаний есть необходимое продолжение и пополнение знаний общих, связующих. Затем, для того, что необходимо, по нашему мнению, систематически понять и все главнейшие стороны окружающей нас жизни, познакомиться с целым рядом отдельных источников знания, освещающих то, что есть; наконец, затем, что на русском языке гораздо больше общих руководств по отдельным наукам, чем книг, освещающих основные стороны жизни данными целого ряда наук.

В заключение одно замечание. Есть целый ряд книг, которые, хотя тоже трактуют о жизни, но трактуют о ней не в смысле возможно полного, глубокого, разностороннего изучения ее, а в смысле внесения в нее чего-то желательного, хорошего, разумного и, вообще говоря, чего-то субъективного, — того, что должно быть, по мнению того лица, которое говорит об этом. Так, напр., в изящных искусствах, а в том числе и в беллетристике, выражаются разного рода идеалы человеческие (личные, семейные, общественные и т. д.); этика выдвигает на первый план нормы (правила) поведения и т. д. Идеалы, нормы, правила, надежды, мечты, чаяния,—все это движения человеческой души, область еще не существующего, еще не осуществленного. От всего этого необходимо отличать идеи, понятия и представления

Digitized by Google

человеческие, знания о том, что уже существовало или существует. К области науки относятся только эти последние, а что касается до желательного и должного,—все это не входит в ее пределы или входит просто-напросто как факт, подлежащий возможно беспристрастному исследованию рядом со всеми другими фактами, т.-е. оставляя в стороне вопрос о его желательности и других субъективных взглядах на него. Но ведь, чтобы исследовать, надо прежде всего определить свою собственную позицию, хотя бы и временную, надо избрать и определенное направление,—иначе искания могут усложниться и оказаться даже бесплодными. И, наконец, „предвзятые идеи" или „гипотезы" (субъективный элемент) имеют значение положительное, а не только „допустимы"... Разумеется, и идеалы, и мечты, и чаяния, представляют из себя не только явления необходимые, но и такие, которые не могут не служить личности человеческой, если они ценны в этическом смысле; как мы уже говорили, они—украшение и завершение самообразовательной работы, так как эта последняя предполагает не только приобретение знаний, но и выработку идеалов. Тем не менее, задача науки не в том, чтобы выражать должное, а в том, чтобы изучать существующее и таким образом выяснять те объективные условия, при которых это должное может осуществиться или осуществляться. Самой личности человеческой должно быть предоставлено решение вопроса: да что же считать должным и желательным и что принимать идеалом для своей личной и общественной жизни? Выбор идеала, как и выбор веры, это—вопрос чести и совести, и не только ума, но и чувства, это—вопрос и личных особенностей человека, его интересов, его среды, которая бывает разной, смотря, напр., по тому общественному классу, к которому принадлежит человек, и смотря по историческому моменту, когда он живет. Наука не говорит нам, куда стремиться; она говорит лишь о том, как осуществлять наши стремления в данном обществе, при данных условиях. Если же в научных книгах и выражаются нередко идеалы и стремления их авторов, то во всяком случае к ним нельзя не относиться, как к элементу ненаучному, привнесенному.

Впрочем, есть науки, в которых элемент желательного не только теснейшим образом сплетен с материалом самой науки, но эта последняя и не может быть лишена его. Возьмем, например, политическую экономию. Ее задача—изучение народно-хозяй-

Digitized by Google

ственной жизни. Это значит—изучение тех условий, при которых эта жизнь может итти и идет, и изучение того, как управлять этим ходом. Но в каких целях? В целях наиболее прямого совершенного удовлетворения хозяйственных потребностей как всего общества, так и отдельных хозяйств. Таким образом, и в область политической экономии входит человеческая цель, и к тому же как руководящее начало, и это понятие цели, т.-е. чего-то желательного, не только не может не входить в науку, но даже и должно. Оно не может не отражаться и на выборе материала, и на его освещении, и т. д., и т. д. Все это человеком оценивается с точки зрения его потребностей и стремлений. А где есть оценка, там не может не быть и субъективности. То же самое можно сказать и о науке права и всех других, где только речь идет о человеке, человеческих интересах, потребностях и их удовлетворении или неудовлетворении.

Личность человеческая не только изучает, но и оценивает жизнь и условия жизни, и не только с точки зрения бесстрастного хода перемен в природе, но и с точки зрения своей жизни и ее хода. Оценка эта не может не занимать определенного места в душе человека и не отражаться и на науках. Нормы, правила, идеалы, надежды, мечты,—все это не наука, не беспристрастная и бесстрастная наука, изучающая то, что есть. Иногда и с этой точки зрения науками называются вовсе не науки, напр., этика, поскольку она есть собрание правил поведения, или юриспруденция, т. е. знание законов, или публицистика, как собрание откликов на вечно изменчивые злобы дня. Далее, существуют рядом с этим, так сказать, полу-науки,—науки, которые еще не доросли или не могут дорости до идеала действительно точного и достоверного знания, благодаря субъективному элементу, который отклоняет мыслящего человека от беспристрастного и разностороннего изучения действительности. Стоит лишь сравнить такие науки с науками, чуждыми более или менее пристрастных оценок, чтобы понять, чем отличаются науки действительно точные и достоверные. Сам читатель должен вырабатывать в себе уменье отличать не-науку от науки или полу-науки, и ничто так не помогает делать это, как знакомство с теми методами, которыми пользуется данная наука, добывая интересующие ее факты, разбираясь в них и их обобщая.

Digitized by Google

ДОПОЛНЕНИЕ.

1. О предварительном расширении кругозора и о трех первых научных книгах.

Огромное большинство читателей, стремящихся к самообразованию, с первых же шагов своих встречается с весьма существенными затруднениями: они совершенно не знают, с чего начать свою работу. Они не имеют возможности даже дать себе отчета в том, что собственно наиболее интересует их. Иным кажется, что их интересует все, другим кажется, напротив,—что им не интересно ничего. Первые обыкновенно мечутся от книги к книге, лишь постепенно убеждаясь, что они ошиблись: многое, очень многое и в книге и в жизни для них вовсе не интересно. Другие просто-на-просто живут, опустив руки, пока какая-нибудь внешняя сила не встряхнет их. Но и тот, кто берется за чтение какой-либо научной, даже интересной для него книги, нередко отскакивает от нее, и вот почему: для того, чтобы понимать книгу по какой-либо отрасли знания, нужно иметь какие-либо сведения по многим другим отраслям, напр., читая книгу по астрономии, нужно знать кое-что из истории; читая книгу по истории, нужно знать кое-что по государственному праву, психологии и т. д. Словом сказать, изучение какой-либо одной науки предполагает уже предварительное знакомство с многими. Далее, встречается еще одно затруднение, тоже очень существенное: начинающий и вообще мало подготовленный читатель нередко совершенно не знает,—да какие же отрасли знания существуют? Да какие же области жизни и мысли подлежат изучению? Да какие же вопросы выдвинуты каждой из них и какие из этих вопросов наиболее существенны? Нельзя требовать от человека, хоть самого умного из умных, чтобы он своим умом дошел до всего того, до чего даже все человечество доходило лишь с величай-

Digitized by Google

шим трудом и в течение многих и многих тысячелетий. Спрашивается теперь: как быть для того чтобы избежать двух вышеозначенных трудностей, которые, в сущности, сводятся к одному основному затруднению,—к отсутствию предварительной подготовки?

Выход из этого положения может быть один. Эту подготовку, как бы элементарна она ни была и какой бы неудовлетворительной впоследствии ни казалась, необходимо получить возможно быстрее. Хоть в самых общих чертах, хоть наподобие лесов при постройке дома, которые немедленно отбрасываются, когда дом выстроен и стены его возведены. Другими словами, для начала самообразования необходимо выбрать такую книгу или даже книги, которые сказали бы начинающему читателю о самом существовании целого ряда областей жизни, отраслей знания и вопросов: „вот они, какие уже существуют,—вот страна, по которой тебе придется путешествовать, переходя из области в область и изучая их". Пусть даже читатель будет неудовлетворен кое-чем в этой книге,—она все же даст ему очень многое, раздвинув его кругозор. Пусть самые первые и раньше других им встреченные ответы на вопросы, уже существующие на свете, покажутся ему на первый раз еще неясными, необоснованными, нуждающимися в разъяснении. Этим не надо смущаться, делая первый шаг. О том читателе, который сам заметит неясность ответов, даваемых такой вводной книгой, можно только сказать: честь и слава такому читателю, потому что он уже может и отчасти даже умеет отличать ясное от неясного, понятное ему от непонятного. Ответы, которые он считает неясными, лишь побудят его к дальнейшей работе и заставят искать ответов и для него ясных и понятных. Но, в смысле первого шага, дело не в ответах, а в вопросах. Необходимо прежде всего зажечь вопросы, много вопросов в своей душе. С этого и надо начинать. Разумеется, было бы громадной ошибкой, даже преступлением и перед собой самим, и перед людьми, считать предварительное за окончательное, полузнание за знание, полуясное или неясное за точное. Дело идет не о том, чтобы вместо дома удовлетвориться лесами, а о том, что без лесов-то и дома не выстроить, особенно тогда, когда с постройкой приходится торопиться. Правильная постановка самообразовательной работы в том и заключается, чтобы бороться с всезнайством и полузнайством, приобретая знания действительно достовер-

Digitized by Google

ные, действительно точные, хоть бы, в крайнем случае, и не обширные. Первый шаг к такой постановке должен заключаться в том, чтобы наметить себе общий план для работы, так сказать, маршрут для путешествия по разным отраслям знания. А как же его наметить, если не имеешь никакого представления о той стране, куда собираешься ехать, как о едином целом? Да в таком случае полузнайства нечего и бояться: даже самый глупый человек не решится считать себя сведущим, прочтя какие-либо две-три книжки,—не может же и он не понять, что эти две-три книжки не более, как преддверие к преддверию, начало начала; это даже не первый шаг,—это только сборы, чтобы сделать его. В таком смысле можно и должно говорить об одной или двух-трех книгах, открывающих начинающему читателю дверь, ведущую к свету.

Для читателей, наименее подготовленных, особенно необходима была бы такая книга, которая сознательно и определенно ставила бы перед ним вышенамеченную задачу, и на 300—400 страницах в большей или меньшей степени разрешала бы ее. К сожалению, до сих пор такой единой книги не написано для начинающих, потому ли, что написать ее очень не легко, или потому, что писатели слишком плохо знакомы с нуждами читателей и слишком мало присматриваются к этим последним. Но такая книга „Введение в понимание всех прочих книг" необходима для миллионов людей, и потому она должна быть написана [1]). Впрочем, и для начинающего читателя можно более или менее удачно и в настоящее время подобрать 3—4 книги, которые сыграют в его самообразовании ту же роль „введения в чтение научных книг". Что касается читателя уже умеющего читать не только беллетристику, задача в данном случае значительно облегчается: и в настоящее время можно указать немало

[1]) Нечто подобное существует на польском языке: «Poradnik dla samoukow. Swiat i czlowiek». Сост. Л. Кржывицкий, А. Марбург, И. Кодизовел, Г. Форштетер, Н. Машевский, С. Познер, А. Свентоховский и др. талантливые польские авторы. Изд. А. Гефлиха и С. Михальского. Варш. 1905 г. Желателен русский перевод (с некоторой переработкой) этой прекрасной книги. В. Лункевичем, а также пишущим эти строки сделана попытка составления двух систематических научно-популярных библиотечек для народа, обнимающих все главнейшие отрасли знания и представляющих из себя введение в науку для самых неподготовленных читателей. Библиотечка В. Лункевича имеет в виду главным образом жизнь природы, народные книжки пишущего эти строки,—жизнь природы в связи с историей человечества.

Digitized by Google

книг, которые развернут перед ним картину мира, как единого целого. Иного читателя этой степени подготовки может удовлетворить даже одна книга, если эта книга позволит ему привести в систему уже имеющиеся у него знания, покажет каждой отрасли их свое место в ней, как более едином целом. Другого читателя той же степени подготовки могут удовлетворить 3—6 книг, подобранных систематически для той же цели. Выбор первых книг обусловлен, разумеется, и уровнем развития данного читателя. Попробуем теперь набросать план этого предварительного чтения.

Как уже было сказано, читатель должен получить представление о трех главных областях жизни и мысли: во-1-х, космической (т.-е. природе), во-2-х, социальной (т.-е. обществе), в-3-х, интимной (т.-е. области личных переживаний, настроений и идеалов).

Предварительное знакомство с первой областью должно познакомить с областью естествознания, с устройством и жизнью природы и ее развитием, начиная от мельчайших атомов вещества и их движения и кончая земным шаром, другими планетами, звездами, космосом, начиная от образования миров и кончая образованием человека и человечества и его общественной жизни. Есть такие книги по общему естествознанию.

Предварительное знакомство со второй областью предполагает обзор жизни общественной, как единого целого, с ее развитием, с ее устройством, с ее главными сторонами (экономической, политической, духовной), с соотношением и взаимной связью и зависимостью этих сторон одних от других.

Для того, чтобы окинуть общественную жизнь одним общим взором, необходимо выбрать для себя книгу по всеобщей истории или вообще по социальной эволюции человечества, куда входят, как необходимые составные части, и история общественного строя, и история культуры, история общественных классов, их борьбы, история учреждений, история религии и церкви, школы и науки, философии и литературы.

Как будто гораздо труднее подобрать книги для общего обзора интимной жизни, предварительное знакомство с которой не менее необходимо, чем с космической и социальной. Но это не так. Интимная жизнь человека и человечества, его искания и его идеалы,—личные, общественные, религиозные,—отражаются полней всего в изящной литературе, которая находит себе, как

Digitized by Google

известно, больше всего читателей. Поэтому выбор книг этой третьей категории сводится в конечном итоге к выбору книги по истории всеобщей и русской литературы, которая и может познакомить читателя и с литературными типами, и с литературными течениями и идеалами, и с отношением всего этого к строю и ходу жизни.

Современная русская литература позволяет в настоящее время указать целый ряд книг и по этой области. Так намечаются три главных области, из которых следует выбирать три первых книги: во-1-х, общее естествознание, во-2-х, всеобщая история, в-3-х, всеобщая история литературы и общественных течений. В своей совокупности, они охватывают, в сущности, всю жизнь, всю вселенную.

Спрашивается теперь, можно ли принимать такую постановку дела для начала самообразовательной работы, как общее правило? На этот вопрос мы даем ответ безусловно отрицательный. Если в основу самообразовательной работы должна быть положена идея приспособления ее к личным особенностям читателя, значит в этой области нет и быть не должно общих, для всех одинаковых правил. Рядом с вышеуказанным планом выбора трех первых книг естественно начинается и другой, по нашему мнению, особенно ценный для читателя с конкретным складом ума, которого может ввести в понимание жизни лишь очень яркий, определенный, детально разработанный отдельный пример,—иначе сказать, монография, которая и раскроет самую суть вопроса и покажет его осуществление или воплощение в жизни. Такой тип читателя, который может быть назван „монографическим", очень распространен. Такой тип не удовлетворяется общим обзором жизни, космической, социальной и интимной. Их стороны (но также все и также существенные стороны) должны быть выяснены на отдельных примерах, т.-е. посредством чтения монографий (т.-е. не общих обзоров, а книг по отдельным вопросам). Такого читателя лучше всего введет в понимание природы, напр., „Теплота" Тиндаля, раскрывающая в ярких образах невидимый мир молекул,—книга, до сих пор незаменимая, несмотря на свою устарелость, или „Колесо жизни" Оствальда, или „Основы жизни" Лункевича. В понимание общественной жизни его лучше всего введут книги Блосса „История французской" или „История германской революции", Тэна „Старый порядок", перевод Лопатина, или Кампфмейера „История общественных клас-

Digitized by Google

сов в Германии" и т. п. Самыми основами интимной жизни его больше всего заинтересуют—статьи Г. Брандеса, Н. Добролюбова, Писарева, Н. Михайловского и т. п. Сам читатель в значительной степени может определить, принадлежит ли он к монографическому или общему типу, и сообразно с этим и искать для себя первых трех книг. Выбор монографий, вообще говоря, дело более легкое, чем выбор общих обзоров, потому что первые считаются сотнями, если не тысячами. Списка монографий мы не даем, так как, чтобы вместить его в эту нашу книжку, нам пришлось бы втрое или вчетверо увеличить ее размеры. Он указан, а отчасти и описан, в „Среди книг".

2. Кое-какие старые и азбучные истины, которые не мешает помнить и повторять всем работающим над самообразованием.

1. Стремись быть образованным и ученым человеком только для того, чтобы быть человеком в самом высоком смысле этого слова.

2. Думай больше всего и прежде всего не о книге, а о жизни, не о самообразовании, а о самовооружении путем самообразования,—самовооружении для жизни, для жизненной борьбы. Тот не человек, кто в жизненной борьбе не стремится отстаивать личность человеческую.

3. Читая книгу, замечай не столько слова, сколько смысл их. Соображай, в каком смысле они сказаны и с какой идеей связаны. Понимая же их смысл, их идею, вспоминай те явления в жизни, которые им соответствуют или не соответствуют, старайся припомнить факты, с ними согласные, но также и факты, с ними несогласные. Старайся представить себе эти явления, и не как нечто туманное, расплывчатое и неопределенное, а такими яркими, жизненными, живыми, словно они происходят перед тобою, затрагивая в тебе весь твой ум и все чувства, и волю, словно ты присутствуешь при них и на них смотришь, их слушаешь, обоняешь, осязаешь и т. д. И не только ощущай внешним образом, но переживай. И не только переживай, но и оценивай, прилагая к ним твою мерку добра и зла, света и тьмы, правды и неправды, личного и общего счастья, сообразно с твоей совестью. И не только оценивай, но и стремись к действованию,

Digitized by Google

к творчеству жизни, чтобы внести в нее, воплотить в ней истину, справедливость, красоту, радость, свет и тепло,—не боясь борьбы с тем, что этому мешает. Высшая красота человеческого существования, высшая сила его — творчество жизни, внесение в нее света, радости и тепла. Нет и не было такого человека, который бы никому и ничего не мог дать, если не в той, то в иной мере и степени, если не в одной области, то в другой, если не на одном месте, то на другом, если не одним, то другим нуждающимся, если не в этот, то в другой момент. Только творчеством жизни оценивается не только книга, но и сама человеческая жизнь. Ищи в книге помощи для творчества жизни. Ищи и твори, как только можешь, где только можешь. Твори постольку, поскольку можешь исчерпать свои силы, думая не о том, сколько ты сделаешь, а о том, все или не все еще твои силы ты уже пустил в ход.

4. Все, что дает или может дать книга, считай действительно приобретенным тобою только тогда, когда эти твои приобретения станут держаться в тебе не при помощи памяти или рассуждения,—это само собой, а при помощи привычки. Поставь себе задачей привыкать к тому, что ты берешь и что тебе нужно взять из книг,—будь то представления, понятия, идеи, системы идей, теории, чувства, стремления, творчество, миросозерцание. Новый свет, новые стремления, новые радости старайся ввести в число твоих привычек,—привыкай к ним. Другими словами, вводи их в свою плоть и кровь, не только в ум; знание, понимание и деятельное отношение к жизни нужно не только приобретать,—к ним нужно и привыкать.

5. Люби не книгу, а человека, справедливость и истину Им-то всякая честная книга и должна прежде всего быть честным слугой.

6. Знание, понимание, настроение не только накопляй, но и распространяй, непременно распространяй, если около тебя найдется хоть один человек, который меньше знает и понимает, чем ты. Распространяй знания, не дожидаясь, что люди сами придут к тебе за ними: сам неси их, куда только можешь и как умеешь,—практика научит, как их распространять. Распространяй и книги, и сведения о книгах.

7. Проверяй идеи и теории фактами, а свои желания и стремления сравнивай с чужими желаниями и стремлениями. Уважай всякое искреннее мнение, хотя бы противоположное твоему,—

Digitized by Google

дело тут не только в мнении, а прежде всего в человеке, его имеющем.

8. Смотри в корень, не забывая, что у всякой причины есть своя причина и что от степени твоего знания и понимания зависит, насколько глубоко ты проникнешь в эту цепь причин. Но все они должны подлежать возможно точному расследованию, изучению и справедливой оценке.

9. Накопляй в себе силу,—силу мысли, силу воли, силу знания, силу любви к людям, и при этом не забывай, то ты делаешь это прежде всего для того, чтобы эти силы проявлять, а не только, чтобы их копить ради накопления. Проявляй себя, непременно себя проявляй и не говори себе: сначала накоплю, потом буду проявлять. То и другое пусть идет параллельно и единовременно. Проявляя же себя, делай, чтобы сделать, а не для того, чтобы делать.

10. Будь жадным до жизни. Умей хотеть,—хотеть жизни возможно полной и разносторонней, возможно глубокой, возможно возвышенной, красивой и напряженной и делай ее такою, расширяя ее непременно по всем этим направлениям одновременно, а не по некоторым только,—лишь тогда ты будешь чувствовать действительно, что живешь и вместе с тем не замкнешься в своем Я, а включишь в него и переживания и интересы других Я,—общества, человечества. В расширении и своей и чужой жизни в сторону общего счастья—цель ее, в ощущении этого расширения—ее смысл. Не забывай, что смысл жизни познается не до, а во время жизни и в конце ее.

11. Верь в человека, в то хорошее, что есть в каждом человеке, и в грядущее царство правды, справедливости, свободы и счастья на земле,—во всех уголках земли, даже самых глухих и захудалых,—царство правды, которое люди должны создавать и создать, да и могут создать, лишь действуя по правилу „в единении сила".

12. Смотри на каждого человека, без различия национальности, пола, возраста, состояния, ума, таланта и т. д., не как на орудие для достижения этого царства или иной какой-либо цели, а как на личность человеческую, ценную самое по себе и имеющую право не только на существование, но и на счастье в одинаковой мере со всеми прочими людьми, какие только были, есть и будут на земле.

13. Встречаясь с людьми, смотри прежде всего не на то, что разъединяет тебя с ними, а на то, что может соединить. Укра-

Digitized by Google

шай свою и чужую жизнь, возбуждая в чужих душах и в своей душе чувство разделимой и разделенной радости.

14. Не только „живи и жить давай другим“,— нет, живи и жить помогай другим.

15. Веди всегда и везде свою линию, не боясь препятствий, но, по возможности, избегая их. Не возбуждай в других злого чувства.

16. Дерзай, веря в себя и в свое дело:

Тот, кто верой обладает
В невозможнейшие вещи,—
Невозможнейшие вещи
Совершать и сам способен. (Гейне).

17. В столкновениях с препятствиями не забывай сосредоточивать свое внимание на ощущении своей собственной силы,— только таким способом можно ее почувствовать, познать и оценить.

18. Не унывай и не кисни даже в самых трудных обстоятельствах,—ведь это уж никак не поможет тебе жить лучше, а, напротив, только ослабит тебя.

19. Ищи и стремись. Будь человеком не только дела, но и человеком стремлений. Высшее счастье не в достижении, а в искании и стремлении. Жизнь можно чувствовать и расширять лишь в исканиях и стремлениях и в борьбе.

В душе стремления носить,—
Ведь это-то и значит жить.

20. Никогда не будь доволен самим собой. Сколь бы многого ты уже ни накопил в своей душе, сколь бы многое ты ни имел там, на свете еще больше такого, чего ты еще не имеешь, хотя возможно, что и можешь иметь, при данной наличности твоих сил.

21. Живи и гори. Но не для того, чтобы гореть и сгорать, а для того, чтобы светить и греть. Как бы ты ни стоял низко или высоко в том или ином отношении, всегда найдутся другие, кто и выше и ниже тебя,—всегда есть люди, которым и ты можешь служить и которые и тебе тоже могут служить. Идя наверх,— тяни вверх.

Могий вместити, да вместит.

Digitized by Google

3. О переписке с читателями.

Основной принцип самообразовательной работы, по нашему глубокому убеждению, таков:

Нам никто не поможет, если мы сами себе не поможем.

Это принцип всякой борьбы. Самообразовательная работа—тоже борьба за свое собственное просвещение, за свое право на сознательную, светлую и творческую жизнь.

Лучшим средством в этой борьбе, как и во всякой другой, является единение людей, связанных общими интересами и стремлениями,—не столько помощь, сколько взаимопомощь.

От этой последней зависит очень многое, в том числе и добывание книг. Взаимопомощь может поставить дело так широко и прочно, как никогда не может поставить один человек, особенно живущий в глуши.

Помощь самообразовательной работе может выразиться со стороны, главным образом, лишь общим руководством. Если она будет очень детальна, то самообразование перестанет быть таковым. Детальное руководство дается в школе, а не вне школы, и главным образом детям, а не взрослым. Чем скорее отучается человек ходить на чужих помочах, тем лучше: надо научиться путем самообразовательной самостоятельной работы брать от книги и из науки не то, что другие указывают, а то, что нужно самому. Чужие указания—не более, как совещательный голос.

Общее руководство, то-есть общие указания возможно делать не только лично, но и путем переписки. Для того, чтобы указания, делаемые путем переписки, были возможно плодотворнее, необходима некоторая целесообразная постановка этой последней: читатель, нуждающийся в указаниях, должен сообщить о себе возможно больше таких сведений, которые обрисовывали бы читателя.

Вот что нужно знать о читателе для того, чтобы указывать ему книги, не только хорошие в научном и этическом (нравственном) смысле, но и подходящие для данного читателя.

1. Какого возраста данный читатель?
2. Какого пола (что, впрочем, видно из самого письма)?
3. В какой обстановке он обычно живет и к какой он больше всего привык (обстановка может быть городской, сельской, фабричной, торговой и т. д.)?

Digitized by Google

4. Чем занимается и живет читатель? Какого рода занятие его кормит?

5. На каком уровне образования читатель стоит в данное время. Какое учебное заведение он окончил (или не окончил)? В размере курса какой школы (низшей, средней, высшей, профессиональной) он имеет подготовку (школьную, домашнюю, т.-е. приобретенную путем самостоятельных занятий)? Желательно, чтобы читатель ясно указывал, считает ли он степень своей действительной подготовки выше или ниже той, какую в принципе должна давать та школа, которую он окончил.

6. Какого склада ума и развития данный читатель? Этот вопрос имеет особенно важное значение. Но на него ответить прямо довольно-таки трудно. Не легко определить и самому свой собственный склад ума и развития. Судить об этом можно лишь после ответа на целый ряд нижеследующих вопросов, и прежде всего таких:

а) Какие книги вы, читатель, уже прочли, и какие из прочитанных вами книг произвели на вас наиболее сильное впечатление, сильнее запомнились и оказали на вашу умственную жизнь, ваш духовный облик особенное влияние? Назовите хоть несколько таких книг. Попробуйте объяснить себе и мне, почему именно произвела та или иная книга такое сильное впечатление на вас, по вашему мнению, — потому ли, что она, например, говорила о предметах, особенно интересующих вас, вопросах „наболевших", или, быть может, потому, что в ней был затронут совершенно новый для вас вопрос, поразивший ваше воображение именно своей новизной. Быть может, наконец, увлекла вас форма изложения — образная и яркая. Попробуйте подробнее объяснить это как относительно беллетристических книг, так и научных. По первым отчасти можно судить о складе вашей души вообще, а по вторым — о складе вашего ума и развития. „Скажи мне, что ты читаешь с особенным удовольствием и что тебе в книге нравится,—и я скажу, каков ты". В этом изречении очень много верного, если только научиться отделять при этом впечатления случайные от постоянных и коренных. Особенно важно знать, каких писателей вы считаете самыми любимыми и перечитываете их по нескольку раз в течение, быть может, многих лет. Для наиболее плодотворной помощи в деле самообразования особенно важно знать о научных книгах (или даже статьях), которые понравились и оказались и понятными и интересными.

Digitized by Google

Постарайтесь назвать несколько таких книг (или статей), особенно из числа самых любимых.

б) Легко ли вам дается математика и какой именно отдел ее,—арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, высшая математика, и любите ли вы ее? Любите ли вы решать трудные математические задачи и как решаете их,—быстро догадываетесь о самой сути их или доходите до решения путем рассуждений (не боясь упорных и длительных). Любите ли вы читать математические книги?

в) Какие другие знания особенно интересуют вас, напр., ботаника, изучающая очень подробно всякого рода растения и их жизнь и распространение, рассматривающая каждое растение в отдельности, зоология, история, сообщающая вам множество фактов о прошлых временах? Любите ли вы знакомиться вообще с такими книгами и науками, из которых вы узнаете прежде всего очень много фактов? Или вас более притягивают к себе книги по тем наукам или отделам науки, где преобладают описания, или где, напротив, преобладают рассуждения? Не можете ли указать примеры? Какую книгу вы особенно любите читать,—с одними рассуждениями или с одним (или почти одним) перечислением фактов (есть много таких книг)? Любите ли вы книги с подробным описанием и изложением событий и вообще фактов? Или вам достаточно одного напоминания о факте, и вы уже оцените его в вашем уме?

г) Любите ли вы читать книги с рассуждениями, без фактов, такие книги, где одна мысль доказывает другую, одна на другую опирается, истина на истину? Напр., такова наука математика,—в геометрии, одни теоремы опираются на другие. То же и во многих философских книгах, содержащих только рассуждения. И в иных исторических книгах даются одни лишь рассуждения о фактах, а самые факты подразумеваются, как будто они уже известны.

д) Какова у вас память? Хорошая, средняя, плохая? Легко ли вы запоминаете, скоро ли забываете то, что запомнили? Хорошо или плохо запоминается вами то, что вас интересует и к чему вы отнеслись внимательно, не рассеянно? Что вы запоминаете легче всего,—факты, года, цифры, имена, формулы, рассуждения, стихи? Что остается у вас в голове крепче всего и дольше всего после прочтения книги,—факты, которые в книге рассказаны, или же общий ход рассуждения ее автора, т.-е. то самое, что он стремится доказать,—его доказательства?

Digitized by Google

е) Любите ли вы такие книги, которые написаны горячо, с настроением, с чувством? Или вы предпочитаете книги, изложенные бесстрастно и беспристрастно и отражающие все, что угодно, в роде того, как зеркало отражает жизнь. Не сердит ли вас многословие иных авторов (каких именно)?

ж) Любите ли вы стихи,—каких авторов и какие? А если нет, то что именно заставляет вас не любить стихов, т.-е. что вам в стихах не нравится?

з) Любите ли вы природу,—смотреть на нее, восхищаться ее общим видом, созерцать ее красоту? Или, быть может, вас больше интересуют и привлекают явления природы и причины их, и вы стремитесь узнать, при каких условиях и почему происходят такие-то явления природы, а стремление к познанию, быть может, отодвигает в вас на задний план стремление наслаждаться красотами? Или интерес к человеку, к людям и ко всему человечеству в вас так силен и ярок, что природа—небо, горы, равнины, растительный и. животный мир—кажутся вам слишком далекими и бледными?

и) Что собственно вы ищете в книге и чего требуете от нее прежде всего? Быть может, того, чтобы она прежде всего просветлила ваш ум, т.-е. давала бы только знание, объясняя то, что есть вокруг нас, возбуждала бы идеи, помогала передумывать их? Или вы ищете прежде всего такую книгу, которая учила бы вас „как жить", указывала бы смысл и цель для вашей жизни и деятельности? Или вы етремитесь почерпнуть из книги главным образом практические указания на то, как работать, вообще прилагать знания к вашей жизни, добиваться с помощью книги ваших житейских целей?

к) Пробовали ли вы когда-нибудь ваши силы в писательстве и вообще в творчестве и в каких именно областях жизни и мысли проявляли свой собственный почин (напр., научной, служебной, общественной деятельности)?

7. Впечатлительный ли вы человек, легко ли поддаетесь впечатлениям и влияниям? Легко ли раздражаетесь? Не страдаете ли нервными и другими болезнями, влияющими сильно и постоянно на ваше состояние духа? Не влияет ли на то же самое ваша обычная обстановка жизни?

8. Насколько велика ваша усидчивость? Можете ли вы, если позволяет время, заниматься без устали часов по 6—7 под ряд?

Digitized by Google

Или, быть может, желание и намерение в вас быстро вспыхивают, но быстро и погасают?

9. Насколько вы человек энергичный и вообще чувствуете ли в себе достаточно силы преодолевать препятствия на вашем жизненном пути? Бодро ли смотрите на жизнь? Не устрашает ли вас борьба с препятствиями? Не было ли в вашей жизни примеров такой борьбы, и выходили ли вы из нее победителем?

10. Есть ли у вас возможность добывать книги? Откуда и как? Из библиотеки? От знакомых? Покупаете? На какую сумму приблизительно? Вскладчину или за свой собственный счет?

11. Медленно или быстро читаете вы книги (как научные, так и беллетрические)? Не можете ли вы указать приблизительно скорость чтения (какие именно книги и с какой быстротой читали).

12. По скольку часов вы можете посвятить на чтение книг и на занятие самообразованием вообще? Не отпугивает ли вас толщина книги?

13. Читаете ли вы журналы и газеты, какие именно? Какие особенно любите? Какие выписываете сами?

На все эти вопросы ответы желательны, но не обязательны. Чем полнее и обстоятельнее ответы, тем лучше характеризуют они читателя, тем более вероятности не ошибиться, указывая ему необходимые для него книги.

Digitized by Google

Оглавление.

Стр.

Предисловие I

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Основные принципы и общий план самообразовательной работы.

Гл. I. Как приспособить самообразовательную работу к личным особенностям учащегося 1

Гл. II. Один из опытов приспособления самообразовательной работы к личным особенностям учащегося 12

Гл. III. Основные задачи и цель самообразовательной работы 19

Гл. IV. Общая постановка самообразовательной работы. Ее основные правила 31

Гл. V. Практика самообразовательной работы вообще и самообразовательного чтения в частности. Что искать в книге? 45

Гл. VI. Как читать хорошие книги возможно производительнее? . . . 66

Гл. VII. Главные ступени самообразовательной работы и выработка личности. От теории к практике. От книги к жизни 84

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Практика самообразовательного чтения.

Гл. VIII. В области интимных переживаний. Что и как читать по беллетристике 111

I. Что читать . . . . . —

II. Пособия для систематического беллетристического чтения . . . 119

А. Литература русская 123

1. Двадцать восемь русских авторов XIX—XX вв., знакомство с произведениями которых обязательно (в алфавитном порядке) —

Digitized by Google

Стр.

2. Русские авторы XIX—XX ст., знакомство с которыми рекомендуется 125
3. Современные писатели 128
4. Главнейшие русские критики XIX—XX ст. 130

Б. Литература иностранная (переводная) 131

Выдающиеся иностранные авторы, знакомство с произведениями которых рекомендуется:

1. Литература польская. . . . . —
2. Литература южных славян 132
3. Литература скандинавских народов. . . . . —
4. Литература немецкая. . . . . —
5. Литература английская и Соединенных Шт тов Сев. Америки. 133
6. Литература французская 134
7. Литература испанская 135
8. Литература итальянская . . . . . —
9. Литература ново-еврейская 136
10. Литература древне-греческая . . . . . —

Литература светлых и бодрых типов, творящих жизнь и умеющих жить полной, глубокой, напряженной и красивой жизнью . . . . . —

III. Как читать книги по беллетристике 139

IV. Беллетристика, как орудие эстетического развития 144

А. Примерные вопросы для художественной оценки лирических произведений 158
Б. Примерные вопросы для художественной оценки литературных произведений эпического типа 160
В. Примерные вопросы для оценки драматических произведений . 167

V. Беллетристика, как пособие для понимания и изучения интимной жизни человеческой души 170

Программа для исследования личных психических особенностей человека 176

1. Сторона интеллектуальная . . . . . —
1. Внимание . . . . . —
2. Ощущение, восприятие . . . . . —
3. Память. 177
4. Воображение . . . . . —
5. Мышление 178
6. Речь 179
7. Общие свойства умственной сферы 180

2. Сторона эмоциональная 182
8. Настроение и аффекты. . . . . —
9. Чувства, относящиеся к собственной личности 184
10. Чувства по отношению к другим людям 187
11. Высшие идейные чувства: интеллектуальное, эстетическое, нравственное, религиозное 188
12. Общие особенности эмоциональной сферы 192

Digitized by Google

Стр.

3. Сторона волевая 193
13. Движения . . . . . —
14. Психическая активность. Волевое усилие. Сила и слабость желаний и влечений. Общее развитие психической активности. Способность к сосредоточению волевых усилий. Большая или меньшая продолжительность волевого усилия. Способность задержки. Сопротивляемость внешним влияниям 194
15. Принятие решений. Процесс выбора. Преобладающие мотивы деятельности. Наклонность и борьба мотивов. Быстрота принятия решений. Устойчивость или неустойчивость принятых решений. Наличность руководящих идей 196

VI. Беллетристика, как пособие для понимания и изучения социальной жизни 198
1. Отношение человека к человеку вообще 201
2. Основы отношения человека к человеку 202
3. Основы общения людей. . . . . —
4. Формы общения . . . . . —
5. Общение с людьми другого пола . . . . . —
6. Отношение к людям другой национальности 203
7. Отношение к людям других сословий . . . . . —
8. Отношение к людям других общественных классов. Классовая психология 204
9. Отношение личности и государства. . . . . —
10. Отношение богатства и бедности. Филантропия 205
11. Психология семейных отношений . . . . . —
12. Психология отношений общественных 206
13. Психология разных общественных групп и общественные классы в связи с условиями их быта. (Крестьянство. Фабрично-заводские рабочие. Военные. Духовенство. Чиновничество. Поместное дворянство. Торгово-промышленный класс и купечество). 207
14. Психология общественной деятельности в лучшем, самом высоком смысле этого слова. Тип русской интеллигенции в художественной литературе 209
15. Об обыденщине и общественном болоте. 215
16. Государство. Государственный строй 216
17. Религиозно-церковный строй . . . . . —
18. Об отношении человека к природе, к Космосу 218
19. О смысле и цели жизни . . . . . —

Гл. IX. Два слова о публицистике 222

Гл. X. Наука и научное чтение. Круг знаний 242

Дополнение.

1. О предварительном расширении кругозора и о трех первых научных книгах 275
2. Кое-какие старые и азбучные истины, которые не мешает помнить и повторять всем работающим над самообразованием 280
3. О переписке с читателями 284

Digitized by Google

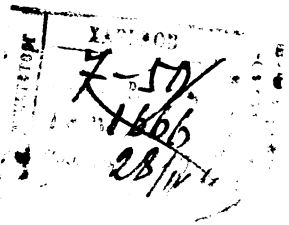
ОПЕЧАТКИ.

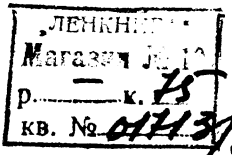
Стр.	*Напечатано:*	*Следует читать:*
139	II	III
144	III	IV
198	V	VI

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google





Digitized by Google

-075

89115662165

b89115662165a

Digitized by Google